

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ

2010 год

3 (19)

Литературно-художественный журнал

ЮБИЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ОБИТЕЛИ

Вологодчина торжественно отметила
750-летие Спасо-Каменного монастыря

Перед праздником Преображения Господня, 18 августа, архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан освятил Успенский храм в колокольне и совершил здесь Божественную литургию. Это, конечно, самое важное из всех юбилейных мероприятий: ведь теперь на острове в Кубенском озере есть возможность регулярно совершать главное православное богослужение.

Божественная литургия была совершена в Успенском храме и в день Преображения Господня. В этот же день завершилась экспедиция «По пути князя Глеба Васильковича», участники которой, члены клуба юных речников в Устье, прошли на весельной лодке от Белозерска до Спасо-Каменного монастыря. А представители белозерского исторического клу-

ба «Княжеская грядница» показали реконструкцию событий почти восьмивековой давности: они изобразили прибытие на остров князя Глеба, который, спасшись здесь от бури, дал обет поставить церковь. Это произошло в 1260 году, как гласит предание, и положило начало знаменитой обители.

Торжества не закончились в эти дни. 22 сентября в актовом зале Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря состоялась научно-практическая конференция «Спасо-Каменный монастырь в истории и духовной культуре России». В ней приняли участие священнослужители, ученые, писатели и краеведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Устья.

Андрей САЛЬНИКОВ

Фото автора и Алексея КОЛОСОВА

После освящения Успенского храма верующие крестным ходом обошли колокольню

В день Преображения Господня владыка Максимилиан освятил плоды

На юбилейных торжествах выступили архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан, первый заместитель Губернатора Иван Анатольевич Поздняков, профессор, доктор исторических наук Александр Васильевич Камкин, член Совета Федерации РФ адмирал Вячеслав Алексеевич Попов, председатель постоянного комитета по образованию, культуре и здравоохранению Законодательного Собрания области Людмила Георгиевна Ячестова

Игорь Ручин - руководитель «Княжеской гридницы» - высадился на Спас-Каменный, как сделал это 750 лет назад князь Глеб Василькович

Надежде Александровне Плигиной, хозяйке острова, в день юбилея монастыря подарили список старинного образа с изображением святых, подвизавшихся в древней обители

Архиепископ Максимилиан беседует с Валентиной Ивановной Гуркаленко. Она - известный кинорежиссер, заканчивает работу над фильмом о Спасе-Каменном и об Александре Николаевиче Плигине

Михаил Копьев.
Портрет поэта Николая Рубцова

В июле будущего года исполняется 50 лет со времени образования Вологодской писательской организации. Начинаем публикации материалов о вологодских писателях. Они принадлежат разным авторам, относятся к различным жанрам, но, по мысли составителя, объединяет их не только география. Заранее извинимся: наверняка мудрые и знающие любители литературы найдут в очерках и статьях какие-то лакуны, неточности; возможно, будут претензии и к выбору героев... Предлагаем всем участвовать в составлении книги о вологодских писателях - пишите нам, предлагайте, рассуждайте, вспоминайте...

И еще об одной дате: в декабре исполнится пять лет «Вологодскому ЛАДУ». И мы обращаемся к читателям с просьбой: напишите, пожалуйста, что вы думаете о нашем журнале, что вам в нем нравится или не нравится. Нам важно любое ваше мнение. Хороший журнал можно делать только вместе!

Читайте в номере

ПРОЗА

Повести Александра Грязева
и Александра Ломковского

ПОЭЗИЯ

Стихи
Александра Дубинина,
Веры Коричевой, Галины
Швецовой, Михаила Демашева

ГОД 65-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Воспоминания
Германа Воробьева о том,
как жили вологодские дети
в годы войны

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Полвека в русской литературе.
Статьи Валентины Старковой,
Владимира Кудрявцева, Сергея
Багрова о наших земляках-писателях:
Александре Яшине, Николае
Рубцове, Викторе Коротаеве,
Михаиле Сопине, Вячеславе
Хлебове, Алексее Васильеве,
Сергее Чухине, Александре
Романове, Юрии Ледневе,
Николае Дружининском -
к 50-летию Вологодской
писательской организации

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Главы из книги Вадима Дементьева
«Вологда и вологжане», краеведческие
очерки Анатолия Ехалова
«Универсальная деревня, или
Энциклопедия забытых ремесел»

ИСКУССТВО

Творчество Николая Мишусты
и Ивана Айвазовского

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Белов, И.А. Поздняков, В.В. Касьянов, В.Д. Воробьев,
священник Александр Лебедев, С.П. Белов, В.В. Дементьев, А.В. Камкин, П.Ю. Мухин,
А.К. Сальников (редактор журнала), А.А. Цыганов

ПРОСИТЬ У БОГА - ЕСТЕСТВЕННО

Священник Александр ЛЕБЕДЕВ

отвечает на вопросы
о Боге, вере и Церкви

Вот вы говорите: Бог благ, Его всеблагая воля. А как эта воля может допустить вечные муки, разве это справедливо: например, украл пять рублей - а мучаться не пять лет, не пятьдесят, а вечно? Это даже по самым варварским человеческим меркам дико. А вы приписываете Богу такое. Ведь Христос, проповедуя на земле, всех прощал, так почему бы не надеяться, что и в будущем всех простит?

В том, что у Бога хватит милости на всех, я не сомневаюсь, но, как мне представляется, далеко не каждый человек согласится быть помилованным. Не так давно в русском языке появилось слово «бомж». Сейчас, думаю, мало кто не знаком с представителями этого племени. Бомжей принято жалеть - и правильно, кое-кто пытается им помочь - и это верно. Но как это сделать? Дать денег - пропьют, неоднократно проверено на опыте, разве что накормить-напоить, ну и одеть-обуть. Находились на моей памяти доброты, пытавшиеся более радикально устроить жизнь одного из таких бродяг. Установили его личность, определили в ночлежку, стали хлопотать о признании его инвалидом, договариваться о помещении в интернат. Казалось бы, что может быть в данной ситуации лучше: получаешь документы, постоянный источник денег (пусть не таких уж больших, но всё же), регулярное питание и постоянное жильё. Догадайтесь с одной попытки: чем эта история закончилась? Через некоторое время этот несчастный из ночлежки сбежал: ничего из ожидавших его благ не смогло затмить перспективу вольной

жизни и неприглядной смерти в пьяном угаре в луже собственных нечистот под забором. Видимо, бомжевание для него по внутренним ощущениям было более ценным, более желанным, чем то, что ему предлагалось в качестве помощи, то, что принято называть сносной жизнью.

Я готов допустить мысль о том, что человек, подобно упомянутому бомжу, может сознательно избирать путь зла и мучений, и даже вечных мучений, и этот путь будет для него предпочтительнее вечной радости. Ведь что такое вечная радость? Это отблеск общения с Богом. А если человек с Богом не знаком и знакомиться не хочет? Будет ли для него богообщение радостным? Или мучительным? Скорее, такой человек изберет «бомжевание» в аду как вариант меньшего из возможных страданий. Как такого человека можно простить? Как сделать его способным прожить в раю? Операцию на мозге по изменению сознания сделать? Стереть прежнюю личность и перепрограммировать на вечный восторг? Но кем тогда будет результат перепрограммирования - весёлым зомби? Вы таким представляете себе население рая?

Тот, кто говорит, что Христос всех прощал - ошибается и, видимо, плохо читал Евангелие. Христос прощал далеко не всех, а лишь раскаивающихся грешников. Он Сам говорил: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (**Мф, 9,31**). А самодовольные и самодостаточные книжники и фарисеи, искренне не понимавшие, в чём им-то каяться, ведь они столько хороших дел совершают, - что они слышали от Христа? «Змии, порождения ехиднины! как

убежите вы от осуждения в геенну?» (**Мф. 23,33**). Раскаивается человек или не раскаивается - вот что важно для прощения, а не количество добрых или злых дел. Разбойник, с места казни сразу попавший в рай, имел безнадежнейший баланс добрых и злых дел, и наоборот - книжники и фарисеи, которым Христос предвещал геенну, имели, казалось бы, самый надежный профицит добрых дел. Так что более важно (признаю всю рискованность этого утверждения) не то, что ты делаешь, а то, кем ты являешься. Потому что именно цель поступка, внутренняя его мотивация, состояние сердца совершающего поступок человека делает его (поступок) добрым или греховным.

Как может Всеблагой Бог допустить вечность мук - для меня тоже загадка. Я бы рад, думаю, как и всякий другой, предположить, что мы, люди, просто как-то не так поняли Христа. Но чрезвычайно сложно как-то иначе понимать Его категоричные слова: «Если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает» (**Мк. 9, 43-48**) Какой яркий образ: червь не умирает и огонь не угасает! Разве возможно его понимать иначе как указание на непрекращающиеся муки?

Есть еще одна лазейка, позволяющая увильнуть от признания вечности мук: может, Христос нас - не знаю, как и сказать-то, - запугивает, что ли, чтобы неповадно было грешить? Кому как, но, на мой взгляд, такой педагогический прием, основанный на сокрытии и искажении истины, а стало

быть, на лжи, больше подходит к арсеналу не Отца Небесного, а «отца лжи» - дьявола.

Надежды на будущее всепрощение опираются на предположение о том, что когда человек лицом к лицу столкнется с ужасающей реальностью загробных мук, он истошно и судорожно обратится к Богу, хотя бы от страха, ища помощи. Увы, склонен думать, что это не так. Бог не откладывает возможность вразумления человека на потом, Он уже при жизни истощающе дает понять каждому, какое будущее может его ожидать, и если человек остается глух к этому здесь - таким же он будет и там. Вспомним богача из притчи Христа о богаче и Лазаре: он, будучи мучим в аду, попросил праведного Авраама: «Прошу тебя, отче, пошли его (Лазаря - **прот. А.Л.**) в дом отца моего, ибо у меня пять братьев, пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения». Авраам сказал ему: «У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их». Богач же сказал: «Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются». Тогда Авраам сказал ему: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (**Лк. 16, 27-31**). Вот так: не поверят, не ужаснутся и не станут пытаться избежать.

Согласовать существование Всеблагого Бога и существование вечных мук невозможно, но невозможно и обратное - отрицать благодать Бога или вечность мук. Мы сталкиваемся, как, впрочем, нередко случается в православном богословии, с антиномией, когда два по-видимому противоположных положения верны одинаково. Вспомним, к примеру, догматическую антиномию о единичности и троичности Бога. В случае с вечностью мук, на мой взгляд, мы сталкиваемся с чем-то подобным - с нравственной антиномией.

Почитал я Библию, а там - многожёнство: у Авраама, у Иакова по две жены, и ничего страшного - Бог с ними общается. Так почему же сейчас говорят, что, кро-

ме жены, не должно быть никого?

Есть такое выражение - из грязи в князи. Оно описывает внезапный переход человека из низменного состояния в достойное и почетное. Но оно пропускает некий промежуточный этап - отмывание от грязи. Любой, кто пробовал отмыть въевшуюся грязь, знает, что быстро это не получается, порой она в течение нескольких дней остается в складках и порах кожи и очень постепенно сходит. Нечто подобное происходит и с нравственной грязью - невозможно внезапно сделать человека добродетельным, его нужно долго воспитывать, постепенно ограничивая его низменные проявления. С этой точки зрения наличие двух жен у ветхозаветных патриархов, как, впрочем, и установление Мухаммеда, позволяющее иметь четырех жен, - это меры не разрешающие, а ограничивающие многоженство. Да, ограничивающие, и оставляя на волю вашей фантазии предполагать, каково же было положение с женским вопросом у племен, среди которых жили Авраам и Иаков. Женщина редко воспринималась в качестве человеческого существа, чаще - как некая одушевленная вещь, а кто может запретить (особенно богачу) умножать свое имущество? Наличие у патриархов, при всём их богатстве, всего лишь двух жен на общесторическом фоне, действительно, характеризовало их как людей повышенной нравственности.

История не стоит на месте, всё изменяется, в том числе и состояние нравственности. Изменения эти происходят закономерно, поэтому после перехода от многоженства к двоеженству вполне логичным представляется следующий переход - к моногамии. Люди (в большинстве известных сообществ), хоть и постепенно, но всё же приблизились к изначальному, райскому состоянию, когда «оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут два - одна плоть» (**Быт. 2,24**). Моногамия всё же заслуженно считается нормой.

Получается, что для древних патриархов двоеженство было шагом, приближающим их к раю, а для нашего современника это будет шагом в совершенно противоположную сторону.

Все чего-то хотят от Бога: кто - земного благополучия, а кто - небесного. Но нормальные, искренние отношения должны быть бескорыстны, по крайней мере, так это у нас, людей. Что же верующие с Богом-то торгуются? Это разве нормально?

Чего-то хотеть от Бога не постыдно, а естественно. Для человека вообще естественно оценивать все явления окружающего мира с точки зрения полезности. Поэтому отсутствие каких-либо желаний по отношению к Богу говорит о том, что Бог не воспринимается как реально существующая и действующая величина; существование Бога, возможно, признаётся, но Он выносится за скобки нашей жизни, человек живет помимо Него. И с этой точки зрения тот, кто имеет хоть какие-то, пусть и корыстные, интересы к Богу, лучше, чем тот, кому Бог не интересен вовсе.

Есть такое направление в религиозной философии - деизм. Он говорит, что Бог создал мир как некий механизм, запустил его, как заводят часы, и удалился - дальше всё идет само собой по отлаженным законам и не требует вмешательства. Верующие же считают, что Бог не только «где-то там» существует, но ежесекундно участвует в нашей жизни. Поэтому возможно то, что принято называть религией, то есть связью с Богом. И это - самое важное из всего, что может человек от Бога хотеть.

Конечно, корыстное отношение к Богу возможно, человек может исполнять заповеди и считать, что Бог ему за это чем-то обязан, но такого человека ждет большое разочарование. Христос об этом предупреждал: «вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (**Лк. 17,10**). В том, что чело-

век соблюдает заповеди, особой его заслуги нет, как нет заслуги рыбы в том, что она плавает, а птицы в том, что она летает - все они лишь живут в соответствии со своей природой. Человеку естественно быть нравственным, как рыбе - плавающей, а птице - летающей. Главное желание и стремление православного человека - попытаться вернуть то естественное нравственное состояние, которым обладали люди в раю. Так что единственная наша корысть - быть такими, какими нас задумал Бог. А чего еще сверх этого, каких других благ можно хотеть от Бога?

Бог есть любовь, и главная заповедь - это заповедь о любви к Нему, и если она (любовь) есть, то все отношения, даже корыстные, приобретают особый оттенок. Нечто подобное мы видим в отношениях родителей и детей. Родители заботятся о детях, эта забота имеет материальное выражение, и дети этим пользуются - это естественно, а могут и дополнительно родителей о чем-то просить - это не менее естественно, но никому в голову не придет утверждать, что детская любовь к родителям - это любовь неискренняя, продажная, любовь за деньги или за чупа-чупсы. Подобным должно быть наше отношение к Богу, ведь не ради красного словца мы Его называем Отцом, а Он нас - детьми.

Мне как-то стыдно исповедоваться. Я не безгрешен, признаю, и о многих моих делах сожалею, но зачем о них знать священнику? Это так унижительно. Неужели это необходимо ради прощения грехов?

Это действительно необходимо потому, что в деле прощения грехов не мы, люди, определяем правила, следовательно, не нам их и отменять. Так установил Христос, что в Церкви есть лица, имеющие от Бога власть прощать грехи, лица, через которых Святой Дух непостижимым действием очищает душу кающегося от грехов. Однажды, после Своего воскресения Христос явился ученикам, «дунул, и говорит им: примите Духа Святого.

Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 22-23). Речь здесь идет не просто о прощении обид, - все мы призваны прощать грехи ближних против нас. Речь об особом действии, на которое стали способны апостолы в силу некоего воздействия Святого Духа, - о прощении грехов от лица Бога. Как известно, апостолы рукоположили себе преемников, передав им власть прощать и оставлять грехи, подобным образом власть эта в Церкви передается по сию пору, и ею обладает духовенство - епископы и священники.

Поделюсь личными переживаниями по обсуждаемому вопросу: я тоже был бы рад, если бы прощение грехов подавалось людям через какую-то иную процедуру. Мне, как священнику, поверьте, не составляет удовольствия приобщение к знанию неприглядных сторон душ и жизней людей. Однако приходится принимать то положение дел, которое существует.

Стыд в деле исповеди нормален, естественен, но его нужно не то что побороть (если поборешь - рискуешь стать бесстыжим), а пережить, перетерпеть. Есть кое-что, что помогает согласиться на прохождение сквозь стыд признания своих грехов. Прежде всего нужно понимать, Кому мы исповедуем свои грехи - не священнику, а Богу, поэтому и стыдиться нужно не священника, а Бога. Чаше всего боятся: «Что подумает обо мне священник? Он, наверное, будет меня презирать». Всё это совершенно не важно, а важно: простит ли меня Господь или нет, исцелит мою душу, очистит от грехов - или мне придется и дальше идти по жизни, чавкая ногами в жиже болота своих грехов, погружаясь в него всё глубже и глубже, пока не... Даже подумать страшно, что может ожидать в итоге.

Во-вторых, не помешает знать, что тот стыд, который нас отпугивает от исповеди, нам всё же неизбежно предстоит перенести, и в гораздо большей степени, на Страшном суде, когда наши греховные язвы станут явными

не только для нас, нашей совести, но и для всех других. Христос говорил, что всё тайное станет явным. Без всяких преувеличений, щемящий душу страх и стыд берет при мысли о том, что греховные наши дела, движения души, которые мы привыкли скрывать от других, в которых мы сами себе часто боимся признаться, станут очевидны всем. Всем! Так что человек, сгорая от стыда приносящий исповедь, избегает еще большего стыда в будущем, когда грехи, изглаженные из души покаянием, Господь не помянет.

Тем же, для кого имеет значение, что подумает о приносящем исповедь священник, скажу, что страх и стыд - это только часть тех чувств, которые испытывает человек на исповеди. Если пройти через их очищающее действие, то на смену им приходит радость. Совершенно особая радость, в которой есть и облегчение, которое ощущается чуть ли не физически; и успокоение совести; и переживание примирения с Богом, похожее на чувство возвращения в родной дом, где все тебя любят и ждут; и надежда на начало жизни «с чистого листа»; и благодарность Богу за спадающую с души гору грехов. К моему великому счастью, это чувство обоюдное: и кающегося, и исповедующего. Поэтому я искренне благодарен Богу за то, что Он дал мне эту радость в жизни - принимать исповедь, быть свидетелем возрождения душ человеческих.

У меня есть грех, который я осознаю, но понимаю, что прекратить его не смогу. Если я придду на исповедь, то не будет ли это лицемерием: просить прощения, зная, что буду продолжать грешить?

Исповедь часто сравнивают с лечением. Это, действительно, хорошее сравнение. Подходит оно и к нашему вопросу. Когда мы обращаемся к врачу за помощью? Когда болезнь уже прошла или же когда чувствуем, что не можем от неё вылечиться? В первом случае обращение к врачу бессмысленно, а вот второй случай - как

раз наш. Именно тогда и нужно идти, бежать на исповедь, когда мы понимаем, что своими силами ничего с нашими грехами поделать не можем. И в том, что человек это признаёт, нет никакого лицемерия. По большому счету, никто из нас не может дать гарантии неповторения любого из наших грехов, ведь бывало же такое в жизни - совершаешь поступок, допускаешь мысль, испытываешь чувство, которых сам от себя не ожидал. Так как же мы можем быть уверены в том, что не повторим того или иного греха? И неужели теперь все наши исповеди лицемерны? Конечно, нет.

В исповеди важно отношение человека к греху - признание его (греха) постыдным, грязным; важно и намерение человека - бороться с этим грехом, несмотря ни на что, даже на отсутствие сил. Если то и другое в сердце есть - исповедь настоящая. Ведь главное в борьбе с грехом - ввязаться в битву, пусть и безнадежную, потому что лучше быть побежденным в бою, чем сдавшимся без малейшего сопротивления.

Ощущение собственного бессилия перед грехами учит нас правильному отношению к исповеди как средству помощи в преодолении этого бессилия. Ведь исповедь - не монолог, исповедь - Таинство, а значит, кроме внутренних переживаний человека, молитв и внешних действий священника, в ней есть еще и действие Бога. Действие не только очищающее, но и укрепляющее. Надежда на то, что с помощью Божией, и только с ней, возможно (рано или поздно - это уже другой вопрос) преодоление грехов, побуждает человека идти на исповедь, даже если он предполагает, что не сможет оставить своего греха. Так что каяться нужно и в грехах, и в своем бессилии, после исповеди - бороться с грехами, хоть минуту, час, два, день прожить без них, уж если падать, то не без боя, и потом опять приносить покаяние. И так всю жизнь.

Покаяние должно быть искренним, с этим я согласен. О серьезных грехах, понятно, можно ис-

кренно переживать, а как возможно глубоко раскаиваться в мелочах? Глупо как-то рвать на себе волосы из-за безбилетного проезда, например?

Прежде всего хотелось бы предостеречь от классификации грехов по принципу их величины. Один большой камень, несколько кирпичей или мешок с неисчислимыми песчинками, привязанные на шею человека, одинаково увлекут его на дно. Так и с грехами - губительны все до единого.

Кроме того, человеческие инструменты по измерению грехов очень несовершенны и далеко не совпадают с эталоном мер Бога. Например, среди людей считается, что слово «весит» меньше, чем дело, грех языком простительней греха руками. Но вспомним разбойника на кресте - несколько его слов перевесили всю его греховную жизнь, а он в течение этой жизни наверняка и убивал, и грабил. Или вспомним молящегося фарисея из притчи: несколько слов его молитвы (молитва, казалось бы, - хорошее дело) свели на нет плоды его добродетельной жизни (см. **Лк. 18, 9-14**). Так и мы, разделяя грехи на большие и малые, рискуем жестоко ошибиться. Не забудем, на кону - наша жизнь, вечная жизнь.

Кроме того, грехи, которые мы ощущаем как мелкие, как правило, самые въедчивые, от них очень трудно избавиться. Есть притча о некоем старце, позвавшем двух своих учеников и наказавшем одному принести с берега реки самый большой камень, который он сможет поднять, а другому - мешок мелких камней. Когда оба ученика справились с заданием, он предложил им вернуть камни на свое место. Ученик с большим камнем справился быстро, второй ученик так весь день и ходил с мешком, а затем вернулся к старцу и признался в своем бессилии выполнить послушание. Так и с грехами. Раскаившийся, например, в убийстве, человек имеет неизмеримо больше шансов не вернуться к своему греху, нежели раскаивающийся, допустим, в осуждении.

Рвать на голове волосы из-за без-

билетного проезда, согласен, странно, но размышления над причиной этого грешка вполне могут дать повод для такого поведения. Представим себе людей, купающихся у берега моря. Вдруг все они стали поспешно из моря выбегать, и лишь один купальщик остался в воде. Спрашивает людей, чего они испугались, ему указывают на рассекающий волны треугольный плавник. «Какая ерунда! - заявил этот человек, - эта штукавина и всего-то размером с ладонь, нашли чего бояться!» Бедняга, видимо, не знал, что в море водятся акулы. Вывод из притчи сделать нетрудно: всё серьезней, чем может показаться.

Давайте попробуем проанализировать причину безбилетного проезда. Конечно, причин может быть несколько, и различных, но предположим, что в данном случае это жадность. Ну, пожадничал человек, бывает. А теперь посмотрим, насколько глубоко жадность в нас укоренилась: как часто мы от себя что-либо отрываем и другим отдаем, не пытаемся ли мы милостыню заменить подачками, не давит ли нас жаба, когда приходится жертвовать чем-то по-настоящему значительным, не стремимся ли мы брать что получше себе, а не оставлять другим. Можно еще поэкспериментировать: отказать себе в каком-то удовольствии, например - не поехать «на юга» в отпуск, а отложенные с этой целью деньги потратить на дела милосердия. Слабо? Вот и получается, что проезд «зайцем», подобно плавнику акулы, - это лишь малая часть хищной и жадной гадины, которая скрывается в глубинах нашей души - страсти сребролюбия. Так что есть все поводы серьезно задуматься о своей безопасности.

Как часто нужно исповедоваться?

Исповедоваться нужно каждый раз, как чувствуется к этому потребность. Здесь, как и во многом другом, нужно искать золотую середину. Редкая исповедь приводит человека в расслабленное состояние и способствует умножению грехов. Есть такое

наблюдение: человек обходит лужи до тех пор, пока не промочит ноги, а потом ему становится всё равно - шлёпает направо. Так и с грехами: совершил человек некий грех раз, два, а там и дальше покатило - всё равно ведь если придется каяться, то «оптом» сдать грехи проще, чем в «розницу». «Семь бед - один ответ» - это психологически как-то комфортней, чем семь бед - семь ответов. Беда в том, что подобная комфортность укрощает совесть, делает её покладистой, беззубой, а исповедь - бесплодной. Ведь Бог милует человека не за отчет о проделанных грехах, а за сокрушенное сердце, и если сокрушения нет, то на помилование рассчитывать трудно.

С другой стороны - частая исповедь тоже может снизить остроту покаяния. Когда человек часто исповедуется, как правило, в одних и тех же грехах, он рискует привыкнуть к исповеди, низвести её до уровня обыденного дела, лишит её остроты и глубины переживаний. Следовательно, плоды и такой исповеди малозаметны. Крайности, как говорится, сходятся.

Поэтому нужно чутко прислушиваться к себе, своему внутреннему состоянию и, балансируя между крайностями, идти средним путем. Все люди разные. То, что для одного - часто, другому может быть редко, так что конкретных предписаний о рекомендуемом количестве исповедей в течение года я дать не могу. Но, в любом случае, исповедоваться нужно не однажды, а несколько раз в году, если есть такая возможность.

Я видел, что в храме на исповедь одни люди подходят с записочками и по ним читают свои грехи, а другие просто так говорят. А как правильно?

Может быть, повторюсь, но скажу: главное условие правильной исповеди - это её искренность. Если записочки этому способствуют - значит, они полезны и правильны, если мешают - соответственно, вредны. Для чего бывает сподручна записка? Для

полной и точной исповеди. Многие приходящие на исповедь люди, особенно непривычные к этому делу, часто теряются. Пока стоишь, ожидая своей очереди - в уме неоднократно «прокручиваются» грехи, о которых нужно упомянуть на исповеди. Но когда встал перед Крестом и Евангелием - все мысли разбежались, и значительная часть грехов, требующих раскаяния, выпала из головы. Это естественно. Грех паразитирует на нашей душе, и как только чувствует приближение исповеди, опасность быть раздавленным, он прячется в закоулках сознания, подобно тому, как разбегаются по щелям тараканы, если внезапно включить свет в помещении, где они хозяйничают. В этом случае записка помогает заранее продумать, осмыслить исповедь, сделать её полной, не упустить ничего из того, что требуется подвергнуть очистительному действию таинства покаяния.

Вредной записка с грехами становится, если исключает или ослабляет покаянный труд души. Если по ней (по записке) человек зачитывает, часто - торопливо, перечень грехов, как отчет о проделанной работе. Между стремлением ничего не упустить на исповеди и стремлением искренно попереживать о содеянном крен все же должен быть в сторону душевных переживаний. Милость Божия изливается всё же на сокрушенное и смиренное сердце (см. **Пс. 50,19**), а не на подытоживающий греховную деятельность рассудок.

Кстати будет дополнить ответ замечанием, что в исповеди имеет значение и то, в какие слова облачается именование того или иного греха. Слова должны открывать, обнажать, а не скрывать грех. Уж если приносится покаяние во лжи, то пусть это будет ложь, а не неправдоглаголение, если болтливость, то - болтливость, а не многоглаголение. Иначе стремление придать своему греху неотталкивающее звучание может привести к тому, что убийцы начнут каяться в человекозарезании. За всем этим стоит какое-то странное желание не уронить свой имидж в глазах исповеду-

ющего, сгладить свою вину, изобразить свой грех менее значительным, чем он есть. Чтобы такого не допустить, нужно перед исповедью себе напоминать, для чего ты идешь на покаяние: чтобы каяться или чтобы оправдываться?

Вот говорят: это - грех, то - грех. Насчет убийства, например, я не спорю, а вот почему, как я слышал, красить могильные ограды в високосный год - грех? Есть ли какие-то признаки, по которым можно узнать, что грех, а что - нет?

Признаки такие есть, самый яркий - это наша совесть. Если она неспокойна - значит, есть опасность греха. Потому, кстати, она и называется совестью, со-веданием, что благодаря ей человек ведает, что творит, понимает: по-божески он поступает или нет. Однако известно, что совесть поддается приручению и может молчать тогда, когда должна тревожить, и наоборот (что происходит реже) - найти повод для сомнения там, где его нет. Поэтому совесть нужно поверять по Евангелию - читать его чаще и спрашивать совесть: а так ли мы живем, как нам Христос заповедал? Чтением Евангелия со временем у человека вырабатывается особое нравственное чутье, благодаря которому можно, не вдаваясь в глубокий анализ головоломной ситуации, определять её (ситуации) нравственный заряд - положительный или отрицательный. Ведь для того, чтобы определить, испортилась пища или нет, не обязательно отдавать её на экспертизу - достаточно просто понюхать. Подобным образом помогает человеку и нравственное чутье.

Что касается могильных оград, упомянутых в вопросе, то здесь мы сталкиваемся с суеверием. Главная отличительная черта суеверия - его нелогичность, бессмысленность. Ну, в самом деле: почему нельзя красить ограды в високосный год? Есть этому какое-либо объяснение? Очень сомневаюсь. В запретах же, если они налагаются на человека Церковью,

всегда есть смысл, и всегда он восходит к ключевому моменту - соответствию наших поступков воле Божией. Классическое определение греха, кстати, так и звучит - нарушение воли Божией.

Так что в следующий раз, когда нам придется столкнуться с утверждением, подобным упомянутому високосногодному запрету, прибегнем к излюбленному детскому вопросу: «А почему?»

В церковных книгах часто встречается слово «страсть», но не могу понять, в каком смысле. Например, страсть отчаяния - это что, стремление совершать рискованные (отчаянные) поступки? Или страсть уныния - вообще непонятно, как можно страстно унывать?

Есть такая церковная наука - аскетика, как всякая наука, она имеет свою терминологию. Встречающееся в церковных книгах слово «страсть» - это как раз аскетический термин. Это церковнославянское слово, переводимое на русский язык как «страдание». Называют страсти страстями по результату их действия на душу человека - они всегда приносят мучения, потакание страстям умножает страдания человека и его окружающих. В современном русском языке слово «страсть» употребляется в другом смысле, оно описывает особое напряженное эмоциональное состояние человека. Отсюда и недоумение автора вопроса. Знакомясь с церковнославянским языком, подобные случаи переквалификации слов встречаешь нередко. Например, в церковно-славянских текстах равнодушный человек - это близкий друг, равный по душе. Сейчас же мы так назовем человека, безразличного к окружающим.

Страсть я бы попытался объяснить как некий внутренний, в душу человека внедрившийся корень греха, его (греха) основание и источник. Это состояние души, которое обнаруживает себя в грехе, подобно тому, как радость обнаруживает себя в улыбке.

Человеческие чувства могут переживаться и без видимых проявлений, так и страсть в человеке тоже может существовать, внешне никак не проявляясь. В самом деле: если связать кого-либо по рукам и ногам, завязать глаза и заклеить скотчем рот - грешить он не сможет, но безгрешным от этого не станет, грехи его будут томиться до поры до времени, чтобы при первой же возможности пустить побеги, как сорняк, отродившийся от остатка корня в земле. И пока в нашей душе та или иная страсть не искоренена, она неизбежно при каждом удобном случае будет прорастать и приносить греховные плоды. Все наши грехи - это побеги от корня той или иной страсти. Количество страстей ограничено. Большие специалисты в этой области - святые Отцы - выделяют следующие страсти: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Некоторые объединяют печаль и уныние в одну страсть, и таким образом их получается семь. Спаситель говорил: «Исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - всё это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7, 20-23). Эти слова довольно точно можно приложить к описанию действия страстей: если какая-либо из них завладела сердцем человека, то она придает особую окраску всем или почти всем его (человека) словам и поступкам. Среди страстей есть родоначальница, от которой произошли все остальные страсти - это гордость, чрезмерно раздутое «Я». Отсюда и борьба со страстями, искоренение их возможны только тогда, когда человек старается преодолеть не только ту или иную страсть, но и саму гордость.

Упомянувшееся отчаяние - это состояние разuverенности человека в возможности своего спасения. Обычно это ощущение нападает после совершения какого-либо греха, оцени-

ваемого человеком в качестве греха непростительного. Конечно, есть грехи тяжкие, и совестливое, мучительное их переживание естественно для человека с нормальной нравственным чувством. Отчаяние начинается тогда, когда проявляется маловерие, когда человек считает, видимо, судя по себе, что Бог не сможет простить такого грешника, как он. А если всё равно погибать, то нечего мелочиться, нечего пытаться не грешить; погибать, так с музыкой - и человек пускается во все тяжкие.

Уныние - это тоже состояние разuverенности человека, но не в милости Божией, а в себе, в своей способности достичь спасения. Неуспешно попытавшись не грешить раз, два и три, человек поддается ощущению, похожему на то, что сейчас называют комплексом собственной неполноценности. У человека опускаются руки: зачем делать вообще что-либо, если итог и так известен - недостоин я Царства небесного. Уныние по корню своему очень похоже на отчаяние, противоположно лишь по проявлению. Отчаяние - активное, а уныние - пассивное проявление маловерия. Поэтому состояние отчаяния, если строго следовать классификации, можно отнести к проявлению страсти уныния.

Как ни странно может показаться, но и отчаяние, и уныние - это проявления гордости. В первом случае человек присваивает себе право решать от лица Бога: какой грех простительный, а какой - нет. Свое мнение: «Как МНЕ кажется» человек принимает во внимание более, чем множество примеров неизмеримой милости Божией. Во втором случае человек склонен не принимать во внимание участие Бога в деле нашего спасения. У истока уныния лежит мысль: «Я спасаюсь САМ», а уныние - всего лишь плод разочарования в своем самомнении, когда действительность эту мысль опровергает. В обоих случаях человек замкнут на себе - а это и есть гордость.

Как бороться с подобными состояниями? Прежде всего, постараться разомкнуться, вспомнить о Боге, о

том, что Он есть любовь, принести Ему покаяние в содеянных грехах, пусть и в сотый-двухсотый раз. Нужно постараться расшевелить в себе «чаяние паче чаяния» как называл это чувство преподобный Кассиан Римлянин, то есть надежду на милость Божию, несмотря на всю кажущуюся безнадежность прощения и исправления. А еще святые Отцы советуют больше трудиться, чтобы унынию не было времени разъесть мысли, а еще помогает искреннее бескорыстное доброе дело.

Можно ли пользоваться косметикой?

Я склонен считать, что всё хорошо в меру, и склонен распространять это мнение на употребление косметики. Прежде всего, конечно, стоит оговориться об оздоровительной косметике, употребление которой имеет целью сохранение телесного здоровья, - в этом случае поводов для настороженного отношения я не вижу. Появляются они (поводы насторожиться), когда речь заходит о косметике как способе украшения тела.

Как всегда, для того, чтобы дать оценку явлению, нужно постараться выяснить побуждающие его причины. Ради чего употребляется косметика: чтобы скрыть какие-то недостатки - или же для того, чтобы привлечь внимание окружающих. К первому случаю я отношусь именно так, как и говорил - косметика хороша в меру. Стараемся же мы бороться, например, с запахом пота, который, хоть и естественен, но неприятен для окружающих. Подобным образом, я думаю, возможно уменьшить неприятное впечатление от дефекта своей внешности, скрыв его с помощью косметики.

А вот во втором случае косметика приобретает характер боевой раскраски. Индеец своим размалеванным лицом честно предупреждал каждого встречного о своих недобрых намерениях: «Ищу врага». Подобным образом и боевая раскраска женщины (во избежание обвинения в гендерном подходе к явлению нужно заме-

нить, что с недавних пор не только женщины, но и своеобразного склада мужчины) несет в себе определенную информацию. Осознанно или нет, но такая женщина предупреждает встречных о том, что она находится в состоянии поиска, но не врага, а ... самца. Неприятно, конечно, это говорить, но как иначе расшифровать подобную нателную живопись? «Ищу уединения?» «Не хочу привлекать внимания?» - вряд ли. Еще один, по-моему, приемлемый вариант расшифровки: «Мне нравится, когда меня рассматривают». Он просто неизбежно логически разворачивается далее: «Рассматривают - значит, и оценивают», а оценивают на предмет чего? На предмет привлекательности, и, согласитесь, не интеллектуальной, а телесной, острее - физиологической.

Трудно сочетать такую озабоченность с православным мировоззрением и самоощущением. И по мере того, как человек это осознает (заметьте, слово «человек» я употребил по отношению к женщине), вопрос об употреблении косметики сам собой отпадает. Поэтому в своей пастырской практике я не считаю необходимым усердно бороться с употреблением косметики, проще и лучше - помочь человеку вжиться в систему православных нравственных ценностей, и тогда употребление косметики само собой минимизируется до вполне приемлемого и оправданного.

Можно ли общаться с людьми другой веры? А дружить? А молиться за них?

Думаю, что на все три вопроса можно ответить «да». Теперь выскажу соображения по каждому вопросу в отдельности. Если бы существовал запрет на общение с людьми другой веры, христианство погубило бы в зародыше, ведь такой запрет делает невозможным проповедь Евангелия. Другое дело, что такое общение делает возможным и противоположное: переход из христианства в другую веру. Но если попытаться исключить из жизни всё, что потенциально может привести к утрате или перемене

веры, то придется заткнуть уши, завязать глаза и в одиночестве влачить свое существование. Не думаю, что кого-либо такой образ жизни устроит, не думаю также, что и Бога мы этим порадуем. Поэтому, на мой взгляд, в общении с иноверцами нужно провести некую черту между отношениями в повседневных делах и в вопросах веры. В повседневных делах - полная свобода общения, в рамках, конечно заповедей. В вопросах веры возможен обмен мнениями, обсуждение особенностей вер, сравнение их - всё это очень интересно и к тому же заставляет лучше узнать свою веру и тверже её придерживаться, ведь волей-неволей в таком случае человек становится или защитником, или проповедником христианства. И в этом деле важно помнить, что особую убедительную силу имеют не столько слова, сколько дела. Христос об этом говорил: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5,16). Прервать общение с иноверцем, как, впрочем, и с любым другим человеком, следует в том случае, если мы наталкиваемся на навязывание своей веры, когда человек даже не пытается соотносить свои проповеднические усилия с нашим желанием их воспринимать, если мы слышим откровенную и сознательную хулу против нашей веры, если собеседник одержим спором по вопросам веры. Когда человек по отношению к нам глух, то вряд ли возможна и имеет смысл «игра в одни ворота».

Дружба между людьми разных вер не только возможна, но и желательна, она, безусловно, лучше вражды. Рассказ Лескова «Сказание о Феодоре-христианине и о друге его, Абраме-жидовине» описывает пример такой дружбы между христианином и иудеем, дружбы, прошедшей через серьезные испытания, в том числе и через испытание рознью. И хотя со всеми мнениями, вложенными автором в уста своих героев, я согласиться не могу, но главная мысль их рассуждений верна: тот, кто находится в

состоянии вражды, далек от Бога, каким бы он Его ни представлял. Если человек с ближним не может наладить отношения, то как он сможет наладить отношения с Богом, столь далеким от нашего разума?

Молитва за иноверных возможна, но, разумеется, с оговорками. Поскольку человек не изъявил желания присоединиться к Православной Церкви, она (Церковь) не может навязывать такому человеку своих молитв. Поэтому церковное поминовение иноверцев на литургии, молебнах, панихидах, иных молитвенных последованиях не совершается, за них не подаются записки о здравии и упокоении. Единственный способ возможного их церковного поминовения - это звучащее на литургии и других службах прошение «О богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея». Когда мы так молимся, то, естественно, имеем в виду, что не все представители нашей страны, власти и воинства - православные.

Есть еще такое понятие, как молитва келейная, то есть личная, совершаемая человеком в келье (то есть дома), наедине с Богом. В такой молитве можно и нужно поминать и своих знакомых иноверцев, если к этому подталкивает нас чувство дружбы. Помня о том, что Бог любит каждого человека и даже каждую тварь, мы можем просить Его о том, чтобы Он не обделял тех, за кого мы молимся, Своими благами, нашел ключик к их душам и привел к величайшему из возможных благ - познанию Себя.

Что такое прелесть? Читаю какую-то церковную книжку и никак не пойму: прелесть, оказывается, что-то плохое, а я привыкла, что так говорят о чем-то достойном восхищения.

Церковное слово «прелесть» можно понять, если обратиться к его корню - «лесь». Лесь - это род лжи, и прелестью называют такое состояние человека, когда он находится в ложном мнении о себе, своем духовном состоянии. Он прельщается относительно качеств своей души. Один из

самых распространенных примеров такого состояния можно проиллюстрировать на любом из нас. Потому что каждый из нас ощущает себя хорошим человеком, а это - ложь, это самообман, это лесть себе, то есть - прелесть.

Состояние прелести чрезвычайно губительно. Ведь если человек опасно болен, но этого не осознает или не хочет осознавать, то он, соответственно, не предпринимает мер к лечению и, соответственно, болезнь его одолеет - он умрет. Наряду с болезнями тела есть и болезни души, и если на них не обращать внимания, они также приведут человека к смерти духовной, к гибели души, к ее вечным мукам.

Выздоровление человека начинается не иначе как с осознания того, что он болен, с постановки диагноза. Поэтому чрезвычайно важно каждому из нас увидеть - где и в чём мы прельщаемся относительно себя. Вернемся к нашему примеру. Почему я (как и каждый другой) считаю себя хорошим человеком? Я могу, конечно, говорить, что я не такой уж и хороший, далеко не идеальный, но, поверьте, я просто так говорю, а внутри чувствую совсем другое. Ну-ка, кто-нибудь, обратись ко мне грубо, задень мое самолюбие - я возмущусь, потому что считаю себя достойным лучшего отношения, потому что чувствую себя хорошим.

Откуда проистекает такое самомнение - не секрет. Всё познается в сравнении. Мы всегда, сознательно или неосознанно, сравниваем себя с другими, и в результате этих сравнений получается примерно такая картина. Сосед мой пьет каждый день, а я - через день, следовательно, он - плохой, а я - ...? Хороший! Сосед бьет жену каждый день, а я - только по выходным, значит, он - плохой, а я - ...? Хороший! И так далее, и тому подобное. Так уж устроен каждый из нас, что мы найдем, с кем себя сравнить и почувствовать себя неплохим, в сущности, человеком. Поверьте, мне приходилось слышать: «Но ведь зря-то я никого не убивал!» Нет предела нашему самообману, нашей прелести.

Как же быть, как увидеть, каков я на самом деле? Опять же - в сравнении. Только для него (для сравнения) нужно смотреть не на соседа, а на Того, Чье имя мы носим - на Христа и сравнить свои и Его поступки, мысли, отношения с окружающими. Он - пример того, каким должен быть обычный, нормальный человек, и как этот человек должен относиться к другим. Пожалуй, о самом ярком примере отношения Христа к людям нам напоминает крест, который мы носим на груди. На кресте Христа распяты, в живого заколачивали гвозди. Нам, современным людям, для которых «больно» - это когда палец иголкой уколол, невозможно даже представить, какую боль испытывал Христос. Ужасную. Но как Он вел Себя по отношению к людям, которые Ему эту боль причиняли: ругался? матерился? плевался? проклинал? Нет - молился. И молился не о том, чтобы злодеяния Его распинающих были отомщены, а наоборот: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23,34). Негодяи в Христа гвозди заколачивают, а Он заботится о том, чтобы они избежали за это кары, чтобы не пострадали за совершенное!

А теперь сравним это с тем, что происходит в нашей жизни. И мы увидим, что нет никакой необходимости заколачивать в нас гвозди, достаточно нам на ногу наступить, впрочем, даже физического воздействия не нужно, достаточно кому-нибудь сказать несколько слов поперек нас - как мы отнесемся к такому человеку, что мы почувствуем по отношению к нему? Заботу? Неприязнь! И чаще всего - ярко выраженную. Какие там гвозди! Достаточно двух-трех слов, чтобы наша «хорошесть» слетела как шелуха и проявилось то, какие, оказывается, мы есть на самом деле. Никаких эпитетов не подобрать, насколько ощутима разница между тем, какими мы должны быть, и тем, какие мы, к сожалению, есть на самом деле!

Если человек осознаёт или хотя бы пытается осознать это, - возможно его выздоровление, если нет - так и бу-

дет всю жизнь катиться под гору, надевая безнадежно розовые очки при каждом взгляде на себя. И нетрудно догадаться, что сквозь стекла этих очков все будет выглядеть просто прелестно!

Что такое духовная цензура? Нужна ли она, не достаточно ли указать автора, чтобы его авторитет сам говорил о содержании книги - достойна она доверия или нет?

Духовная цензура в широком смысле этого слова - это суд, суждение Церкви о том или ином учении. Поскольку любое учение выражается в словесных формулировках, а они чаще всего фиксируются письменно, то духовная цензура в узком смысле слова - это суждение Церкви о содержании того или иного издания. Ранее цензура распространялась на письменные источники, сейчас, естественно, она распространяется и на электронные носители информации. Цензура в Церкви, да и в жизни, необходима, нельзя же игнорировать вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо?». Вот Церковь и говорит, как то или иное утверждение, то или иное издание соотносится с православной верой. По-моему, это естественно.

Конечно, если указан автор книги, то именно он несет ответственность за её содержание, и до тех пор, пока он не касается вопросов веры, какие-то официальные заявления Церкви о качестве содержания книги излишни. Зачем, например, давать оценку каким-нибудь заметкам любителя путешествий, да и как оценивать такие произведения: с точки зрения целесообразности проложенного маршрута? Но Церковь - не географическое общество и попросту некомпетентна, да и не должна быть компетентна в таких вопросах. А вот в случаях, когда автор книги вопросов веры касается, а тем более говорит «мы, православные, считаем так-то и так-то» (то есть пытается говорить от имени Церкви), церковная цензура вполне уместна.

Особый и отдельный разговор - о

форме реализации цензуры. В отличие от католиков, православные, насколько мне известно, никогда не увлекались сжиганием книг и их авторов, хотя охранительные меры предпринимались, особенно в те времена, когда Православная Церковь сближалась с государственной машиной и государственные деятели стремились выразить и поддерживать интересы Православия теми методами, к которым сама Церковь прибегать не могла. Скажем, вынести суждение о каком-либо учении, что оно - ересь, Церковь может, но преследовать её (ереси) последователей не может и не должна. Такого рода преследования предпринимались светской властью, которая считала, что для Православия нужно создавать положение максимального благоприятства. После ленинского декрета об отделении Церкви от государства церковная цензура, естественно, не влечет за собой никаких принудительных мер и заключается в оценочном суждении по поводу того или иного произведения.

Духовная цензура нужна людям, которых не устраивают личные мнения, которые хотят знать, как говорится, официальную точку зрения Церкви на то или иное явление, хотя и имеют гарантию достоверности и авторитетности информации. Сейчас духовная цензура проявляется в преподании благословения церковными иерархами на то или иное издание. Если мы откроем книгу и увидим надпись «По благословению такого-то митрополита или епископа», то это и есть признак того, что издание прошло некую проверку и за то, что содержание книги достоверно отражает веру Церкви, ручается тот или иной видный церковный человек.

Когда-то я каялась в своих грехах, но делала это постольку, поскольку нужно было, просто призывая грехи, без особых переживаний. Теперь же я иначе их воспринимаю, сокрушаюсь о сделанном, хочется каяться снова. Нужно ли это делать?

Есть такая пословица: «Лучшее - враг хорошего». В жизни такое бывает не так уж редко: человек достиг каких-то неплохих результатов, но не захотел на них остановиться, замахнулся на большее, а достичь не смог, к тому же заодно растратил и то, что было.

То, что человек кается в своих грехах, хотя бы признавая лишь рассудком, без какого-то особенного сокрушения, что поступки его греховны - уже хорошо. Не сразу ведь получают фигуры высшего пилотажа, для начала необходимо хотя бы оторвать самолет от земли. Если впоследствии в результате своего духовного роста человек переоценивает степень и качество своего отношения к совершенным грехам - тоже хорошо. Но вот мысленное возвращение к прошлым грехам и «переисповедание» их - бесполезно.

А бесполезно потому, что в таком случае человек рискует попасть в замкнутый круг: исповедовался, затем «переощутил» свой грех, «переисповедовался» и опять «переощутил» - и так далее. Этот процесс может стать дурной бесконечностью, ведь в деле духовного роста нравственное чутье человека неизбежно все более и более заостряется. К тому же такое замыкание исповеди на прошлом отвлекает внимание от настоящего, и человек (так довольно часто в этом случае происходит) исповедует и переисповедует грехи прошлого, не замечая грехов нынешних. А это всё равно что вспоминать и анализировать прошлогодние прополки огорода, вместо того чтобы закатать рукава и вытаскивать сорняки, - очень рискуем остаться без урожая.

Но что же делать, если человека действительно настигло ощущение легковесности своего прежнего отношения к грехам? Каяться. Но не переисповедывать совершенные грехи, а просить у Бога прощения за свое легкомысленное отношение к содеянному, за духовную черствость, за состояние, как говорится в церковных книжках, «окамененного бесчувствия».

Я много раз исповедовался, но сомневаюсь: прощен ли мой грех. Как это узнать?

Вера в Бога подразумевает и всецелое доверие Ему, в том числе доверие силе Его прощения, осознание огромного, бесконечного масштаба Его милости. Господь установил в Церкви Своей таинство исповеди, в котором происходит прощение грехов и очищение души силой божественной милости. И сомневаться в этой силе - значит сомневаться в Боге. Поэтому сомнения в прощении Богом моего греха - от лукавого. Говорят, что дьявол губит человеческие души двумя способами. Прежде сотворения греха он рисует его (грех) в мысленном взоре искушаемого человека как нечто незначительное, простительное, для того, чтобы подтолкнуть человека к нарушению заповеди. Когда грех совершен - тактика меняется: теперь дьявол внушает человеку, что совершённый им грех очень велик и прощения ему нет, и не пуститься ли теперь во все тяжкие - всё равно погибать. Нельзя поддаваться действию лукавого, нельзя сомневаться в действительности исповеди.

Сомневается в силе божественного прощения тот, кто имеет смутное представление о том, что такое прощение, кто сам не склонен прощать другим обиды. И для того, чтобы такие сомнения преодолеть, достаточно просто понудить себя простить своих обидчиков. Простит человек обиду раз, другой - и поймет: если это получается у меня, так неужели у Бога на это сил не хватит? Хватит, и с избытком.

Однако уверенность в могущественной силе милости Божией не должна служить причиной легкомысленного отношения к своим грехам: мол, Бог добрый - все простит. Простить-то простит, но это не значит, что грех проходит бесследно. К примеру, родители запретили ребенку гулять без шапки, тот не послушался и заболел. Родители его поругали, но - куда деваться? - простили. Всё вроде бы замечательно, конфликт исчерпан, но болезнь-то осталась, и какое-

то время ребенок провел в постели, а в будущем, благодаря такому детскому легкомыслию, стали возможны осложнения в состоянии здоровья. Подобным образом и грех может иметь, и чаще всего имеет, последствия, в том числе далеко идущие. Память об этом и должна служить противовесом беспечному отношению к совершенным грехам.

Вот люди говорят, спорят: «Бог есть», «Бога нет». А мне как-то всё равно, точнее, я считаю, что Он есть, но к чему весь этот фанатизм: церковь, посты, непримиримость всякая? Пусть каждый верит как ему угодно.

Есть характерная индийская притча о слоне и слепцах, которые его окружили и пытаются на ощупь определить, какой он. Один слепец обхватил ногу слона и говорит, что слон похож на столб, другой держится за хвост и утверждает, что слон - это что-то вроде веревки, третий слепец, ощутив хобот, пришел к выводу, что слон - это какая-то особенная порода змей... Каждый из троих по-своему прав. Из этой притчи делается вывод, что все люди имеют разные, в чем-то частично правильные представления о Боге, разные религии по-разному говорят об одном и том же, а каков Бог есть на самом деле, не знает никто.

Всё это было бы верно, если бы Бог был так же равнодушен к копошащимся вокруг Него людям, как слон. Но это не так, люди Богу не безразличны, и Он людям Себя открывает. Все существующие религии разнятся между собой, и если предположить, что в каждой из них Бог Себя открывает, то придется именно Ему, Богу, приписать авторство существующих в различных верах противоречий. Но Бог не может Сам Себе противоречить, не может одним людям открывать правду, другим - полправды, а третьим - остатки правды. Это люди в силу своей ограниченности зачастую вынуждены что-то прежде сделанное дополнять, переделывать, исправлять. Но Бог-то ничем не ограни-

чен, всё, что Он делает, Он делает сразу, с первой попытки, совершенным и не требующим исправлений и дополнений. Это касается и Его откровения нам. Уж если задумает Бог явить Себя людям, то сделает это «одноразово» и в максимально возможной полноте. Отсюда вывод, что если среди существующих религий есть истинная, то она - одна, как и Бог - один, и откровение Его - одно.

А значит, не всё равно, во что верить. Значит, утверждение, что у каждого свой Бог, нуждается в поправке: у каждого - свой божок, и далеко не факт, что наши личные представления о Боге совпадают с действительностью. А значит, весьма сомнительно, что дела, совершаемые нами ради приближения к своему божку, сделают нас ближе к Богу. Поэтому в вере, как и в любом другом деле, прежде всего и важнее всего правильно определиться с целью наших стремлений. Потому что от того, к чему стремится человек, все его дела приобретает значение хороших или плохих. Ведь что происходит на войне: две противоборствующие стороны занимаются одним и тем же делом - убивают друг друга, но одни из них - герои, а другие - негодяи. Почему? Потому что различны причины, по которым те и другие действуют, есть разница в цели их действий. И это, оказывается, самое главное. В деле веры тоже внешне все религии похожи друг на друга: все предписывают определенные правила поведения, все имеют тот или иной культ, все молятся, и т.д., главная разница между религиями не в этом, а в том, к какой цели предполагается приблизиться поведением, культом и молитвой, к какому Богу.

Правильный выбор цели делает все предпринимаемые усилия полезными, неправильный - напрасными и даже излишними. Если, стреляя из лука, ошибиться в прицеле, то чем сильнее натягивается тетива, тем дальше будет стрела от цели. Поэтому, если мы хотим не просто верить в Бога в «душе», не просто констатировать факт Его существования, но же-

лаем достичь с Ним каких-то отношений, то становится чрезвычайно важным, в какого бога верить.

Каков Бог, различные веры говорят по-разному. И это очень ярко видно, если перейти на личности. Нужно посмотреть: кого та или иная религия предлагает в качестве образца для подражания. В самом деле, разве можно сказать, что, допустим, Христос и Будда - близнецы-братья? Один говорит: люби Бога и ближнего, и тогда достигнешь вечной жизни, другой - нужно стремиться к вечной смерти путем отказа от всех своих чувств (и хороших, и плохих). Что между ними общего? Или, например, можно ли, не насилуя идей Христа и Мухаммеда, утверждать их единомышленность, когда один из них - строитель исламского государства, а другой говорил, что царство Его не от мира сего?

Несмотря на свою кажущуюся схожесть, все религии различны в самом главном - в том, каким они видят Бога. А если путь к Богу состоит в подражании Ему, то и жизненные идеалы человека разные веры определяют по-разному. Да и конечная цель существования человека - рай, Царство Небесное - описывается по-разному. Поэтому верить каждый из нас может, действительно, как угодно, но Бог-то не будет подстраиваться под наши представления о Нем. Да и Царство Небесное нельзя оформить под заказ.

Вот часто слышу: святые Отцы говорили, читайте святых Отцов. А кто они такие?

Святость - явление очень многообразное, в этом можно убедиться, заглянув в православный календарь. Мы увидим, что святые именуются муче-

никами, преподобными, исповедниками, блаженными и т.д. Довольно много таких наименований, но «святых Отцов» мы там не увидим, потому что так принято называть тех из канонизированных святых, чьи мысли и мнения по вопросам веры и христианской жизни известны Церкви (то есть чаще всего сохранились какие-то письменные их труды) и признаются Церковью авторитетными. То есть в понятие «святой Отец» вносится смысл учительства: образ жизни и мысли святых Отцов был не только спасителем для них самих, но в силу различных обстоятельств приобрел общеизвестный характер и служил ориентиром для других. Чаще всего среди святых Отцов мы встречаем преподобных - тех святых, кто вел монашеский образ жизни, и святителей - иерархов Церкви. Условно (очень условно, потому что рисуемая грань не жесткая) можно сказать, что одни из них преимущественно учили правильной жизни, а другие - правильной вере.

Святых Отцов, действительно, очень полезно читать, поскольку в этом случае человек приобщается к их коллективному разуму. Известна поговорка о том, что один ум - хорошо, а два - лучше. Что же тогда можно сказать о единомыслии сотен человек! Насколько авторитетным, продуманным, надежным будет мнение, имеющее под собой такой фундамент! Когда нас спрашивают о нашем мнении по тому или иному поводу, то часто (и справедливо) ответ свой мы начинаем словами: «Как мне кажется...» Обращение к святым Отцам и согласование своих мыслей с ними позволяет нам избавиться от этого присловья.

ЧТОБЫ СВЕЧА НЕ УГАСЛА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

**АЛЕКСАНДР
ГРЯЗЕВ**

Прозаик и драматург Александр Алексеевич Грязев родился 9 ноября 1937 года в Дальневосточном крае, на станции Лондоко. Детство прошло в селе Железный Борок Буйского района Костромской области. Учился в сельской семилетке и в школе № 2 города Буя. Армейскую службу проходил в 234-м гвардейском Черноморском парашютно-десантном полку в городе Пскове. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт и Высшие театральные курсы при ГИТИСе. Автор нескольких книг прозы и пьес. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

*Держали щит и меч
меж двух враждебных рас -
Монголов и Европы.*

А. БЛОК

Россия! Русь! Храни себя, храни!
Н. РУБЦОВ

БЕЛООЗЕРО

*Князь же великий Дмитрий Иванович
послал грамоты по всем градам своим,
ко всем русским князьям,
боярам и воеводам и повелел вскоре
собраться на Москву.*
ЛЕТОСЛОВЕЦ

В то росное утро, из тех, какие нередко бывают после Ильина дня и августного священства*, с озера несло легким холодком. Покрывая всю его светлую ширь, над водой поднимался пар: люди не зря называли озеро Белым...

Стая диких утиц вылетела из-за недалекого леса и, сделав широкое полукружье, с шумом опустилась на мелководье у самого берега. Утки плескались, ныряли, искали корм, опуская головы в воду, и были похожи при этом на огромные рыбацкие поплавки. Они довольно кричали, будто разговаривали меж собой и радовались этой, видимо, давно желанной остановке после длинного перелета

Утицы походили друг на друга своим темно-бурым оперением. Только селезень выделялся из всей стаи. Он был красив собою и так цветаст, словно писан дивными красками. Темной зеленью отливала его шея, перехваченная ярким белым кольцом, по серой спине струились мелкие светлые пестринки, а на каждом крыле было по круглому зеркальцу небесного цвета.

Селезень сразу же облюбовал из всей стаи молодую утицу и не отставал от неё, куда бы она ни плыла. Он

* Августное священство - освящение воды первого августа, в праздник первого, или мокрого, Спаса.

то плавал вокруг утицы, то рядом с нею доставал траву со дна, то становился супротив и был похож на жену перед своей избранницей. Так, плавая вместе, они оказались чуть в стороне от стаи.

И тут вдруг из тумана выплыл другой селезень. Это был чужак. То ли от своей отстал стаи, то ли его утки кормились где-то неподалеку. Да и вид его был необычен. Он и на селезня-то мало походил: весь в темном, почти черном оперении. И только белое кольцо вокруг шеи говорило, что это селезень.

Черный чужак подплыл к утице, отогнал от нее красивого дружка и сам заходил перед нею, увлекая все дальше и дальше в туман. А та, казалось, и не замечала, что рядом с нею плавают другие. Она все так же плескалась в воде да ощупывала клювом свои перышки, будто прихорашивалась.

Красавец же селезень, обиженно крикая, поплыл к стае. Утки забеспокоились и стали подплывать ближе к молодой утице и черному селезню. Они окружили их, отогнали чужака, который тут же скрылся в белом тумане.

Утки здесь больше не задержались. Первым поднялся на крыло селезень, а вслед за ним часто захлопали крыльями и остальные утицы. Стая, опять сделав над водой широкое полукружье, устремилась в сторону леса, и шелест утиных крыльев пронесся над берегом...

...В тишине уходящей ночи гулко раздаются шаги княжеских стражей по крепким тесинам городской стены Белоозера, окружающей новые постройки княжеского двора. При встрече стражи окликают друг друга.

- Славен город Москва!

- Славен город Ростов!

- Славен город Белоозеро!..

Среди ночных караульщиков ратник из молодых Андрей Хват. Когда он идет по своему пути на стене от проездных ворот до угловой башни, то по левую руку от него княжий двор с белеющими в темноте недавно рубленными стенами амбаров, а по правую - мощенные плашником улочки

белозерского посада с торговой площадью под самой городской стеной.

Дальше за посадом неоглядная ширь Белого озера, которого сейчас почти не видно, а при свете дня смотри - не насмотришься.

Славен город Белоозеро! Славен...

Никто сейчас и не скажет, когда к берегам этой большой воды пришли первые русичи и стали жить среди здешних людей земли Веси - древних насельников Белоозера у самых новгородских пределов. Разве только у какого-нибудь летописца сохранилась память о том, что был город поначалу на той стороне озера, а потом перебрались белозерцы на этот берег, на место, где вытекает из озера Шексна-река. Было это, говорят, еще в самом начале Руси, и место это из тех самых, откуда пошла и есть земля русская.

Много рек, ручьев и малых речушек вбирает в себя Белое озеро, а вытекает из него одна Шексна и течет до самой Волги-реки. Сплелись здесь, на Белоозере, пути сухие и водные. Потому-то, видно, и поселились белозерцы на этом бойком месте.

Шли сюда на своих ладьях, учанах и паузках торговые гости со всей Руси: из Суздаля и Москвы, из Нижнего Новгорода и Ростова Великого. Добирались к Белоозеру по Волге и Шексне купцы византийские и арабские из стран восточных и полуденных.

Шли они торговать своими товарами заморскими в богатую Двинскую землю, в Беломорье да Заволочье. И давным-давно были проторены туда пути-дороги.

Один путь лежал по Шексне до устья реки Славянки, а по ней в озеро Словенское, далее волоком в другое озеро - Порозобицкое, да речкой Порозобицей в Кубенское озеро. А из этого озера по Сухоне в Северную Двину до самого Устья Великого и далее в землю Двинскую.

Другой путь туда же шел от Белоозера малыми речками Пидьмой да Ухтомкой через озерки, протоки и волоки, к рекам Ухтоме и Модлоне, а по ним в озеро Воже. Оттуда по реке Свида в озеро Лаче, а из него рекой Онегою в губу Онежскую Белого моря.

И еще один путь проходил через Белоозеро: из Руси Московской в Обонежскую пятину Новгородской земли по рекам Ковже и Вытегре в Онежское озеро. Ходили, правда, по нему не одни только торговые гости. Шли тут, бывало, ватаги лихих новгородских молодцов на своих ушкунях* воевать дальние земли Заволочья и дани имать с тамошних насельников.

Да, на бойком месте стоял город Белоозеро. Не один век минул с той поры, стоять бы ему со своими мощными улицами и рядами домов на них вдоль берега Шексны в нынешнем веке и в будущих - да пришла в одно не столь уж давнее лето на Русь беда неожиданная и небывалая - великий мор.

Началась чума где-то в низовьях Волги. Потом покосила людей в Нижнем Новгороде, перекинулась в Переславль, Ростов Великий, Владимир, Москву. Собрав черную дань свою, пришла она и к берегам Белого озера...

«Болезнь же бе сице**: прежде яко рогатиною ударит под лопатку или под груди, или меж крил, и тако разболехося человек, начнет кровью харкати и огонь разжет, и потом пот, та же дрожь, и полежав один день или два, а редко того кои три дня и тако умираху... По всем странам и градам был мор велик и страшен. Не успеваху бо*** живые мертвых спрятывать, везде бо бе мертвые: в градах и весях, в домах и у церквей и бо тут и скорби и плач неутешный. Мало бо бе живых, но все мертвые и погребяху же во едину яму пять или шесть мертвых, а иногда десять и более, а дворы многие пуста быша. В иных один или два женск пол или мужеск или отроча мало»... Так записал летословец, а попы в церквах и сейчас говорят, что казнь сия послана была на людей от Бога за грехи их. Многие после того ушли в святые обители и приняли монашеский чин.

Похоронив в братских скудельницах умерших, оставшиеся белозерцы покинули свой город. Бросили дома и кузни, амбары и коптильни, пашни и сенокосы, огороды и сады. Оставили они и речку Васильевку, что текла через город в Шексну, и церковь святого Василия Кесарийского на ее берегу - первый храм православный на Белоозере, поставленный на том самом месте, где язычники приносили жертвы своим идолам и где в приделе этого храма положен был первый белозерский князь Глеб Василькович, потомок великого Ярослава Мудрого и прадед нынешнего князя Федора Романовича. Ушли те немногие белозерцы искать другое место для житья. И нашли такое на берегу озера у самой воды, в двадцати поприщах**** от старого города. Место было славное. Берег полого переходил в гору, поросшую лесом. Избы поставили вдоль берега, как и в старом городе.

Один только князь белозерский Федор Романович со своей родней и дружиной не пошел с белозерцами на новое место, а остался на своем дворе и жил там до нынешнего лета.

А в прошлое лето вырубил лес выше домов посадской Слободы, и мастера-городники окружили то место высокой стеной. Потом стали рубить княжеские постройки: терем с гульбищем, амбары, конюшни, мельницы, гридницу*****. Не все еще успели сделать белозерские плотники для своего князя - ядреным запахом свежих сосновых бревен и сейчас напоен воздух - но он в это лето перебрался сюда со всем своим двором и домоладцами.

В старом городе не было ни вала земляного, ни стен городских, а здесь князь Федор, опасаясь набега новгородской охочей рати, приказал обнести свой двор крепкой стеной. Ведь случалось уже такое на его памяти: взяли однажды новгородские молод-

---

* Ушкуй - лодка новгородцев

** Сице - так, таким образом.

*** Бо - так как, потому что.

**** Поприще - мера длины примерно в тысячу шагов.

***** Гридница - помещение для приёмов у князя и дружины.

цы город и огнем пожгли. Ничего не пожалели. Даже церковь соборную разграбили и серебро с икон ободрали. Хуже басурман надругались. Городской люд от греха по лесам разбежался. Так едва ли не месяц ватаги новгородцев рыскали по волостям и лесам: имали людей и скот, грабили дворы и все добро отправляли вниз по Шексне и далее к Новгороду. Много полону увели они с собой: мужиков, женок, ребят малых. Беда в тот раз была от новгородцев великая. Не меньше, чем от моровой заразы.

Вот почему поставили городовые стены вокруг княжеского двора: при нужде все посадские белозерцы могут укрыться за ними от любого врага. Вот почему днем и ночью ходят по верху стены меж невысоких башен князьи стражи.

Андрей Хват, молодой ратник белозерского князя, служил в дружине недавно. Всего лишь года два тому, как взял его князь в молодые дружинники, перепоясав его поясом с боевым мечом. Службой своей продолжал он дело отца своего Ивана Хвата, который многие года верой и правдой служил в дружине князя Федора.

Отца Андрей плохо помнил. Умер тот в страшный год морового поветрия вместе со всей их большой родней. И матушку Маремьяну, и деда Касьяна, и братьев Некраса да Фролку, и сестрицу Устю - всех покосила проклятая болезнь. Андрея же, четырехлетнего несмышленьша, Бог весть как оставшегося в живых, взял к себе конюшенный ключник князя Маркел, давний друг отца. У Маркела тоже вся семья полегла, и он, заколовив оба дома, стоявшие на берегу речки Васильевки у самой соборной церкви, захватив с собой малолетнего Андрея, переселился на княжеский двор. С тех пор и жил Андрей приемным сыном Маркела, и не было в его жизни ближе и роднее человека.

Но в прошлое лето преставился и старый Маркел. Особого богатства он не нажил, а что было, то, позвав, будучи еще в ясном уме, отца душевного Окула - попа, передал Андрею и в церковь святого Василия на помин душ

своей и своих близких. И остался Андрей совсем один, хоть и большая семья дружинная у князя Федора...

- Славен город Белоозеро, - послышался голос снизу, а вслед за этим раздались звуки шагов по ступеням лестницы.

- Славен... - отозвался Андрей и увидел, как к нему поднимается его сменщик Грикша Лобан.

С разных концов городской стены раздавались голоса: с началом света менялись караульщики. Грикша зябко ежился от ночной прохлады после теплой повалуши.

- Здорово, Андрюха, - проговорил он. - Ну, как тут ныне?

- А все добро, - ответил Андрей. - Неужто замерз?

Грикша громко зевнул, потянулся, поиграл копьём, перекидывая его из руки в руку, прислушался.

- Скукота-а-а, - изрек он все еще сонным голосом и позевывая.

- Начало света. Петухи на посаде поют, слышь. Не соскучишься. Бывай.

- Ступай с Богом, - вздохнул Грикша, - и за меня отоспись.

Андрей спустился по шатким сходням на землю и неторопко зашагал мимо погребов и амбаров, конюшен и клетей к повалуше, что стояла у самой гридницы напротив княжеского двора.

В теплой избе, где на войлочных полстьях спали вповалку ратники, Андрей разделся и тоже лег было, найдя свободное место на полсти, но, вспомнив вдруг про коня своего, с которым расстался еще вечером, тут же натянул опять рубаху и сапоги, надел пояс с калитой и ножом, захватил ломоть хлеба, вышел из повалуши и направился к конюшне.

На дворе светало. Из-за городской стены, с посада доносились первые голоса наступавшего дня: мычанье коров, крики пастухов, дробь их барабанок и резкие хлопки пастушьих плетей.

В конюшне стоял полумрак, и Андрей распахнул настежь ворота. В еще не нарушенной никем тишине он прошел в глубину конюшни к стойлу своего Морозки и повернул наверхыш дверцы.

Морозко, почуяв хозяина, резво поднялся, тихонько заржав, подошел к Андрею и благодарно ткнулся теплыми, мягкими губами ему в плечо, обдав шею своим горячим дыханием.

- Ну, здорово, друже. Заждался? Ладно, ладно, - говорил Андрей, отвечая на ласки коня и угощая его хлебом.

Андрей любил своего коня, как любят только близкого человека, товарища или брата. И Морозко, вороной с проседью, будто покрытый изморозью, отчего так и прозванный, жеребец, отвечал Андрею тем же.

Сняв с крюка сырмятную уздечку, Андрей надел ее на Морозку и вывел его из стойла.

- Пошли, Морозко. Я тебя напою, умою, почищу, накормлю. И не будет у тебя ни в чем нужды-заботы. Идем, идем, - приговаривал Андрей, ведя коня к воротам, где вдруг увидел стоявшего человека. Он сразу признал Кузьку - парня из посадских, с которым давно водил дружбу.

Кузька, сын городского пастуха Анисима Сухорукова, хоть и не ровня был княжескому ратнику Андрею, но давно привязался к нему, старался во всем походить на старшего товарища и мыслил, видно, когда-нибудь стать таким же.

- Чего такую рань? - спросил Андрей, выводя Морозку из ворот конюшни.

- Так скотину с батей сгоняли. До прогонов провел, а теперь днем его сменяю. А ты куда?

- Ночь в стороже стоял. Напоить Морозку надо да самому спать.

Кузька погладил шею коня, потрепал его лохматую, спутавшуюся гриву.

- Дай я поведу, - попросил он Андрея.

- Держи, - передал Андрей повод, а сам замкнул ворота и они направились к берегу озера.

Хотя и проводил Кузька ныне свое шестнадцатое лето, а Андрей был намного старше, ростом ему Кузька почти не уступал, разве что поуже в плечах был. Сейчас, оба светловолосые, в простых полотняных рубахах и в узконосых сапогах, они были похожи на братьев-погодков.

Рассвело совсем, а когда они подошли к берегу озера, то на той его стороне, далеко-далеко, у самого небоската, где его синева смыкалась с такой же синей озерной гладью, показалось, будто из воды и умытое ею, переливаясь, красное светило, обогрив полнеба малиновым заревом. На берегу было тихо. Только стая диких утиц прошелестела над ними крыльями. Андрей и Кузька, видя все это, остановились и притихли.

- Ишь, играет. Не к добру, поди, - первым нарушил молчание Кузька.

- А ты бы не маркал, Кузя. Беды накличешь, - тихо сказал Андрей.

Кузька не обиделся и перечить не стал.

- Да я ничего. Только, говорю, не ко времени солнце-то играет.

- Выходит, так надо. На все воля Божья.

Андрей завел коня на мелководе. Тот опустил мохнатую голову и, пофыркивая, стал тянуть воду. Вдруг Кузька толкнул друга в бок.

- Андрюха, глянь, не Ульяна ли твоя?

Андрей посмотрел, куда показывал Кузька. Вдоль берега к портомойным лавам, где обычно бабы полоскали белье, подходила девушка. Два небольших плетеных короба покачивались на коромысле,

- Она...

Андрей передал Кузьке повод, а сам почти побежал к лавам. Ульяна заметила его и остановилась, опустив носу на землю.

Светлые волосы заплетены в косу с синей лентой. Такой же лентой перехвачен и лоб. На Ульяне длинная, вышитая по вороту и подолу синими нитками рубаха, подпоясанная узким кожаным ремешком с пряжкой, а в ушах сережки с голубыми бусинками, такими же, как Ульянины глаза.

Андрей подошел, поклонился в пояс.

- Здравствуй, Ульяница.

- Здравствуй, Андрюша, - поклонилась в ответ Ульяна.

- Ты отчего вчера на игрище не приходила?

- Матушка захворала. Недосуг

было, - девушка показала на коробья с бельем, которое принесла полоскать.

Андрей достал из калиты нитку стеклянных бус и протянул Ульянице. Бусины были разных цветов: синие, желтые, красные. Они заискрились на солнце.

- Ой, где взял красу такую?

- У заезжего гостя купил. Для тебя.

- Спасибо, Андрюша, - поклонилась Ульяница,

- А ты сегодня на игрище придешь? Или, может, зайти за тобой?

- Ой, что ты. Люди увидят. Я сама приду.

- Пусть видят. Скоро у князя Федора позволения спрошу и к Покрову сватов зашлю...

- Андрюха-а, - громкий протяжный крик Кузьки прервал их разговор, - гляди-и-и, скоровестник.

Андрей обернулся. Вдоль берега, по дороге от Старого города, широким наметом скакал всадник, пригнувшись к потной шее коня. У первых домов посадка он круто повернул, и конские копыта забарабанили по мостовой.

Да, так скакать мог только гонец. Что-то тревожное показалось Андрею в облике воина. Он попрощался в Ульяницей, подбежал к Кузьке и, вскочив на жеребца, помчался в город. Кузька побежал за ним.

...Вскоре над городом понеслись частые звуки набата. Это на торговой площади ударили в железное било. Так звучал набат всегда при бедах и напастьях. Его тревожный голос летел над Белоозером, над земляным валом и тесовыми крышами домов. Он распахивал калитки дворищ, выгоняя на улицу белозерцев, заставляя их бежать к торговой площади. Тоскливо сжимались сердца горожан; много раз слышали они этот сполошный звон, но, видно, к нему нельзя привыкнуть...

Вскоре вся площадь между крепостной стеной и посадом была заполнена народом.

В походном строю, при конях стояли дружинники. А рядом с ними большой пестрой толпой городской ремесленный люд: кузнецы-молотни-

ки, гвоздари и оружейники, рыбаки, сапожники, плотники, гончары и прочие рукодельцы с женками и ребятишками.

Посреди этого многолюдья на невысоком деревянном помосте, откуда обычно оглашали князья грамоты и где висело на цепи сполошное било, стоял в окружении своих сотников белозерский князь Федор Романович.

Черная с проседью борода. Дорогим серебряным поясом перетянут червчатый кафтан. По правую руку от князя его сын Иван. В руках Федора Романовича - белый свиток. Он поднял его над головой. На площади стало тихо.

- Дружина моя верная! Братья-белозерцы! - громко начал князь Федор. - Грамота сия от великого князя всея Руси Дмитрия Ивановича. Пишет он князьям и боярам, и детям боярским, и всем воеводам, и всякому войску, и всем безымянным - чей кто ни будет. Поганый Мамай вновь умыслил посягнуть на нашу землю русскую. Несметной ратью идет он на Русь, и князь великий зовет к себе воинов со всех русских земель. А писано так.

Федор Романович развернул свиток:

- «...Бысть нам за одного до живота, как приказали нам прародители наши. Чтобы не перестала память их и не угасла бы зажженная свеча русская... Как к вам сия грамота моя придет, и вы бы других грамот не дожидались, а собирались все однолично на Коломну на Успение святой Богородицы. Там разберем полки. А вы бы грамоты посылали промежду собой сами, не издерживая ни часа».

- Белозерцы! - продолжал князь. - Когда придут все белозерские князи с дружинами, выступим на Москву. Собирайте корм по дворам!

Из толпы мастеровых выступил вперед и подошел к помосту невысокий плотный мужик. Волосы стрижены в кружок, небольшая округлая борода. На мужике длинный фартук из грубой холстины. Рукава рубахи засучены по локти. Кузька узнал в нем соседа Онфима-сапожника. Касаясь земли зажатой в руке войлочной шапкой, Онфим поклонился князю.

- Дозволь, князь, слово молвить.
- Говори.

- Видно, труден час наступает, коли князь великий собирает воинов со всех земель русских. Поведешь и ты белозерские дружины спешно и конно. Не у всех нас, княже, есть боевые кони да доспехи добрые, но все умеем держать в руках меч и все хотим постоять за нашу землю русскую, за веру христианскую, как и прародители наши. Соберем по дворам коней сколько есть и урядим городские сотни. Бери, княже, и нас, посадских.

Федор Романович обвел взглядом толпу посадских людей.

- Все ли так мыслят, как мастер Онфим? - громко спросил он.

- Все! - закричали белозерцы.

- Веди, князь, все пойдем!

Федор Романович поклонился народу на все стороны.

- Спасибо, белозерцы. Иначе о вас и не мыслил... А ежели у кого коня не хватит или доспехов, тот у меня возьмет...

Не медля ни часа город начал готовиться к походу. По дворам собирали съестные припасы: соленую и ветрянную рыбу, сыры, хлебы, крупу и прочий корм.

Поскакали гонцы к младшим князьям Белозерья в Сугорье, Кему, Андогу, Карголому, Вадбол, Шелешпань, Ухтому, Белое Село. Приказ был один: выступать в поход немедля...

...Когда расходились с торговой площади, Кузька догнал Андрея.

- Андрюха, а меня возьмут в поход? - с надеждой спросил Кузька.

- Взять-то, может, и возьмут, да больно ты молод, Кузя. На твою жизнь походов хватит. А дома-то отпустят ли?

- Батя отпустит, а матушка, известно, в слезы, - сказал Кузька и, помолчав, добавил: - А не отпустит - все равно уйду.

- Не то говоришь, Кузя, - остановился Андрей. - На такое дело надо идти по-хорошему. Тогда и душа твоя на месте будет. Поговори с батьком. Его слово - закон.

- Ужо поговорю, - согласился Кузька. - Только бесконный я. Вот в чем

дело. У нас одна лошадь, да и та страдающая, с жеребенком, не под седло.

- Ежели тебя отпустят, то это дело поправимо. Добудем тебе коня доброго. Прямо из нашей конюшни. Ты слышал, что князь Федор сказал?

- Слышал.

- Ну, вот и все дела. Иди к бате.

- Скоро обедать ему понесу. Тогда и скажу.

- Дело твое.

Они подошли к конюшне. Андрей поставил Морозку в стойло и вскоре вышел.

- Андрюха, - опять с надеждой спросил Кузька, - а сегодня читать будем?

- Что ты, Кузя, до того ли сегодня? - удивился Андрей. - Собираться надо.

- Долго ли ратнику собраться. Ведь не сегодня в поход выступать. А почитаем немножко. Хоть один лист, - умолял Кузька Андрея.

- Ну хорошо, идем, - согласился Андрей.

Как-то однажды показал он Кузьке самое дорогое свое сокровище - старую книгу, доставшуюся ему от Маркела, который тоже дорожил ею и передал Андрею «по своей душе на поминок в наследие вечных благ». То были «Повести минувших лет, откуда пошла и есть Русская земля». По ней приучился Андрей к слову книжному, набрался многих знаний и мудрости коснулся.

Кузька и сам уже знал грамоту. Целых три зимы ходил он к дьяку Варсонофею учиться писать и считать. Но дьяк учил их все по псалтыри да часослову. Эта же книга не была похожа на те церковные книги, хоть и писана была теми же буквами и словами.

Чего только не узнал Кузька, когда Андрей начал ему читать повести с самого начала. Открылась ему вдруг вся прошлая жизнь на земле от самого сотворения мира. Знал он теперь про Адама и Еву, про Авеля и Каина и про всемирный потоп, про Ноя и его сыновей, и про Вавилон, и про то, где какие земли лежат и какие там народы живут, какие реки текут и в какие моря.

Узнал Кузька и о том, кто первым стал в Киеве княжить и как возникла Русская земля. Это, пожалуй, было самым интересным во всей книге. Читал ему Андрей про славян и про другие народы, Русь населяющие, про их законы и обычаи. Даже про родное Белоозеро и то в этой книге не раз прописано. Как жили здесь люди племени весь и как они с князем Олегом даже на Царьград ходили в боевой поход.

Что и говорить - великая была эта книга о радостях и горестях Русской земли и народа русского. И недаром ведь писано, что свет дневной есть слово книжное...

...Они подошли к избе, где жили младшие дружинники, и Андрей сходил за книгой.

- Так чем закончили мы в тот раз, Кузя? - спросил Андрей, устраиваясь в тени навеса у стены, так, чтобы им никто не мешал,

- А мы про великого князя Владимира Киевского читали. У тебя там трапичей заложено.

Андрей отстегнул медные застежки толстой, обтянутой темной кожей книги, даже один вид которой внушал благоговейное уважение,

- Верно, Кузя, - подтвердил Андрей, раскрывая книгу. - А ну-ка расскажи, о чем там было написано.

- А было там про то, - начал Кузька, - как Владимир-князь Русь крестил и тем добра много сотворил он Русской земле. За это чтят его русские люди, вспоминая святое крещение. А когда он преставился в своем селе Берестове под Киевом, то пришли к нему многие люди и плакали по нем - бояре как по заступнику страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе.

- Молодец, Кузя, - похвалил друга Андрей. - А что было потом?

- Сын Владимира Святополк стал княжить в Киеве. И стали твориться на русской земле страшные дела. Пошел брат на брата и полилась кровь братская. Не бывает греха страшнее. Ибо задумал Святополк перебить всех своих братьев и один владеть русской землей. Первым убил он брата своего

Бориса, а потом и Глеба. И прозван был за то Окаянным.

- Итак, Глеб был убит, - подхватил Андрей рассказ Кузьки, читая его уже по книге, - «и брошен на берегу, затем его увезли и положили рядом с братом Борисом в церкви святого Василия. И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам открытие, печальным утешение. Заступники они за Русскую землю и мученики.

Христоробивые же, страсотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество во вся веки до скончания мира»...

Кузька сидел не шелохнувшись, слушая чтение Андрея, и вставали перед ним картины того давнего раздора на родной русской земле, затеянного Святополком Окаянным. Вот сестра его Предслава шлет весть в Новгород другому брату - Ярославу. И пошел Ярослав на Святополка, и в жестокой сече разбил его, а сам сел в Киеве на столе отцовском. Святополк же бежит в Польшу и на Русь идет с поляками. Так не раз ходят они друг на друга. Но вот праведное дело зло побеждает, и Ярослав разбивает в жестокой битве Святополка, пришедшего с печенегамы, и тот бежит и, как пес смердящий, находит смерть свою на чужбине. Свершилась над ним справедливая кара, как и быть должно. Ибо пролил он праведную кровь своих братьев без вины их...

- Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик, - закончил Андрей чтение и перевел дух.

- А потом? - спросил Кузька.

- А потом долго еще княжил на Руси Ярослав и прозван был Мудрым.

- За что?

- А вот про это сам читай, - сказал Андрей и передал Кузьке книгу. - Вот тут.

И Кузька стал водить пальцем по книжному листу.

- «...И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться и черноризцы стали умножаться и монастыри появляться... и любил Ярослав ... книги, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество... Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца людей.

Велика ведь бывает польза от учения книжного... Это ведь реки, напоющие вселенную, это источники мудрости. В книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они - узда воздержания... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей»...

- Понял теперь? - прервал Андрей Кузьку и взял у него книгу.

- Вся правда тут. Будто про меня писано... А дальше?

Андрей засмеялся.

- Больно ты скор, Кузька. А чтение книжное суеты не терпит. О великом же Ярославе и делах его прочтем в другой раз.

- Ты что, книгу в поход возьмешь?

- Она всегда со мной. Возьму и в этот раз.

- Ну, тогда другое дело, - успокоенно сказал Кузька. - Скажи только, а при Ярославе на Руси раздора не было?

- Не было. Он еще при жизни всем своим сыновьям наставление дал, вроде завета... Ну, ладно, слушай, - Андрей опять раскрыл книгу: - «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мир-

но жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую добыли они трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата... И так наставлял сыновей своих жить в любви... Жил же он всех лет семьдесят и шесть...» Вот так, брат Кузьма, - закончил Андрей и захлопнул книгу. - Ты сейчас-то домой?

- Домой... Да к батюшке бежать надо.

- Ну, иди, а по пути, Кузя, вот что сделай.

Андрей достал из калиты небольшой берестяной лист, железное писало и выдал на бересте несколько слов. «Ульянице от Андрея. Приди»... успел прочесть Кузька.

- Сделай доброе дело, Кузя, - повторил Андрей, подавая бересту. - Снеси грамотку Ульянице. Прямо ей в руки отдай. Понял?

- Понял, - подмигнул Кузька и серьезно добавил. - Понятие имею. Что я - дите? Не поперек ведь лавок, а вдоль.

- Ну тогда дуй...

И Кузька побежал на посад. Отдав Андрееву грамотку Ульянице, он неторопко пошел к своему дому, который стоял в первом ряду посада у самого берега озера. Кузька не торопился потому, что весь был в думах о том, как он скажет матери, что надумал идти в поход. И, представив себе лицо матери, ее слезы и слова, какие она скажет, Кузька решил сейчас ей ничего не говорить: пусть отец все скажет сам, когда вечером пригонит с пастьбы скотье стадо.

В полутемной, насквозь продывленной избе матушка Варвара хлопотала в углу у печи. Видно, готовила обед или еще чего. Кузька никогда не видывал матушку сидящей без дела. От темна до темна была она вся в делах и заботах по дому. Ведь кроме его, Кузьки, у Варвары с Анисимом было еще трое ребятишек: сестрицы Гранька и Олёна да народившийся недавно братец Пантя.

Девчонки были дома и помогали матери. Гранька у печи, а Олёнка качала в зыбке, подвешенной на шесте

в другом углу избы, маленького братца.

- Где гуляешь? - строго спросила Варвара сына.

- На торгу был, где и все.

- Я тоже была, да вот дома давно. К батю-то собираешься?

- Сейчас пойду.

- Сперва по воду сбегай. Потом сам за стол. Тогда и пойдешь.

Кузька вышел в сени и, взяв деревянные ведра, побежал на озеро, а когда пришел, то обед уже стоял на столе. Парила в большой деревянной мисе горячая рыбная похлебка, а в горшке ячневая каша. Мать и сестрицы дожидались Кузьку. Потом все помолились и сели за стол.

После обеда мать налила в глиняный кувшин, оплетенный берестой, молока, наложила в малый горшок каши, отрезала от ковриги решетного хлеба, поставила все это в плетеную корзинку и подала Кузьке.

- Иди, накорми батю. Поди заждался.

И Кузька вышел из дома. Через животинные прогоны окраины слободы он попал на широкую луговину, которая подходила к самому лесу, где увидел еще издали стадо, а потом и батю, сидящего в тени ивового куста.

- Что там стряслось? - приступая к трапезе, спросил Анисим сына, видно, слышавший и здесь сполошный звон из города.

- Гонец прискакал от великого князя Московского. Сзывает грамоту привез. Идут опять татары на Русь. И несть, говорят, им числа.

- Стало быть, опять летит гусь на святую Русь. И что им, поганым, надо от нас? Мы ни на кого не ходим, а на нас через лето в лето. Князь Федор был?

- Был. Говорил с народом. Грамоту оглашал. Гонцов ко всем белозерским князьям послал. Как только ближние с дружинами придут, так и в поход выступят.

- Где собираются?

- Сперва на Москве. Туда и наши идут. По дворам собирают припасы. К вечеру отправят житный обоз...

Кузька остановился и Анисим почувствовал, что сын чего-то недоговаривает.

- Ну-ну, еще чего?

- А то, что и наши посадские тоже с князем Федором пойдут. Так всем миром порешили.

- Ну и хорошо. По правде решили. Был бы я здоров - тоже пошел бы.

У Анисима плохо володовала левая рука. Когда-то, еще не в столь давние годы, был он рыбным ловцом. И хоть приходилось каждую десятую, а то и пятую рыбу отдавать княжескому ловчему, да для дружины, да для церкви, а уж себе что останется, но жили они тогда сносно. Носил на торг рыбу свежую и вяленую, сушеную и соленую. Водилась в доме и щучина, и лещевина, и стерляжина.

Но в одно недоброе лето все нарушилось. Ловил однажды Анисим рыбу ночью острогой, да сам на острогу же рукой и напоролся, упав в лодке. С той поры она плохо слушается и Анисим ею мало что может делать. Потому-то и пошел в пастухи. А рыбу теперь ловит только вместе с Кузькой.

- А ты меня в поход пошли, батя.

- Тебя? - удивленно переспросил Анисим и внимательно, как-то по-особому посмотрел на сына.

- Ну да, меня, - подтвердил Кузька. - Что я - маленький?

Анисим долго не отвечал.

- Ты уже не мал, Кузя, да и не велик больно... И я бы тебя отпустил, да ведь ты знаешь, что у нас с тобой в одном кармане сочельник, а в другом чистый понедельник. Где коня возьмешь? На нашей Корюхе тебе и до Москвы не доехать, а купить не на что.

- Об этом не думай, - повеселел Кузька. - Князь Федор свои конюшни бесконным откроет. А мне Андрюха коня доброго подобрать обещал.

- Ну, тогда другое дело, ежели так, - согласился Анисим. - А с маткой говорил?

- Не стал ее пугать. Ты уж сам, за один раз.

- Ладно, пусть будет по-твоему, - закончил разговор Анисим, собирая

в корзинку остатки обеда. - Ты тут, Кузя, погляди, а я подремлю немного. Эх, судьба наша. С малыми детьми горе, а с большими вдвое.

И Анисим стал устраиваться спать на теплой и мягкой траве...

...С пастьбы отец и сын вернулись поздним вечером, и, пока Варвара обряджала корову, Анисим ничего ей не говорил о сыне. Сказал же, когда она пришла со двора.

- Не отдам, - почти закричала Варвара и даже прикрыла собою Кузьку, будто кто-то собирается увести его немедленно.

- Ладно, мать, не кричи. Конечно, вся семья вместе, так и душа на месте. Да уж такая, стало быть, судьба ему, - успокаивал жену Анисим.

- Да ведь он же еще дите, - не сдавалась, плача, Варвара. - Не ведает твоя голова, что язык глаголет.

- Жених он уже, а не дите. Скоро мужиком будет. Вот так и порешим, - твердо сказал Анисим и себе, и Варваре, и Кузьке.

И Варвара, поглядев на мужа и сына, поняла, что спорить будет без пользы. Она молча примирилась, и только глаза, которые она то и дело утирала концом платка, выдавали ее думы.

После захода солнца, когда через узкое косячатое оконце, затянутое скотским пузырем, в избу не стало пробиваться света, зажгли лучину и молча сели ужинать. Так же молча, помолясь на сон грядущий, стали укладываться спать.

Кузькино место ночью - горница. Здесь не жарко, как в избе, и многие ночные звуки услышишь, пока не заснешь: то ли животное вздохнет внизу в подклете, то ли какая птица прокричит в недалежном лесу или заплещут о берег озерные волны, совсем рядом, за огородом.

Кузька уже стал засыпать, когда услышал вдруг, как скрипнула дверь в сенях и по двору кто-то пошел. Кузька встал, тихонько отодвинул задвижку волокового оконца и глянул на волю. В полумраке наступавшей ночи он узнал мать. Варвара прошла к озеру и вернулась оттуда, неся деревян-

ный ковш с водой и небольшую глиняную чашу без дна. Она остановилась посреди двора, поставив чашу и ковш на землю. Затем щепкой прочертила вокруг себя, опустилась на колени и полила из ковша воды в чашу. До Кузьки донеслись слова матери:

- Разрыдалась я, раба божая Варвара, во чисто поле глядючи. Досиделась я до поздней вечерней зари, до сырой росы, в тоске и в обиде.

Пошла я во чисто поле, взяла чащу брачную, почерпнула воды из загорного студенца. Стала я среди леса дремучего, очертилась чертою призорочною и возговорила зычным голосом.

Заговариваю я своего ненаглядного дитятку Кузьму над чашею брачною, над свежей водою. Будь ты, мое дитяtko ненаглядное, светлее солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горючего Алатья.

Есть великий окиян-море, в том великом океане есть остров, а на острове калена изба. Сидят в той избе три сестры, самому Христу дочери. Большая сестра сидит у порога на золотом стуле, берет иглу булатну, вдевает нить шелкову, зашивает рану кровавую у раба Божия Кузьмы. Не было бы ни раны, ни крови, ни ломоты, ни болезни.

А будь ты, мое дитяtko, моим словом крепким в ночи и полуночи, в часу и получасии, в пути и дороженьке, во сне и наяву укрыт от силы вражьей, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасной, от горя и беды, от топора, от меча, от татарского копья, от борца-единоборца, от врага-супостата, от всей поганой татарской силы.

Заговариваю я раба Божьего Кузьму - ратного человека сим моим крепким заговором. Чур, слову конец, моему делу венец.

Варвара еще долго молилась, кланялась и поила водой «Мать сыру землю», но Кузька уже ничего не видел и не слышал. Он успокоенно спал в своей горенке.

...Андрей и Ульяница провожали

солнце, уйдя далеко от слободы по берегу озера. Здесь, на взгорке у березовой рощи, где в праздники собирались белозерские парни и девушки, они сидели и глядели на закат.

Казалось, что солнце садилось в озерную воду, так же как утром поднималось из озера. Видение это заворжило обоих. Ульяница вдруг прижалась к Андрею.

- Ты чего-то боишься? - спросил Андрей.

- Нет, Андрюша. С тобой мне не страшно, а хорошо. Я за тебя боюсь... боюсь потерять.

- Видно, уж такая судьба наша: мне - уходить, тебе - ждать.

- Больно недолго нам с тобой погулять довелось. Ты помнишь, как мы встретились накануне Петрова дня?

- Разве я когда забуду... Только я ведь тебя раньше приметил.

- Когда? - удивилась Ульяница.

- В Иванов день. Вы тогда вот в этой роще хороводы водили да песни пели. Про цветок иван-да-марья.

- Я помню. Верно, пели... А ты знаешь, Андрюша, почему так этот цветок назван?

- Нет.

- Тогда слушай, - тихо, почти шепотом говорила Ульяница. - Жили когда-то давным-давно молодец и девушка. Иван да Марья. Ну, вот такие, как мы с тобой. И полюбили друг друга. А потом вдруг все узнали, что они - брат и сестрица. И люди наказали их: сделали цветком. Вот почему лепестки у этого цветка разного цвета. И зовут его иван-да-марья... А ты почему тогда не подошел ко мне?

- Сразу как-то не решился,

И они стали вспоминать о своей первой встрече накануне Петрова дня. В ту ночь парни и девки спать не ложились. Сперва провожали солнце, а вместе с ним и весну красну. Потом всю светлую ночь водили хороводы, пели, играли, ожидая восхода солнца; в этот день оно всегда горело и играло, возвещая приход лета красного.

Недалеко от них шумели листвою деревья от свежего ветерка с озера.

Ульяница прислушалась.

- Деревья шумят, - сказал Андрей, - ветер подул.

- Это они разговаривают, - тихо и таинственно проговорила Ульяница.

- Как это?

- Мне бабка старая сказывала, что деревья живые, что они тоже люди, только давным-давно жили. А теперь один раз каждое лето они переходят с места на место и разговаривают меж собою. Вот и шумят.

- Когда это бывает? - спросил Андрей.

- В ночь на Ивана Купалу, когда многие чудеса случаются.

- О чем же они говорят?

- Понять их может только тот, кто в эту ночь сорвет цветок кочедыжника*. Он в полночь распускается и горит огнем, а нечистой силой охраняется. Чтобы сорвать его, надо нечистую силу одолеть: не поддаваться искушениям ее, не откликаться на зов, даже головы не поворачивать...

А кто знает, тот сказывает, будто дубы разговоры ведут о богатырских подвигах, а березы все про любовь шепчутся.

Ульяница замолчала, и они долго сидели, прижавшись друг к другу, слушая шум берез.

- Андрюша, - сказала вдруг Ульяница. - А давай мы с тобой и в разлуке разговаривать.

- Давай... - согласился Андрей. - Только ведь я от тебя далеко буду. Может, за тыщу верст. Как же говорить?

- А я придумала, как... Ты смотри на солнце, когда оно заходит. И когда оно восходит - тоже смотри. Я его тоже каждый день провожать и встречать буду. И на него глядячи, с тобой говорить. Мы с тобой через солнышко говорить будем. Понял, Андрюша?

- Понял. Ульяница, свет мой ясный, - сказал Андрей и крепко ее обнял.

Так сидели они и вели свой разговор, пока не показалась на небе узкая полоска света, но теперь уже с другой, правой стороны озера...

Первыми на призыв Федора Рома-

*Кочедыжник - папоротник.

новича пришли в Белоозеро со своими дружинами и ратниками племянники, белозерские князья ближних уделов - сыновья брата Василия Романовича Сугорского: Семен Кемский, Глеб да Иван Карголомские, князья Ухтомские и Андомские, боевые дружины с Вадбала, Андопала, Кубены.

В нижних землях Сугорья по Шексне на пути ожидали Федора Романовича другие его племянники: князья Юрий Сугорский да Афанасий Шелешпанский, дружины с Андоги, Суды, Белого Села. Великая собиралась сила...

...И вот опять на торговой площади Белоозера собрался весь городской люд. Отслужен последний молебен в церкви святого Спаса, и князь Федор с духовниками вышел к воинству. Настал час прощания.

Многоголосно шумит площадь. Матери и жены, все, кто остается дома, отдают воинам, по обычаю предков, конечное целование.

Первой подошла к Федору Романовичу жена его Федосья. В который раз, не сосчитать, за свой долгий век она, дочь великого Ивана Калиты, провожает в боевой поход своих близких. Сколько слез пролила, не ведая, воротятся ли они живыми. Отдав конечное целование мужу, княгиня обняла сына Ивана. Заплавав, она прижалась к его груди.

А рядом причитали другие женщины. Прощался Онфим-сапожник со своей женой и ребятишками. Недалеко от них стоял Кузька с отцом и матерью.

Рядом с Кузькой - гнедой белоглазый жеребец с лысиной - настоящий борзоходец. Не обманул Андрей, добыл для друга в конюшне доброго коня. Да и сам Кузька добро снаряжен. На нем железная рубаха, которую вместе со шлемом и мечом получил он у княжеского оружейного ключника Пантелея. Отец мог дать ему лишь лук со стрелами, деревянный щит, обтянутый кожей, да острый засапожный нож, с которым когда-то ходил на охоту. Правда, на поясе у Кузьки висит и свой обоюдоострый, с костяной рукояткой нож, да

еще кресало и шило в чехле, так необходимые в походе.

К седлу приторочена войлочная полсть для спанья и укрытия от непогоды. В седельной суме сухари, овсяная мука для толокна и прочие припасы, положенные матушкой Варварой. Глядя на Кузьку во всем этом боевом одеянии, совсем не скажешь, что он воин-небывалец. Повзрослел Кузька, посуровел даже лицом своим. Отчего и отец говорит с ним по-взрослому, как с равным.

- Чести нашей не урони, - торжественно давал Анисим последний наказ сыну. - Рода нашего не опозорь. Идешь ты на святее дело: отчину нашу и дедину от врагов оборонять. Да не дрогнет сердце твое, да будет крепка рука твоя, когда встретишь супостата.

Анисим перекрестил и троекратно поцеловал сына. Варвара громко заплакала.

- А ты не голоси, - строго сказал Анисим жене. - Он не девка-юница, а мужик. Идет на святое дело. Благослови.

И Анисим легонько подтолкнул к Варваре сына. Тот встал перед матерью на колени. Варвара, всхлипывая и шепча молитву, повесила Кузьке на шею маленький образок Богородицы с младенцем и ладанку с травой бессмертником. Сама опустила перед сыном на колени и, обхватив руками его белобрысую голову, заголосила вновь.

- А ну, мать, хватит. Чего заживо хоронишь. - Анисим оттащил Варвару от сына. - Ступай с Богом, сынок.

Кузька встал и земно поклонился родителям.

- Прощай, отец... Прощай, матушка...

...Андрей Хват сидел уже в седле, когда увидел идущую к нему Ульяницу. Он спрыгнул на землю. Ульяна подошла и протянула Андрею сверток.

- Прими, Андрюша, сорочицу. Сама шила для тебя.

- Спасибо, Ульяница, - поклонился Андрей.

Они, взявшись за руки, стояли и

молча прощались, пока не заиграла вдруг походная труба.

Вся площадь пришла в движение. Закричали сотники, заржали кони, заголосили бабы. Сопровождаемые толпой горожан и духовниками с иконами, белозерские дружины двинулись по дороге на Старый городок к берегу Шексны.

Путь их был не близок: до самой матушки Москвы, где собиралось войнство со всех городов и уделов русских, чтобы идти потом навстречу татарским ордам, которые вел на Русь злой темник Мамай.

МОСКВА

*И приидоша князи Белозерские,
крепки суще и мужественны, на брань
с воинством своим.
ЛЕТОСЛОВЕЦ*

...Как только-только забрезжил рассвет, белозерский полк снялся с ночевки на берегу реки Клязьмы в двадцати верстах от Москвы и выступил по Дмитровской дороге в последний переход к стоальному городу.

Чем ближе подходили к Москве, тем чаще попадались вдоль дороги деревеньки и села. А около полудня, окруженная холмами и горками-крутицами, березовыми рощами да ремесленными слободками, открылась перед белозерцами Москва - стоальный град всея Руси.

По высокому берегу Неглинной тянулся длинными улицами Великий московский посад, а еще выше над ним и над всей этой землей величаво возвышался кремлевский холм, опоясанный белокаменной стеной. На холме в густой зелени деревьев поблескивали золотом верха церквей и теремов.

- Ух ты, Господи, красота-то какая, - восхищенно произнес Кузька, оставив коня и сняв шапку.

- Москва... - коротко сказал ехавший рядом Онфим.

По широкому наплавному мосту перешли Неглинную. Завершив многоверстный путь, белозерский полк разбил стан на окраине московского посада, на Васильевском лугу.

Князь Федор с воеводами отправился в Кремль к великому князю Дмитрию. Воины отдыхали после трудного перехода, расседывали коней, разводили костры.

Дядька Онфим, Кузька и Андрей Хват, ставший теперь их десятским, умывшись и прибравшись, пошли смотреть Москву.

По обеим сторонам извилистой, мощенной тесаными плахами Никольской улицы, на которую ступили белозерцы, тянулись высокие бревенчатые частоколы, за которыми стояли дворы москвичей с рублеными избами, колодезными журавлями, амбарами, мыльнями, огородами. Народу на улице было много: Москва проснулась от полуденного сна. Стучали по мостовой колеса телег. Пеший и конный люд двигался по Никольской в сторону Кремля и от него.

На перекрестках и в тупиках во множестве стояли деревянные церквушки, увенчанные маленькими главками. Чем ближе подходили белозерцы к Кремлю, тем оживленнее становилось на улице. Вот в конце ее показалась часть белой кремлевской стены с башней, а когда улица кончилась, то они остановились изумленные: вся огромная площадь между посадом и Кремлем была заполнена народом, уставлена возами и лавками.

От края площади, где белозерцы находились, другого края даже не видно было. Вся эта огромная толпа людей разговаривала, двигалась, кричала.

Гудел, как улей, московский торг, а над ним гордо и молчаливо возвышались высокие белокаменные стены и башни с плоскими площадками на них, по которым расхаживали вооруженные стражи.

Кузька впервые был здесь и потому смотрел на все, как на дивное диво. Поначалу казалось, что люди на торгу толклись и двигались в беспорядке, но, когда Кузька с Андреем и Онфимом присмотрелись, то увидели, что это не так. В толчее рыночной площади они увидели ряды торговых скамей и лавок. Что ни ряд, то свой товар.

Вот вдоль белокаменной стены протянулись скамьи ветошного рада с разложенными на них льняными сорочицами, сермягами из крашенины, войлочными, суконными и бархатными шапками, рукавицами.

Рядом с ветошниками - сапожники. На дощатых скамьях конская сбруя, ремни, сапоги на толстой бычьей коже, сумки-калиты, ножны и прочий, нужный всякому человеку, ходовой товар.

А вот в сурожском ряду разложили свои товары гости-сурожане. Тут и заморский шелк, и парча, и камка, и разная мелочь: румяна, белила, бусы, серьжки, перстеньки. Чего только нет у богатых сурожских купцов для московских девок и молодых, которые со смехом и шутками толпятся возле лавок.

Оживленно в рядах мастеров железного дела: кузнецов и бронников. Здесь товар серьезный. Москвичи покупают, примеряют, пробуют кованые наконечники для стрел и копий, боевые топоры, мечи, шелома, щиты для завтрашнего боевого похода.

Напротив Фроловских ворот Кремля торгуют разной снедью пирожники, блинники, калашники, квасники. Ближе к домам посадка много возов со свежей капустой, репой, яблоками, тыквами. Тут же в кадях квашеная капуста, моченые яблоки, огурцы - все, чем богат ныне август-густарь.

На площади тоже много маленьких деревянных церквушек. Только вдоль стены от Никольских до Фроловских ворот Кузька насчитал их целый десяток. На их папертях толпы нищих, болящих, недужных, вдовиц и сирот в грязных одеждах. Рябит в глазах от такого многолюдья, звенит в ушах от говора и криков торговцев, горожан, крестьян, холопов-страдников и просто гуляющих людей. Снуют, покрикивая, походячие торговцы - разносчики мелкого товара. Один такой чуть было не сбил Кузьку с ног, когда тот загляделся на всю эту пестроту московского торгового. Онфим засмеялся.

- На Москве рот не разевай - с ног сшибут.

В блинном ряду у жаровен с калеными углями - краснолицые блинники. Тут блины пекут, тут и продают. Один из них окликнул белозерцев:

- А ну, молодцы, налетай на блинцы. С пылу с жару отведай пару, да еще немножко - два пула* плошка.

Блинник, ловко орудуя деревянной лопаткой, снимал горячие блины со сковородки и клал в глиняные миски, поливая их затем маслом из узкогорлой кубышки.

- Лей, кубышка, поливай, кубышка, не жалея хозяйского добришка, - весело проговорил дядька Онфим, решив отведать московских блинов.

- Лей-поливай, да хозяина не забывай, - подмигнув и в тон ему ответил москвич. - Откуда, молодцы такие?

- С Белоозера, дядя.

- Недаром такие белоголовые. Не от озерной ли воды?

- Может, и так.

Блинник подал каждому по миске блинов.

- Да, собираются воины со всей Руси. Тут уж до вас ростовцы пришли и костромичи, а то ли будет в Коломне, когда соберутся все. Несдобровать Мамаю.

- А сам-то идешь, дядя? - спросил Кузька.

- А то как же. И сам, и два сына со мной. Идем в пешей рати. Останутся на Москве только старики, женки да дети малые...

...Отведав у квасника холодного, со льда, квасу, Онфим, Кузька и Андрей прошли во Фроловские ворота Кремля.

От самых ворот начиналась Большая кремлевская улица. Дворы за чостоколами здесь были добротнее и богаче, нежели на посадке: с решетчатыми сеньми, конюшнями и дворнями. Только у самой стены в переулках стояли дворишки горожан-мастеровых. Большая улица вывела белозерцев к широкой площади, на которой стояли четыре белокаменных храма. Высокий деревянный великокняжеский терем сверкал на солнце стекольчатými окнами. Там, за ними, держал сейчас совет с воеводами ве-

---

* Пул - мелкая монета.

ликий князь Дмитрий Иванович Московский.

Белозерцы стояли возле терема на самой вершине кремлевского холма. Внизу под ними в листве деревьев белели зубцы стены у самого берега Москвы-реки. По всему подолу тянулись ряды домишек, амбаров и великокняжеских конюшен. Левее за стеной сгрудились на воде у пристанища лодьи, насады. Живой на плаву мост соединял оба берега Москвы-реки, переходя на той, низкой, стороне в широкую Ордынскую дорогу.

Отсюда, с высоты холма, были видны многие дороги, и казалось, что кремлевский холм высится не только над Москвой, а стоит он утесом посередине всех русских земель, которые тянутся к нему путями-дорогами.

Жила Москва, жила Русь, и не верилось, что там, далеко на юге, за этой синей дымкой, куда уходила Ордынская дорога, двигались к Москве несметные тьмы татарских полчищ, страшных в своей жажде все разрушать и испепелять...

Белозерцы еще долго бродили по кремлевским улицам. Солнце клонилось к закату, когда они через Никольские ворота вышли из Кремля.

Уже затих московский торг, тихо было на улицах Великого посада. Спокойно и неторопливо звонили колокола церковей, созывая горожан на всеношную, помолиться по обычаю о здравии воинов: сыновей, отцов, братьев и всех иных, уходящих завтра на защиту родной земли, идущих умереть или победить...

И ПОДНЯЛАСЬ РУСЬ

*Тут, братья, стук стучит и гром гремит
в славном граде Москве.*

*Это идет сильная рать великого князя
Дмитрия Ивановича...*

*...Князи Белозерские из каменна града
Москвы выехали своим полком
и храбро их видети войско.*

ЛЕТОСЛОВЕЦ

На соборной площади Кремля ljudно, как в праздник. Пешие и конные, москвичи и пришлые из других уделов собрались здесь. В одном строю

стоят ростовцы и белозерцы, ярославцы и костромичи, звенигородцы и угличане, кашинцы и устюжане. Так повелось издревле: отсюда, с широкой площади Кремля, начинался для русских полков и дружин путь на битвы с врагами Руси...

Все было готово к походу. Ждали только выхода великого князя Дмитрия Ивановича.

Но вот с митрополичьего двора, из собора архангела Михаила, где проходил напутственный молебен, вышел и он с воеводами и церковным клиром. Статный, черноволосый, в расшитых золотом остроносых сапогах из красного сафьяна, по земле ступает твердо. Живые глаза смотрят с достоинством и спокойно.

Князь Дмитрий моложе многих своих воевод. Только черная, недавно отросшая борода придает его лицу мужавость, и он кажется старше своих тридцати лет.

Дмитрий с князьями остановился посередине площади. Из толпы народа вышла к нему великая княгиня Евдокия с сыновьями Василием, Юрием и Андреем. Дмитрий наклонился и что-то стал говорить им. Те обхватили отца за шею и прижались к нему. Евдокия заплакала, поцеловала мужа и, захватив сыновей, отошла...

Ничего не сказал ей Дмитрий. Только нахмурился. Евдокия земно поклонилась мужу. Вместе с нею поклонился весь народ, собравшийся на площади. Дмитрий ответил земным поклоном на все четыре стороны.

Два дюжих оруженосца подвели к великому князю стройного рыжего коня. Один из них, встав на колени, придерживал рукой серебряное стремя. Дмитрий похлопал ладонью упругую шею коня и легко закинул свое тело в седло. И тут же, по этому знаку, ударили колокола всех кремлевских звонниц. Вскинулись в небо стаи птиц над золочеными куполами и свинцовыми кровлями храмов, зашумела площадь, заколыхались стяги, заголосили бабы, отдавая воинам конечное целование.

Из Кремля русская рать пошла тремя воротами, тесно было воинству на

московских улицах. Через Тимофеевские ворота, которые выводили к мосту через реку Москву и дальше на Ордынскую дорогу, ехал впереди своей великокняжеской дружины, московских и удельных ратников сам Дмитрий Иванович. Из Фроловских ворот и далее по Брашевской дороге вдоль Москвы-реки выехал с дружиной да с дмитриевской и звенигородской ратями князь Владимир Серпуховской. Белозерский полк с кашинцами и устюжанами двинулся из Никольских ворот Кремля по Болвановской дороге мимо Симонова монастыря.

Вся Москва провожала воинов. Люди заполнили площадь и улицы города, облепили кремлевские стены и башни. Сопровождаемое причетами, криками и плачем, русское войско покинуло Москву.

Встретились рати на коломенской дороге, вдали от стольного города и все вместе двинулись на Коломну. На многие версты растянулось воинство, и если бы посмотреть сверху, то казалось бы, что это течет на юг от Москвы по Русской земле неведомая доселе река, вбирая по пути все новые и новые притоки, с каждым часом становясь полноводнее и шире. Но нет, не река это, а Русь идет, поднимаясь и расправляя свои плечи, чтобы стряхнуть с себя ненавистное ярмо чужеземца...

...После Коломны русского войска прибыло втрое. К пришедшим из Москвы с великим князем дружинам присоединились рати из Владимира, Суздаля, Можайска, Мурома и иных городов Залесья. Из Коломны выступили двадцатого августа, а когда четыре дня спустя, на праздник Семеналетопроводца, перевезлись через Оку близ устья Лопасни и пошли по Дикому полю окраины рязанской земли, в русское войско пришли со своими дружинами князя Андрей Полоцкий да Дмитрий Брянский - двое из двенадцати сыновей великого князя литовского Ольгерда. Не пожелали они поддерживать родного своего брата Ягайлу, который в это же самое время спешил на помощь Мамаю...

Вооруженные чем попало, с рогаatinaми, косами, с топорами на длин-

ных топорницах, в лаптях и рваных армячишках приходили толпы крестьян из рязанских сел и деревень, мимо которых шла к Дону русская рать. Ещё в Коломне, когда на Девичьем поле под городом уряжали полки, воеводы огласили приказ великого князя Дмитрия, который заповедал всякому ратному человеку: идя по рязанской земле, не творить никакого зла ее жителям, «не касаться ни к единому волосу их».

Рязанцы из деревень, лежащих на пути войска, сами выносили ратникам все, что могли, из своих скудных припасов. Выжженная и разграбленная многими татарскими набегами рязанская земля была бедна и деревнями, и пашнями, и нивами. А какие деревни и попадались на пути, то люди жили там больше все в полуземлянках, что очень дивно было видеть белозерцам.

Правда, край этот был обилен разным зверьем да птицами, и житные отряды, собиравшие для войска корм, нужды особой не знали.

Все это Кузька увидел сам, когда воинов их десятка урядили собирать съестные припасы. Рыская на конях по лесам и полям в стороне от главного пути, белозерцы набрели однажды на небольшую деревеньку. Ее и деревней-то на Белоозере не назвали бы: несколько полуземлянок на берегу малой речушки. Они и деревню-то, может, не заметили бы, да оттуда донесились какие-то крики и плач.

Белозерцы завернули коней и увидели, как у крайней к лесу избенки женщина, глухо повязанная платком, крича и причитая, удерживала маленькую, тоже кричавшую козлушку, которую тянул за рога мужик в распахнутом кафтане. Привязанный к изгороди конь под седлом стоял неподалеку.

- Кто таков? - спросил мужика Андрей, когда белозерцы подъехали ближе.

Увидев всадников, мужик отпустил козлушку.

- Ратник великого князя Дмитрия.

- У него рать большая. Чей будешь?

- Московские мы, - чуть с вызовом ответил ратник. - А вы кто такие?

- Мы тоже из войска великого кня-

зя. Белозерской дружины ратники. Пошто козу отбираешь?

- А у нее еще есть, - не моргнув глазом, быстро ответил москвич.

- Мало ли у кого что есть, - Андрей повернулся к женщине, рядом с которой стояли откуда-то появившиеся трое малых ребят, тесно прижавшись к матери. - Как звать тебя?

- Фетинья, - ответила женщина.

- Где мужик твой?

- Ушел с войском в поход.

- Так, так, - помрачнел Андрей и оборотился к ратнику. - Ты про приказ князя Дмитрия слыхал?

- Какой приказ?

- Ничего, идя по рязанской земле, не брать и никого не касаться.

- Ничего я не слыхал. Мне велено мяса добыть.

- Вот и добывал бы в лесу. А ты захотел что поближе, да у того, кто за себя постоять не может, - вмешался в разговор дядька Онфим.

- Муж ее вместе с другими ушел с войском, а ты последнюю животину у бабы отымаешь. На смерть ее и детей обрекаешь. Детей брата своего и воина. Да знаешь ли ты, что такой и блудника, и прелюбодея, и татя окаяннее и проклятее!

Ратник стоял, ничего не отвечая, и даже смотрел на белозерцев с каким-то вызовом.

- Что делать будем с этим гусем? - спросил Онфим Андрея.

Андрей ответил не сразу. Он, о чем-то размышляя, глянул на ратника, а потом на женку с ребятишками и изрек свой приговор:

- А ну, москвич, сымай порты,

- Как это? - не понял сразу тот.

- А так. Рассупонивай гашник*

- Да вы что! Да я... за что? - москвич не ожидал такого поворота,

- Будем тебе приказ великого князя доводить через твое срамное место,

- Побойтесь Бога, мужики.

- Господь тут ни при чем, ибо сказано им: добро творящих чести, а зло творящих запрещай.

Москвич умоляюще оглядел белозерцев.

- Неужели при бабе... - он кивнул на Фетинью.

- Нет, мы честь ее соблюдем. - Андрей повернулся к женке. - Иди, да боле никого не бойся.

Фетинья, перекрестившись и поклонившись, ушла...

- Вот это тебе впредь знатье будет, что приказы великого князя Дмитрия лучше через голову, через ум доходят. Ступай, - сказал Андрей москвичу, когда тот встал с земли.

А москвич, оправив одежду, отвязал своего коня от загородки и побрел прочь пешком, ни слова не сказав и не подняв головы.

...Шестого сентября, за два дня до праздника Рождества Богородицы и Приснодевы Марии, русские рати подошли к Дону-реке и остановились на левом его берегу.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ

И уже соколы и кречеты, белозерские ястребы скоро за Дон перелетели и ударились о многие стада гусиные и лебединые. Это перевезлись и наехали сыновья русские на сильную рать татарскую, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве... И была сеча зла и велика и трус земли велик.

От начала мира не бывало такой сечи.
ЛЕТОСЛОВЕЦ

Осень в этом году ожидалась быть протяжной, с ясными днями и теплыми ночами. В светлом воздухе бабьего лета носились паутинки - верная примета долгой и теплой осени. Только по утрам становилось прохладнее. И тогда в низинах и над спокойным Доном появлялся туман. А вместе с ним тянулось над рекой дым от тысяч костров, горевших на левом берегу, где разбила стан русская рать. Весь берег не на одну версту был усеян людьми, шалашами, конями, повозками, шатрами.

Наступил второй день, как горят над Доном костры. Рыщут на том берегу на усталых конях по полям и лесам ближние и дальние сторожи. То и дело скачут от них к великокняжес-

* *Гашник - пояс, шнурок на штанах.*

кому шатру гонцы с вестями о движении Мамаева войска. Доносят вестники, что татары уже подошли к Гусиному броду, а это всего в одном дне пути от Дона.

С утра, как взошло солнце, в шатре великого князя Дмитрия собрались на скорый совет воеводы всех полков. Недолг был разговор, и князь великий объявил свою волю: перейти Дон и исполчиться на Куликовом поле вдоль правого берега Непрядвы. Каждому полку мосты через Дон мостить и броды искать для переправы.

Застучали топоры в прибрежных лесах и дубравах. Потянулись к воде вереницы лошадей с бревнами. Мастера-городники связывали бревна льняными и лыковыми веревками в широкие плоты, опускали на воду, составляя наплавные мосты для пешцев.

Переправу начали не мешкая. Первыми в этот день перешли Дон и стали на том берегу полки правой и левой руки да передовой пеший. Лишь большой великокняжеский полк еще оставался на левом берегу Дона: его место на Куликовом поле как раз почти напротив переправ.

Все воины готовились к завтрашнему дню: мылись в реке, надевали чистые праздничные рубахи, причесавшись и прибравшись, шли в походные полотняные церкви, где полковые попы причащали их и отпускали грехи. Таков уж был у русских мужиков обычай: в бой идти как на пир, а если придется на том пиру опьяниться и голову сложить, то только чистыми и душой и телом...

...Затухала вечерняя заря, предвещающая ведренный день. Тихо было в стане русских воинов на обоих берегах Дона. Только слышались негромкие разговоры у костров, на которых готовилась в котлах пища - последняя трапеза перед боем, да какой-нибудь гуслиар, будто сказывая о чем-то, неторопливо перебирал звончатые струны гуслей.

Онфим, Кузька и воины из их десятка тоже сидели у костра. В котле пузырилась просыная каша, густо сдобренная чесноком. Белозерцы пришли к Дону под началом самого кня-

зя Дмитрия. Когда уряжали полки на Девичьем поле под Коломной, он взял белозерские дружины к себе в большой великокняжеский полк.

Кузька поддел деревянной ложкой каши из котла, попробовал и повернулся к Онфиму.

- Поди добра, дядя Онфим?

Онфим не торопясь достал из-за голенища свою ложку, завернутую в тряпицу, вытер ее и сам попробовал варево.

- Кажись, добра. Сымай.

Котел сняли и поставили для остуды в неглубокую яму. Все уселись вокруг.

- Ну, братцы, начнем, благословясь, - Онфим перекрестился и постучал о край посуды.

Кто-то протянул Онфиму глиняную кубышку, оплетенную берестой.

- У отца Никодима от причастия осталось. Мед...

Онфим отложил кубышку в сторону.

- Сам не буду и тебе не велю. Вот завтра будет пир, там и выпьем каждый свою чашу. А сегодня грешно. Завтра нужна голова ясная, глаз зорек и рука крепка. Да и праздник завтра - Рождество Богородицы...

Из темноты к костру вышел Андрей Хват, бывший у князя Федора.

Тот собирал к себе всех сотских и десятских. На Андрее Ульяницына рубаха с вышитыми синими цветами по подолу.

- Садись, Андрюха, да сказывай, какие вести принес, - Онфим подвинулся, освобождая место рядом.

- Весть одна. Мы на заре переходим Дон. На том берегу сторожа языков добыла. Те говорят, что Мамай стоит станом в семи верстах отсюда. А еще князь Федор сказывал, что иные воеводы хотели бы на этом берегу бой принять, да великий князь по-своему размыслил. Мы, говорит, сюда не затем пришли, чтобы реку Дон стеречь, но избавить Русскую землю от разорения.

- Так и быть должно, - заговорили ратники.

- Это по-нашему. Зачем тогда столько верст было топать.

- А татар-то много ли? - спросил Кузька.

- Множество несчетное. Да ты ужели боишься?

- А чего бояться? Нас ведь тоже сила немалая. Почти вся Русь собралась. Так неужели забоимся этих обрезанных идоложрецов. Били их на Воже-реке два лета тому, побьем и завтра.

- То правда, - согласился Хват. - Татар бить можно и побеждать можно, но на Воже-реке их было менее, чем теперь. Мамай набрал наймитов из многих земель: фрягов, хосогов, яссов, бургасов, жидов кавказских и иных.

- А я, братцы, вот что скажу, - вступил в разговор Онфим, обращаясь к молодым воинам. - Татары ведь как бьются? Они будто ножом врезаются в ряды и отсекают десяток-другой ратников, а потом секут и колют. Это их любимое дело. Вот и выходит, что нам нужно держаться вместе крепче да тем же делом и татар бить.

- И чего это они на нас прут таким числом несметным? - задумался Кузька.

- Мамай хочет отомстить великому князю Дмитрию за свое побоище на Воже, да за то, что дань ему не платит, - сказал Андрей.

- Так-то так, - вновь заговорил Онфим. - Но еще я думаю, что все это от наваждения дьявольского. Идут иноплеменники на нас из-за грехов наших. Из-за неправд, братоненавидения, сребролюбия, суда неправедного. Забыли мы заветы предков наших, вот бесы и ввели нас во грех.

- Андрюха, а в твоей книге об этом прописано? - спросил Кузька.

- В ней про все прописано, и об этом тоже, - ответил Андрей и, взяв в повозке книгу, раскрыл ее и прочел: - «Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеваются, ввергнув их в погибель смертную... Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в мечтании. Больше же всего через жен волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же

мужчину, Потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ в мечтании»...

- Так, стало быть, вороги наши не хотят, чтобы на Русской земле единение было? - сказал Кузька.

- Это им как серпом по пальцам, наше единство, - ответил Онфим.

- Тогда мы завтра победим! - убежденно заключил Кузька.

- Это почему же? - опросил Андрей.

- А потому, что собралась здесь вся Русь в единстве своем. Так кто же может сейчас против нас устоять...

Внимательно слушали воины-небывалыцы наставления Онфима и Андрея Хвата. Долго не ложились они спать в этот вечер, разговаривая и вспоминая свою жизнь до этого похода, близких своих и Белое озеро, от которого ушли за сотни верст.

...На востоке посветлело небо. Наступал новый день - восьмое сентября тысячи триста восьмидесятого года.

Пронзительный звук боевой трубы, несшийся от великокняжеского шатра, разорвал тишину над большим полком, нарушив беспокойный сон воинов. И тотчас же, будто откликаясь, со всех сторон заиграли другие трубы, забили бубны и барабаны. Ратники седлали коней, одевались в боевые доспехи и становились в ряды. В строй вставали все. Даже полковые попы со своими причетниками, скинув рясы, обряжались в железные рубахи.

На высоком месте берега, мимо которого спускался к реке большой полк, стояли несколько всадников, наблюдая за переправой. Один из них был на рыжем коне и в богатых одеждах. Чуть позади него рында* держал в руках чермное** великокняжеское знамя, с которого большими

* **Рында** - телохранитель, оруженосец.

****Чермное** - багровое, темно-красное.

и грустными глазами смотрел на воинов печальный лик Спаса.

- Гляди, Андрей, сам князь великий, - Кузька кивнул в сторону всадников.

- То не он, а московский воевода Михайла Бренк. Ему князь Дмитрий свои одежды и коня отдал, а сам в простые облачился. Вон он, стоит в сторонке.

Всадник, на которого показал Андрей, сидел на вороном коне, в колонтыре из досчатой брони с короткими рукавами и в простом железном шлеме...

Великокняжеский полк, переправившись на правый берег Дона, занял свое место вдоль берега Непрядвы, впадающей в Дон чуть выше переправ. Когда последние ратники ступили с мостов на берег, мастера-городники обрубили веревки и разрушили опоры, чтобы ни один не помышлял об отходе назад, за реку. Мосты развернуло течением и прибило к опустевшему берегу...

К десяти часам утра солнце и ветер разогнали туман, и открылось перед воинами Куликово поле во всю его ширь и даль. Кузька Сухоруков въехал на пригорок и с интересом глядел на открывшуюся перед ним картину. Трудно было назвать полем эту холмистую землю, зажатую в огромной излучине Непрядвы и Дона, изрезанную мелкими ручейками и овражками с кустарником и березовыми рощицами по берегам. Из края в край Куликова поля на четыре версты раскинулась в ширину русская рать, походя сверху на огромную птицу, распластавшуюся по земле. Голова ее - передовой полк, тулово ее - большой великокняжеский, крылья ее - полки правой и левой руки, хвост ее - запасный полк. А в опричном месте в дубраве, что примыкала к полку левой руки, скрылся засадный полк, ожидая своего часа. Плотными рядами стояли тысячи ратников. Играли солнечные блики на их боевых доспехах, трепетали на ветру красные лоскутки в шишаках шлемов, колыхались над рядами знамена и хоругви. А сколько разномастных коней под всадниками: вороные и карие, гнедые и караковые,

бурые и соловые, пегие и каурые, чалые и рябые, буланые и саврасые!

Никогда еще не собирала Русь воедино столько конных и пеших ратников. Каждый из них пришел сюда биться с татарами за свой дом, за матерей, жен и детей своих, а все вместе - за святую матушку Русь. Глядя на все это, Кузька как-то сразу почувствовал себя спокойно и уверенно.

С той стороны, где стоял передовой полк, послышались вдруг крики «ура». Потом Кузька увидел, как оттуда к большому полку поскакало несколько всадников. Над ними развевалось знамя, и Кузька понял, что это великий князь Дмитрий Иванович Московский объезжает войско. Вот он приближается и к белозерскому полку. Князь Дмитрий в полном боевом облачении. Только на голове нет железного шлема, который держит в руках княжеский рында.

Великий князь резко остановил коня, вскинул вверх руку и громко произнес своим сильным голосом:

- Братья белозерцы! Князи и воеводы! Сыны русские от мала до велика! Час приближается грозный, Мужайтесь и крепитесь! Скоро будут татары, а вы будьте готовы против них. Поганый Мамай грозит: если раб не соблюдет заповеди господина своего, то биен будет. Но русские никогда не были рабами! Прародители наши, святые князья киевские, получили веру православную от Господа. И с той поры зажженная свеча веры нашей русской горит из века в век. Так не дадим же, братья, сей свече угаснуть! Избавим отечество наше от разоренья! Обороним его от поганых! Не пощадим живота своего за веру христианскую, за землю нашу русскую, за вдов и сирот, за всех русских людей! Да не будет в сердцах ваших страха и трепета! Честная смерть лучше плохого живота! Умрем или победим!

Громкое и протяжное троекратное «ура» сотрясло воздух над белозерским полком. Под эти громовые возгласы Дмитрий Иванович подъехал к белозерскому князю Федору и обнял его. Затем поскакал к другому полку...

...Долго не было видно татар на противной стороне Куликова поля. Оттуда, из-за холмов, за которыми были они скрыты, доносились только их крики да звуки боевых труб. Но вот зачернели вершины холмов, и будто темные волны стали перекатываться через них. Это ряд за рядом спускались на поле татары.

Было около полудня, когда две рати, как две живые стены, выстроились друг перед другом, ощетинившись копьями. От того места, где в большом полку находились белозерцы, было далеко до передового полка, перед которым стояла, закованная в латы, итальянская пехота Мамай. Но Кузьке и его товарищам видно было, как с разных сторон узкого прохода меж полками ринулись друг на друга по обычаю два всадника-поединщика: татарин и русский. Короток был их поединок. Оба воина, пронзенные копьями, свалились с коней.

И тут же столкнулись две стены, две силы, и сотрясся воздух над полем Куликовым от этого столкновения, от криков тысяч людей, от ржания тысяч коней, от железного лязга и скрежета. Засверкали короткими молниями мечи и сабли, полетели в обе стороны тучи стрел. Началась битва, какой не бывало от начала мира под этим солнцем, так ярко и мирно сиявшим сегодня над землей...

Рядом с передовым полком бьется с татарской конницей полк правой руки. Только полк левой руки не вступил пока в дело. Между ним и татарами речка Смолка. Не решаются татары через нее бродиться. Ждут приказа с Красного холма, где на шелковых подушках в окружении своих темников сидит востроглазый Мамай. Еще утром, когда развеялся туман и с высоты холма он увидел поле и русскую рать на нем, подумал: Московскому князю ума не занимать. Хорошее он выбрал место для своего войска. Лишил его, мамаеву, конницу простора. И справа и слева - реки. Не развернешься, не обойдешь. А еще понял Мамай, что драться будут русские зло и крепко. Отступить им некуда. Поэтому он так обрадовался, когда уви-

дел, что его наемные генуэзцы начали теснить передовой полк русских. И Мамай стал посылать им в помощь новые тысячи своих воинов...

...Второй чае пошел, как началась битва. Страшен натиск врагов на передовой полк, в рядах которого много воинов-небывальцев. Сотнями падают они на землю, а по их телам генуэзцы все ближе и ближе продвигаются к большому полку. Их, итальянских наймитов Мамай, тоже осталось мало, но вместо поверженных встают новые сотни и тысячи.

Ратники большого полка, наблюдая за битвой, томились ожиданием. Андрей, Кузька и Онфим стояли в первом ряду, и они одновременно увидели, как со стороны передового полка к ним во весь опор мчался всадник. Когда он резко остановил потного коня возле князя Федора, Кузька узнал великого князя Дмитрия. Глаза его возбужденно горели. В опущенной правой руке железная палица. Дмитрий снял шлем с кольчужной сеткой, смахнул ладонью пот с лица. Мокрые пряди волос разметались по лбу. Заговорил, тяжело дыша и отрывисто.

- Ну, вот и ваше время приближается, князь Федор. Нет более передового полка. Пришел ваш черед в дело вступать. На вас надежда, белозерцы. Готовы ли?

- Готовы, государь. Костьми ляжем, а с места не сойдем. Да и идти-то некуда: за Доном русская земля. Живым, да без победы там для нас места нет, - ответил белозерский князь и, помолчав, добавил с укоризной. - А тебе, государь, не подобает самому в рядах биться. Неровен час, убьют или ранят, и уподобится войско стаду без пастуха. Тебе, государь, надо в опришном месте стоять, смотреть и направлять.

- Нет, не могу, - горячо заговорил Дмитрий, - как же я скажу: братья, вперед, все до единого, а сам лицо свое почну скрывать или прятаться за ваши спины. Нет, я хочу как словом, так и делом быть вместе со всеми, чтобы другие, видя это, отвагу восприняли.

И Дмитрий приказал большому полку двинуться вперед и вступить в дело.

Дядька Онфим подъехал к Андрею и Кузьке, поставив своего коня меж их боевых коней.

- Попрощаемся, братцы...

Земляки обнялись.

- Ежели кто жив останется, - заговорил Онфим, - пусть поклон мой женке и детям на Белоозеро свезет.

- А мой поклон Ульянице, - сказал Андрей.

- А от меня поклон бабушке и матушке, - промолвил Кузька.

- Простите...

- Простите...

- Простите...

Остатки передового полка отходили назад. Их пропустили в середину строя, и отчаянная рукопашная схватка разразилась с новой силой.

Задыхаясь в тесноте, в пыли и жаре, люди рубили друг друга мечами и саблями, кололи копьями, душили руками. Да что люди: даже кони в этой безумной схватке, будто понимая, кто свой, а кто враг, грызли друг друга зубами, били копытами и, храпя, падали, подминая под себя седоков.

В первые минуты Кузька и его друзья бились рядом, но потом все смешалось, и он потерял их из виду. Опускал меч на головы врагов, сам защищаясь от их ударов. Кузька не знал, сколько прошло времени, когда он увидел недалеко от себя спешенных великого князя Дмитрия и Андрея Хвата, бьющихся с четырьмя татарами. Вздвиг коня, Кузька бросился на выручку. Он уже замахнулся на ближнего к нему татарина и вдруг почувствовал, что падает с лошади. Какой-то копейщик-генуэзец стащил его крюком с седла. Падая, Кузька выронил меч, а когда вскочил на ноги, то увидел перед собой здорового плечистого татарина. Со злоградской ухмылкой он заносил над Кузькой ребристую палицу. Растерявшись, Кузька присел, невольно прикрыв голову щитом. Рука его ощутила рукоять засапожного ножа, и в то же мгновение Кузька выпрямился, с силой всадил блеснувшее лезвие под

железную рубаху в межножье татарина. Тот громко завопил, и, согнувшись, повалился на землю. Но тут сильный удар в голову потряс Кузьку. Потемнело у него в глазах, и Кузька провалился в тишину. И уже не слышал он крика Андрея Хвата, которому был виден поединок. Андрей сам пал, зарубленный татарами. Не видел Кузька, как один за другим пали все его друзья-белозерцы. Пали, но не отошли назад ни шагу под натиском врагов, лезших на них, как саранча. Татары одолевали. И тогда князь Дмитрий вскочил на попавшегося под руку коня, третьего за битву, и помчался в тыл большого полка, где стоял наготове запасный полк Дмитрия Ольгердовича Брянского. Свежие силы русских потеснили татар.

Видя, что атака против передового полка захлебнулась, Мамай приказал правому крылу своего войска перейти Смолку.

Тысячи конников бросились в реку. Закипела вода от множества людских и конских тел. Черной лавиной татарская конница устремилась на полк левой руки русских и стала теснить его к Непрядве, отрезав от дубравы, что стояла между Смолкой и Доном. Татары ликовали, но недолгое их было ликование.

Как только лес оказался у них за спиной, из него вылетели новые тысячи русских конников. Это пошел в атаку засадный полк под водительством князя Владимира Серпуховского и воеводы Дмитрия Боброка. Громкое «ура» летело над полем вместе со сверкающими мечами и саблями над головами, копьями наперевес, бешеным топотом застоявшихся коней.

Долго ждал этой минуты засадный полк, и вот теперь все это ожидание, вся жажда боя, вся ненависть к татарам была вложена в этот порыв. Передние ряды татар все еще бились с полком левой руки русских, а задние, услышав крики и конский топот за спиной, оборотились и поняли все. Но было поздно. Зажатые меж двумя полками, как между жерновами, они были все иссечены. Немногие убежали, и кому это удалось, повлекли за

собой и других по всему полю. И вот татарское войско, еще несколько минут назад послушное одному мановению руки Мамай, распалось, расплылось как вода и превратилось в толпу бегущих в панике людей. Видя это, Мамай у подножья Красного холма выставил заслон из последнего своего запаса конницы. Но это была лишь жалкая попытка погибающих, но все еще не верящих в свою гибель людей. Воины Мамай остервенело защищались, но натиск русских сдержать уже было нельзя. Первым это понял сам Мамай. Будто порывом ветра сдуло его с вершины Красного холма, и он позорно бежал, предоставив своим воинам самим решать свою судьбу. Но за них это сделали русские. Еще целых пятьдесят верст до самой реки Красивой Мечи гнали они убегающих врагов, устилая землю татарскими телами, утверждая древнюю истину предков: пришедший с мечом на Русь да от меча и погибнет.

ПОСЛЕ БРАНИ

*Страшно ведь, брат, было в то время
смотреть: лежат трупы христианские,
как стога сена, а Дон-река три дня кровью
текла. Считайте, братья, скольких воевод
нет, скольких молодых людей нет.*
ЛЕТОСЛОВЕЦ

Тихо на Куликовом поле. Только слышен гомон птиц да голоса оставшихся в живых русских воинов. Ходят ратники по полю, кличут друзей своих и близких, разбирают груды тел, отделяя раненых от убитых, своих от чужих. Недалеко от берега Непрядвы роят братские скудельницы для простых павших, а для знатных долбят дубовые колодины, чтобы отвезти их на родную землю.

Великий князь Дмитрий Иванович объезжает с воеводами поле битвы. Голова его обвязана белой тряпичей, раненая левая рука на перевязи. Вот остановился он там, где бился с татарами и генуэзцами большой полк и где он сам недавно дрался. Дмитрий слез с коня. Вся земля вокруг была устлана телами москвичей и белозерцев, лежащих вперемешку с врагами. Стоя

над телами белозерского князя Федора и сына его Ивана, задумался Дмитрий. Велика победа, да велика и скорбь. Оскудела земля русская мужиками, пахарями и кузнецами, воеводами и молодыми людьми...

Но не зря, нет, не зря сложили они сегодня свои головы, полили кровью своей эту землю. За тебя, Русь, за обиду и честь твою, чтобы не стояла ты боле на коленях перед безбожными агарянами. Как щитом, заслонила ты сыновьями своими многие страны и народы. И уже летит эта весть к морю Варяжскому и на Дунай, к Тырнову и Царьграду. Летит слава во все страны полуденные и полуночные: Русь великая татар одолела на поле Куликовом...

- Живой! Живой! - услышал Дмитрий рядом крики. Он обернулся.

Два воина поднимали белокурого ратника с перепачканным землей и кровью лицом. Дмитрий подошел поближе.

- Чей будешь, брат? Откуда? Как звать?

- С Белоозера... Кузька... я...

Парень говорил с трудом, прерывисто, Спас Кузьку железный шлем, когда пришелся по нему тяжелый удар чьей-то палицы. Дмитрий обнял Кузьку здоровой рукой.

- Спасибо, брат. За всех белозерцев тебя обнимаю. Нет их боле. Все полегли... И князь Федор, и князь Иван. Все. Тебе нести на Белоозеро печаль эту.

Дмитрий велел положить Кузьку на телегу и отвезти к переправе, куда собирали всех раненых. Когда обоз тронулся, Кузька приподнялся с пахучей травы на телеге и посмотрел на то место, где только что лежал. Там оставались его земляки и друзья. У одного из воинов выставлялась из-под кольчуги белая сорочица, расшитая по подолу синими цветами. Только сейчас цветы были темно-красными. Кузька узнал Андрееву рубаху, и еще горше стало ему при виде убитых земляков. Никогда не бывать им на Белом озере и не видать им родных своих, жен и детей не обнимать. Обнимать им землю вечно здесь, на поле Куликовом у речки Непрядвы.

РЕКИ

Повесть

**АЛЕКСАНДР
ЛОМКОВСКИЙ**

Александр Вениаминович Ломковский родился и живёт в Вологде.

Печатался в различных областных и центральных изданиях. Автор сборника прозы «Два костра» (2008 г.), вышедшего в серии «Вологда. XXI век».

Лауреат первого Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В.И. Белова «Всё впереди».

1

Прошло уже полчаса, а лист бумаги оставался предательски чистым. Только в самом верху сиротливо приоткрылось приветствие: «Здравствуй, Наташа!» Это было всем, на что Вовка оказался способен. А дальше - хоть ты тресни! - ничего не получалось.

«И как же люди письма пишут? - недоумевал Вовка. - Вроде бы чего уж проще: вырвал из тетради листок, взял ручку - и строчи себе на здоровье! Типа: привет! Как дела? У меня - всё ладно... И дальше в том же духе».

Да только тут-то загвоздка и выходит. Никак не может Вовка так вот написать Наташе. Ну, не может - и всё тут! Она ведь ему нравится, Наташка-то. И хочет он в письме это показать. Причём показать так, чтоб это было не явно, а читалось только между строк. А как это делается, Вовка не имел ни малейшего понятия. Только в голову придёт мысль и вроде надо бы её записать, а подумаешь немного и видишь - нет, снова не то. Надо как-то по-другому.

Вовка глубоко вздохнул и посмотрел в широкое окно на улицу. Там, метрах в пятнадцати от общежития, неживым ртутным светом горел фонарь, причём лампа находилась в аккурат на высоте третьего этажа - почти на уровне Вовкиной комнаты. Отсюда было прекрасно видно, как в конусе света, бросаемом вниз фонарём, искрились тонкие ниточки мелкого надоедливого дождика. Чуть подалее фонарного столба темнело здание ГПТУ, или гэпы, как называли ребята своё учебное заведение. На крыльце гэпы тоже горела дежурная лампочка. Весь остальной мир окутывала темнота. Только вдали ещё виднелась цепочка огней - это освещалась аллея, ведущая прямо к проходной завода. Больше из окна ничего видно не было. Вовка снова вздохнул, почесал кончиком авторучки переносицу и старательно вывел на бумаге

следующую фразу: «У нас сейчас утро. Пять часов». После чего снова глубоко задумался. Ну не умел он писать письма! До поступления на учёбу он всего лишь один раз упражнялся в этом жанре. Да и то под диктовку матери, когда они писали письмо дяде Антону в Мурманск. А писал Вовка потому, что у матери тогда как раз была травмирована правая рука: придавило молочной флягой на ферме. Вот авторучка в руке и не держалась, хотя по дому обряжалась мать по-прежнему, не обращая внимания на перебинтованную ладонь. В том письме после обязательных приветов всем родным шло долгое и нудное перечисление событий их деревенской жизни: что да где случилось; да сколько насолили грибов и капусты; да про здоровье соседей; да сколько котят родилось у Мурки. В общем - пустое письмо, как думалось тогда Вовке. Ну разве интересно дяде Антону знать, что у Поповых в соседней деревне Клиницы сгорел сарай, а у Мурки пять котят: два рыженьких, два серых, а один непонятно и какой. Тем более всё равно котят на следующий же день утопили. И что Вовка стал вылитый отец: и ухватки те же, и волос почернел и закурчавился, и глаза стали более зелёными, и нос приплюснулся, и в рост пошёл. Смешно было Вовке писать о самом себе дяде Антону, который и уехал-то совсем недавно из отпуска, который он проводил в деревне. Как будто он сам ничего тогда два месяца назад не разглядел! Но мать всё диктовала и диктовала. А в конце письма снова шли бесконечные поклоны родным и знакомым. Вот такой был у Вовки опыт написания писем. Можно сказать, что и не было вовсе никакого опыта...

Связных мыслей в голову не шло. Тогда Вовка автоматически щёлкнул тумблером на настольной лампе. Комната немедленно погрузилась в темноту. Только в глазах остался и медленно затухал яркий контур лампового абажура. Это понравилось, и Вовка снова включил свет. И снова выключил. Перед глазами вновь заглясало очертание абажура. Щёлк-щёлк...

Но тут на одной из кроватей завозилось, зевнуло с подвыванием, и из-под одеяла высунулась кудлатая голова. Поморгав сонно глазами, голова голосом Витьки Шамшина рывнула:

- Хорош светом баловать!

Снова зевнула, помотала спутанной шевелюрой и упала на подушку. Потом, уже сквозь сон, попросила:

- Реча, спи тоже давай...

В комнатке общежития опять всё стихло. От окна ощутимо тянуло прохладцей. Вовка поёжился и положил ладони на тёплые ребристые бока батареи под подоконником. Он ещё посидел так недолго, тупо глядя на фонарь за окном, потом взглянул на будильник, стоящий на тумбочке возле кровати. Пять минут шестого. Действительно, можно ещё спать два часа перед завтраком. Чего это он? Письмо-то и потом написать можно будет. Вовка выключил свет и быстро нырнул под одеяло. И сразу всё поплыло перед глазами: фонарь, абажур, письмо, батарея... А голос Шамшина настойчиво советовал: «Спи давай...»

Первый курс погнали на картошку. А отучиться-то успели всего ничего - полторы недели. И сразу в колхоз - полторы недели. И сразу в колхоз. Причём ехать нужно было надолго и чёрт-те куда - в Тотемский район. Далековато... Городские пришли в училище с полными сумками еды и тёплой одежды: родители не дадут пропасть своим чадам. А у общежитских ничего с собой не было - кто ж знал, что такая оказия приключится? Двое местных, Колька Басов и Валерка Шток, притащили даже с собой гитары. Так и торчали на крыльце гэпы всей группой, ожидая автобуса и тренькая потихоньку на гитарах. Вместо мастера Коли-Ноги с группой в колхоз ехал учитель математики Василий Еремеевич. Николай Иванович - Коля-Нога - из-за инвалидности мог на картошку не ехать. У него вместо половины правой ноги был протез. Ходил Нога по училищу сильно заваливаясь на один бок и далеко выкидывая вперёд и в сторону увечную ногу. Но ходил без какой-либо палочки. И был большим, удивительно жизнерадостным человеком с густым го-

лосом. Он сразу же, с первого дня учёбы Вовке понравился: было в мастере что-то настоящее, человеческое, что сразу чувствовалось. Будто врос в него какой-то несгибаемый стержень.

А автобуса всё не было и не было. Еремеич залез, видимо, в учительскую и появлялся оттуда раз в полчаса. И с каждым появлением нос учителя краснел всё больше и больше.

- Да он там квасит! - догадался наконец Шамшин. - А мы чего ждём? Айда в магазин! - и первым достал из кармана мятуну рублёвку.

Пацанва заулыбалась, загудела, и руки сами собой полезли в карманы курточек и джинсов. За вином отправили Вовку и Басова - как самых высоких. У них ни одна продавщица не спросит о возрасте: ребята выглядели солидно. До магазина было пять минут хода.

- Замёрз хуже собаки! - жаловался по дороге Басов. - Другие группы давно по своим колхозам разъехались, а у нас всё не как у людей. То в группе недокомплект, то автобуса нет, да ещё вместо Ноги математика послали. Бардак какой-то!

Вовка улыбнулся. Действительно, к ним в группу народ набирали, что называется, с бору по сосенке. Просто сначала на электриков было подано столько заявлений, что все в одну группу не влезли. Директор решил вопрос кардинально: пусть будут две группы на курсе. Но группа из десяти человек - это не группа. Вот и ходил Коля-Нога по училищу и предлагал всем желающим учиться на электриков. Убеждал он мастерски: Вовка так и не осознал ещё, как же это он, мечтавший быть слесарем, оказался вдруг у электриков. Так же точно в недоумении чесали головы и ещё одиннадцать человек, буквально похищенные Ногой от токарей и наладчиков. Зато группа теперь получилась что надо!

- Слушай, Вован, - от хольбы Басов чуть разогрелся и его перестала поколачивать дрожь, - давно хотел спросить: откуда у тебя такая фамилия интересная: Река? Мне так бабу-

ля все мозги уже прокомпостировала этими Басовыми. Дескать, род старинный, все мужики военными были, и меня в военное ладил. А я страсть как не люблю муштру эту. Когда документы в гэпу подал, то думал, что домой не пустит. А она ничего, поплакала сперва, а потом загордилась даже: мол, все Басовы испокон веку самостоятельные люди были. Наперекор всему, короче. На том и успокоилась.

- А отец чего сказал? - заинтересовался Вовка. - Не дрался хоть?

- Отец с матерью на Кубе сейчас служат, - с готовностью отозвался Колька. - Батя там чуть ли не главный военный советник у Фиделя. Дома даже фотка есть: в обнимку стоят. Так что ему до фени всё. Я ещё в пятом классе сказал, что в военное - ни ногой. Батя вроде согласился, а бабуля только теперь сдалась. Так чего насчёт фамилии-то?

- А я и не знаю вовсе, откуда у меня фамилия такая, - признался Вовка. - У нас в деревне только мы - Реки, да ещё дядька в Мурманске.

- А отец чего толкует?

- Отец? - помрачнел Вовка. - С ним много не натолкуешь. В тюрьме отец-то, с семьдесят пятого... Восемь лет уж. Скоро выйти должен.

- Ух ты! - от удивления Басов даже остановился. - А чего он натворил?

- Долго рассказывать. Где тут вином-то торгуют?

Они уже были в магазине. Быстро закупили шесть бутылок портвейна, а на закуску взяли три плавленых сырка. Бегом понеслись к училищу. Почти всей группой пошли на корт возле мастерских. Два пацана оказались непьющими, и поэтому их оставили возле крыльца сторожить сумки. Пили портвейн прямо из горлышек, пуская бутылки по кругу. Только успели выпить три бутылки, как прибежал один из оставшихся у крыльца и сообщил, что приехал автобус. Радостной возбуждённой толпой полезли занимать места. Когда все расселись, появились Еремеич с Колей-Ногой. Мастер с трудом залез в автобус, подтягивая своё большое

плотное тело в его нутро обеими руками. Он оказался тоже изрядно навеселе. Встал в проходе, крепко ухватившись за поручни спинок сидений.

- В колхоз, значит, орёлики? - прогудел он. - Молодцы! Чем раньше закончите, тем скорее вернётесь!

- Да мы можем хоть завтра вернуться! - в тон мастеру отозвался Колька Басов.

- Или вообще не ездить! - поддержал одноклассника Витька Шамшин. - Чего автобус зря гонять?

- Остричь любим, значит? - Николай Иванович зачем-то потрогал свой крупный нос и вдруг неожиданно рывкнул на весь автобус: - Ша, орёлики!

Ребята притихли.

- Так-то лучше! - захохотал мастер. - В колхоз они не поедут. Умники... С вами едет Василий Еремеевич. Любить и слушаться его, как родного батьку. Вопросы есть? Вопросов нет. И ещё одно, - он обвёл маленькими цепкими глазками учеников. - В ГПТУ в каждой группе назначается командир из числа учащихся. Мы пока ещё командира не выбрали, так как отучились без году неделю. Я ещё плохо вас знаю. Но временно, - Николай Иванович поднял кверху указательный палец, - ещё раз повторяю: временно... старшим по группе назначается Басов.

Ребята загалдели. Те, кто сидел поближе принялись похлопывать Басова по плечу. Тот сидел явно смущённый и только пожимал плечами: дескать, я не виноват. Всё он - мастер...

- Засим, сынки, до свидания, - как-то совсем уж по-домашнему произнёс мастер. - В колхозе не баловать, девок деревенских не портить, и...

Дальше он продолжить не успел, так как его слова прервал радостный гогот двух десятков молодых глоток.

2

Деревня называлась Новое и являлась заодно центральной усадьбой колхоза. Водились в ней и каменные дома, но их было немного. В основном это были казённые здания: магазин, контора, мастерские, клуб. За

деревней, почти сразу, текла речка Юженьга. На другом берегу, чуть в стороне от моста, белела в окружении высоких тополей старая церковка без куполов. Поселили ребят в небольшом пустующем доме, специально, видимо, приспособленном для таких случаев. В избе, кроме русской печи и длинного стола с лавками по бокам, ничего не было. Ребята посмотрели своё будущее жилище, обескуражено почесали затылки и, побросав где попало сумки, выкатились на улицу. Василий Еремеевич ушёл «на разведку», оставив Басова следить за порядком и ждать трактор с раскладушками и матрасами. Пока Еремеевич отсутствовал, ребята огляделись. Луговина возле дома густо заросла иванчаем, репьем и крапивой. В углу под огромной кривой берёзой скосбочилась банька. Рядом торчала кабинка уборной. Больше ничего интересного не наблюдалось. Да ещё с двух сторон к дому примыкали заборчики соседних огородов. Быстро допили оставшийся портвейн, выбросив пустые бутылки за баню. Вовка и Витька Шамшин деловито обследовали дом и отыскивали для начала две вполне приличные косы. Бруска для заправки не обнаружилось, и поэтому решили косить так. Быстро сделали широкий прокос от крыльца до улицы и от нечего делать принялись окашивать траву возле стены дома. Колька Басов и чернявый толстощёкий Андрей Пырёв, за которым уже прочно укрепилась кличка Упырь, оба городские до седьмого колена, тоже решили попробовать. Витька с Вовкой переглянулись и, пряча улыбки, отдали товарищам косы. А через минуту уже откровенно расхохотались. Колька с первого же замаха вогнал остриё косы в стену дома и безуспешно пытался теперь его выдернуть. А Упырь пошёл ещё дальше: богатырски замахнувшись, он крутанулся на месте, словно волчок и, всадив жало косы в землю, не удержался на ногах и кувыркнулся куда-то в бурьян. Тут же зарулся и, выскочив на прокошенную тропу, забегал по ней, размахивая ошпаренными крапивой руками.

В это время во двор зашли Еремеич с каким-то огромным мужиком в расхристанной фуфайке и броднях. Обоих здорово-таки штормило.

- Салют, шефы! - человек в фуфайке покачался, словно на палубе корабля, и вскинул к небу волосатый кулачище. - Но, как говорится, пасаран!

- Я вам бригадира привёл, - пояснил подопечным Еремеич. - Ивана, как бишь его... Спиридоныча.

- Чёрта лысого ты привёл! - поправил его бригадир. - Я сам пришёл.

Его взгляд сфокусировался, наконец, на Упыре. Потом пробежался по выкошенной тропе.

- Мелковат нонче шеф пошёл, - неизвестно кому пожаловался Спиридоныч. - Посылают незнамо кого, а тут вошкайся с ними. Обеспечь да обеспечь, - явно кого-то передразнил он. - Хотя, - тут он снова оглядел прокос, - тороватые парнишки попались. Даром, что и литовки засандалили.

Он прошёл по тропке и вытащил косу из земли. Внимательно оглядел её и привёл заскорюзлым пальцем по лезвию.

- Совсем тупая! - как-то даже радостно сообщил он. - Я тебе, Еремеич, брусок подарю. Тебе лично: хороший ты мужик! У меня дома как раз лишний валяется. Только сыскать надо. Пошли, поищем?..

- Э, какой брусок? - опомнился, наконец, Басов. - На кой он нам теперь сдался? Нам постели надо, да посуду, да в смысле пожрать бы...

- Точно! - загалдели ребята. - Жратву гоните!.. Постели где? Где посуда?.. Зажилили!

- Молочка бы с булочкой, да на печку с дурочкой! - дурачась, проблеял Шамшин.

- Дрова где? - пёр на бригадира Вовка. - В избе год не топили, как ночевать будем?

Бригадир переводил недоумённый взгляд с одного на другого, ни на ком подолгу не задерживаясь. Внезапно расхохотался и даже потопал сапогом в землю.

- Молодцы, вот! - непонятно чему обрадовался он. - Шустрый шеф нонче пошёл, ровно голец - шустрый!

Слышите? - он зачем-то послонявил палец и поднял его кверху.

Все прислушались. Где-то невдалеке визгливый женский голос костерил на чём свет козу, утащившую с верёвки наволочку. Да ещё шебуршил без устали жестяной пропеллер на шесте в соседском огороде.

- Ничего не слышим, - признался Вовка.

- И я тоже не слышу, - посуровел Спиридоныч. - Но... должен услышать трактор. Где трактор?

В это время где-то на околице звонко чихнуло, гуркнуло и ровно застучало.

- Ага, вот, - глубокомысленно произнёс Иван Спиридонович, - Васька, паразит, домой ещё, видать, заезжал.

Через две минуты к дому подкатил и лихо развернулся трактор с прицепленной сзади тележкой. Из кабины высунулся, чуть ли не по пояс, молодой небритый парень и весело помахал всем сразу рукой.

- Разбирайте причиндалы!

Ребята быстро перетаскали в дом раскладушки, тюки с матрасами, одеялами и подушками, три электрических обогревателя и мешок с сухим пайком.

- Обустраивайтесь, - велел Спиридоныч, - а мы с Еремеичем за бруском пока смотаемся. - Поехали за бруском!

Бригадир ловко взобрался в тележку и, схватив за руку математику, едва ли не закинул его к себе.

- Шевелись давай! - велел он трактористу. - А то через полчаса закроет.

Трактор весело хрюкнул и, подкидывая тележку на ухабах, быстро рванул с места.

- В магазин полетели, - сразу опередили ребята. - А мы чо, рыжие?

- Скидываемся. Надо же приезд отметить...

На этот раз пили все: отметить приезд решили даже непьющие Валерка Шток и Димка Весноватый. В магазине была только водка, причём продали её «шефам» без каких-либо затруднений. В избе быстро разобра-

ли колхозный мешок с продуктами. Открыли несколько банок тушёнки и рыбных консервов. Захмелели почти сразу: сказалось утреннее выпивание и непривычность к «этому делу». Опыянев же, выкатились в деревню. Всея толпой двинулись по улице. Увидели висящую на берёзе, потемневшую от времени рынду. К её билу была привязана короткая толстая верёвка.

- Глянь-ка, колокол! - удивился Упырь. - Давай попа вызовем? - и, не давая никому опомниться, тут же подскочил к рынде и принял изю всей силы дёргать за верёвку.

По деревне разнёсся тревожный частый звон. С ближних деревьев сорвалась большая воронья стая. Недовольно каркая, тяжело потянулась к лесу. А к берёзе со всех концов деревни уже начинал сбегаться народ: кто с ведром, кто с вилами, кто с баграми. Прибежавший первым босой мужик с ведром и в расстёгнутой до пупа рубахе, страшно заматерился и от души смазал Упыря по шее.

- Што ты балуешь? - кричал он. - Што ты балуешь? Пожар ведь, думали...

Подбежавший народ, поняв, что тревога была ложной, быстро расходился по домам. Лишь появившийся первым мужик всё ещё не мог успокоиться. Оставив в покое Упыря, он теперь всей распахнутой грудью попер на стоящих у заборчика ребят.

- Што балуете? Делать больше нечего? - брызгая слюной, орал он и даже притоптывал босой ногой в землю. - Понавезли вас на нашу голову... гэпэушников!

- Да мы попа хотели вызвать, - заявил поднявшийся с земли Упырь. - Смотрим - колокол...

- Што вы мелете? Што вы мелете? - зачастил мужик. - Какого ещё попа? Это же - пожарный колокол. Соображать надо! Гэпэушники... - в последнее слово он вложил столько презрения, что Вовке даже стало обидно.

- Ты бы, дядя, потише, - предупредил он мужика. - А то как бы тебя вместо колокола не подвесили...

Чуть не задохнувшийся от возмущения мужик оглянулся, надеясь на

поддержку односельчан, но никого не обнаружил. Быстро схватил ведро и, поминутно оглядываясь на ходу, заспешил к своему дому. Уже от самых ворот крикнув: - Гэпэушники лешевы! - ловко занырнул в калитку.

- Чо делать будем? - ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Басов.

- Может, в клуб сходим? - внёс дельное предложение Витька Шамшин.

- А чего там в клубе?

- Танцы, естественно...

- Танцы - это хорошо! - заоблизывался Упырь. - Может, девок потискаем...

Всея толпой двинулись к клубу. По дороге Весноватому стало плохо: его два раза вырвало. Поэтому Вовка, и так-то не хотевший идти в клуб, потащил Димку домой. Разобрав раскладушку, он кинул сверху тюфяк и коекак взвалил туда Димку. Немного прибрал на столе. Походил по избе и догадался включить обогреватели. Вышел на крыльцо, закурил и сел на ступеньки. Быстро темнело. Где-то недалеке жгли палые листья, и этот резкий, ни с чем не сравнимый запах приятно щекотал ноздри. Вот и началась Вовкина учёба... в колхозе! Из одной деревни да в другую! Против воли Вовка горько усмехнулся. Хотя чему тут удивляться? К ним в колхоз тоже каждую осень приезжали «шефы». Но так как свободных домов в деревне не было, то и размещали их по пять-шесть человек у одиноких старушек. Те им стряпали еду на выдаваемые колхозом деньги. Причём старались кормить «шефов» своими домашними заготовками, умудряясь сохранять для себя чуть ли не половину выдаваемой суммы. Что ж, неплохой приварок к пенсии! И «шефы» к ним приезжали всё солидные: у колхоза был заключён договор с каким-то конструкторским бюро. Так что баловства никогда не было. Правда, и тут не обходилось без последствий: лет пять назад один из приезжих обрюхатил Нинку Шувелёву, да так больше и не показывался. Но оказалось это только к лучшему: всё равно Нинку никто не брал замуж, по при-

чине её косящих в разные стороны глаз. А тут, хоть какой-никакой, а прибыток.

Вовка встал, потянулся и пошёл спать. Разобрал раскладушку и, не раздеваясь, лёг на матрас. Уснул, едва голова коснулась подушки. Но долго спать не пришлось. Через некоторое время, громко ругаясь и охая, в избу ввалилось пять человек из числа отправившихся на танцы. У двоих под глазами быстро набухали синяки, а Васька Лузов издали здорово смахивал на медвежонка, оттого, что был вывален в грязи по самую макушку. Оказалось, что ребята закусились в клубе с местными. Естественно, из-за девчонок. Их культурно вывели из клуба и слегка побили. Пьяненьким «шефам» такой расклад не понравился и, разобрав забор возле клуба на колья, они снова полезли внутрь. Тогда местные аборигены не на шутку обозлились. А так как среди них в основном были люди, уже отслужившие в армии, то перевес оказался на их стороне. Напрочь позабыв о танцах, они принялись с остервенением гонять «шефов» по всему селу.

Держась рукой за рёбра, в комнате появился Упырь.

- Еле общагу нашёл! - радостно заявил он. - Сунулся к каким-то - дома похожие - так мне и там чуть не наладили. Пожрать чего осталось?

- Тебе, Упырёк, только пожрать бы, - упрекнул его Вовка.

- А чо? Организм у меня молодой, растущий, как говорит бабуля. Так что люблю я это дело - похавать малость!

Он отыскал на столе вскрытую банку тушёнки, отломил от буханки большой кусок хлеба и принялся наворачивать тушёнку ложкой. При еде его большие уши смешно шевелились. Также пошевеливался вверх-вниз и самый кончик носа. Создавалось впечатление, что Упырь ушами и носом помогает себе есть.

- Так это что выходит? - недоумённо спросил Вовка. - Половина пацанов и дом не найдут?

- А запросто! - хохотнул Упырь. - Если не попристроятся к тёлкам ка-

ким местным под бочок, то под заборами и прокемарят всю ночь.

Вовка посмотрел в окно: на дворе уже стояла непроглядная темень.

- Свет не выключайте, - попросил он. - Я пошёл ребят искать.

- Молоток возьми, - посоветовал Васька Лузов. - От местных, чуть чего, отобьёшься.

- Или косу, - поддержал Ваську Упырь. - Они как тебя с косой увидят, то и разбегутся.

- Да идите вы! - отмахнулся Вовка и высочил на улицу.

Где-то на краю деревни с упоением заливались собаки. Какой-никакой слабый свет давали горящие окна, но этого было мало. Вовка осторожно шагал серединой улицы и напрягал глаза, боясь пропустить ребят. Дошёл до клуба. Возле него горели два фонаря, но никого, естественно, не оказалось. Почесав голову, Вовка двинулся в сторону непрекращающегося собачьего лая. И почти сразу наткнулся на большую группу товарищей. Они прятались возле колодца.

- Реча, ты? - окликнули его из темноты.

- Да я это, я, - отозвался Вовка. - Вы чего здесь?

- А не знаем, куда идти...

- Много вас тут?

- Да человек десять будет.

По голосу Вовка узнал Валерку Штока. Коротко объяснил, как попасть к дому. Напоследок спросил об остальных.

- Мы не знаем, - ответил Шток. - Их местные по дороге на мотоциклах куда-то погнали.

Отправив ребят домой, Вовка быстро зашагал по дороге. Насколько он помнил, дорога вела к мосту. Как оказалось, в выборе направления он не ошибся. У моста, поблёскивая фарами, негромко урчали четыре мотоцикла, и слышался довольный смех. Вовка смело пошёл вперёд. Возле мотоциклов гуртовались около пятнадцати местных.

- О, ещё один! - радостно взвыли несколько человек, едва Вовка попал в свет фар. - Вали его!

- А вот я его по кумполу сейчас

приласкаю! - вызвался здоровый детина в костюме. Брюки со стрелками были заправлены в высокие кирзовые сапоги, пиджак распахнут, на голове лихо сидела шляпа, а вместо рубашки полосатилась тельняшка.

- Я тебя сам сейчас приласкаю, - пообещал Вовка и сунул руку в карман курточки. - Гирькой килограммовой. Хочешь?

- Ты гляди-ка, борзый «шеф» попался, - недобро оскалился детина.

Вовка понял, что тянуть дальше не имеет смысла. Иначе - побьют.

- Вы куда пацанов загнали? - перешёл он в наступление. - А как да утонули? Тут же река рядом, придурки! Сидеть хотите?

От этих слов на местных словно ушат холода опрокинули. Они притихли. Даже детина начал почёсывать лоб.

- Чо ж им тонуть-то? - как-то неуверенно предположил он. - Чай, не маленькие... А ты чо, бригадир ихний будешь? Чо беспокоишься-то?

- Да какая тебе разница? - вскипел Вовка. - А если они в лес заберутся? Ищи их потом.

- До леса тут километра два ещё чапать, - сообразил детина. - Не забегутся.

- Уверен?

- Не уверен... - сник детина. - Но на этой стороне точняк никого нет.

- Они наверняка в церкву забрались. Во! - сообразил кто-то из толпы.

- Фонарь у кого есть? - спросил Вовка. - Надо искать ребят.

Ответом ему было молчание.

- Да не жмите вы! - на Вовку накатилась злость. - В жизнь не поверю, что без фонаря на танцы припёрлись. Сам деревенский - знаю. Отдам завтра.

- У меня есть, - отчего-то смутился детина и достал из кармана небольшой квадратный фонарик. - Домой-то мимо кладбища идти надо, дак...

- О, Гошик мертвяков забоялся! - заржали местные. - А мы и не знали!

- Да подите вы к водяному! - рыкнул на товарищей детина, носящий ласковое имя Гошик. - Чего их бояться? Просто... неудобно, что ли. Со све-

том-то гораздо веселей дело идёт. А ты из какой деревни будешь?

- Из Юрьева, - пояснил Вовка. - Грязовецкий район.

- Далековато от нас, - сообразил Гошик. - А с этими, - он кивнул в сторону того берега, - чего - учитесь вместе?

- Ну, в одной группе.

- Ещё-то деревенские парни есть?

- Есть один: Шамшин Витька. Как раз с этими вместе, за рекой.

Гошик облегчённо выдохнул.

- Ну и ладно. Не даст пропасть городским неумёхам.

- А может, и не с ними, - пожал плечами Вовка. - Кто знает, куда вы его загнали? Ладно, пойду искать.

Он забрал из рук Гошика тёплый маленький фонарик, включил его и шагнул на мостик. Под ногами приятно спружинили доски. Вовка прошёл уже половину моста, когда позади раздался тяжёлый топот.

- Подожди, пацан! - его догонял Гошик. - Вместе пойдём. Чай, ты мест-то не знаешь. И тебя потом ищи-свищи. Как звать-то?

- Вовкой маманя назвала.

- Тёзки, значит, будем! - повеселел детина и пожаткал своей ручищей Вовкину ладонь. - Только меня все Гошиком зовут, по фамилии. И ты так же зови - я привык уже.

- Добро! - согласился Вовка. - Показывай, где тут церковь?

3

Утром спящих без задних ног ребят разбудили Еремеич с бригадиром. Оба опухшие, глаза щёлками - видно, пили всю ночь.

- Подъём, шефы. Но пасаран! - прохрипел Иван Спиридонович. Сегодня на нём был непромокаемый брезентовый плащ и кепка. Он стоял посреди избы, чуть покачиваясь, сунув руки в карманы плаща, и подозрительно смотрел на просыпающихся «шефов». Перевёл взгляд на стол, и его глаза изумлённо распахнулись. - Вы это чего, но пасаран, за одну ночь половину сухпайка изничтожили? Половину, вот, мешка? Это ж на не-

делю им было дадено... - обратился он к математику. - Это ж они колхоз по миру пустят, пустошлоты!

- А мы знали? - высунул из-под одеяла голову Колька Басов. - Кто нам чего сказал?

Под левым Колькиным глазом переливался всеми цветами радуги огромный фингал, и Колька стыдливо отворачивал голову к стенке. Но бригадир оказался глазастым.

- А ну-ка, парнёк, постой... - он пробрался между рядами раскладушек к Басову. - Чегой-то у тебя тут?

- Да так, споткнулся... - смутился Колька.

Иван Спиридонович оглядел остальных ребят.

- Чегой-то вы ввосемьмером споткнулись. Да в одну канавку и угодили, да? А ну, говорите: в клубе побывали?

- А у вас тут чо - и клуб есть? - прикинулся дурачком Упырь. - Вот мы, парни, не чуяли-то... А то бы к девкам сходили!

- В доме прибраться, сготовить завтрак, никто никуда не расходится. Я через десять минут приду, - бригадир снова оглядел заваленный консервными банками стол, хмыкнул и вышел за дверь.

- Встаём, встаём, - засуетился Еремеич. - Слышали, что Иван Спиридонович сказал?

Ребята нехотя вылезали из-под одеял, чесали головы, зевали, шли на улицу. Возле кабинки уборной быстро образовалась очередь. Вовка нашёл в снях два пустых ведра и отправился к ближайшему колодцу за водой.

- Обогреватели - это, конечно, хорошо, - заявил он математику, когда принёс с колодца воды. - А пожрать сготовить - всё равно нужно печь топить. Или плитку хотя бы.

- Чайку бы сейчас хорошо, - закапничил уже что-то жующий Упырь.

- Я тут самовар на поветях видел, - вспомнил Витька Шамшин. - Айда, Упырь, отмоем его, да и вскипятим.

В это время в избу вошёл бригадир. За ним коломком вкатился низенький, удивительно широкоплечий седова-

тый милиционер. Цепким взглядом обвёл избу. Так же, ничего не упуская, оглядел ребят. По-хозяйски расположился за столом. Вжикнул молнией большой кожаной папки и достал оттуда бланк протокола. Расписал шариковую авторучку в блокноте. Всё это он проделывал не спеша, солидно. За каждым движением скрывалась значимость. И даже в его молчании была какая-то строгость и упорядоченность.

- Рассказываем, - ни к кому конкретно не обращаясь, наконец, сказал он. Голос у милиционера был низкий и хрипловатый.

- Чего рассказывать-то? - опешили ребята.

- Расскажите, кто вас мутузил, - ответил за участкового Спиридоныч. - Мы тут давно до кое-кого добираемся. А без него вчера явно, вот, не обошлось.

- Иван Спиридонович, - одёрнул бригадира участковый, - я попросил бы вас... не вмешиваться в процесс дознания.

От такой казённой формулировки ребятам стало не по себе. Они начали переглядываться и пожимать плечами.

- Никто не мутузил, - твёрдо заявил Басов. - Место незнакомое, споткнулись в темноте, упали.

- Значит, нет желания помочь следствию? - вкрадчиво поинтересовался милиционер.

- Да упали мы, - наперебой загалдели ребята. - У вас сам чёрт ногу сломит - кочка на кочке. А мы к асфальту привыкли...

- Хорошо, давайте зайдём с другой стороны, - вздохнул участковый. - Вот здесь, - он постучал ногтем по папке, - лежит заявление директора клуба. На вас заявление, между прочим. Дескать, вы сломали вчера возле клуба забор и с частями вышеозначенного забора ворвались на танцы, помешав тем самым проведению культурного мероприятия.

- Да нет, это не мы! - раздалась голоса. - Ваш директор нас с кем-то попутал... Мы сюда работать приехали, а не по танцам бегать... А что такое - части вышеозначенного забора?..

Участковый нервно забарабанил кончиками пальцев по столешнице. Брезгливо отодвинул подальше от себя открытую банку тушёнки.

- Как хотите, - пожал он плечами и аккуратно уложил так и не заполненный протокол обратно в папку. - Только когда вам тут головы пооткручивают, не говорите, что я вас не предупредил. Не говорите, да. Значит, споткнулись?

Ребята согласно закивали. Участковый поднялся из-за стола и быстро выкатился из избы.

- Что вы тут Колобку лапшу-то на уши вешали? - прохрипел бригадир. - Не были, не знаем... Будут они тут, но пасаран...

Но, судя по всему, он остался всё же довольным, что всё обошлось. Что никто ни на кого не написал заявления. Ну, определил бы участковый Гошика, а с ним и ещё пару человек на пятнадцать суток, а работать кому? Молодцы всё же «шефы»! Надо им будет дровец подкинуть. Хорошие ребята, хоть и городские!

- Готовим завтрак, а через сорок минут - все возле конторы соберёмся, - Иван Спиридонович посмотрел на часы. - Не опаздывать - наряды буду выдавать. Одного человека оставить тут. Пусть приберётся и обед вам готовит. Вопросы есть? Тогда - но пасаран!

Потянулись дни работы в колхозе. Внезапно прекратились дожди, и наступило бабье лето. Иван Спиридонович довольно потирал руки и тут же с подозрением смотрел на небо, боясь взглянуть хорошую погоду. Распределял он ребят по разным работам и бригадам. В один день, например, часть «шефов» помогала собирать в суслоны готовые снопики льна; три-четыре человека просушивали зерно на элеваторе; остальные пластались на картошке или свёкле. То вдруг по каким-то своим соображениям бригадир срочно кидал всех на поле турнепса. Работ по колхозу хватало. Каждый день в избе оставался дежурный. Он просыпался ещё затемно и быстро стряпал завтрак. Потом готовил обед,

часть которого оставалась и на ужин. Вскоре выяснилось, что лучше всех с этим делом справляются Река, Весноватый и Пырёв. У остальных получалась такая бурда, которую при всём желании даже язык не поворачивался назвать едой. Поэтому, особо не заморачиваясь, и было решено оставлять этих троих дежурными по очереди.

В первый же день бригадир объявил, что за «шефскую» помощь колхоз даже заплатит ребятам какие-то деньги через бухгалтерию училища. На общем собрании было решено, что деньги будут поделены поровну, не смотря на то, кто сколько отработал. Поэтому договорились особо не сачковать. Колька Басов, назначенный Колей-Ногой временным командиром группы, отслеживал этот момент особо. Мог при случае наорать на симулянта и даже пригрозить кулаком. А так как кулаки у него были вовсе не хилые, то пацаны предпочитали с ним не связываться, а работать, как и все. Зато вечером, после работы, ребята могли хоть на головах ходить. Инцидент в клубе был забыт напрочь. К тому же, работая по разным бригадам, «шефы» успели перезнакомиться почти со всеми местными и теперь могли безбоязненно появляться на танцах. А вот Вовка неожиданно подружился с Гошиком. Тот жил не в Новом, а в соседней деревне Шуваловке, до которой было всего полтора километра. Выяснилось, что Гошик, как и Вовка, тоже не любитель ходить в клуб. Потому что, стоило ему там появиться, так непременно дело заканчивалось дракой. Выпивший Гошик и трезвый Гошик - это два совершенно разных человека. Не зря участковый давно уже точил на него зуб. А для Вовки этот парень открылся вдруг с совершенно неожиданной стороны. Работая однажды на элеваторе, они после работы по пути забрели в Шуваловку в гости к Гошику. Весь двор был забит разными запчастями и отжившей свой век техникой.

- Батяка у меня кузнец, - пояснил Гошик, обводя рукой хозяйство. - Вот и тащит домой всякую дребедень.

А потом мастерит чего-нибудь. Ты, давай, заходи в избу, не тушуйся. Поужинаешь хоть чередом. А то знаю я, как вас кормят.

Дом у Гошиков был огромный. Летняя и зимняя половина, две горницы, двор, в котором можно хоть лошадей держать. В общем - хоромина. В праздники в таком доме могли гостить до тридцати человек родни. За столом уже собралась вся семья: отец, мать и три младшие сестры Гошика. Ленка и Катька были двойняшками и учились в пятом классе, а Таня заканчивала восьмой. Вовку встретили словно давнего знакомого и сразу усадили к столу. Во время ужина Вовка не знал, куда девать глаза: на что бы он ни смотрел, его взгляд, словно намагниченный, непременно останавливался на Тане. У гошиковой сестры были иссиня-черные волосы, синие-синие, будто льдинки, глаза, прямой тонкий нос и мягкие чувственные губы. Вовку попеременно кидало то в жар, то в холод, и он ничего не мог с собой поделывать. Одноклассница Наташка, которой он пробовал написать письмо, до сих пор валявшееся в тумбочке общежития, была моментально вытеснена из его головы сестрой Гошика. Он невпопад отвечал на вопросы, что-то хлебал из большой тарелки и не смел оторвать глаз от еды. Ему почему-то казалось, что все сразу заметили его смущение и от того он краснел всё больше и больше. Выручил его Гошик. Быстро выпив чай, он потащил Вовку прочь из избы. Вовка до того обрадовался, что едва не забыл поблагодарить гостеприимных хозяев за угощение. Но к счастью, вовремя опомнился.

- Спасибо за хлеб, за соль, - сказал уже от порога.

- На здоровье! - отозвались сразу все сидящие за столом. - Ещё приходите!

Сначала Гошик повёл Вовку в оббитый железом гараж. Включил свет. В нос сразу шибануло резким запахом металла и сварки. По полкам вдоль стен лежали разные инструменты, в углу стоял небольшой сварочный аппарат, а середину гаража за-

нимала странная конструкция. В бетонное основание были вмурованы железные ступицы, колёса от тракторных тележек, непонятные осколки. К ним уже непосредственно приваривались другие детали. Какие-то подшипники, зубья от борон, части плугов, цепи, бока от бочек. Рядом с конструкцией валялась куча железа, ждущая, видимо, своей очереди тоже быть вставленной в эту металлическую какофонию.

- Что это? - крепко озадаченный Вовка не удержался и даже потрогал одним пальцем лезвие старой выщербленной косы, торчащее сбоку.

- Песня полей! - ответил Гошик и похлопал ладонью по приваренному лемеху.

- Не понял...

- Батя однажды по путёвке ездил в Геленджик отдыхать, - объяснил Гошик. - Их оттуда возили в Новороссийск на экскурсию. Заодно и на Малую землю свозили. Знаешь, что это?

- Ну... в школе проходили, года два назад. Когда ещё Брежнев жив был. Он и написал книжку-то.

- Знаешь, значит, - Гошик уселся прямо на сварочный аппарат, а Вовке придвинул табуретку. Достал из кармана сигареты и протянул одну Вовке. Щёлкнул зажигалкой. - Так вот, на этой самой Малой земле батя видел памятник защитникам. Стоит, значит, такая раскоряка, ровно цветок распутившийся, а там осколки снарядов, неразорвавшиеся бомбы, куски каких-то балок железных: в общем - хреновина. И всё это сварено между собой.

- И чего? - всё ещё не понимал Вовка.

- А там железа побольше тонны весом будет. Это, короче, сколько металла приходилось на каждого защитника Малой земли. Вот и прикинь масштабы.

Вовка даже присвистнул.

- Читать читал, а как-то не верилось. А тут...

- Во-во! Я тоже не поверил сперва, - признался Гошик. - Пока батя фотografiю не показал. Они там всей группой возле этой чудовины фото-

графировались. Вот и загорелся он мыслью сделать такую же в колхозе. Да возле конторы и выставить. Это, короче, всё то, что на полях трактористы находят. Да к нам и везут. А батя всё это варит. Песня полей, говорит, назову. Ну, как?

- Мощно! - выдохнул Вовка. - Башковитый у тебя батя мужик-то.

- А то! - повеселел Гошик. - Теперь ко мне в мастерскую пойдём.

- И у тебя что-то есть? - удивился Вовка. - Тоже варишь?

- Пошли, сам посмотришь. Никому ещё из друганов не казал. Тебе - первому.

Они вышли из гаража. Гошик выключил свет и набросил на дверь щекотку. По деревянным мосткам подошли к небольшой сараюшке. На двери висел замок. Гошик достал из кармана ключ, открыл замок и первым вошёл внутрь. Пол помещения, словно мягким ковром, был завален стружкой. В отличие от гаража, где было всего две лампочки, здесь горело сразу четыре. Причём свисали они с потолка почти в центре. А между ними, посреди сараюшки, возвышалось что-то продолговатое, в человеческий рост, покрытое рядом. Гошик эффектным жестом скинул рядом. Под ним оказался целлофан, обмотанный возле пола верёвкой. Под целлофаном угадывалась человеческая фигура. Пока Гошик развязывал верёвку, Вовка, приоткрыв от изумления рот, рассматривал внутреннее убранство мастерской. Вдоль одной из стен тянулся длинный верстак, на котором валялись различные плотницкие инструменты: топоры, долота, стамески, киянки, свёрла, штихеля, пилы, рубанки. Также лежали карандаши, рулоны разнокалиберной наждачной бумаги, мелки, угольки, циркули, линейки. В углу, околоченном тонкими железными листами, стояла самодельная печка-буржуйка. Стены, пол и потолок были забраны большими листами фанеры, плотно пригнанными друг к другу. Причём почти все стены оказались оклеены различными репродукциями, изображающими чаще всего памятники и скульп-

туры. Гошик наконец закончил развязывать верёвку и аккуратно снял целлофан. Перед изумлённым Вовкой предстала... Венера Милосская! Она была точно такой, как была нарисована в учебнике по истории. Такой же лёгкий наклон головы, невесомая, едва уловимая улыбка, отсутствие рук. Голова проработана тщательно, а остальное выполнено грубовато, широкими срезами, только намечающими контуры скульптуры. И к тому же, её лицо показалось Вовке смутно знакомым.

- Ну, как? - Гошик прямо светился от гордости.

- Это ты сам?

- А то! - от прилива чувств, Гошик даже крутанулся на месте. - Давно уж с ней бьюсь. Верней, бьёмся.

Вовка почесал голову.

- Не понял. С кем бьётесь? Ты же говоришь, что сам...

- Ну, с Танькой. Танька мне тут позировала. А что - не похоже вышло?

Тут-то Вовка понял, кого так напоминала ему Венера. Конечно же, гошикову сестру!

- Похоже... - промямлил он и обошёл вокруг скульптуры. Потрогал обрубки рук. Погладил голову. - А что, остальное таким и останется?

- Нет, конечно! Всё, что после головы - пока ещё намётки. Тут вот ниже пояса дерюгу надо вырезать. Тут вот колено торчать будет. В общем, работы ещё много, выше крыши. Но я - упорный. Добьюсь!

- А зачем в плёнку заматываешь? - не удержался и спросил Вовка.

- А это чтоб не треснуло дерево. Иначе всё псу под хвост. Это ведь уже третья заготовка. Первые две потрескались - вон, в углу одна валяется. Вторую уже на дрова распилил. А с целлофаном ничего, держится. Сохнет постепенно.

- Всё равно треснет, - не поверил Вовка. - Осина ведь. У неё середка-то полюбому гнилая.

- А я самую середину-то выбрал уж снизу, - выдал секрет Гошик. - Меня один дед надоумил. Да ещё научил всё внутри сарайки околотить фанерой.

А под ней мох набить. Он сырь забирает...

Вовка ещё что-то говорил, хвалил Гошика, а сам не мог отвести глаз от лица Венеры. Таня! Это, точно, она. Наверное, колдунья. Иначе, чем можно объяснить, что буквально с первого взгляда покорила его сердце? Видывал Вовка девиц и покрасивее. Да и Наташа, которую он любил, вернее, думал, что любит, тоже не последняя девка на деревне. Причём их дружба уже насчитывала не один год. А тут что? Любовь с первого взгляда? Читал об этом Вовка, читал. Но - не верил. Если мыслить рационально, что Вовка Река всегда и делал, то сначала человека нужно узнать. Прощупать все его качества. А поддаваться импульсу - извините! Поговорил пять минут с человеком и уже влюбился? А может, она стерва, каких мало? А может, нож за пазухой припасла?.. Но с Гошиками - что и за семейка? - всё получается с точностью до наоборот. Сначала быстро и легко подружился с Володей, а потом уж и в сестру с ходу втрескался. Не иначе - наговор. Только кому нужно на Вовку наговаривать? Прямо голова кругом!..

В это время хлопнула дверь сарая и на пороге появилась... Таня. В ярко-красной коротенькой курточке и чёрных брючках.

- Ага, уже своей чудой хвастаешь? - спросила она брата и засмеялась. - Так и охота городским на её глаза пялить!

- Сама ты чуда... - буркнул Гошик. - В клуб собралась?

- Да, там нынче кино индийское крутят. Вы пойдёте?

- Вовка, ты как? - спросил Гошик.

- Пойдём... - хрипнул пересохшим горлом Вовка и опять замолчал.

- Пошли во двор, - предложила Таня. - Поболтаем, пока Пигмалион свою Галатею в плёнку оденет.

На деревню стремительно накатывала темнота. Где-то за домом пронзительно трещали сороки, деля что-то между собой. От колодца невдалеке доносился визгливый девичий смех, а на окраине изредка всхлипывала гармошка. Да ещё залетающий

в заук ветер тревожно шелестел жёлтыми косами старой берёзы, росшей возле сарая.

- Хорошо! - засмеялась Таня и, словно недавно её брат, крутанулась на одной ноге. - Хорошо у нас?

На один короткий миг её синие глаза встретились с зеленовато-коричневыми Вовкиными, и между ними будто блеснула молния. Или это Вовке так показалось. Он быстро потупился и кивнул. Но взгляд против его воли снова и снова поднимался к Таниному лицу. Никогда в жизни он так ещё не стеснялся. Не знал, куда деть руки: то сцепит пальцы в замок за спиной, то сунет их в карманы, то снова спрячет за спину. Будь его воля, он так бы и смотрел, смотрел, не отрываясь, в эти синие колдовские озёра, плещущиеся на лице Тани. Не мог выдать из себя ни словечка, не смел поворотиться, чтоб ненароком не порушить волшебное чувство единения, возникшее вдруг между ним и девушкой. Между ними и природой. Между ними и всем миром. В груди Вовки медленно нарастало что-то непонятное, ранее непознанное: неожиданно сделалось горячо, так горячо, словно внутри раскалилась душа. Голову слегка кружило, и он увидел себя как бы сверху, и представил сам себе большим истуканом с неподвижным застывшим телом. Он уже ничего в тот момент не видел и не слышал, поражённый до глубины души одной только мыслью - неужели это и есть любовь? Когда так до безумия хорошо, приятно и есть реальное чувство, что ты можешь обнять весь мир. Вернее, ты и есть - мир... С его полями, реками, людьми, небом, ветром...

Таня, видимо, испытывала нечто похожее или просто почувствовала Вовкино настроение. Потому что тоже притихла и почти испуганно бросала на Вовку недоумённые быстрые взгляды. Порывами ветра разметало её свободно падающие на плечи чёрные волосы, и казалось, что её лицо окружено таинственным чёрным ореолом.

Из оцепенения их вывели печальные трубные клики, раздавшиеся откуда-то сверху. Таня медленно подняла голову.

- Ой, смотри - журавли полетели...

Вовка помотал головой, стряхивая с себя наваждение, и тоже посмотрел в небо. В багровеющей полосе заката медленно и величаво плыл косяк гордых птиц. Они пронзали своими телами красную пелену облаков, стремясь к чему-то далёкому и видимому только им. Журавли упорно летели к своей таинственной цели, мощно взмахивая широкими острыми крыльями.

- С ними... хорошо бы сейчас, - пробормотал Вовка почти про себя.

Но Таня услышала. Странно и грустно посмотрела ему в глаза.

- Я тоже иногда хочу с ними, - призналась она. - Думается порой, что я тоже - птица. Почему это бывает?

- Не знаю... - Вовка, не отрываясь, следил за полётом стаи. - Наверное, человек всегда хочет летать... А кто это - Пигмалион? - неожиданно вспомнилось ему. - Ты про него в сарайке говорила.

- Не знаешь? - удивилась Таня. - Мне про него Володя рассказывал. Он скульптор. Сын царя Кипра. Как-то Пигмалион вырезал из слоновой кости скульптуру женщины, настолько прекрасной, что влюбился в своё творение. Он одаривал её одеждами, драгоценностями, говорил с ней часами, находя у неё всё больше и больше достоинств. И в один из праздников Афродиты он попросил богиню оживить его неподвижную возлюбленную.

- И чего? - заинтересовался Вовка. - Она помогла?

- Да. Она снизошла к просьбе юного царя и вдохнула жизнь в статую. Весть о том, что Афродита оживила кость и из неё родился не слон, которому она раньше принадлежала, а прекрасная девушка, тут же разнеслась по острову. Все приходили и удивлялись.

- И чего? - снова спросил Вовка. - Она потом умерла?

- Вовсе нет, - улыбнулась Таня. - Пигмалион, наоборот, - женился на своей Галатее, и жили они долго и счастливо.

- И умерли в один день! - предположил Вовка и теперь уже смело по-

смотрел в Танины глаза. - Ты много знаешь.

- Это брат много знает! - засмеялась Таня. - А я пока только слушаю. И запоминаю.

Хлопнула дверь сарая, и появился Гошик.

- Айда в клуб! Ну, как Венера получается? - светясь лицом, поинтересовался он у Вовки.

- Тебе учиться надо. В художественное поступать. Знаменитым потом будешь.

- Зачем? - пожал плечами Гошик. - Мне и так хорошо...

4

В последнюю неделю работы случилось нехорошее. Местная жительница бабка Матрёна, жившая на краю деревни, решила перетаскать на наём дрова из заука. Они уже были напилены и расколоты, но валялись в зауке, мешая Матрёне ходить по нему в дом и огород. Дрова ей привезли по распоряжению конторы, но так и свалили перед домом. Недолго думая, бабка Матрёна выловила двух «шефов» и попросила помочь ей с этой бедой. В качестве вознаграждения посулила трёшку. Димка Весноватый и Славик Рыбин, которые и оказались под рукой, моментально согласились. После работы быстро перетаскали дрова. Благодарно охая, обрадованная старушка позвала помощников пить чай. Весноватый не захотел и сбежал в клуб, а Рыбин - парень себе на уме, особо из ребят ни с кем не сдружившийся - от предложения не отказался. Матрёна достала из голбца земляничное варенье и долго поила Славку чаем. Утром же, поднявшись с постели, она, по давно заведённой привычке, начала молиться, отвешивая поясные поклоны в сторону красного угла, где висели иконы. И только в самом конце молитвы она вдруг заметила, что крестится на пустое место: на полочке не оказалось самой ценной иконы - Казанской Божьей матери. Эта икона с незапамятных времён переходила в их семье в наследство от матери к дочери. Сна-

чала Матрёна на короткое время лишилась сознания, а потом начала искать реликвию. Взгромоздилась на лавку, думая, что икона просто упала на полку. Но там ничего не было. Тогда она начала грешить на кошку - может, эта блудня куда стащила? Но посидев немного и придя в себя, она сообразила, что кошка тут не при чём. А скорей всего, икону умыкнул вчерашний «шеф», которого она поила чаем. Поминутно крестясь и охая, бабка поспешила к участковому. Тот в это время как раз заводил мотоцикл, собираясь ехать в одну из отдалённых деревень, где по пьяному делу двое мужиков-братьев измузузили своего соседа. За то, что тот якобы в прошлом году порвал у них сеть. Долго копили злобу, и, наконец, она вышла наружу. Заявлений, естественно, не поступало, но слухами земля полнится. Да ещё на обратном пути он собирался заехать к одному из своих «подопечных», недавно освободившемуся из мест лишения свободы. Проверить его на всякий случай. Мало ли что. У соседей поспрашивать: не хулиганит ли?.. А тут-то во двор и вкатилась Матрёна.

- Митрей Степанович, - запричитала она, - иконы вить лишилась. Как же так-то? Я ему чая скипетила, варенья выставила, а он, шельма, как есть, икону слямзил!

Таким оборотом дела Колобок сразу заинтересовался. Да, по правде сказать, не больно-то и хотелось ему тащиться к чёрту на кулички разбирать мутное дело соседей. Тем более что и заявления не было. Всё равно все будут отпираться. А на совещании в районном управлении в прошлом месяце капитан Кречеватов специально заострял вопрос об иконах. Что, дескать, появились ухари, которые ездят по деревням и скупают за бесценок старинные иконы. А то и просто воруют их у доверчивых старушек. А потом эти иконы неожиданно появляются в зарубежных частных коллекциях, на аукционах или просто в магазинах. Так что необходимо пресекать в корне разбазаривание - это слово капитан подчеркнул особо - на-

родного достояния. Колобок и в жизни не предполагал, что какие-то старые потемневшие доски являются достоянием народа, сбываются за границу и к тому же стоят немалых денег. На его памяти ещё свежо было, как пришедший с фронта отец самолично смёл из красного угла все домашние иконы и свалил их на чердаке.

- Нечего тут, - пробурчал он, - рухлядь разводить...

А на место киота водрузил бархатную подушечку с четырьмя честно заработанными боевыми медалями. И до сей поры, вероятно, иконы так и лежат на чердаке родительского дома, постепенно гния и портясь от перепадов температуры...

- Стоп, бабуля, - прервал участковый словоизлияния Матрёны, - давай по порядку.

Через двадцать минут Колобок лично своей рукой написал заявление от имени Матрёны и дал ей поставить подпись. Потом усадил её в коляску мотоцикла, и они покатали в контору. Ничего не объясняя Ивану Спиридоновичу, участковый посадил его на заднее сиденье и помчал по бригадам. Рыбина нашли почти сразу: восемь человек под руководством Еремеича заканчивали убирать на поле картошку. Увидев Матрёну в сопровождении милиционера и бригадира, Славка всё понял и отпираться не стал. Но тут же на ходу сочинил историю в своё оправдание. Дескать, ему так понравилась деревня, что он не удержался и прихватил сувенир на память. Чтоб было потом, что вспомнить. И откуда он знал, что икона так нужна бабке? У неё их ещё там куча осталась... На Колобка этот лепет не произвёл ровно никакого впечатления. Приказав бригадиру с математиком без промедления явиться в пункт охраны порядка, находившийся в конторе, он со Славкой и Матрёной поехал в дом к «шефам» за вещдоком. Вовка Река в это время готовил обед. В печке в двух огромных чугунах кипел суп и допревала кастрюлища с гречневой кашей. На столе уже были разложены тарелки с ложками и нарезан хлеб: через

час ребята должны были придти обещать. Сам Вовка сидел на крыльце и с чувством выполненного долга курил сигарету, вспоминая вчерашний вечер. Они с Таней до ночи просидели на скамейке возле церкви и всё не могли наговориться. Над головой загадочно перешёптывались тополя, заходящее солнце окрасило стену церкви багряным, и было удивительно хорошо сидеть так просто, тесно прижимаясь друг к другу, и что-то такое говорить сдавленным от волнения голосом. На прощание, возле калитки дома Гошиков, Вовка хотел было Таню поцеловать, но отчего-то засмутился. А теперь сидел на крыльце и корил себя на все лады, что отпустил домой девку нецелованной. Но, может, это и к лучшему...

Тут в заук лихо въехал мотоцикл с участковым, Рыбиным и какой-то бабкой. От удивления у Вовки округлились глаза: такой странной компании ему ещё видеть не доводилось. Участковый помог выбраться из коляски бабке и, словно танк, сразу пошёл в двери дома. За ним семенил Рыбин, а следом, поминутно крестясь и нашёптывая молитву, волоклась Матрёна. Вовка пошёл за этой процессией. В избе Славка выцарапал из-под раскладушки свою сумку и достал из неё икону.

- Вот, товарищ старший лейтенант...

Колобок осторожно взял своими лапищами икону и, повертев её перед глазами, показал Матрёне.

- Она?

- Она, батюшка, как есть она... - вновь закрестилась старушка.

Участковый хмыкнул, снова взгляделся в изображение Богоматери, недоверчиво пожал плечами, словно бы говоря: из-за чего и сыр-бор? Но заявление-то вот оно! В папке и с соответствующей подписью. А это значит, что предостережение капитана Кречеватова о повышении бдительности в связи с воровством предметов народного достояния чётко выполняется.

- Шагай-ка, пацан, в коляску. Покачаем, - предложил он Рыбину.

- Куда? - опешил Славка.

- На Кудыкину гору, - не удержался и съязвил Колобок. - Сначала в контору, а потом видно будет. И вещички с собой прихвати. На всякий случай.

Славка снял и, закрыв сумку, поплёлся к мотоциклу. Матрёна чуть ли не в пояс кланялась вслед уходящему участковому.

- Вот добро-то ты сделал, Митрей Степанович, вот добро-то. Век за тебя Бога молить... - тут она осеклась на полуслове. - Да-а Богородицу-то куда потащил? Чай, нашлась пропажа, дак и возверни...

- Позже, бабуля, - не поворачиваясь, ответил Колобок. - Надо предъявить будет икону-то твою. Вещественное доказательство. Понимай!

- Ой... ой! - запричитала Матрёна. - Куды и потащишь-то? Она же из избы никогда и не уходила. Всё тамотка была. Мне её ещё матушка покойница завещала...

- Проворонила, так и подождёшь теперь, - уже с улицы ответил Колобок.

Завёл мотоцикл и укатил по направлению к конторе. Матрёна потерянно опустилась на лавку.

- Уволо-вить икону-то, - пожаловалась она Вовке, так и стоящему столбом возле порога.

- А чо это было-то? - вылупив в изумлении глаза, поинтересовался Вовка. - Я чего-то совсем не понял... Ты бы уж рассказала, бабушка?

После беседы с бригадиром и Василием Еремеевичем участковый увёз Славку в Тотьму. Ребята целый вечер обсуждали случившееся. Сошлись во мнении, что и поделом Славке: не зарься на чужое! Вовка в обсуждении не участвовал, так как опять сбежал в Шуваловку. Его тянуло туда каждый вечер с такой неодолимой силой, что он совершенно не мог противиться этому желанию. И даже работая иной раз в поле, он всё выпискивал взглядом знакомые крыши домов соседней деревни. По вечерам же, поторчав немного в гошиковой мастерской, они с Таней убегали отсюда куда-нибудь гулять. Чаще всего сидели на скаме-

ечке возле церкви, что стояла как раз на полпути между двумя деревнями. Говорили, говорили и никак не могли наговориться. Они буквально впитывали в себя друг друга, осень, окружающий мир. Так хорошо Вовке ещё никогда не было. Он очень дорожил этими свиданиями, и, что бы такое ни произошло на свете, Вовка твёрдо знал: вечером он снова будет возле Тани. Но всё когда-нибудь заканчивается. Постепенно сошла на нет и работа в колхозе. На собрании, установленном в конторе, председатель с бригадиром поблагодарили ребят за работу, пожали каждому руку и выразили надежду, что и на будущий год они снова приедут к ним. Всем было хорошо и немножечко грустно, как обычно и случается, когда завершается какое-то большое дело. В последний день им разрешили не работать. Иван Спиридонович расщедрился и выдал ребятам колбасы, яиц и батоннов для праздничного обеда. Всем настолько уже обрыдла тушенка и каша, что было даже крикнуто «Ура!» С трудом наскребли денег на две бутылки портвейна. После обеда прибрались в избе и разбрелись кто куда по деревне. Автобус ждали только на следующий день. А вечером всей толпой заявили на танцы. Кружась с Таней среди других пар в медленном танце, Вовка только теперь понял, что всё кончается. Уже завтра не будет этой деревни, этих вечерних посиделок, Венеры Гошика и всего хорошего, что случилось за этот месяц. Жалко... и обидно. Почему судьба сначала подарит что-то хорошее, а потом безжалостно забирает? «Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь...» - тосковала с пластинки певица, и Вовка с ней полностью соглашался. Как он теперь будет без Тани? Он уже так привык к тому, что она рядом, как привыкают к дому или к родной земле. А завтра уже снова будет промозглый неуютный город с его учёбой и общежитием. И главное - не будет рядом с ним Тани. Но это будет завтра. А сейчас Таня вот она, рядом. Вовка осторожно держит её за талию, а она так до-

верчиво положила свои руки ему на плечи. «Часы остановить тогда я не сумела, как не смогла остановить тебя...» - слова песни проникали в самую глубину сердца и потихоньку щипали душу. Видимо, у певицы тоже было в жизни нечто подобное, коль она так проникновенно рассказывает о том, что происходит у них сейчас с Таней. «Жизнь невозможно повернуть назад...» - танец кончался, и вместе с ним кончалась Вовкина жизнь. Кончалось короткое осеннее счастье. Всё кончалось...

Сразу после танца они выбрались из жаркого клуба на улицу. Накрапывал мелкий дождик, и мир казался печальным и торжественным. Тихонько посвистывал в проводах ветер и бросал в лица пригоршни липкой влаги. Краешек луны, изредка показывающийся из-за туч, отражался от сырых досок мостика через речку. Взявшись за руки, словно первоклашки, Вовка с Таней медленно шли в Шуваловку. Мимо церкви с её заветной скамеечкой, мимо кладбища, мимо голой рощицы.

- Пойдём в мастерскую, - предложила Таня, - печку затопим... У меня тоже ключ есть.

В мастерской Гошика всё оставалось без изменений. Только, пожалуй, добавилось стружки на полу. Первым делом Таня освободила от рядна и плёнки Венеру. Встала рядом, голова к голове. Склонив голову набок, так же печально улыбнулась. Сходство было таким сильным, что Вовка, подобно древнему Пигмалиону, даже не видя ни разу Тани, мог бы, пожалуй, влюбиться в образ, вырезанный из осины Гошиком. Потом, забросив в буржуйку стружки, натолкали туда дров. Открыли заслонку на трубе и растопили печку. В трубе тут же весело загудело. Таня выключила свет и села прямо на пол, заваленный стружкой. Вовка пристроился рядом. Теперь мастерскую освещали неровные огненные блики, вырывающиеся из слегка приоткрытой дверцы печи. Они, блики, плясали по стенам, по лицам Вовки и Тани, по рукам, по одежде. Говорить ни о чём не хоте-

лось. Видимо, души молодых людей, предчувствующих долгую разлуку, просто пока отдыхали, находясь вместе. Таня медленно поднималась с пола раньше золотистые, а теперь красноватые - от огня - завитки стружки, и медленно сыпала их обратно на пол. Вовка заморожено следил за этими простыми движениями. В печке потрескивали поленья и отстреливали в щель угольки, которые тут же, впрочем, и гасли на железном листе. Внезапно Таня улыбнулась и, подняв повыше руку, сыпанула пригоршню стружки прямо Вовке на голову. Вовке это понравилось, и он сделал то же самое. Кольца стружки повисли на Таниных волосах драгоценными украшениями. Таня засмеялась и начала осыпать Вовку уже с двух рук. Вовка не остался в долгу, и вскоре они уже сидели возле Венеры, изнемогая от смеха, с ног до головы осыпанные стружкой.

- Ну, мы с тобой, - сквозь смех выдохнула Таня, - ровно дети малые! Посмотрел бы сейчас кто...

Вовка начал осторожно выпутывать из Таниных волос деревянные завитушки. Тут же в голову ударила волна нестерпимого жара, поднявшаяся откуда-то из груди. Всё вокруг утонуло в красном тумане. Не помня себя от ужаса и закрыв глаза, он несмело ткнулся губами куда-то в Танину щеку. И тут же отпрянул назад. Это был первый в жизни поцелуй. Что для него, что для неё. И если раньше, по мнению Вовки, его отношения с Таней были просто дружбой, то теперь стали чем-то иным. Воспитанным в старых традициях, им казалось, что поцелуй - это уже нечто такое, после чего люди чуть ли не женятся. И уж совершенно точно, что это признание в любви. Некоторое время они сидели ошарашенные, не смея поднять друг на друга глаз. Первой опомнилась Таня. Лёгким движением руки смахнула стружку с Вовкиных волос.

- Ты чего? - еле слышно прошептала она.

Вовка медленно поднял тяжёлую, словно налившуюся свинцом, голову. Виновато посмотрел на девушку.

- Я... люблю... это... - слова давались с неимоверным трудом. Он пытался произнести их, а внутри его будто кто-то сидел и тянул слова назад, не выпуская их наружу, - тебя... вот...

Снова надолго замолчали. Никто из них не знал, что нужно делать дальше, как теперь следует себя вести. Наконец Таня решилась. Неуверенно обняв Вовку за плечи, неловко поцеловала его в щеку.

- Я тоже тебя...

- Что? - осмелел Вовка.

- Не скажу... Сам догадайся!

- Нет, ты скажи! - настаивал Вовка.

- Не скажу! - засмеялась Таня.

- Ну так - вот тебе... - прошептал Вовка и уже смело поцеловал Таню в губы.

Губам сделалось мокро и горячо, а тело начала поколачивать крупная редкая дрожь. Удивляясь своей смелости, он снова приник к Таниным губам. Гладил её по спине, крепко сжимал плечи, думая, что чем сильнее сожмёт, тем больше скажет о своей любви. И всё целовал, целовал податливые мягкие губы. Таня сидела, замерев, боясь спугнуть то хорошее, что так неожиданно поселилось в душе. Она пока только позволяла себя целовать, но сама не отвечала на поцелуи. Она просто не знала, как это делать. Да ей и казалось, что девушка не должна целовать парня. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль. Она высвободилась из объятий Вовки и строго посмотрела ему в глаза.

- Откуда ты умеешь целоваться? Ты уже пробовал?

Вовку словно шарахнули молотком по голове. Вроде вот только что всё было хорошо, он пребывал на седьмом небе от счастья, и вдруг такой вопрос! Он встряхнул волосами, собираясь с мыслями.

- Что?.. - пробормотал он.

- Ты уже целовался с какой-нибудь девушкой? - повторила свой вопрос Таня.

Вовка медленно помотал головой.

- Нет, ты скажи, - настаивала Таня. - Что ты, как конь, головой мотаешь?

- Не целовался, - ответил Вовка. - Просто в кино видел, что так делают. А так-то с тобой первой.

- Правда? - обрадовалась Таня. - А ещё скажи?

- Что?

- Ну, что ты недавно мне говорил.

- Я люблю тебя! - уже более решительно произнёс Вовка. - Люблю. Люблю - и всё тут! А ты меня поцелуй? - попросил он.

Таня, стесняясь, неумело приникла к его губам. В это время возле дверей что-то завозилось и затопало.

- Ой, брат пришёл! - испугалась Таня и отпрыгнула подальше от Вовки.

Хлопнула дверь, и в мастерскую ввалился Гошик. Включил свет. Недоумённо посмотрел на сидящих на полу, обсыпанных стружкой, сестру и Вовку и неудержимо расхохотался.

- Ну и парочка! Ну и дела! - смеялся он. - А я думаю, куда из клуба делиться? Все там, а вас нет. Ой, умора! Сидят тут в стружке...

Отсмеявшись, построжел лицом.

- Танька! Сколько раз говорить, чтоб печку без меня не топила? Мастерскую сжечь хочешь?

- Холодно же... - оправдывалась сестра.

- Побегала бы, - пробурчал Гошик. - Маленькая ещё печку топить.

- Ой, сам-то дубина такая вымахала...

Вовка видел, что переругивались они только для порядка. А на самом деле, Гошик любит сестру. Вот и Венеру с неё делает. Он поднялся с пола, отряхнулся и подал руку Тане. Аккуратно смахнул стружку у неё со спины.

- Провожать-то завтра придёшь? - спросил он у Гошика.

- Приду, - ответил тот.

Таня потянула Вовку на улицу. Вовка пожал руку Гошику и шагнул за порог мастерской.

- Э! - наконец опомнился Гошик. - А чего вы тут делали?

- Печку топили, - прокричала уже с улицы Таня. - Да тебя ждали, пока ты в клубе натапцнешься.

Гошик почесал затылок и повер-

нулся к своей Венере. Поскрёб ногтем фрагмент плеча. Рука произвольно потянулась за киянкой и стамеской.

Автобус приехал только к обеду, хотя ребята ждали его прямо с утра. Они уже прямо извелись от нетерпения, и каждые пять минут кто-нибудь выбегал за деревню и смотрел на дорогу, ведущую в райцентр. Таня в этот день не пошла в школу, чтобы проводить Вовку.

- Письмо напишешь? - спросила она и облизала чуть опухшие после вчерашних поцелуев губы.

Вовка кивнул. Он то и дело хвтался за внутренний карман курточки и проверял, на месте ли Танина фотография, которую она ему подарила. На обратной стороне снимка была надпись: «Владимиру от Татьяны. Я буду скучать без тебя! Октябрь 1983». Они стояли за домом бабки Матрёны в стороне от людских глаз. Здесь деревня уже кончалась, и глазу открывались широкие голые поля до самого горизонта. Вдалеке виднелась полоска леса, который сливался с мутным серым небом. Мир был огромен. Мир был красив. Мир был добрым, потому что в нём жила Таня. Только Таня. И неважно, что кроме неё мир населяли ещё несколько миллиардов человек. Для Вовки в мире была только Таня. Только она одна. За это Вовка и полюбил в эту минуту всю Землю...

А из окна на влюблённых смотрела старая бабушка Матрёна - одна из тех, кого, по мнению Вовки, сейчас в мире не было. Она долго щурила подслеповатые глаза на обнявшуюся парочку, пытаясь угадать - кто это? Но так и не смогла. Тогда, перекрестив им спины, она зевнула и поволоклась по дому, шаркая по половицам старыми домашними валенками.

5

Высоко над лесом летели журавли. На делянке на минуту стихли топоры и пилы. Задрав к небу головы, заключённые провожали птиц долгими грустными взглядами. И - небывалое

дело! - даже конвоиры, греющиеся возле костерка, не закричали в этот момент на зэков. Они, эти конвойные пареньки, тоже соскучились по дому. Андрей Река, повинуясь внезапному импульсу, сдёрнул с головы мокрую от пота и дождя шапку и застыл, не сводя восхищённых глаз с косяка журавлей. Они летят со стороны дома! Летят через эти неприветливые мордовские земли куда-то на юг, на зимовку. Последний пролёт журавлей. Когда они полетят назад, то и Андрей поедет вслед за ними. Весной он уже освобождается. Скорей бы! Осталось только пережить зиму - всего одну зиму. Каких-то пять месяцев, и он сможет обнять жену и сына. Сможет совершенно спокойно ходить по улицам села, не ожидая вслед грозного крика дежурного по зоне. Сможет, наконец-то, понежиться на раскалённом полке собственной бани и до одури хлестать и хлестать себя распаренным пахучим берёзовым веником. Сможет - кто бы в такое мог поверить?! - пить банками сгущённое молоко. Нет, не водки, не вина, а именно сгущёнки хотел Андрей. А ведь до отсидки он и внимания особого не обращал на это лакомство. Но зато здесь, в зоне, он научился понимать вкус продуктов. И когда ему разрешали ларёк, то он обязательно покупал себе одну банку сгущёнки. А все остальные деньги уходили на махорку и чай. Сгущёнку он умудрялся растягивать почти на две недели. Делал в банке маленькую дырочку и каждый вечер высасывал по чуть-чуть восхитительно сладкую тягучую массу. Чтобы молоко не загустевало, дырочку он аккуратно затыкал газетным пыжом. Когда банка оказывалась пустой, он ещё долго не верил своему несчастью и переворачивал её отверстием книзу. Через час вынимал пыж, и ему доставалось ещё две-три капли. На следующий вечер, он вливал в пустую банку горячего кипятка и долго тряс банку в ладонях. И после этого выпивал чуть сладкую мутную водичку. И с нетерпением ждал следующего ларька. Так и тянулся его срок: от банки до банки. Он уже наизусть выучил

информацию с этикетки сгущёнки: сколько именно получает его организм жиров, белков и углеводов. И радовался этому тихим щенячьим счастьем. Верил Андрей в то, что благодаря именно сгущённому молоку и смог выдержать весь свой срок. Раз в год ему разрешали пятикилограммовую посылку. И надо ли говорить, что кроме сигарет, чая и тёплых вещей, он обязательно просил в письмах к жене послать ему как можно больше сгущёнки. Но вкуче со всем остальным больше трёх банок никогда по весу не влезало. Но и это было за счастье. За великое счастье. Вот, когда он освободится, то обязательно купит сразу же ящик сгущёнки и будет пить хоть каждый день по банке. А то и по две. Счастье... А вот вина - больше ни капли. Хватит. Ведь и попал-то он сюда из-за него, проклятущего. Напились как-то с товарищем, да и понесло их куролесить. Залезли в трактор и долго катались по деревне. Снесли несколько огородов. Потом поехали к Семёнычу за самогонкой. Товарища Витьку Семёныч недолго любил, и пришлось Андрею заходить одному. Ещё и с Семёнычем выпили. Выйдя на улицу, Андрей Витьку не обнаружил и решил, что тот сбежал домой. Прыгнул в трактор и покатил. Да Витьку-то и переехал: тот зачем-то устроился поспать в аккурат перед трактором. Всё, смерть... И семь лет в итоге. Да на третий год сбежал с делянки. Домой захотелось. Но дальше ближайшей деревни не ушёл. Сбежал, называется. Ещё два года добавили. После этого Андрей стиснул зубы и решил ломать свой срок до конца. А то больно быстро у них получается: сбежал на полдня, подышал свободой - а срок вырос на два года. Арифметика явно не в его пользу. Так и до бесконечности сидеть можно. А здоровье-то не железное. И Витька часто во сне приходит. «Что же ты трактором-то меня? - всегда спрашивает он. А сам улыбается, улыбается. Да весело так. - Я ведь спал просто. А ты меня, вишь чего, трактором...» Знающие люди посоветовали Андрею после окончания срока обязательно

сходить в церковь. Покаяться. Помолиться самому или пусть батюшка помолится. И свечек поставит. Иначе эти сны не обороть.

... Журавли растаяли над верхушками ёлок, и на делянке снова глухо застучали топоры. Несмело вжикнула бензопила. Простуженными головами заругались охранники. Сказка кончилась.

6

Славку Рыбина из училища отчислили. По суду дали два года условно. А Коля-Нога - ничего. Покряхтел немного и сказал, что всю дурную траву с поля вон. И хорошо, что раньше, чем позже. Хотя позже - навряд ли. Потому как он, Николай Иванович Титов, давно уже в мастерах ходит. И не одну сотню мальчишек воспитал. И не слышал, чтобы кто-то из его воспитанников сидел. Вот так-то, орёлики... Но в общем и целом он работой ребят в колхозе доволен. Василий Еремеевич дал положительные отзывы. Обо всех. Вот только Пырёв...

- А чо сразу - Пырёв? - возмутился Упырь. - Не хуже всех работал! Никто не жаловался.

- Василий Еремеевич говорит, что ты половину сухпайка уничтожил, - вздохнул мастер. - Так что придётся из зарплат выгнать...

Ребята радостно засмеялись. Толстые щёки Упыря загорелись маковым цветом, но и он тоже хохотал вместе со всеми.

- Теперь - Басов, - прервал смех Титов.

Все притихли. Колька, в отличие от покрасневшего Упыря, начал медленно бледнеть. Сидел напряжённый, со сжатыми под партой кулаками. Что ещё наговорил математик?

- Басов официально назначается командиром группы, - вынес решение Коля-Нога. - Василий Еремеевич положительно охарактеризовал данного индивидуума. Помощником Басова назначаю Реку. Профорга и комсорга выберем попозже. Вопросы есть? Вопросов нет. Так, впрочем, и должно быть. А теперь начинаем не-

посредственно урок электротехники, ради чего мы, собственно говоря, и собрались. На чём мы остановились на прошлом уроке? Ага, подключение асинхронного электродвигателя. Шток - к доске.

На первый же выходной Вовка поехал к матери. Сильно натопил баню и долго парился. Волосы от жары трещали, уши, казалось, свивались в трубочку, пот тёк ручьями. Распаренный и красный вылезал в предбанник, пил приготовленный мамой квас на яблоках и долго сидел, отпышкиваясь, на лавке, всей кожей впитывая в себя октябрьский холод. Потом снова бросался в парилку. Подбрасывал на камни воды и лез на полку. Хлестался до одури венником и опять блаженствовал на холоде. После бани навалилась такая усталость, что, даже не дожидаясь ужина, уснул. Утром, едва проснувшись, выскочил в сени, открыл навесной шкафчик и схватил прикрытую сверху марлей полулитровую банку парного молока. Припал к ней губами и, не отрываясь, выпил. Только после этого побежал одеваться. Мать, уже пришедшая с утренней дойки, месила тесто на блины.

- Опять молоко без хлеба пил? - спросила она.

- А так вкуснее! - прокричал Вовка, прыгая на одной ноге по комнате, второй безуспешно попадая в штанину.

- Натаха твоя вчера приходила, - вспомнила мать. - Разбуди, говорит, тётя Надя, Вовку. Ругаться, говорит, стану. А то прочесал мимо окон с песнями: даже и не взглянул!

Вовка так и замер посреди комнаты. Наташка!.. Он ведь, признаться, уже и не вспоминал её. Забыл напрочь. Каждую свободную минуту перед глазами вставал образ Тани. И даже на уроках, на последних страницах тетрадей, неизменно пытался нарисовать её профиль. А тут - вон чего! Он уселся на лавку, спокойно попал ногой в штанину, застегнул ремень и пошёл за рубашкой. Чего теперь с Наташкой-то делать? Как признаться, что появилась у него другая девчонка? Дела...

Решил, что лучше пока ничего не предпринимать: мало ли, само утрясётся. Целый день возился по дому: дел за месяц отсутствия накопилось немало. Вечером побежал на последний автобус. Чтобы не идти мимо Наташкиного дома, дал кругалю по селу. Да вот только мимо остановки-то не пройдёшь. А Наташка уже там. Специально дожидается.

- Тоже в город собралась? - отважился пошутить Вовка.

- Отойдём-ка в сторонку! - потребовала Наташка.

На остановке оказалось полно народа: в основном это были такие же, как и Вовка, гэпэтэушники. Только учились они в других училищах. Были и двое-трое студентов. Все они разъезжались после выходных по своим общежитиям.

- Чего не пришёл вчера? - с места в карьер начала Наташа. - Думала в клуб сходить. Потанцевали бы...

Вовке сразу же вспомнился последний их с Таней танец. «Жизнь невозможно повернуть назад...» Слова песни пришли сами собой. Это их с Таней песня. А ведь наверняка и у них в клубе ставят ту же пластинку. И как ему после таких отношений с Таней можно танцевать с Наташкой? Это уже будет предательство.

- Устал я. Спать завалился после бани.

- Да знаю я. Тётя Надя сказала, - прищурила серые глаза Наташка. - Это тебя и спасло.

- От чего спасло? - не понял Вовка.

- От моего гнева, конечно! - засмеялась девушка. - Я бы, знаешь, как рассердилась, если бы ты гулять удрал.

В это время на дорожное засверкали фары рейсового автобуса. Вся толпа с остановки вышла к краю дороги. Ребята смеялись и переговаривались весёлыми голосами.

- Чтоб на следующий выходной - сразу ко мне! - потребовала Наташка. - А там уж и в клуб ходим. Зря я, что ли, новую кофточку покупала?

Всех больше Вовке не нравились уроки начальной военной подготовки

- НВП. Преподавал дисциплину бывший майор-артиллерист Голованов. Небольшой, сухонький, очень строгий. На всех уроках он появлялся с железным шомполом от учебного автомата. И почти все уже успели попробовать на себе воспитательное значение шомпола. Кому доставалось по спине, кому по рукам, кому по ягодцам. У такого на занятиях не забалуешь! Естественно, что ребята тут же окрестили учителя Шомполом. Теории на уроках почти не было. В сентябре ходили в поле за заводом копать окопы, а сейчас спешно готовились к ноябрьскому параду: отрабатывали строевой шаг.

- Ну не хотел я в военное поступать! - жаловался Басов. - Так повезло же - в обычном училище та же тупая шагистика! Знал, так бы в школе остался.

- Да не ной ты, - пытался успокоить товарища Вовка, - не вечно же мы маршировать будем. Праздники кончатся, на демонстрацию сходим, а потом автоматы изучать станем.

- Уверен?

- В чём?

- В том, что за оружие возьмёмся? У Шомпола ума хватит и под Новый год окопы рыть да ядерные атаки в них отрабатывать...

С неба сыпал надоедливый дождь, а группа мокла на корте. Все в новенькой форме, в чёрных шинелях и синих ученических фуражках. Голованов в сторонке о чём-то беседовал с директором училища - низеньким толстеньким мужичком. Директора Вовка видел всего второй раз. Однажды он выступал перед всем училищем первого сентября. Вовке он пришёлся по душе своей лаконичностью. Просто поздравил всех с началом учебного года и посоветовал учиться без двоек. А после него слово взял слово главный инженер завода, где всем ученикам предстояло проходить практику. Вот тот оказался словоохотливым и умудрился растянуть свою приветственную речь почти на час. В его речи фигурировали задачи партии, объёмы производства, подготовка к очередному съезду, проблемы дисцип-

лины и опять же задачи партии. Короче - надоел всем, в том числе и преподавательскому составу. Но это всё уже в прошлом. А сейчас Вовка с тоской глядел на сырые голые верхушки тополей, окружающих спортивный корт училища, и думал, как лучше всего отделаться от настырной бывшей подружки. Но ничего путного на ум не шло. Так, ерунда всякая. Вплоть до того, что вообще домой не ездить. Но это, конечно, нереально. Надо будет всё-таки набраться смелости и рассказать Наташке всё. Когда-нибудь... А вчера он написал Тане письмо. И ничего сложного, оказывается, в этом нет. Когда есть что сказать. Когда на тумбочке стоит фотография, а ты смотришь на неё и будто бы говоришь с человеком. По-хорошему так говоришь. Письмо вышло неожиданно большим: на двойном тетрадном листе мелким убористым почерком. Вовка даже немного загордился собой - не лаптем щи хлебаем! А вот сегодня он даже приблизительно не мог вспомнить, о чём вчера писал целых два часа. Но одно помнил точно: он выслал Тане свою фотографию. Правда, не такую красивую, как ту, которую она подарила ему. Это был обычный чёрно-белый снимок. Дядя Антон сфотографировал Вовку на крыльце их дома. Босого, в закатанных до колен штанах и в расстёгнутой рубашке. И при этом Вовка смотрел куда-то вдаль. Мимо дяди Антона, мимо деревни... В общем, фотка Вовке очень нравилась. Мать, посмотрев, сказала, что он вылитый отец в молодости, чем немного подпортила ему настроение. Потому что отца Вовка не любил. Верней, не понимал. Когда был маленьким, то любил, конечно же. Помнил его огромные руки, его улыбку. Но отца посадили, когда он ещё не пошёл в школу. Сначала маленький Вовка сильно переживал и огорчался. Всё ждал, когда же он вернётся. То, что папку посадили, никак не укладывалось в голове. За что?.. Такого большого и весёлого. Так любящего петь под гармошку песни. Даже соседи собирались послушать, когда он вылезал в заук и начинал наяривать на

гармони. Это казалось ему страшно несправедливым. Но когда Вовка подрос, то узнал, что посадили отца за убийство. Это-то ещё можно было простить. Но как простишь частые слёзы матери? Её раннюю седину и невольные морщинки на лице? Плакала мама по ночам, когда думала, что Вовка уже спит. Садилась на диван под настольную лампу, смотрела свадебные фотографии и уливалась беззвучными слезами. Вот этого Вовка прощать никак не собирался. Что он сделает, когда отец освободится, он ещё не знал. Но что-нибудь да сделает. Ещё как! Дай только срок...

Он вздохнул и снова начал смотреть на голые ветки тополей. Странно, что у них в деревне никаких тополей не было. Берёзы, дубы, сосны. А вот тополя не росли. Ну и ладно... В это время Шомпол наконец-то закончил разговор с директором и подошёл к строю, натягивая на руки чёрные кожаные перчатки.

- Группа, нале-о! Ша-гом арш!

На большой перемене в столовой Басов неожиданно сцепился с второкурсником из группы наладчиков. То ли он его подтолкнул возле раздачи, то ли наступил на ногу - короче, сцепились. Немного потолкались и разошлись. Колька вроде и ничего, успокоился, а вот второкурсника - толстомордого прыщавого парня - зацепило. Видимо, не очень понравилось, как Басов с ним разговаривал. Быстро пообедав, он взял себе в помощь дружка и подошёл к столу, за которым сидел Басов. С ходу зарядил ему подзатыльник.

- Ты, щегол, как со старшими разговариваешь?

Колька как раз приступил к сметане. От неожиданности уткнулся носом в стакан, но дальше сработал автоматически. Недолго думая, выплеснул полстакана сметаны в лицо обидчику. Сметана была жиденькая, и поэтому растеклась по толстому лицу второкурсника ровным слоем. И начала капать на галстук и на форму. Слеплённый парняга взревел на всю столовую и начал махать руками,

куда придётся. Басов вскочил со стула и точно ударил того в челюсть. Потом ещё раз. И ещё. От сильных и хлётких ударов у парня лопнуло несколько прыщей. Сметана тут же смешалась с кровью. Дружок второкурсника ринулся было на подмогу, но его перехватил Вовка Река. Завязалась ещё одна потасовка. Но тут к месту драки подбежал дежурный по столовой. В этот день им оказался преподаватель слесарного дела Шмаков - небольшой сухонький мужичок. Тем более неожиданным оказалось то, как он подавил конфликт. Толкнув в спину Вовку, отчего тот врезался в своего противника, он схватил одной рукой ладонь Басова, а другой ладонь толстого второкурсника. Неуловимым движением вывернул обоим руки, заведя их за спину. Парни согнулись вопросительными знаками. Надавливая на руки, Шмаков быстро начал выталкивать их из столовой.

- Вы двое тоже со мной! - бросил он Вовке и его визави.

Первым делом Шмаков завёл их в туалет.

- Умывайся! - приказал второкурснику.

Тот отмыл с лица сметану. Немного подумал и отчистил заодно и лацканы пиджака. Вовка предположил, что Шмаков поведёт их в учительскую, но ошибся. Учитель привёл их в свою мастерскую. Выстроил всех четверых вдоль стенки, а сам уселся на стул.

- Рассказывайте, бойцы!

«Бойцы» неловко переминались с ноги на ногу.

- Или языки проглотили? - вкрадчиво поинтересовался учитель. - В столовой-то больно хорошо орали! А ну, покажи язык! - внезапно приступился он к толстомордому.

Тот покорно высунул язык. Остальные захихикали. Толстомордый покраснел, спрятал язык и вытер со щеки всё ещё сочащуюся кровь. Шмаков вздохнул и раскрыл толстый журнал.

- Фамилии, группы.

Толстомордый оказался Ивановым, а его дружок носил странную фамилию - Банк.

Шмаков сразу заинтересовался.

- Ты не Алика Банка сын?

Парень отрицательно помотал головой.

- Зря, - вздохнул Шмаков, - Алик хороший боксёр. А кстати, не хотите ко мне в секцию бокса записаться? Я тут в спортзале два раза в неделю тренирую. Там бы и могли кулаками махать. Лучше, чем в столовой-то.

- Я на плавание уже хожу, - буркнул толстомордый Иванов.

- А я на картинг, - сказал Банк.

- Как хотите, - пожал плечами Шмаков. - А вы? - обратился он к Вовке с Колькой.

Они переглянулись. Неуверенно потоптались на месте.

- Давай, что ли? - шепнул Вовка. - Всё равно вечерами делать нечего.

Басов кивнул.

- Можно...

- Вот и ладненько! - обрадовался Шмаков. - Завтра в пять в спортзале. А теперь - кругом и шагом марш на занятия. О драке доложу мастерам. Свободны!

- Мы вас ещё поймаем, - пообещал Вовке с Колькой Иванов, когда они шли по длинному коридору из мастерских в основное здание училища.

- Тебе что - мало? - искренне удивился Вовка.

- Смотри, как бы тебе мало не было! - начал заводиться Иванов.

- Да хорош вам! - урезонил их дружок Иванова. - Пойдём, Толстый. Была нужда об них руки марать! Так и из училища попереть могут. Пошли!

В конце коридора они разошлись в разные стороны.

На тренировке Вовке понравилось. Сначала побегали по спортзалу, попрыгали через скакалку, поотжимались. Потом Шмаков разбил ребят по парам, и они начали отрабатывать нырки и удары. А Вовке с Колькой, как новеньким, тренер поставил другую задачу. Подвёл их к большим зеркалам и сказал, что у них сегодня для начала бой с тенью. Это упражнение заключалось в следующем: нужно было, прыгая перед зеркалом, наносить своему отражению удары и са-

тому же от них уворачиваться. Интенсивно попрыгав минут пятнадцать, парни совершенно выдохлись. И ноги уже не прыгали, и руки не поднимались, и языки повываливались. Шмаков, оказывается, за ними наблюдал. Тут же подошёл и предложил пять минут передохнуть и посмотреть, как занимаются остальные. В зале на первый взгляд царил полный разброд: кто-то дубасил кулаками по груше, несколько пар продолжали «нырять», кто-то подтягивался на перекладине, а двое уже начали спарринг. Вовка с Колькой подобрались поближе к спаррингующимся. Маленький и сухой третьекурсник пытался пробить защиту увальня со второго курса. Он крутился вокруг парняги волчком и наносил быстрые резкие удары. Но почти всегда натякался на защиту.

- У Васина первый юношеский разряд, - просветил оказавшийся сзади тренер. - Это который большой - Васин. А Митенков только ещё к разрядам подбирается.

- А чего это ваш Васин-то не дерётся тогда? - спросил Колька. - Дал бы раза...

- Ну, тогда для Митенкова тренировка и закончится, - улыбнулся Шмаков. - Васин только защищает. Вес у них разный. А настоящие бои начнутся в конце занятия. А вы, если передохнули, давайте к зеркалу. Ещё полчаса поскочите, а потом на грушу. Я вам покажу один удар. Его и будете отрабатывать...

Вечером Вовка не удержался и написал письмо Тане. Похвастал, что записался в секцию бокса. Письмо опять написалось легко и быстро. И снова на двойном листке не хватило места. Пришлось заканчивать на полях.

7

После Ноябрьских праздников наконец-то началась практика на заводе. Правда, не так часто, как у старшекурсников. Для начала всего раз в неделю. Но и это было уже что-то. Вовке достался ремонтно-механичес-

кий цех. Не основное производство, конечно... но тоже неплохо. Зато не кузнечно-прессовый, как у Штока, где без наушников делать нечего - такой там стоит грохот. Непосредственный начальник - энергетик. Андрей Андреевич Блошин. Серьёзный въедливый мужичок. Первым делом вывел Вовку в цех и, поблескивая очками, показал, где находятся мульды для металлических отходов. В каждой мульде был, оказывается, свой металл. В одной - цветной, в другой - чугун, в третьей - железо. Больше ничего показывать не стал, а заведя к себе в кабинет, провёл первичный инструктаж, сводившийся всего к трём словам: «Никуда не суйся!», и дал расписаться в журнале по технике безопасности. После этого Вовка получил первое задание: взять отвёртку и разбирать на запчасти ломаные магнитные пускатели. Причём винтики на четыре складывать отдельно, на пять - отдельно, шайбочки - отдельно, гровера и пружинки - тоже. Коробочки под каждый номинал взять в шкафу. Корпуса выбрасывать в мусор, сердечники в мульду, где отходы железа. И потом остаётся самое интересное: взять молоток и зубило и сшибать с латунных контактиков серебряные головки. Серебро сдавать ему - Андрею Андреевичу, а вот остатки контактиков выбрасывать в мульду для цветмета. Вот, в общем-то, и всё. Ничего сложного. Вовка смотрел на энергетика дикими глазами и удивлялся про себя - как можно быть таким занудой? Вроде взрослый, серьёзный мужик... Вовка сел за стол, вооружился отвёрткой и принялся курочить пускатели. Минут через пятнадцать на рембазу зашёл мужичок с металлическим чемоданчиком в руках. По-хозяйски уселся за стол.

- Практикант? - весело спросил он. - А я типа твой наставник. Валентин. Правда, фамилия у меня странная - Шитя. Но ты не обращай внимания.

Вовка понял, что мужичок не чета энергетике, и облегчённо вздохнул. Хоть какой-то светлый лучик!

- Владимир Река! - официально представился он.

Валентин некоторое время изумлённо смотрел ему в глаза, а потом расхохотался.

- Река?! А я ему тут про свою фамилию толкую, что странная! Я гляжу, мы с тобой - одного помёта ягоды!

Вовка тоже засмеялся. Судя по всему, с Валентином они сработаются.

- Ты один здесь работаешь? - спросил Вовка. - В смысле - электрик.

- Трое нас, - ответил Валентин. - Толик пока на больничном, а Сергей во вторую смену. Да ещё Мишка Васин, практикант из вашего училища. Знаешь Васина?

- Это здоровый такой?

- Ну, он и есть! - улыбнулся Валентин. - Боксёр.

- Мы с ним в одной секции занимаемся, - не удержался и похвастал Вовка.

- Так и ты тоже боксёр? - удивился Шитя. - Ну и дела - некого и послать стало. Сплошные боксёры. Ты его пошлешь, а он тебе боковым справа в челюсть. Да?

- Я ещё только две недели и занимаюсь-то, - заскромничал Вовка.

- Ну, значит, полбоксёра! - засмеялся Валентин.

- А этот, Андрей Андреич, - кивнул Вовка по направлению кандейки энергетика, - он всегда такой... дотошный? Заставил каждую фигнюшку по местам разложить.

- Турист? - переспросил Валентин и объяснил: - Это мы его Туристом зовём. Потому что он каждый отпуск в лесу живёт. Берёт палатку, удочки, гитару - и вперёд! Сидит там у костерка балдеет, уху стряпает... А дотошный - это да. Не то слово - дотошный. Педант до мозга костей. Я так с ним и общаюсь только по работе. А вот Сергею Шишкину - бугру нашему, он иногда чего-нибудь и расскажет. Но тоже немного. Белая кость - что ты! Ну ладно, хватит тебе тут киснуть. Пошли, цех покажу.

- А пускатели?

- Да не сбегут они от тебя! Мишка, даром, что второй год у нас, тоже до сих пор на пускателях сидит.

- И это все три года так будет? - огорчился Вовка. - Ни фиги себе практика!

- Я тебе вот что скажу... - понизил голос Валентин, - ты на эти пускатели - забей. Так, пару штук в день разбирай. А сам лучше с нами по ремонтам станков ходи. Да спрашивай побольше. Глядишь - и научишься чему. Усёк?

Вовка слегка опешил.

- Так ведь этот сказал, чтоб я никуда не совался...

- Пренебреги! - зевнул Валентин. - Как тогда будешь диплом защищать? Один, естественно, не суйся. Иначе придётся гроб с музыкой заказывать. А с нами везде ходи да на ус наматывай.

- У меня ещё уса нет! - попробовал пошутить Вовка. Но на душе стало немного грустно и обидно, что ли. Совсем не так представлял он вхождение в трудовой коллектив. Ему казалось, что энергетик тут же начнёт показывать ему всякие схемы и объяснять хитрости профессии. Будет заниматься с ним теорией, чтоб он, Вовка, мог лучше подготовиться к выпуску. И такая встреча выбила его из колеи. Он угадал, что не больно-то его тут и ждали. Энергетику только лишняя головная боль. А и действительно: коллектив у него сработанный, всё идёт как по маслу, и зачем ему нужны практиканты? Но, коль навалили, то лучше держать их от греха подальше. А уж экзамены как-нибудь, да сдадут. Вот и вся теория. Грустно...

В раздевалке перед очередной тренировкой к Вовке подошёл Мишка Васин.

- Ты, что ли, Река будешь?

Вовка молча кивнул.

- А я Васин. Мишка. Начал пускатели разбирать?

Вовка только глубоко вздохнул.

- Да не вздыхай ты! - засмеялся Васин. - Сидеть на пускателях - это лучшая практика.

- Не понял... - опешил Вовка.

- А чего тут понимать? Знаешь, как терпение развивается? - и, увидев вытянувшуюся Вовкину физионо-

мию, хлопнул его по плечу широченной ладонью. - То-то, братан! Или же, вот, сидишь ты за столом, к примеру. Разбираешь это железо, до того надоест - сил нет. А тут заходит Тоха или Валентин и зовёт на станок. Ты как на крыльях полетишь. Усёк?

- Не пойму я чего-то, - засомневался Вовка. - Терпение - это понятно. Винтики там по номиналам рассовывать, железо по мульдам разложить... А чего ж я на станок-то полечу? С какой радости?

- После пускателей - любой ремонт за счастье! - улыбнулся Васин. - Сам увидишь. Остальные как практику проходят? Пришли в цех, отметились и свинчивают по другим цехам, а то в теннис на третьем этаже рубятся. А Турист не разрешает из цеха уходить. Хочешь не хочешь, приходится на рембазе торчать. Или вот по станкам шастать. А мужики объясняют всё по ходу. У меня уже электротехника и спецтехнология от зубов отскакивают. Я их дома и не учу совсем. Валентин лучше всякого учебника объяснит. Понял?

Вовка неуверенно кивнул.

- Да ладно, чего я тебе объясняю, - Васин встал в боксёрскую стойку и несколько раз резко качнулся из стороны в сторону. - Ты это, после зеркала подойди ко мне. Позанимаемся.

Наконец-то пришло первое письмо от Тани. Вовка читал и перечитывал его, убирал подальше, но не выдерживал и снова лез в карман за заветным листочком. Читая, он словно наяву видел сосредоточенного Гошика, любовно снимающего стружку со своей Венеры. Видел скамеечку возле церкви, где, как писала Таня, она полюбила грустить в одиночестве после Вовкиного отъезда. Узнал, что бригадир Иван Спиридонович сломал руку, свержившись с крыши дома бабки Матрёны, куда он залез устанавливать телевизионную антенну. Добросердечная Матрёна расплатилась с бригадиром заранее, выпоив ему бутылку водки. И только после этого Спиридоныч полез на крышу. И упал. И теперь Матрёна охает на всю дерев-

ню и ждёт, когда бригадир поправится, чтобы закончить начатое. А ещё Таня специально съездила в райцентр и купила там пластинку с песнями, под которые они танцевали в клубе. И когда ставит её на проигрыватель, то даже плачет. Она так и написала: «Просто реву, как дура малахольная». Когда Вовка перечитывал эти строки, то душу неизменно сжимала чья-то горячая рука, и к горлу подступал твёрдый комок. А ещё она часто забирается в мастерскую Гошика, затапливает печку и сидит на кучах стружки на полу. Совсем, как в тот вечер... Вовка буквально зачитал письмо до дыр в первый же день. А ложась спать, внезапно почувствовал себя предателем. Ведь он до сих пор продолжает встречаться с Наташкой... Хотя как - встречаться? Сходили пару раз в клуб на танцы, да и всё. Ну не может Вовка пока рассказать ей о Тане. Только соберётся, и язык тут же становится словно ватный. И не шевелится. Никак не думал Вовка, что он такой нерешительный. А Таня ему верит. К щекам прилила кровь, и ему сделалось стыдно.

«Пора с этим заканчивать! - подумал он. - Вот в следующий выходной... просто не пойду никуда, да и всё!»

Но в глубине души знал, что это бесполезно. Так уже было, и Наташка сама к нему пришла. И снова придёт. Пока он с ней не поговорит, эти муки совести так и будут продолжаться.

А в город пришла зима. Закончились надоедливые дожди, убрались куда-то тучи, и выпал снег. Вечер выдался свободным от тренировок, и Вовка пошёл побродить по улицам микрорайона. Было приятно идти по свежевывавшему снегу и уверенно давить его ногами. Было приятно вдыхать чуть морозный воздух и наполнять им грудь. Приятно было и просто смотреть на землю: снег обновил её, спрятав под собой грязь, пачки из-под сигарет и прочий мусор. Вовка не торопясь брёл незнакомыми дворами, глазел на спешащий куда-то народ и изредка бросал любопытные взгляды на светящиеся жёлтым электрическим светом окна

первых этажей многоэтажных бетонных коробок. На многих подоконниках стояли в горшках какие-то растения, и изредка мелькали жильцы. В одном из окон сидела пушистая белая кошка и тёрла лапой мордочку.

«А у нас в деревне в избах подоконников нет, - отчего-то подумалось Вовке. - А то бы тоже всяких цветов поставили. И окна меньше, и занавески обычные. А тут сплошь тюль да портьеры...»

- Владимир Андреевич! - внезапно раздался над ухом Вовки знакомый густой бас. - Изволим по улицам шляться?

От неожиданности Вовка вздрогнул и даже попятился. Но потом сообразил, что это всего лишь мастер - Коля-Нога. Он с важным видом стоял возле автомобиля «Москвич» с открытым капотом.

- Ух, напугался даже! - облегчённо выдохнул Вовка. - А это ваша тачка?

Титов ласково похлопал ладонью по крылу машины.

- Конечно, моя. Или ты думаешь, что твой мастер угоняет чужие автомобили? Хорошего же ты обо мне мнения!

Вовка засмеялся. Уж кого-кого, а Николая Ивановича он меньше всего представлял себе в роли угонщика.

- Сломалась? - спросил он.

- Есть такое дело, - прогудел мастер. - Не заводится.

- Помочь? - предложил Вовка.

- А ты соображаешь?

Вовка кивнул.

- Два лета в гараже механикам помогал. Трактора чинили. Правда, там дизеля, но принцип-то один.

- А чего ж ты тогда не на слесаря пошёл учиться? - удивился мастер. - Самая и дорога.

- Так ведь вы сами... - смутился Вовка.

- Что - я сам? - не понял Коля-нога.

- Ну, вы ведь сами нас со Штоком от слесарей в электрики сагитировали. Так рассказывали интересно. Я и подумал: механику-то более-менее знаю, а вот с электрикой у нас проблемы. Реле там всякие, лампочки...

тёмный лес. Только по книжке с грехом пополам и разбирались.

- Ай, молодца! - рассмеялся Николай Иванович. - Значит, я и крайний получаюсь! Ну, давай, посмотрим, в чём тут дело...

Через пятнадцать минут «Москвич» уже басовито гудел на холостых оборотах. Титов выключил зажигание, захлопнул капот, запер дверцы и, не слушая никаких объяснений, потащил Вовку к себе домой - мыть руки и пить чай.

- Мама! - с порога весело гуднул мастер. - Помощника привёл. Что есть в печи - всё на стол мечи! Ученик мой, Вова Река, - объяснил он вышедшей из кухни невысокой полненькой женщине. - А это моя супруга - Клавдия Дмитриевна, - представил он женщину Вовке. - А сынок где-то бегает. Зато собака дома. Миша, ты где?

Из комнаты, лениво помахивая пышным хвостом, вышло лохматое чёрно-белое с рыжими подпалинами чудовище, достающее Вовке чуть ли не до пояса. Он таких псов ещё не видывал. Попав в прихожую, Миша аккуратно обнюхал Вовкино колено и вопросительно посмотрел на Николая Ивановича.

- Познакомился? - спросил мастер. - Тогда дуй в комнату. Место!

Пёс развернулся и медленно ушёл обратно.

- Это... кто? - спросил Вовка.

- Собака Баскервилей! - хохотнул Николай Иванович, но, увидев округлившиеся Вовкины глаза, объяснил: - Московская сторожевая. Ценный экземпляр, в смысле - медалист, и хороший друг. А теперь - марш в кухню!

- А руки? - спросил Вовка и на всякий случай выставил перед собой испачканные ладони.

- А это в ванной комнате. Вот дверь.

Сначала Вовка подумал, что попал в операционную - кругом была стерильная чистота, а все стены уделаны белым сверкающим кафелем. Над такой же белой и сверкающей раковиной висело зеркало со стеклянной полочкой. На полочке лежали зубные

пасты и щётки, из стаканчика торчал бритвенный станок с помазком. Мыло находилось в мыльнице, представляющей из себя лягушачью голову. Вовке даже стало страшно мыть грязные руки в этом... дворце, что ли. Но делать нечего. Осторожно повернул краник с красной нащёпкой, и из смесителя полилась горячая вода. А с кухни уже рокотал весёлым басом Николай Иванович:

- Река, ты там не утонул? - и сам же рассмеялся своей шутке.

- Рассказывай! - потребовал он, едва Вовка уселся к столу.

- Чего? - не понял Вовка.

- Ты вот давай, бутерброды ешь, колбасу рубай, - приказал Николай Иванович. - А рассказывай, как жизнь вообще. Чем дышишь? Я хочу знать, кто такой Река Владимир. Что у меня за ученик. Начни с родителей. Папка-мамка живы?

- Живы, - кивнул Вовка и потащил к себе огромный бутерброд с сыром. - Мамка на ферме работает, а папка... - тут он запнулся и помрачнел.

- Что - батька? - полюбопытствовал мастер. - Сбежал, поди, подлец? Страна-то у нас большая.

- В Мордовии он, - выдавил из себя Вовка. - Весной срок кончается. Девять лет сидит.

- Ух ты! - Коля-Нога даже присвистнул. - Чего это много-то так?

- Да дружка, говорят, на тракторе переехал. Семь лет сунули, да два уже там заработал.

- Ну-ну, - заинтересовался Николай Иванович. - Ты ешь побольше. Да и рассказывай...

За полчаса Вовка сумел обрисовать мастеру всю свою нехитрую жизнь. А чего там рассказывать? Не сорок ведь лет прожил - всего пятнадцать. Незаметно для себя поделился даже заморочками на любовном

фронте. Это был первый человек, которому Вовка так откровенно рассказывал о Тане. Николай Иванович слушал и кивал временами лысеющей крупной головой. После того, как чай был выпит, бутерброды кончились, а рассказывать оказалось нечего, Коля-Нога предложил прогуляться. Огромный Мишка уже ждал в прихожей, держа в зубах поводок. Увидев хромающего с кухни хозяина, он утробно взрыкнул и замолотил хвостом по полу.

- Дождался, шельмец! - довольно хохотнул Николай Иванович и ласково потрепал пса по загривку.

Выйдя из квартиры, они увидели группу подростков, облепивших подоконник. Ребятам было лет по пятнадцать-шестнадцать. В подъезде оказалось сильно накурено.

- Греемся, шпанята? - пророкотал Коля-Нога.

- Ага, Николай Иванович! - раздались сразу несколько голосов.

- Мусорить не будем?

- Нет, дядя Коля. Мы чинарики в банку складываем. Всё чисто будет.

- То-то же! - довольно буркнул Титов.

А на улице началась лёгкая позёмка. Мелкий сухой снег налетал со всех сторон, сёк лицо и царапал глаза. Николай Иванович с Мишкой проводили Вовку до магазина хозтоваров. На прощание мастер пожал Вовке руку. Ладонь у Коли-Ноги оказалась широкая и жёсткая, вся в бугорках мозолей.

- Как Блошин? - спросил уже в спину уходящему Вовке Титов. - Не обижает? Практикой доволен?

- Да всё вроде нормально! - ответил Вовка и заспешил в общежитие: нужно ещё было к завтрашнему дню доделать алгебру.

Окончание следует.

ПОЛЮБИ СНАЧАЛА ВЕТЕР...

**АЛЕКСАНДР
ДУБИНИН**

Александр Михайлович Дубинин родился в посёлке Несвойское под Вологдой. Учился в Ярославском художественном училище. После армии участвовал в молодёжных художественных выставках. Стихи начал писать в двадцать шесть лет, но именно они стали основным занятием в жизни. Автор ряда книг стихов, публикаций в журналах «Автограф» и «Вологодский ЛАД». Печатался в районной и областной прессе.

***

*Вершины шапка снеговая.
Гора видна еще не вся.
Как будто веки размыкая,
Светлеет неба полоса.
Метели мрачные движения
Ты различаешь с полчасца.
И снова ночь -
До изнеможения.
Наутро - света полоса.
И тучи, гору огибая,
Ее накроют с головой...
И всё прозрачней мела скупая,
И злее ветер ледяной.*

***

*Полюби сначала ветер,
Неба черную тоску,
А душой останься светел -
Жизнь окажется в долгу.
Подбери на пепелище
Мира ржавые ключи.
За спиною ветер свищет,
Ни о чем не хлопочи.
Видишь в поле призрак-дом?
Открывай своим ключом.
Празднуй праздник возвращенья.
Усади за крепкий стол
Всех достойных угощенья,
Заслуживших хлеб и соль.*

ИЗ «МОНЧЕГОРСКОЙ ТЕТРАДИ»

*Ледяные глаза родников.
Отчужденность и зыбь озерков.
Пеленой проходящие тучи.
Дождь утомил.*

*Ноги камень измучил.
У сосны словно скручены руки -
Ветер застыл в ней.*

*Его это муки.
Вдруг услышишь: завоет в ночи.
Ты внимаешь родному. Молчи.*

ЗОВУ К СЕБЕ ПРОСТРАНСТВО ТИШИНЫ

**ВЕРА
КОРИЧЕВА**

Вера Николаевна Коричева родилась в 1964 году в городе Загорске (ныне городу вернули историческое имя Сергиев Посад) Московской области.

В 1986 году закончила Московское художественное училище «Памяти 1905 года» по специальности художник-декоратор. С 1986 года живёт в Вологде. Работала художником-оформителем в областном драмтеатре, Театре для детей и молодёжи, на Вологодском вагоноремонтном заводе им. Калинина. В настоящее время работает дворником.

Член литературного объединения «Среда» под руководством Ольги Александровны Фокиной с 2006 года. Автор двух сборников стихов: «Планета тополей» (2006) и «Родная чужбина» (2009).

Дипломант нескольких поэтических конкурсов «Посадская Лира» (г. Сергиев Посад) в 2007 - 2009 годах. На конкурсе «Посадская Лира-2010» признана лауреатом и получила главный приз «Радонежье - моё вдохновенье».

Стихи публиковались в газетах и журналах России и Эстонии.

В «Вологодском ЛАДЕ» стихи Веры Коричевой опубликованы в № 1 за 2008 год и № 4 за 2009 год.

***

*Ты знаешь, чем сегодня пахнет рай?..
...Он пахнет обжигающим тобой
И золотом у нас над головами...
Юлия Костарева*

*Я знаю, чем сегодня пахнет рай!
Он пахнет солнцем в мокнущих осинах
И радугой, шагнувшей через край
Сырого леса мимо сосен синих.*

*И радостью от радуги живой -
Моста цветного от земли до Бога -
И долу наклонившейся травой,
И отблесками поля голубого.*

*Мой рай сегодня пахнет тишиной
И голосом всезнающей кукушки,
И света убегающей волной
По волнам иван-чаевых макушек.*

*Ещё немного - тресками костра
И паром, опаляющим мне брови.
Палитра одиночества пестра...
А запахи другие там не бродят.*

***

*Алле Барлиновой
и бабушкиному саду*

*О, синий тёрн
В саду моём волшебном!
Твой терпкий вкус
Щедрей медовых сот,
Колючий неуживчивый
Пришелец,
Сошедший с крымских
Каменных высот.*

*Весной в мой пруд
Ты лепестки роняешь,
Плетёшь по тине
Белым ришелье.
Ты киммерийским
Вестником из рая
Растешь на тощей
Северной земле.*

Мой крымский гость!
 Над обмелевшим прудом
 Ты вспоминаешь
 Горную грозу
 И в тёплом августе
 При солнце скудном
 Смолы роняешь
 Тёмную слезу.

***

Какая грустная весна!
 Вздыхая, хрустнула сосна,
 И красные кусты ольхи
 В напрасных бусинах легки.

На ветках - капли облаков,
 И ветры катятся легко,
 И в русле стынущей реки
 От грусти льды ещё глухи.

Легко и весело в лесах
 Лихому свету поплясать...
 Осинник сослепу грустит.
 И всё - у Господа в горсти.

***

Куплю себе велосипед с корзиной:
 Быть может, - красный
 или тёмно-синий,
 И понесут меня по всем откосам
 Сверкающие спицами колёса.

Шуршаньем шин заслушаются
 птицы,
 И сосны замелькают, словно спицы,
 И понесут меня по звонким плёсам
 Сверкающие брызгами колёса.

Я нагужу корзину всякой снедью
 И полечу тропой велосипедной,
 И пыль земная выкрасит без спроса
 Сверкающие скоростью колёса.

ПОЭТАМ С «ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИЕЙ»

**И человек сказал: «Я - русский» -
 И Бог заплакал вместе с ним.
 Николай Зиновьев**

Критиковать порядки -
 С Богом спорить,
 Ему-то уж виднее,
 Что и как.

И, если вся Россия-мать
 В запое,
 К чему в пыли борьбы
 Сжимать кулак?

Подумайте, кому грозите -
 Богу!
 Он вправе
 Испытания послать:
 Богатым - властью,
 Нищетой - убогим...
 И что за цель -
 Поесть и выпить власть?

Ища себе судьбы
 Благополучной,
 Теряете во мраке
 Суть вещей.
 Нет, Бог не плачет,
 Он Россию любит,
 А потому и скорби
 Больше ей.

Взыскательный пшит,
 Твоё ли дело
 Завидовать тому,
 Кто слаще ест?
 Бог создал всё,
 И мастер Он умелый.
 Хвалите Божий мир
 Таким, как есть.

До чистоты
 Просеет тягот сито.
 А Он всегда
 Напомнит нам спешит,
 Ниспосылая нищету
 И сытость, -
 Важнее жизни тела
 Явь души.

***

Чужестранка, гостя и пришлица,
 Не родилась я в деревне северной,
 Не ходила в поле за околицу,
 Не косила лютики да клеверы.

Не ловила рыбу в речке Содонге,
 Не топила баньку над угорами,
 Не брала бруснику в лесе сосенном,
 Не латала дом на руку скорую...

Я была у волн Чудского озера,
 Но и там не лавливала рыбы я.
 Шарила в густых черничных россыпях,
 Землянику горстью в кружку сыпала.

Письмена читала неразборчивы
На коре: сосна давала знаки мне,
Что на всех полянах и обочинах
Венчики пырея одинаковы.

Нет ни баньки старой,
ни колодца, ни...
Ни двора с крутой тропинкой
на берег.
Только есть худой ковчежец с осами
За осинником, что над канавою.

Только в блеске утреннем
шептали мне,
По траве скользя, росинки маковы:
Что границы и другие дали?
Здесь и там болота одинаковы.

***

Зову к себе пространство тишины,
Чтобы писать, писать, писать,
Писать.
Пуškai у печки сушатся штаны
И самовар волнуется, пузат.

И пылью пусть шуршат половики,
И снегом пусть шуршит большой
Февраль,
А окна у избы невелики,
Но - радость для морозова пера.

И кот гудит, и шепчутся часы,
И с пламенем ругаются
Дрова,
А самовар поёт, пузат и сыт,
И звуки - словно в море острова.

О, подари мне море тишины,
Весёлый дух проньры
Февраля!
За это я зашью тебе штаны;
Штаны латать -
не валенки валять.

ПО КАРТИНЕ
«ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ»
ВИКТОРА ВАСНЕЦОВА

Усталый витязь на распутье.
Усталый вечер гасит небо.
Удалый конь скребёт копытом,
Почуяв взгляд окостенелый.

Стервятник плавает над степью,
Где бог войны раскинул кости,
Где смертью пахнет
каждый стебель, -
Незваного встречает гостя.

Встречает гостя камень сизый,
Предупреждая письменами:
Направо путь - тернист и узок,
Пребудет долго жизнь земная.

В полон захватят печенеги,
Пленит красавица любовью.
Ослабнут скоро резвы ноги,
Забудешь ты родное слово.

Но вот тропинка, что налево
Скользит меж древними камнями,
Не даст забыть родное слово,
Не оплётёт хмельными снами -

Взремит копыта тяжёлым стуком.
Широк тот путь, да час неровен.
Падёшь в побоище жестоком,
Польёшь землю жаркой кровью.

Почтут стервятники и лисы
Твой прах - не нужен холм
могильный.
Споёт баян дивноголосый
Хвалу бесстрашной русской силе.

Заслушаются смерд, и трутень,
И воин-внук во поле минном...
Как жаль, что нет дороги третьей,
Чтоб дело завершилось миром.

РАДУГА

1

Ловила радугу руками
И волны беглые,
И отраженьями сверкали
Сны корабельные.

У ветхих дбицатых причалов
Дремали лодочки,
И меж камней иван-чай
Мерцали розово.

А сосны облако чесали
Ветвями свечными,
И розовели полосами
Поля рассветные.

Качали лодочки боками
 На волнах радостно.
 Но в дали неба убегали
 Родные радуги.

2

Постой же, радуга,
 Не удирай!
 Вот я ужю схвачу тебя за край
 Твоей перетекающей одежды..
 А хочешь, в прятки
 Весело сыграй,
 Но только на глазах не умирай -
 И озари, и радостью утешь ты.

Прошу, крылатая,
 Не уходи,
 Пусть постоит погода «не ахти»,
 Ну, поживи ещё в руках жар-птицей!

Но знаю: долго мне
 Не удержатъ
 Такой чудесно охлаждающий жар,
 И скоро нам придётся
 распроститься.

Куда же, радуга, уходишь ты?
 И не боишься, видно, высоты?
 В какие поднебесные чертоги?
 А может быть, отсюда -
 Прямо в рай?
 Да погоди чуток, не удирай,
 Побудь в моих руках улыбкой Бога.

***

Учуь у сирени смиренью,
 Поплачет - и слёзы осушит,
 Гляди! Ураган озверелый
 Спешит её наземь обрушить:
 Цветки беспощадно срывает,
 В которых запряпано счастье;
 Усыпана мостовая
 Сиреным узорочьем частым.

И топчет небрежно прохожий
 Её молчаливую нежность,
 Стоять она нищенкой может
 Над счастьем своим облетевшим -
 Поплачет дождём белоночным,
 Осушит сиротские слёзы..
 И снова под солнцем беспечно
 Распустит пушистые косы.

ТЕМ СВЕТЛЕЕ ПОДБИРАЮ КРАСКИ...

**ГАЛИНА
ШВЕЦОВА**

Галина Николаевна Швецова родилась в г. Соколе Вологодской области. Окончила филологический факультет ВГПИ, художественную школу и студию «Спектр», а также курсы гравёров и резчиков по камню. Работала художником-оформителем, гравёром-резчиком, в издательстве молодёжной газеты.

Преподавала в школе и гимназии литературу, русский язык, мировую художественную культуру и изобразительное искусство. Автор двух сборников стихов. Публиковалась в альманахе «Литературная Вологда» (2007 г.). Участница двух областных семинаров молодых писателей. Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо» (2006 г.). Победитель юбилейного поэтического конкурса «Звезда полей - 2006» и лауреат в номинации «проза» Московского Рубцовского центра.

В «Вологодском ЛАДе» дважды публиковались подборки её стихов.

***

Несбывшейся, таинственной
мечтой
В низину опускается туман,
А в бледном небе над избой простой
Горит звезда, как сладостный
обман.

И близкий лес на взгорье за ручьём
Разносит эхом долгое «ку-ку»,
И в позолоту утренним лучом
Уж красит солнце вербу на лугу.

А та изба уже дымит трубой,
И скоро, значит, будут пироги
За окнами в наличниках с резьбой,
Где ждут меня лишь те, кто дороги...

Тихонечко присяду под окно,
Оно во сне светило столько лет!..
Мне никогда поверить не дано,
Что никого давно за дверью нет...

***

Врастает в землю дряхлый дом,
Вода в подвалах и кругом.
И беды, словно снежный ком:
Мостки разбиты под окном,

Воды нет в доме, нет тепла...
Сидит старушка у стекла
С улыбкой, что весна пришла,
Вокруг природа ожила,

Что рядом строят новый дом,
И молодёжь поселят в нём.
И лозунг «Славно заживём!»
Прибит к портрету под вождём.

***

Отсалютовали по лугам -
Будто их и не было - цветочки.
Сердце разрывают птичий гам,
Тёмные от сырости мосточки.

Что же молча сигарету мять,
Сердце мне букетом согревая?

Лишь цветы с теплом цветут
Да плоды на ветках созревают.
опять

Что тебе усталая душа -
Как цветок без корня в вазе чудной?
Сколько тех, что горы сокрушат!
Им, наверно, жить совсем
не трудно.

В хрустале цветок ещё живой,
Влагу пьёт неверными толчками...

И клонюсь к тебе я головой,
В страхе упираясь кулачками...

***

Что же я с непогодой поделаю.
Что над крышей ознобок ревет?
И крыльцо под берёзою белую,
Словно плотик под мачтой плывёт.

Так с утра и до позднего вечера,
Под зонтом, как щитом оградясь,
Возвращаюсь домой - делать нечего
Попадая то в лужу, то в грязь.

А в домах утомлённые жители
Вечеру зажигают огни,
Может, доброму делу служители -
Просто светят и светят они.

И хоть силами злыми, несметными
Заливает и студит крыльцо, -
Я за окнами
Светлыми-светлыми
Верю в светлые мысли жильцов.

В БОЛЬНИЦЕ

Бело-белый свет кругом!
Я гляжу в оконце:
Белый снег блистает в нём,
Отражая солнце.
Тучки белые плывут,
Споря с дымом белым,
И по крышам там и тут,
Оттеняя наш уют,
Кто-то пишет мелом.

Ходит быстро медсестра
В беленьком халате:
Все дожили до утра,
Все довольны, кстатти.

И, подвластные весне,
Обогреты небом,
Так воркуют на окне
Голуби над хлебом!

***

Много мрачных красок на земле,
И гораздо больше, чем весёлых;
Вот бездомный
в привокзальной мгле -
Сколько их по городам и сёлам!

Дряхлая старушка у ларька
С ворохом надраенной посуды,
Жалкий вид хмельного мужика,
И так много мусора повсюду!

Эти краски больно видеть мне
Так же, как любому из живущих.
Но рождаю вновь на полотне
За калиткой солнечные кущи,

Матушки прекрасные глаза,
Что полны ко мне любви и ласки...

Чем сильнее жжёт меня слеза -
Тем светлее подбираю краски.

***

Подвигаюсь потихоньку в прошлое:
Сколько там осталось
светлых дней,
Где ещё стучат сердца хорошие
Дорогих и близких мне людей!

Как снега, луга с цветами белыми,
Где раздолье - сколько хватит глаз,
Всё давно усеянное стрелами
И уже нацеленными в нас.

Ах, тропа, не снегом заметённая!
Всё труднее по тебе ступать,
Всё туманней даль,
как ночью тёмною
На последнем вздохе
чуда ждать!

Лишь когда сомкнутся
белой пеною
На лугу цветы над головой,
Я пойму, что снова
колыбельную
Матушка запела надо мной...

АСЕИХА - ЭТО ОТ АФОНИХИ ЧЕРЕЗ КОЗЛИХУ

Мой старый друг дядя Миша уже довольно давно прописался в той вымирающей, а потому просторной деревушке на взгорке, на берегу чистой реки с книжным названием Сить. Скоро, даст Бог, без малого два десятка годков отмерится, как покинул он (уж, пожалуй, навсегда!) шумную, суетливую, непригодную для прозрачной души русского поэта мутную Москву.

Да-а, притянула Михаила Ивановича малая родина! И ничтожная на карте России точка - деревушка Асеиха (это если идти от Афоники пешком через Прокопиху, оставив в стороне Машутиху, проехав прежде Козлиху и Негодяиху) с её рекой, туманами, полевыми цветами и рыжиками перевесила на серебряной чашке весов столицу с её метро, ипподромом, МХАТом и даже Президентом. И вернулся дядя Миша к родным пенатам, построил домик с банькой, соорудил башенку, чтобы, сидя на её застеклённой верхушке, приблизиться к августовским звёздам... Самолично он и хлебы печёт вкуснейшие, и рыбку жарит, наловленную в Сити, и делится ею с рыжим котом Басей. И в лес он идёт не просто «за грибам» (на местном наречии), а конкретно - за груздями, за рыжиками, за белыми, - так до тошно знает он окрестные боры, рощицы, пальники и вырубки. По совместительству является он и первым оценщиком живописных этюдов и картин московского художника Ивана Базанова, имеющего свою

плёнэрную мастерскую в этой же деревне, на дальнем отшибе её. И гостей из города ждёт дядя Миша всегда с радостью! По такому случаю и в благозвучное Сорожино (когда-то бывшее неблагозвучной Кобелихой) за винцом на лодчонке своей плывёт, грешный... И в замороженной январскими морозами, заметённой февральскими метелями деревушке, почти безлюдной, под уютно светящееся оконце соседей - стариков Серухиных, под близкое завывание волков, любуясь на мглистое студёное солнце, растапливает он русскую печь и под весёлое потрескивание сухих поленьев шлёт в разные города и веси SMSки друзьям. И непременно в стихах. Поэ-эт! И, видно, вправду не надобно ему ничего больше, чем этот мирок окружностью с десятков русских вёрст, коль родились у него такие строки:
*Так прожить до конца желаю,
Счастлив в этой глуши вполне.
Если только в ночи залаю -
Значит, город приснился мне!*

**Вячеслав
СЕЛИВАНОВ**

ОТ РЕДАКЦИИ. Стихи Демашева были опубликованы в подборке произведений харовских поэтов («Вологодский ЛАД», № 2, 2006 год), и редакция рассчитывала на продолжение знакомства. Друг харовского поэта Вячеслав Селиванов принес к нам стихи Демашева, мы подготовили подборку - но, увы, автор её в печати не увидел. Когда этот номер журнала готовился к печати, пришла горестная весть: Михаил Иванович Демашев трагически погиб - утонул, проверяя сети. Выражая соболезнование родным и близким

Михаила Ивановича Демашева, всем его землякам, мы, тем не менее, надеемся, что нынешняя публикация его стихов в нашем журнале - не последняя. Негромкие, но проникновенные, душевные стихи поэта из харовской деревушки Асеихи не останутся в неизвестности, а найдут широкого читателя. Поэты не уходят от нас - они разговаривают с нами через годы строками своих стихов. Если, конечно, это настоящие поэты...

МИХАИЛ ДЕМАШЕВ

ОДНИМ ТЕПЛОМ ДУША СОГРЕТА

* * *

*Осень в городе, дождь и слякоть.
В подворотнях таится зло.
Плачет ночь, да и как не плакать,
Если всё кувырком пошло.*

*Светофор на углу мигает.
Лужи грязные там и тут.
Дворник пьяный толпу ругает.
Люди злые трамвая ждут.*

*Осень, брат... А в деревне нашей
Мир таежный, как прежде, чист.
Мы с мороза наполним чаши!
Что нам ветра разбойный свист!*

*Без толпы городской - не хуже.
В тишине не родится зло.
Пусть удобства у нас снаружи,
Но зато на душе светло!*

* * *

*Не знал, не ведал лес дремучий,
Что смертный час его настал.
Мужик пришел с пилой вонючей.
Взревел, оскалился металл!*

*Ревят натужно бензопилы,
Взрызаясь в мёрзлые стволы.
Синеет дымом воздух стылый,
Мешаясь с запахом смолы.*

*Не знает устали бригада -
Ведь дома их с деньгами ждут.
И лес валить кому-то надо...
А ёлки? Снова нарастут.*

* * *

*Как долго тянется зима,
Как долги ночи до рассвета.
Чернеют в сумраке дома,
И лишь в одном - квадратик света.*

*Желтеет лампа в тишине,
Пока хозяевам не спится.
Две тени в маленьком окне
На занавесочке из ситца.*

*Куда ни глянь - повсюду тьма.
Одним теплом душа согрета -
Ведь как ни тянется зима,
Когда-нибудь наступит лето!*

* * *

*Слова, из сердца вылетая,
К другому сердцу путь найдут.
Они, как птиц весенних стая,
Родимых мест не предадут.*

*Поток словесный пустомели
И слышать люди не хотят:
Слова, что с языка слетели,
И до ушей не долетят.*

* * *

Озарение - это свет.
Свет небес стороны восточной.
Если в сердце сомнений нет -
Значит, выразишь мысли точно.

Торопись записать слова,
Что тебя посетили свыше.
Остальные, мелькнув едва,
Растворятся, как дым над крышей.

* * *

Золотит вершины сосен
Луч последний, угасая.
Надо мной вздыхает осень,
Листья под ноги бросаю.

Я и сам теперь в печали.
Что поделаешь - бывает.
Бесконечное вначале
Убывает, убывает...

Вот уже и не осталось
Для меня тепла и света.
Зря душа моя пыталась
Сохранить, продолжить лето.

Холодам иду навстречу.
Пусть напрасно силы трачу.
Даже если Вас не встречу, -
Огорчусь. Но не заплачу.

* * *

Пушистый, чистый первый снег
Людей заставил по-иному
Взглянуть на мир, замедлить бег
И улыбнуться дню земному.

Потом привычно затоптать
Снежинок белых шлейф узорный.
На грязь и слякоть пороптать,
Не прекращая бег покорный.

Давно бежим, а счастья нет:
В конце пути (как и в начале)
От блеска нажитых монет -
Всего полшага до печали.

Метель, снежинками звеня,
Уже не радует меня...

* * *

Вот она, моя Россия.
За окном река и лес,

А над ними синий-синий
Свод таинственных небес.

Только тихо тут до боли -
Всех прибрал двадцатый век.
Затерялся в диком поле
Одинокий человек.

Он стоит в рубахе белой,
Где часовенка была,
Просит Господа несмело,
Чтоб деревня ожила.

Зарастёт земля родная.
Деревень пустых - не счастье!
Плачет старый, словно зная:
Всё останется как есть.

* * *

Стена дождя на юг ушла.
Лишь капли, редкие как слёзы,
Стекают с мокрого ствола
Грозой поверженной берёзы.

Никто не знает, сколько лет
Своей короной туч касалась.
«Не меньше ста... - сказал мне дед, -
Нам от отцов она осталась...»

Ей скажут добрые слова.
Потом, когда утихнут вздохи,
Народ растащит на дрова
Упавший памятник эпохи...

* * *

Я не знал, что такое будет:
Дом в деревне, вокруг плетень.
И не гимн рано утром будит,
А желание встретить день.

Как случилось такое чудо?
Пожалела меня судьба.
Навсегда увела оттуда,
Где учили, что жизнь - борьба.

И теперь я не воин в поле,
Мирный мне уготован путь:
Заглянуть в небеса на воле,
Чистый воздух Руси вдохнуть.

Так прожить до конца желаю.
Счастлив в этой глуши вполне.
Ну, а если в ночи залаю,-
Значит, город приснился мне.

* * *

От жизни светской в стороне
Я научился слушать ветер,
И шум дождя понятен мне,
И шелест снега на рассвете.

Бездонность неба ясным днём,
Седая призрачность тумана -
Весь мир во мне, и только в нём
Нет ни притворства, ни обмана.

Потом когда-нибудь пойму
Как удалось с природой слиться.
Так много счастья одному
Зачем? Ведь не с кем поделиться.

* * *

Когда собратьям по перу
Судьба подарки раздавала,
Я строил дом в глухом бору,
И мне кукушка куковала.

Стихи мои обречены
Во мраке жить, не видя света.
Они в тетрадь заключены,
Пока судьба не снимет «вето».

Она придет, не помня зла,
Подбросит медную монету,
И если ляжет на «орла», -
Стихи пойдут гулять по свету.

А если нет, тогда привет.
Приму молчания обет...

* * *

Я знаю - вам не до стихов,
Когда грядущий день тревожит.
Что делать, если мир таков?
Никто другого не предложит...

Но всем невздадам вопреки
И к нам пробьётся лучик света.
Придут весёлые деньки,
Всё будет так! Я верю в это!

* * *

Улетел снегирь с куста
На поклон лесному царству.
Снова в сердце пустота,
Неподвластная лекарству.

Все, что мог, давно сказал,
Но непонятым остался.

Ничего не доказал,
Впрочем, даже не пытался.

Помириться не смогли,
Воевать не захотели.
Разбежались корабли.
Кто куда, до первой мели.

* * *

Старушке холодно и страшно
Одной в нетопленной избе.
Проходит жизнь,
как день вчерашний,
В слезах от жалости к себе.

Нет никого под старость рядом.
И лишь упрямая коза
Следит своим упрямым взглядом,
Как тихо капится слеза.

Потом уж, наревевшись вволю,
Сама не зная почему,
Она пойдёт с козой по полю
Навстречу счастью своему.

* * *

Я стою на чердаке
Заколоченного дома.
Вечность в каждом черенке,
В кучах хлама, в грудах лома.

Пробираюсь с фонарем,
Ярким светом птиц пугая.
Неужели мы умрем
И начнется жизнь другая?

Кто-то новый пыль стряхнет,
Книжку старую листая,
От стихов моих чихнет.
И взметнется птичья стая.

* * *

Вологодский апрель на исходе,
По ночам - минус пять при луне.
Кто-то места себе не находит -
Свет горит в одиноком окне.

Ждет жена загулявшего мужа?
Или школьница пишет стихи?..
Снова чертит весенняя стужа
На стекле ледяные штрихи.

Не уходит зима без скандала.
Дом мой пуст. Отчего? Не пойму.
Видно, в этой весне запоздалой
Я не нужен уже никому...

Ничего! Лишь бы солнце светило,
Грусть пройдет, как пройдут холода.
Мне ведь тоже когда-то фартило.
Повезет и теперь. Не беда!

* * *

Купался в радужных мечтах
Беспечный жаворонок в небе.
А за околицей, в кустах
Ворона каркала о хлебе.

Так у людей - один взлетел
И в облаках всю жизнь витает,
Другой влачит земной удел -
Копейку каждую считает.

Кому какую карту сдать,
Кто снимет банк - фортуна судит.
А нам осталось только ждать...
Всегда так было, есть и будет.

* * *

Ветер северный, холодный
Мой тулупчик продувает.
За деревней волк голодный
Воет, сердце надрывает.

Слышишь брат, курки на взводе -
Может страшное случиться!
Ты неглупый парень вроде,
Уходи к своей волчице.

Я стрельну, на всякий случай,
В нашем деле всё бывает...
Ветер северный, колючий
Мой тулупчик продувает.

* * *

Убывают в деревне жители.
Вот уж в зиму осталось трое.
Выживают в лесной обители,
Как последние три героя.

Тут зимой - не курорт банановый.
Можно прямо сказать - блокада!
После каждой метели заново
Пробиваться в сугробах надо.

Позабыли про них, обидели.
Нет в снегах никакой дороги.
Могут согнуться в лесной обители,
Не дождавшись людской помощи.

Обещаний слова трескучие
Надоели, а дел не видно.
И живут-то они до случая,
А трудились всю жизнь. Обидно...

ПОЛВЕКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К 50-летию

Вологодской писательской организации

Термин «вологодская литература» уже много лет вызывает бурные споры. Кто-то считает, что это и есть самая настоящая русская литература во всей её полноте, кто-то вообще отказывает этому термину в научной обоснованности, считая его лишь обозначением географического присутствия писателей в той или иной точке страны. Кто тут прав, а кто нет?

Не будем расставлять точки над *i*, предоставим читателям самим об этом подумать. В июле будущего года исполняется 50 лет со времени образования Вологодской писательской организации.

Готовясь к этому юбилею, наш журнал начинает публикацию материалов о вологодских писателях. Тексты эти принадлежат разным авторам, относятся к различным жанрам, но, по мысли составителя, объединяет их не только география. Заранее извинимся: наверняка мудрые и знающие любители литературы найдут в очерках и статьях какие-то лакуны, неточности; возможно, будут претензии и к выбору героев...

Предлагаем всем поучаствовать в составлении книги о вологодских писателях - пишите нам, предлагайте, рассуждайте, вспоминайте...

Начать мы решили со статьи известной исследовательницы Валентины Старковой.

Она рассказывает о людях, которые начинали работать в литературе еще до возникновения на Вологодчине мощной писательской организации.

Но ведь и литература на Вологодчине не в 1961 году началась!

Затем редакция предлагает главы из книги Владимира Кудрявцева и небольшие зарисовки Сергея Багрова. Для начала мы выбрали материалы о тех писателях, которых уже нет с нами. Остались их книги, осталась память о них.

Валентина СТАРКОВА

«Мы для скучной жизни непригодны...»

- написала так в одном из своих стихотворений Евгения Студенецкая. «...Мы во всём всегда находим новое - новые и мысли, и слова», «...ведь борьба во много раз чудесней, чем почёт победного венца». 1927 год - год создания этого стихотворения, автору - 19 лет. А в 2008 году ей исполнилось 100 лет.

Родилась Евгения Николаевна в Вологде, в семье политических ссыльных. В стихотворении «Матери» (1925 г.) она рассказывает о её судьбе, удивляясь:

*Ужели ты была на баррикадах,
Такая тихая и скромная сейчас?
И по этапу - даже странно, право -
Попала ты в далёкий дикий край.
Вас губернатор вежливо направил:
«Идите, стройте там свой красный рай!»*

«...Всерьёз считалось преступлением обыкновенная любовь», а в одном из писем друзьям Евгения писала, что родителей считали даже предателями за то, что они завели ребёнка, изменив этим «делу революции», а ведь они «только в ссылке, отдыхе невольном... Находили время полюбить...»

*Порою в сердце заберётся зависть
К той жизни вашей, что была ярка.
Но скажешь ты: «Вы - молодая завязь
От красного махрового цветка».*

Литературная судьба её началась в Вологде, и Евгения, вспоминая свою юность, писала, что её первые стихи печатались в «Красном Севере», когда она училась в педагогическом техникуме и участвовала в работе литературной группы «Борьба». Она была активным «борьбистом», как рассказывал об этом Борис Сергеевич Непеин. Её стихи печатались в альманахах «Зарница», «Северный альманах», она выступала в «живых газетах» синемблужников, читала свои стихи и стихи «борьбистов» на литературных вечерах, избиралась членом правления литературной группы, вела протоколы заседаний (в её архиве сохранились записи в трёх тетрадях).

«В 1984 году в своём письме «Яшинской рябинке» она благодарит за приглашение на вечер памяти её друга Бориса Сергеевича Непеина: «Мне Борис Сергеевич

Члены литературной группы «Борьба». Первая слева - Е.Н. Студенецкая.
Фото из архива автора

рассказывал о вашем клубе. Как хорошо, что в моей родной и любимой Вологде есть такой замечательный клуб, есть ребята, любящие и знающие стихи, литературу, хранящие память о вологодских поэтах и литераторах. Вот и в нашей «Борьбе» были такие же любители литературы, пробовавшие своё ещё не оперённое, не отточенное перо.

Я пришла в «Борьбу» в самом начале её создания, когда мне было 17 лет. И в то время я была самой младшей в группе. Но группа росла и молодела. Позднее в неё вступили и «фабзайчата», как тогда называли учащихся фабрично-заводских училищ (ФЗУ) - давних предшественников современных ПТУ.

Мы организовывали вечера не только в больших залах, например, в Народном доме (теперь ТЮЗ), но и в школах, техникумах, училищах, на производстве - и оттуда приходили к нам в «Борьбу» молодые поэты и прозаики.

Борис Сергеевич Непеин был душой «Борьбы», её лучшим и любимым поэтом и организатором...

Кроме публичных вечеров, были собрания «Борьбы», где разгорались жестокие споры, звучала порой резкая, но дружеская критика произведений друг друга».

В 1926 году Евгения поступила в Ленинградский университет, включилась в работу студенческой литературной группы «Ледоход», но связь с «Борьбой» и переписка с Борисом Сергеевичем не прекращалась до 1930 года. Стихи её обсуждались, публиковались в литстраничке «Красного Севера»:

*Занесло сугробами дороги,
Пролетела быстрых дней гурьба...
Расскажите, братцы, понемногу,
Как живёт, что делает «Борьба»?*

И о каждом, кто был ей дорог, находит то добрые, то иронические, ласковые, искренние слова: о Пестюхине, о Непеине, о Шишкине, Уткине, Баранове, Арашине, Тарасове, Пильняке, Лизарском...

*Я прошу от вас, друзья, немного -
«Будь готов!» - ответ: «Всегда готов!»*

Мало что известно про годы после окончания университета в 1930. В архиве есть стихи, посвящённые Армении, Кубани, Северному Кавказу. Писались они «в стол», не публиковались. Но Евгения Николаевна где-то с начала сороковых стала работать сотрудником Этнографического музея в Ленинграде и является автором многих научных трудов о народностях Северного Кавказа. Судя по стихотворению 1942 года, она в этом году потеряла мать:

*По пути из городов Сибири
Задержался в Буе эшелон,
Маму из вагона выносили...
Где теперь искать твою могилу?..*

В 1958 году после тридцатилетней разлуки возобновилась её переписка с Б.С. Непеиным. Не один раз она приезжала в Вологду, одна и с дочерью. Они обменивались письмами, книгами, писали о событиях культурной жизни (их переписка 20-30-х и 60-70-х годов - это целый удивительный роман, как скажет Борис Сергеевич: «Совсем как у Дюма - двадцать лет спустя и ещё 10 лет спустя»).

Умерла Евгения Николаевна в 1988 году. Похоронена в Ленинграде. Но о Вологде, о друзьях юношеских лет, о встречах с ними она продолжала писать стихи. Вот одно из них, 1971 года:

В поезде

*В окна не могу я наглядеться,
И, невольно сердце бередя,
Предо мной проходит моё детство,
Смутное сквозь пелену дождя.
А быть может, то не дождь, а годы,
Годы встали серою стеной.
Всё равно и в счастье, и в невзгодах
Ты мне близок, синий край лесной.
С детства мне знакомые названья:
Лумба, Чёбсара, и Нея, и Шарья -*

*Будят давние воспоминанья -
Юность мне привиделась моя.
Ты в большой истории записан,
Город мой. И нет тебя родней.
По преданию ты чуть не стал столицей,
Ссылкой стал для лучших из людей...
...И теперь ещё горда ты ими,
Хоть другие ждуют тебя дела...
Вологда! Как звучно твоё имя,
Как значительна твоя судьба!*

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Слово о современниках (старшее поколение)

Главы из книги

АЛЕКСАНДР ЯШИН: «Я ОБРЕЧЕН НА ПОДВИГ...»

*Пути поэзии трудны,
И все ж мы за неё в ответе -
Кому-то и стихи нужны,
И я не зря живу на свете...*

А. Яшин, 1959 г.

Прежде чем писать об Александре Яшине, я заново перечитал его стихи, прозу, публицистику и дневники. Познакомился с книгами, написанными о творчестве писателя-земляка. Погрузился в воспоминания о нём. Встретился и поговорил с людьми, знавшими его лично.

Перечитал, погрузился, поговорил и понял, какой же трудной была его судьба при жизни и какая она у него счастливая после смерти. Говорю так и вспоминая слова Вениамина Александровича Каверина:

«Как важна не только судьба самого писателя, но и судьба памяти о писателе! Я прожил большую литературную жизнь, и перед моими глазами прошли десятки примеров взлётов и падений блестящих, на первый взгляд, литературных карьер. Казалось бы, такая была шумная известность, а после того как человек уходил из жизни, память о нём быстро исчезала, и о нём все забывали.

Чем же объясняется такая благодарность и память? Откуда в судьбе самой памяти такой надолго упрочившийся взлет? Здесь дело в том, что Яшин оставил после своей жизни то, что можно назвать «памятью сердца», а между жизнью и творчеством у Яшина разрыва не было...»

Примечательно, что эти слова записала на магнитофонную ленту вологжанка Валентина Станиславовна Старкова еще в октябре 1977 года, когда она вместе с сыном поэта Мишей приехала к Каверину в Переделкино. Это не единственный адрес, по которому она выезжала, но к другим адресам мы вернёмся чуть позже.

Перечитываю их еще раз и думаю, что в юбилейный для Яшина год, может быть, именно это и есть самое важное и самое главное в судьбе писателя-земляка - счастливая и памятная в новых поколениях жизнь после смерти. Жизнь в слове, искреннем и выстраданном, которое и ныне находит живой отклик в сердцах людей, ради которых он жил и писал.

Он писал и верил в свой народ, отзывчивый на правду и памятный на добро, верил, что с его творческим наследием так и будет, иначе бы однажды не сказал своей сестре Александре Антипьевне:

«Погоди, Саня, будут к тебе сюда люди приезжать - сюда, на Бобришный угор, - со всего Союза, будет здесь музей, а ты будешь всё обо мне рассказывать...»

Так и случилось.

Александр Яковлевич умер в 1968 году, а через семь лет в Вологде (профессиональное училище № 30) уже появился литературный кружок под названием «Яшинская рябинка». За 33 года через него прошло более тысячи юных вологжан. Для многих из них слово поэта стало мерилом правды и совести, любви и веры, жизни и судьбы.

Январь 2008 года. Мы гуляем с Валентиной Станиславовной, бессменным руководителем кружка, а позже клуба, по улицам Вологды. Она, вспоминая прошедшие годы, размышляет на тему памяти:

Александр ЯШИН

«А ведь правда, жизнь после смерти поэта - это его первые шаги в бессмертие. И нет, наверно, писателя, который бы об этом не думал. С них-то и начинается судьба памяти. А у каждой памяти тоже своя судьба. Что помнят потомки? Что им дорого в его творчестве? Что осталось бесценным и непреходящим? Что составляет время, а что отсеивает...

Мы с учениками собираем материалы о Яшине - рукописи и книги, дневники и фотографии, воспоминания и письма, вещи и автографы...

Но не только собираем, но и сами в разных жанрах записываем свои впечатления от встреч и поездок - в стихах и путевых заметках, в эссе и в дневниках. И, конечно, размышляем над ними. Уже и наши записи, не побоюсь сказать, сами обретают историческую ценность. Ведь в них, согласитесь, кроются мучительные духовные поиски юных земляков поэта.

Есть в них и свои ответы на некоторые не простые вопросы...»

Я слышал, с каких слов поэта Валентина Станиславовна начинает уроки памяти, посвящённые Александру Яшину.

«...удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия порой захватывают меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья. И еще хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полёта души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной и уже никогда не забывал бы этого животворящего, очистительного, святого чувства».

Искренность этих слов подтверждена всей его жизнью. И надо ли говорить, что через такие вот слова Яшина кружковцы быстрее обретают чувство Родины и любви к ней. Особенно тогда, когда в памяти их живы и воспоминания о людях, с которыми они встретились и познакомились на жизненных тропинках Александра Яшина. Адреса же памяти им с самого начала подсказала вдова поэта Злата Константиновна.

Я сам знаком со многими её учениками и не понаслышке знаю, какой след оставили в их жизни встречи с современниками и друзьями поэта-фронтовика. Да и можно ли их забыть?

Ноябрь 1977 года. Квартира Всеволода Борисовича Азарова в Ленинграде. Его рассказ ребята записали на магнитофон, а потом, расшифровав, поместили в альбом «Яшин и война», в который кружковцы собирали материалы о военном периоде жизни поэта.

А вот как сам Всеволод Борисович вспоминал об этой памятной для него и для них встрече:

«В «Ленинградской поэме» через знакомую Яшину девушку он рассказывает о семье рабочего Рожавина, в чьей судьбе поэт принимал большое участие. Я позабыл, а Яшин нет, как я отдал лежавший в противогазной сумке кубик гречневого концентрата.

Спустя много лет я получил от этой семьи по почте небольшую шкатулку, в которой лежал не тот, но похожий на него кубик. Для чего я рассказал об этом ребятам из «Яшинской рябинки»? Вероятно, для того, чтобы они представляли, хотя бы частично, условия, в которых жил, создавал стихи, радовался и страдал человек, чьё имя они произносят каждодневно...»

А вот ещё один памятный для ребят адрес.

Май 1976 года. Позади Москва, ЦДЛ, электричка, боровые тропки с пружинистой хвойной подстилкой. И вот они уже в усадьбе Дунино и обходят её по тропам Пришвина. Пихты. Река и зелёные дали за ней. Поляна, заросшая травой. Новая скамейка, две ели, самодельное кресло из пня, за которым любил, уединившись, работать писатель, молодые дубки, выращенные из желудей, - их Пришвин привез из Михайловского и Ясной Поляны.

А потом рассказ Валерии Дмитриевны Пришвиной о дружбе двух писателей - певцов природы своего края - Яшина и Пришвина. Их объединяла не только неистовая любовь к жизни во всех её проявлениях и природе, но и шофёрские дела - однажды они даже соревновались на своих машинах.

- Я помню, - рассказывает Валентина Станиславовна, - как слушали Валерию Дмитриевну мои ребята - для них и для меня это была необычная встреча с удивительной женщиной и с жизнью её дома и усадьбы. Встреча с миром, вроде бы и утраченным нами, но именно с тем миром, который мы пытались тогда найти и обрести в самих себе и по которому искренне тосковали - каждый по-своему...

Мне нравится, призналась тогда Валерия Дмитриевна, цикл из книги Яшина «Угощаю рябиной», посвящённый Пришвину. Она вспомнила и слова, какими Яшин его заканчивает:

«И кажется мне, что по одной из этих тропинок, уже не по пришвинской, а по

своей - иду я сам. И, может статься, ещё не поздно, я расскажу людям обо всем, что увижу и услышу на родной стороне...»

И он рассказывал. И так самозабвенно, как мог только он, и так самобытно, что голос его в России был слышен и узнаваем. И так искренне, что не откликнуться на него сердцу русскому было нельзя.

«Он работает до иступления, до слез, - пишет критик Василий Александрович Оботуров, лично знавший поэта, - и верит: «есть и во мне искра Божья, не зря меня кормит народ своим хлебом».

Но ему для «спокойствия и уверенности в себе» и для «полноты счастья» важно еще знать - и это главное:

*Но плачет ли кто-нибудь
Над моими книгами?
Счастлив ли я?..*

Он верит, искренне верит, «что его понимают, что его работа крайне необходима людям». Верит и идет «своей тропинкой на большом пути к человеку-другу...» И на пути этом, тернистом и ухабистом, обретая врагов и друзей-единомышленников, Александр Яшин со свойственной ему откровенностью и прямой той признается себе и людям:

«... Трудно моим землякам - и мне трудно. Хорошо у них идут дела - и мне легко живётся и пишется. Меня касается всё, что делается на этой земле, на которой я не одну тропинку босыми пятками выбил. На полях, которые еще плугом пахал. На пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога...»

У многих ребят из «Яшинской рябинки» была в жизни и первая встреча с родиной поэта.

...Мы дошли с Валентиной Станиславовной до улицы Александра Яшина и остановились у дома, в котором жил Николай Рубцов.

Февраль 1975 года. Эта была первая поездка кружковцев в Блудново - на Бобришный угор.

- И она, эта встреча, - оживилась моя собеседница, - явилась для всех нас чудом явления поэта и открытия человека, которого помнят и чтят на его благословенной родине. В Никольске тоже давно создан и активно работает литературный клуб-музей «Земляки». Руководит им Муза Вячеславовна Береснева, такая же неуёмная и щедрая на добро женщина, как Валентина Станиславовна. Я горжусь тем, что с 2006 года являюсь его почётным членом.

После таких встреч, читая его стихи, и ребята, верится, уже глубже понимали и острее чувствовали поэтическую строку Яшина, и каждый из них живо откликался на радостные и болевые движения его обнажённой и чуткой ко всему души.

Его глазами они начинали открывать для себя мир, в котором «подснежников появление, /березовых почек рост/ он сравнивал по значенью/ с рождением новейших звезд...» Они, узнав больше о его жизни, поняли, почему поэт «ничего не хочет уступать/из вверенного наследства...»

Они искренне ему верят, когда он пишет: «...и расплачусь за счастье / по самому крупному счету...» Они уже знают, зачем поэт хочет «обрести птичье зреньё, / недоступное людям...» и как сладостно «в шорохи трав и в шумы вершин / вслушаться не дыша...», и почему поэту «просто необходимо / босым по земле ходить...»

Они, наконец, слыша напряженье оголенных строк, вполне осознают умом и чувствуют сердцем, что

*Счастливым дар
Не на года дается
И не в одолженье,
Не для забав и развлечения,
А навсегда -
Со дня рожденья
Для непрестанного труда...*

А подвиг его - жизненный и литературный - в том и состоит, что он и сегодня заставляет нас жить и ко всему относиться по правде и совести. Только так, сохранив в чистоте свои земные дела и помыслы, может человек оправдать и свое предназначение на земле, посвятив Отечеству и людям свою неповторимую жизнь - дар Божий.

И только в этом случае, по образному и точному определению Василия Александровича Оботурова, написавшего очерк творчества поэта, «и происходит неповторимое, как чудо, приобщение к Отчизне; неповторимое, как чудо, преобразование личности художника; неповторимое, как чудо, явление поэзии истинной и совершенной, которой долго суждено волновать беспокойные души людские...»

МОЙ РУБЦОВ

*Долетают гудки теплохода.
На юру продувает насквозь.
Если б знал ты, как много народу
Нынче в гости к тебе собралось.*

*Не кривлю перед Богом душою.
Может быть, первый раз у берёз
Показалась такую большую
Мне земля, на которой ты рос.*

*Как моя она - с грустью и болью.
И так хочется с каждым двором
За любовь расплатиться любовью,
За добро расплатиться добром...*

Эти стихи я написал после первой встречи с деревней Никола.

Николая Рубцова уже не было, когда я приехал на вологодскую землю, но я знал его и, самое главное, - его чувствовал. Чувствовал по стихам из сборника «Подорожники», который я купил однажды в Костроме на автовокзале.

Тогда я тоже (и не первый блудный сын российской глубинки) возвращался из дальних странствий на свою родину.

И мне, родившемуся на земле костромской, оказались так созвучны по душе стихи, написанные поэтом, жившим на Вологодчине в годы, отпущенные и мне.

Уже тогда он был созвучен мне и по судьбе - судьбе одного из тех, кто шёл вослед, может быть, последнему поколению русских поэтов.

Поэтов моего поколения.

До нас им эти строки были выстраданы, но уже при нас они были им написаны. Строки, в которых ещё раз явила себя миру таинственная душа уже через русского детдомовца.

В них свет души. В них и её боль, на которую мы по судьбе своей обречены.

Особенно - поэтической.

И этот свет, и эта боль были, есть и будут во всех поколениях русских людей.

Это Судьба...

С каждой избою и тучею,

С громом, готовым упасть,

Чувствую самую жгучую,

Самую смертную связь...

И связь эта была у него до боли светлая.

И мучительная была - до очищения.

Такой остается она и в нас, слава Богу, ныне ещё живущих.

Я, как и он, жил и радовался тому, что на моей земле и на моих глазах разумно созидалось, и так же горько переживал за то, что на земле моей бездумно и на моих же глазах преступно разрушалось.

И не столько временем, сколько людьми и временами, выпавшими на долю.

А это была и его доля, и доля наша.

Его стихи выстраданы на этой северной земле.

Они являлись ему в образах, как иконы чудотворные являются человеку с искренним сердцем и верой в душе.

Потому и стихи, написанные им, врачуют нас и сегодня, как подорожники. Подорожники, бережно собранные поэтом на людных прежде деревенских околицах и крутых речных берегах, в девственных пойменных лугах и знобких сквозных перелесках, на мирных завалинках крепких изб и петляющих, но верных по жизни, полевых тропках.

С тех пор, когда он последний раз ходил по этой земле, минуло уже тридцать четыре года...

За это время одна эпоха сменила другую. Век двадцатый уступил место веку новому, начавшему отсчёт третьего тысячелетия.

Не изменилась только природа, вдохновлявшая поэта тогда и вдохновляющая нас сегодня.

Она, природа, и сегодня красива во все времена года.

Зимой ли, когда багровеет над округой крещенский закат и сиротливо дремлют в редких уже деревьях занесённые снегом избы.

Весной ли, когда пережившие зиму хозяева жгут в садах и огородах прошлогоднюю траву и слушают вздохи пробуждающейся земли.

Летом ли, когда нескошенные луга и поймы рек кружат голову запахами трав и цветов, а в пустых ещё вчера деревьях открываются заколоченные на зиму окна добротных родительских пятистенков.

Осенью ли, когда вспыхивают перелески и занимаются огнём ближние и дальние леса, полные ягод и грибов, а вода в дорожных колеях до рези в глазах пестрит от сорванной ветром листвы.

И когда я читаю стихи Рубцова, то мне кажется, будто через него сама природа Русского Севера открывает нам свою живую душу и в стихах его выражает саму свою суть.

Это и через его стихи, признаюсь, и у меня самого появились лирические откровения и философские раздумья о родине и о судьбе Отечества.

Я бывал в Николе во все времена года.

И всякий раз, откликаясь душой миру и людям, я думал не только и не столько о поэзии, сколько о своей судьбе, волею которой, как и тысячи моих сверстников, оказался однажды в городе - да так в нём навсегда и остался.

У Николая Михайловича была такая же судьба. И его больно ранили грани между городом и селом.

Но согласия между ними, городом и селом, ни он, ни мы, мучаясь, так, наверно, никогда и не найдём.

Время неумолимо и безжалостно ко всему, что нам с пелёнок знакомо и что нами с детства любимо. Всему своё время и всему свой срок.

Все мы в этом суматошном и непредсказуемом мире пребываем в вечном поиске самих себя.

И я - не исключение...

Ему было семь лет, когда он первый раз вышел сюда, на берег реки Толшмы, и увидел на другом её берегу храм, уже обезглавленный и разрушенный людьми и временем.

Увидел, почувствовал и написал:

Россия, Русь - куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы.

Люблю твои избышки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у омутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя...

Я прошёл пешком и дорогу, которую он одолел ещё в семилетнем возрасте - в 1943 году.

И здесь, на ней, особенно обострялось чувство жизни и судьбы.

В отличие от многих сверстников, Рубцов свою судьбу не проглядел.

Он её почувствовал и угадал. Это дано далеко не каждому. И судьбе своей он никогда не изменял. Потому и жизнь его - светлая и трагическая - была ему так органична, потому и выразил он её в своих стихах так точно и пронзительно.

А через свою личную судьбу выразил и жизнь целого поколения - до- и послевоенного.

И мою жизнь тоже.

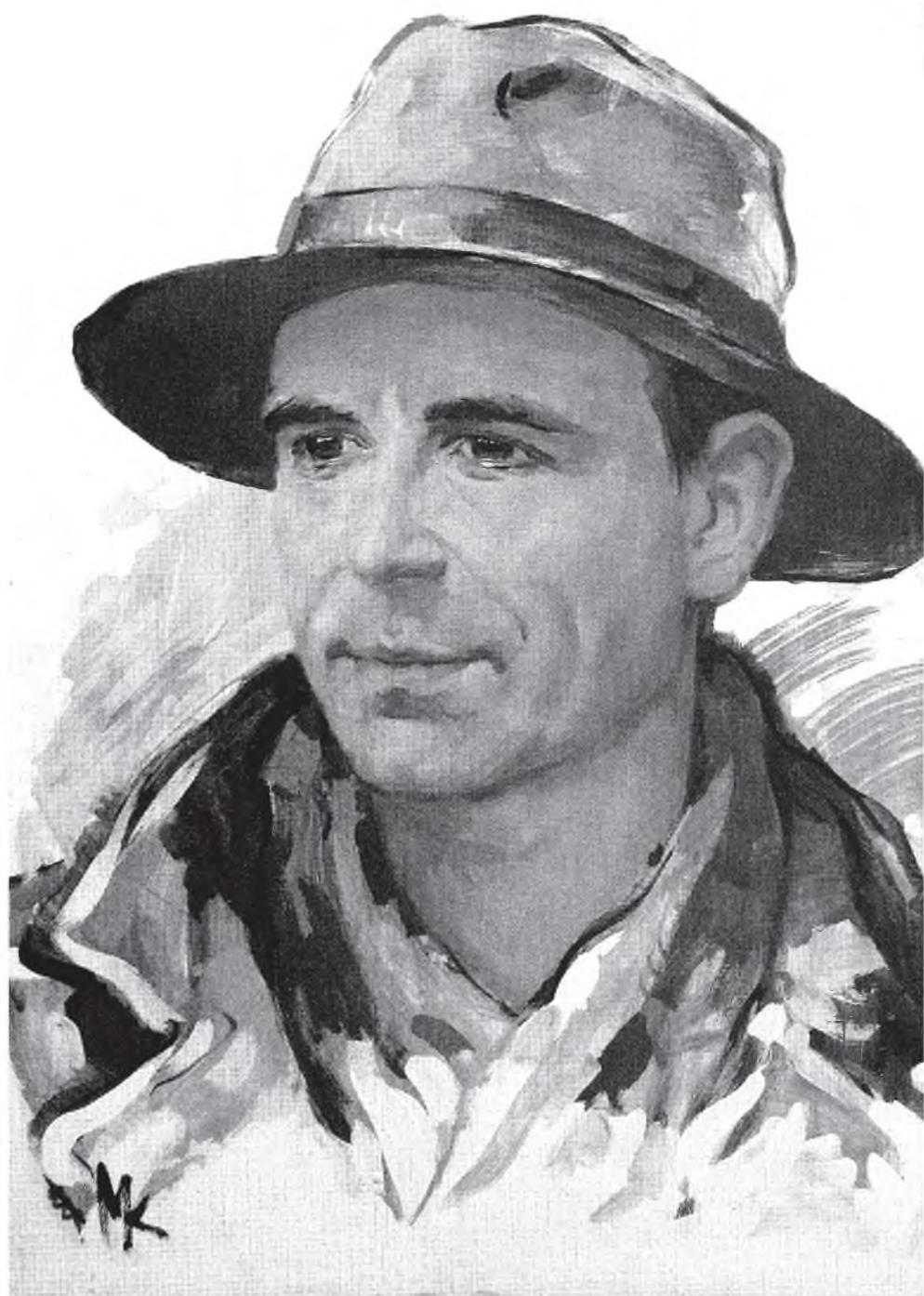
Иду по его дороге, а мне кажется, что иду по дороге моего детства.

И здесь, и там - приметы одни и те же - и времени нынешнего, и эпох отзвевших.

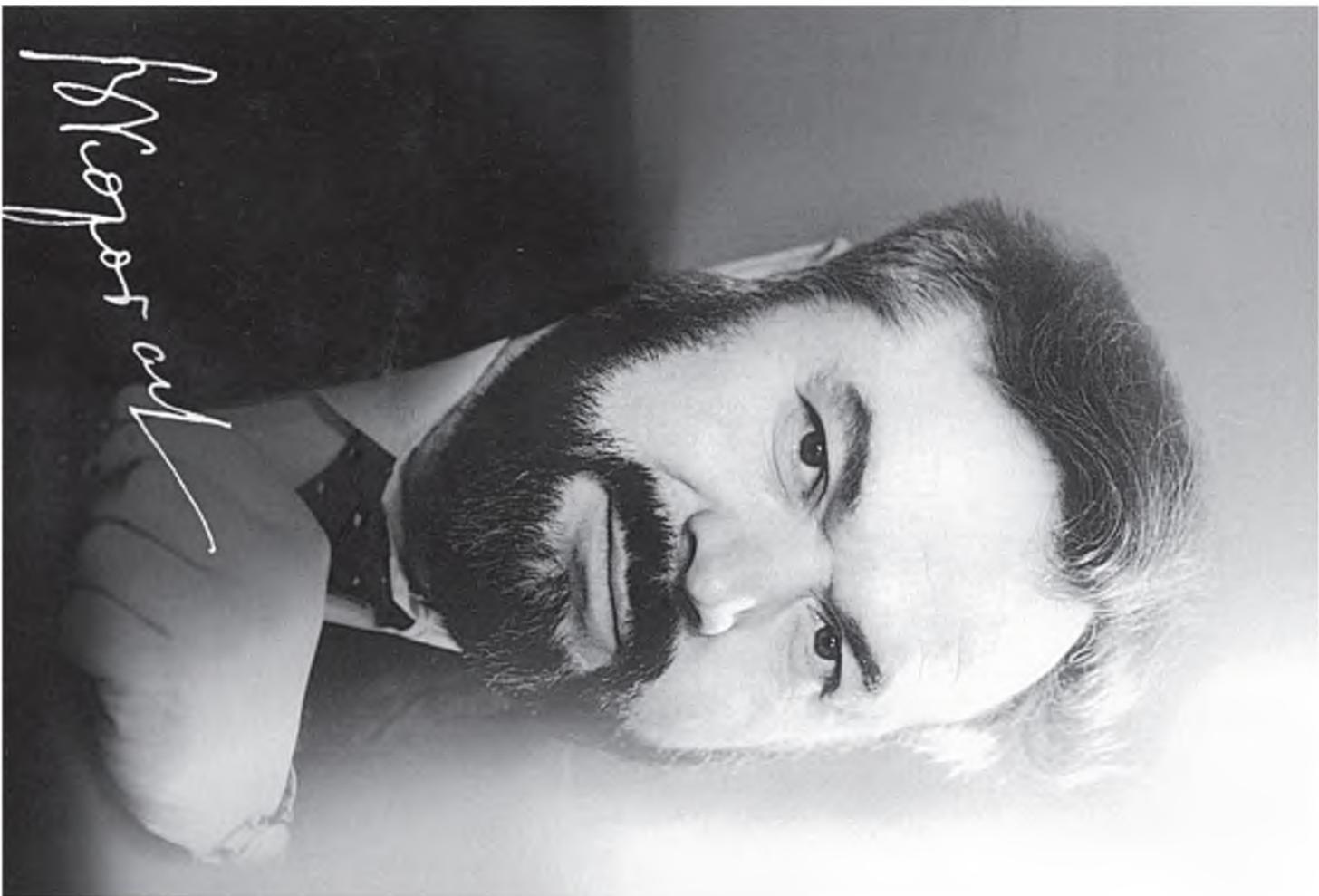
И всё-таки мне лично верится, что Россия-Русь сохранит себя, во что бы то ни стало и вопреки всему, потому что без неё и вся планета осиротеет.

И, не приведи Господь, погибнет...

«Россия, Русь, храни себя, храни...»

Михаил Копьев. Портрет поэта Николая РУБЦОВА

Виктор КОРОТАЕВ

ВИКТОР КОРОТАЕВ: «Я ВАС ДАВНО ЛЮБЛЮ, РОССИЯ...»

*Пятками протопая босьми
По тропинке солнечного дня.
Хорошо, что родиною
Россия
Чудом оказалась у меня...*

Виктор Коротаев

1. О жизни и любви

Он любил её, Россию, как женщину. Любил по-настоящему. Может быть, так, как в жизни любил только тех женщин, которые были похожи на неё.

И «легко вдвоем» ему было только с ней, Россией. Легко и одновременно мучительно тяжело, потому что, не «появив эту землю», и ему, и всем нам «до конца в себе не разобраться...»

Что правда, то правда. И у него, и у нас была и остается одна «издавна родимая земля», на которую «век смотри - и все не наглядеться / век живи - и всё не надоест...»

Мне так понятны эти простые, но до озноба пронзительные строки:

Ну что, казалось бы, такого...

А я лисую и свечусь,

Едва услышу это слово

Совсем коротенькое -

Русь...

У меня у самого есть строки, созвучные с этими. Не думаю, что написал я их под его влиянием. Нет, скорее потому, что именно так чувствует свою землю каждый русский человек, на ней живущий. И я тоже, чувствуя «горький и сладкий дым Отечества», однажды написал:

Отзываясь на запах его,

Перепутаешь дни и эпохи.

Дым над полем висит - и всего!

Но дыхание сводит на вздохе...

Виктор Вениаминович был моим учителем - строгим по жизни, а в творчестве - почти беспощадным. Я пишу о нем как ученик о великом учителе. Пишу спустя десять лет после его смерти.

Читаю его стихи и не перестаю удивляться тому, как он любил свою землю и сколько проникновенных стихов ей посвятил. Стихов, которые и сегодня, как поэтические откровения, заставляют и нас, его современников, о многом задуматься, перешагнув порог третьего тысячелетия.

...Последних журавлей печальный клич

Катился в светозарную безбрежность...

(А мы не можем до сих пор постичь,

Откуда в нас такая боль и нежность).

Река горела сдержанным огнем,

Над нею глыба каменная стыла...

(А мы себе вопросы задаем:

Откуда наше мужество и сила?)

На горизонте высились бугры,

И дальше заслонялось диском солнца

То, что пока в нас дремлет до поры,

Но все равно когда-то

Отзовется...

В нем это неведомое, «дремлющее до поры», отзывалось в судьбе чаще и больнее, чем в судьбах наших. Он и сам «умом не постигал», увидев «звезду сторожевую», какие же через неё с миром вселенским в нём «связи оживают / и что творится там - в душе...»

Господи, как же искренне и самозабвенно он любил свою землю!

И от любви этой болевой только ему и только на ней, на земле, принявшей его,

и дана была поэту сила почувствовать душою, «где даль растворена... как эта маленькая родина / соединяется с большою...»

В этой любви он признавался и «осинушке», припадая к ней в минуты тоски и грусти. И ромашкам, которые «гадали о его судьбе». И кукушке, которая пророчила ему бессмертие. И ручейку, который, узнав о его появлении на белом свете, подарил ему громкий и неповторимый голос.

Но «беря и примеряя» всё на себя, дарованное ему Богом и Судьбою на благо-словенной русской земле, он, обретя голос поэта, понял, как велика за всё дарованное свыше и плата - быть не только благодарным, но и «всюду верным природой своей...»

А быть верным себе - это, может быть, самое трудное испытание, которое в жизни выпадает каждому из нас.

И, к сожалению, не все это испытание выдерживают...

Виктор Вениаминович Коротаев выдержал не только это испытание - может быть, самое трудное, какое только и бывает в человеческой судьбе, - испытание поэтическим словом. Но выдержал и многие испытания другие, не менее коварные и горевые, и преодолел по жизни столько лукавых и губительных соблазнов, выпавших на его долю - в любви, творчестве и политике, что об этом и подумать-то даже страшно.

И выдержал он их, как я думаю, потому, что крепко чувствовал под ногами своими родную землю, на которой «всё вошло однажды в сердце / и в нем осталось навсегда...»

А перед этой землей все мы в долгу. Чувство вины перед ней в нас неизбежно. Нам легче на ней чувствовать себя детьми, для которых ветер ищет для нас «достойное имя...»

Слава Богу, ветер, тогда еще в округе русской не бездомный, нашел Коротаеву достойное его имя - Виктор!

Победитель!

Нет, у него и смех был не от «колокольчика». И глаза тоже были не цвета «зацветающего льна». И слезы у него, конечно, были не от росы, а от непредсказуемой жизни. А вот прическа, действительно, напоминала «густую, волнистую рожь». Поутру она порой напоминала ураган, прошедший не смутной, а звездной ночью.

Да, Виктор Коротаев был и таким - неукрошенным.

Меня всегда поражала его безграничная любовь к родной земле. Мы все её любим - русскую землю. Чаще тихо и смиренно.

Виктору Коротаеву было еще дано и слово, через которое он смог свою любовь вдохновенно и пронзительно выразить. Выразить так точно и так искренне, как, увы, не мог, но хотел бы выразить её однажды каждый из нас.

Он знал историю своей земли в самых разных её проявлениях - светлых и трагических. Знал и понимал, что в цепи поколений, вершивших на ней державные и личные дела и защищавших её от многочисленных врагов, он лишь звено, скрепляющее эту цепь. И это было надежное звено, временем закаленное и душою до колокольного звона выверенное.

На этой горестной земле он «был и остался солдатом». От имени её, помня о том, как стояли за русскую землю наши предки, он ответственно заявлял, что так же верно и беззаветно «мы за эту постоим...»

И это не поэтическая бравада ради красивого словца, нет, это - обнаженная до наготы правда его земной жизни, в которой он, как и вчера, постоянно отбиваясь от врагов, выходил к родному порогу, как будто «только что из окруженья, / еще и остыть не успел». Он, не раз и не два «пятками босыми протопав по тропинкам солнечного дня», мистически верил в то, что у него каким-то «чудом родиной оказалась Россия». Земля, на которой он «так ясно каждой клеткой помнил и жил...»

И он за неё стоял до конца, видя, что происходит с русской землей и его народом во второй половине двадцатого века.

Потому и возвращался он «к тропинкам дедов» и к их земле, «где наша вечная тоска / и наши вечные истоки...» Возвращался и в раздумьях ходил по заповедной тропе, «чтобы она не пропадала».

Он-то знал, что «деревянная Русь» всегда стояла «на самой дороге», на самой главной и фронтной тоже, когда проходила она «вдоль русских посадок», обожженных войной, и чутко слышала шум разноголосых перекрестков безумного в войнах мира и всегда принимала на себя удары земных и космических потрясений.

Всегда принимала, но не всегда понимала, особенно в век «скоростей новых», когда неожиданно для себя «и сама осталась в стороне». А ведь, как и всякая дорога, она звала всегда «куда-то вдаль».

Он со свойственной поэту наивностью назвал это «нелепостью судьбы», но, как истинный поэт, он не мог не видеть и не чувствовать, как на его веку и на его глазах «цветет в природе какая-то важная нить».

Желали вроде бы деревне добра, увводя дорогу за околицу, а оказалось, что через эту дорогу она с годами будет обескровлена и опустошена. И к ней, русской деревне, теперь уже и «справедливость, наверное, не дойдет и пешком» никогда.

Уже на его коротком веку он застал, когда «на всю деревню не было ни огонька». Когда «под небом древним», где «повсюду раздолье, а сердце сжимает тоска». Когда «больнее и горше» оттого, что «не поймешь - отчего?».

Больно поэту и оттого, что и не «без участия его» в «жизни делается дело» - доброе и худое. Горько оттого, что на «не избалованной родине своей» и сам он, ратуя за неё во весь свой державный голос, «не лишка тут вспахал полос». Потому-то, осознавая, что происходит с его родиной, Виктор Коротаяев, предчувствуя «время расплаты», «и посреди земного шара» почувствовал вдруг себя «одиношеньким». Даже тогда, когда перед ним «зеленый мир в цветах и звуках / стоял, как праздник...»

И он был на этом празднике, когда «над полем тишина стеклянная звучит», и ему, может, на нем-то, веселом и горьком русском поле, больнее всего и было, когда он чувствовал и, чувствуя, понимал, что «земля не помнит зла / земля любовью дышит, / и всё не может нас / тому же научить».

«Но не в этом ли и есть главная суть?» - спрашивал он самого себя.

Наверно, она и в том, что сам поэт «в почву, как дерево, врос», и что его «от земли / земля никуда не отпустит». И не беда, что не все его ровесники из предвоенного поколения «сделались славой России». Главное, что все они были «дети кровные отчей земли» и все искренне служили ей и верили «в назначение свое». Главное, что с рождения они «терпеть не могли... фальшивость и гнилость», а ходить «по жестким травам века / выучены с детства босиком...»

Что делать, если судьба, выпавшая на их долю, и «пометившая их бедой», как «неведомая сила», «тяжко отстрадать постановила». А он, как и в прежние времена, всегда «равнялся на свет отечественных звезд», потому как у него, как у каждого русского человека, «особый жребий: хлеб растить и землю охранять», потому, как и «матери рожают не солдат, / матери рожают хлеборобов».

Он понимал и, понимая, опять же горько переживал, что порой «силы предпоследние уходят / на сущие в итоге пустяки». И это тогда, когда он, по внутреннему своему ощущению, «созрел для большой любви и добрых дел», когда

*Вдруг поднимается в крови,
Как озимь, молодо и густо,
Всепобеждающей любви
Всепоглощающее чувство...*

Он так хотел быть счастливым на русской земле. Но на нашей-то благословенной земле возможно ли такое? А ведь он не первый был на ней по-настоящему счастлив. Ему, как и всем нам, на этой горестной земле живущим, и для счастья-то было надо совсем немного: «рассветный луч, пригоршня света / да полдесятка добрых слов». Он верил, засыпая от усталости, что на родной его земле «утром река и береза», что бы с ним с вечера ни случилось, «наставят на истинный путь», и что ему тоже когда-нибудь «посчастливится пожить любимым человеком...»

*Нет у меня иного счастья,
Чем тихий берег над рекой,
Где доброй бабушки участие
Оберегает мой покой...*

Он не знал в жизни покоя, но он так беспокойно искал его и так безнадежно желал. И мне понятно, почему мы, словом замороженные и на слово обреченные, так «рвемся к тишине» из суетливых и бесплодных буден. Потому и рвемся, что в мире этом «знавали слишком много грома». Рвемся к тишине, а обретаем бурю.

И вроде бывает порой «много кругом тишины», желанной и светлой, да вот только в ней-то обрести бы «еще немножко покоя...» Но так в жизни поэтов, к сожалению, не бывает.

На его и на моих глазах тоже «каменели лихие года» и «бронзовели крутые эпохи». Я так же, как и он, вернее, через него, я чувствовал, «как, сверля воздух, пробивается новая сила» и как «летит в мирозданье Земля» - наша общая «колыбель, жизнь и могила».

Я знаю, что нас, людей, разных по возрасту, сблизило. Сблизила нас «единая кровь» и «на коже рубцы грозвые», а еще сблизила «бессмертная к жизни любовь / и смертельная ненависть - тоже...»

Чашу, предназначенную ему Богом и Судьбой, он выпил до дна. Красиво и достойно, не посрамив, выражаясь его же словами, «родовых кровей». Он умел держать удар. Он не боялся смотреть в глаза друзьям и врагам, эпохе и судьбе. Он так и писал:

*С жизнью в жмурки не играю.
Сознаю теперь вполне:
Чашу, полную до края,
Предстоит испить и мне.*

*Тяжела литая чаша,
Предначертанный сосуд.
Но такая доля наша -
Легче нам не подадут.*

*Не откинешь, не отменишь,
Не отложишь наперед,
И с друзьями не поделишь,
Потому как в ней не мед...*

*Что бранить судьбу-присуху,
Распалить напрасно прыть.
Набирайся лучше духу,
Чтоб кровей не посрамить.*

*Пусть потом не взвидишь солнца.
Не твоя на то вина,
Что испить её придется
Одному. И всю до дна.*

2. О воле и о смерти

Сегодня я был в доме поэта. Бывал я в нем и раньше. Бывал, к счастью, не раз и не два. Он меня, спасибо, всегда привечал. Встретился с женой, Верой Александровной, и его сыном - талантливым человеком и поэтом Александром Коротавым.

Мы вместе разбирали архив. Вернее, не архив (он необъятен), а только верхнюю, видимую его часть. Его архив похож на айсберг, дрейфующий в поэтическом океане, непредсказуемом на погоду и моду.

Мне всегда было хорошо в его доме. Мы вспоминали Виктора Вениаминовича и думали о наших земных судьбах. Думали, и сегодня еще не понимая, с каким человеком и какого масштаба нам довелось жить на изломе эпох.

Он был рядом со мной много лет. Он мне помогал как мог. Мы даже вместе копали картошку на моем участке в голодные девятидесятые годы и, как сейчас помню, радовались её небывалому урожаю. В его погребу я картошку и хранил. Своего погреба у меня тогда не было. Впрочем, нет его и теперь. Он в меня верил, а эта вера его вселяла в меня страх, потому что за неё надо было отвечать по большому счету, и веру эту надо было оправдать, и самое главное - подтвердить делом и словом. Он дал мне и путевку в жизнь, и в литературную жизнь тоже, благословив на неё, как будто на каторгу.

Благословил - и из жизни этой ушел.

Только теперь, спустя годы, перечитывая его стихи, я начинаю понимать, до какого накала доходила его душа и под каким напряжением билось его горячее, торопливое и ранимое сердце.

Сердце русского поэта.

Он свою судьбу чувствовал, как может чувствовать её только поэт, открытый миру и Вселенной. А русский поэт - особенно!

Он, живя «вечной жаждой творить», не мог никогда и никому позволить русское «чистое поле... осквернить сорняками». За неё, родную, он мог «обронить свою голову и, как русский мужик», потери этой «не заметить».

Теперь-то я, ставший седым и сам, понимаю, почему у него были на переломе времен «одни сомнения в душе» и почему в ней «никакой почти не было веры». Теперь-то я понимаю вполне, как жгли его «думы о родине любимой», когда не было возможности даже «подумать о себе». И напрасно было искать «душе успокоенья».

Вот и он, незабвенный Виктор Вениаминович, «всю жизнь» только и делал, что боролся, «вместо того, чтобы - жить...»

Он не мог понять, тем более не могу понять и я, почему « у земли моей... для всех одинаковой матери - такие разношерстные дети?»

Он так берег свою душу, чтобы «не выстудить её... и удержать в домах тепло». Нет, «не заносы, загибы, запои» - не это было главное в нем и во всех русских поэтах разных эпох и времен. Не это!

Что делать, если на них, поэтов, «по совести живущих и закону», всегда была вне сроков и законов «открыта охота». Слишком неудобными они были вчера, и такими же остаются они, к счастью, и сегодня. Но это их природная черта и, может быть, знак божественной избранности. Но в этом, увы, и трагедия их - «погибать в расцвете лет», хоть погибать в такие годы - «нам грешно».

Но ведь погибает! Сколько их, русских соколов, отлетело уже в мир иной от любимой земли даже на нашем коротком веку? ...Похоронили литературного критика, державшего всех пишущих собратьев в жестком теле, - Василия Александровича Оботурова.

А современники наши (люди разных судеб и профессий) всё отлетают и отлетают в мир иной с чувством исполненного долга и с искренней верой, что они «бесследно не расстают и безвозвратно не уйдут».

Хорошо бы так!

Но страшно думать о том, что они, Богом отмеченные и Богом призванные на эту землю, так обостренно чувствовали, что на них уже с пеленок время, отведенное им, «старательно кроит смертельную рубаху» и даже «примеряет, ловко подгоняя под размер...»

Такое ощущение, что и он, Виктор Коротаяев, просыпаясь поутру, нередко видел эту «новенькую белую рубаху», что висела над ним, как «распятая». И это тогда, когда ему «с каждым утром хотелось жить иначе и открытей» и, выйдя в парной июньский луг, с радостью увидеть «родину, которая, как мать, слезой озерною блеснет...»

Ведь так страшно «умереть, не дождавшись того, чтобы звуки померкли и краски. Умереть - до того, до того. И ни в коем уж разе - не после...»

Он свою смерть предчувствовал. Раньше, читая его стихи, я даже об этом и не думал. Я просто этих печальных настроений не замечал, видя рядом с собой такого богатыря, каких так не хватало на русской земле в те смутные годы конца двадцатого столетия.

Через его судьбу - судьбу большого русского поэта - я, может быть, только и понял, какую силу и какой драматизм несет в себе человек, отмеченный божественной искрой. Понял, как чувствует он время, принявшее его однажды на этот старый белый свет, и как обостренно чувствует он судьбу, уготованную ему в отпущенные на коротком человеческом веку годы.

Понял я и то, что при всей неукротимой его поэтической стихии и он, оказывается, был беззащитен перед своей судьбой, которую ему предначертал Бог.

Он и жизнь любил так обнажённо, ярко и стихийно, потому что чувствовал, что в ней ему при всем его богатырстве отведен совсем короткий срок. И он этот срок, отпущенный ему, чувствовал и тогда, когда все думали, что при его-то здоровье жить ему сто лет и что он, читая стихи о близком своем уходе, просто лишний раз бравировует своим недюжинным здоровьем.

Да нет, он не бравировал. Нет, он был и здоровьем, как вышло на поверку, не богатырь. Он был уязвим - суевой, бытом и, как ни странно, друзьями, а потом уже и грязной политикой людей, правящих его любимой Россией.

Но он был богатырь по духу. По духу он был русским - непоколебимым, бесстрашным и честным. Был таким, каким был его отец-фронтовик. И этим всё сказано.

Он был достойным сыном. И не только своего отца, но и двадцатого века. Не знаю, каким чувством он предугадывал свою трагическую судьбу. Видит Бог - не знаю. Но вот снова и снова перечитываю его стихи и не перестаю удивляться его холодным и как будто рассудочным предчувствиям своей смерти.

Это он, не помня о летах, «слушает весенних птах / так, словно больше не услышит...» Это ему кажется, что, бродя по мокрому лужку, «ему уже по нему босому не гуливать...»

Он и на Россию «смотрел так жадно», как будто бы и с ней вот-вот должен был проститься навеки, не успев «насмотреться на зарю» и «надышаться синевою».

Он чувствовал, что судьба ему готовит «какое-то потрясенье». Потому и память его, «медведем разбуженная», так часто вставала «перед ним на дыбы». Пото-

му, «встревоженный грядущей вестью», он и каждую свою песню пел на людях как прощальную. Потому и слово у него «ворочалось в сердце, точно глыба». Да, он, по его признанию, «с рождения уже самосожженец», просто «следы ожогов» до поры до времени были «скрыты от сторонних глаз».

А душа его «металась туда-сюда», как «под ногами мечется былинка», а «слово наворачивалось, как слеза...» И ловил он эти слова, «что спали на чутких ветках вдохновенья», как бабочек.

В жизни он, восхищаясь ею и над нею плача, был похож на «косача, потерявшего башку». С вечера он не знал, что «завтра небо на головы обрушит нам». «Предчувствие грядущего конца» выдавало себя «бледностью его лица». Не все и не всегда эту бледность в его лице при жизни замечали. Уж слишком здоров и могуч он был, поэт Виктор Коротаяев, а сам-то он, глядя на «злато заката», не мог понять, почему оно, заглядывая в его земные глаза «спокойно и угрюмо», не дает ему «ни жить, ни умереть».

После этого он для себя категорически и не раз заявлял: «Нет, видно, надо умереть...» Он даже понимал, почему умереть надо. Потому, что на родной его стороне и в любимой им России только после смерти и может, «равнодушная сначала», зазвучать во славу ему «законодательная медь». Увы, но это правда. Веками, замечу, выстрадавшая правда и не одной судьбой оплаченная.

Понимая это, он не жалел себя и хотел как можно быстрее «спалить себя, спалить дотла», чтобы и друзья, «с трудом пьянея, признали, сидя у стола, что в мире стало холоднее...» Он был убежден, что только «смерть докажет без труда, что целой жизни не под силу». Он так думал, и я не скажу, что он ошибался. Нет, просто время его еще, к сожаленью, не пришло. Да и друзья, наверно, до конца не смогли оценить масштаб его дарования и личности.

Он, воспевая родную землю, думал о своей звезде - поэтической. Она манила его, но он не знал - куда? Не знал и боялся, каждодневно готовясь идти на её далекий и, может быть, обманчивый свет.

Он похоронил своего друга - Николая Рубцова. И он не мог, склоняясь над гробом поэта, не почувствовать его «грозную трагическую тень...»

Не знаю почему, но он, такой сильный и даже могучий, писал после этого о себе так обреченно и горько: «Я не заживусь на этом свете».

И это тоже, представьте, его строки:

И можно, не старясь, закончить пути:

И сладко растаять, и тихо уйти...

Уйти «без боязни, поскольку навек», уйти для того, чтобы там, на небесах, «ничто не могло потревожить его ночных раздумий о себе». Он понимал и даже усмехался, оглаживая любовно свою черную бороду, когда её носил, что «прожил бы лет девяносто, когда б поумеренней жил». А вот ведь, жил-то не умеренно и по-русски разгульно, потому «и умер, как будто нарочно, во цвете, во празднике лет...»

Да, смерть свою он предчувствовал, иначе бы не написал, что смерть его «не за горами».

Не знаю, какой смысл он вкладывал в эти вот трагические строки, но думаю, что вкладывал смысл глубокий:

Если жить достойно не придется,

То принять достойно надо смерть...

Я не знаю, что с ним по жизни случилось, но мне, как и ему, в мире нынешнем «страшно жить без веры и надежды», но «еще страшнее помирать». Это его строки. Но я готов под ними подписаться.

Может, потому и кричал он на всю Вселенную: «Занесите меня в Красную книгу», чтобы на любимой им русской земле однажды «не занесли его в книгу Черную»? Не знаю, но думать об этом не перестаю...

Он даже представлял, как «в последний миг земные рощи с высот небесных оглядит» и как «эту жизнь, минувшую так скоро, в последний раз благословит».

Он предвосхищал радость этого смертельного полета и по-русски сожалел, что этой «последней радостью открыться» не сможет, увы, ни с кем поделиться.

Да, он предчувствовал, что «годы его на исходе», и что «старые волки топчутся и ждут-поджидают его».

Но хорошо бы умереть не где-нибудь и не пропасть абы как, а мирно и достойно, «надеясь на высшую милость», «заснуть под заветной сосной».

Он понимал, готовя себя к вечному покою, что «всё, что творилось с землей» на его глазах и во времени, ему отпущенном, «с душой уже сотворилось...» И не было ему «жаль большого тела», тем более что «душа прохвачена давно», и остались в прошлом его «неперспективные закаты и бестолково прожитые дни». Тем

более что и он, здоровый русский мужик, не знал, как можно (и можно ли вообще?) «это время зыбкое подольше удержать».

Он стремился туда, откуда «правда, может быть, и виднее...»

Но он, тщетно взыскав её, еще и добавил: «Виднее - да, но вот скажу ли я, что от этой правды - веселей?..»

Вопрос остается открытым. Задаю его в который раз себе и отвечаю строками из стихотворения Виктора Коротаяева:

*Ничтожность смерти одного лица
Перед лицом бессмертия Вселенной...*

Он был готов оставить этот мир и переместиться в другой. Одного только, как грешный человек, он, судя по всему, очень боялся, «представляя свой последний путь». А боялся он того, что вдруг «некому будет собрать его в дорогу и некому будет помянуть слезою...»

Не могу понять, почему он так рано от нас ушел. Не могу принять эту утрату и никогда не смогу. Такого не должно было быть.

А он ушел?

Нет, он не ушел. Он рядом. Только мы-то, по рукам и ногам связанные пустяшной суетою, никак не можем понять, как надо, пока живы, радоваться «каждой травинке, росинке, лучу...»

Это его простое и вечное завещание.

Как у поэта истинного, у него было обостренное ощущение окончания земной жизни, так им любимой. Не потому ли он так её любил и воспевал, боясь опоздать и не досказать все то, что мог сказать о ней только он, поэт, Богом призванный на эту землю...

А уж как он живописал свою Липовицу! А в ней-то не просто деревня, в ней - вся Россия!

И мыслил он державно - и мысль его простиралась от маковки сельской часовенки, восстановленной, кстати, после его смерти и не без его участия, до куполов Московского Кремля.

Бог испытал его на любовь к этой земле. Он этой земле послужил. И любовь к ней подтвердил своими стихами.

Он помогал всем, кто служил и служит своей земле, не думая о себе.

Он ушел из жизни рано, потому что слишком был сильным. А сильных людей, преданных родной земле, не любили и в России, тем более её, сильную, никогда не любили враги.

К сожалению, и друзья поэтов во все известные нам времена таким подвижникам Руси помочь, как надо бы, не могли, хотя и ...

И нам некого винить в ранней смерти светлого и сильного поэта, кроме самих себя - равнодушных и слепых.

Так пусть хотя бы сегодня работает его слово, разбуженное поэтом и в его сердце закаленное до высокой пробы - той пробы, от которой происходит в чувствах короткие, как в быту, замыкания. Почаще бы нас замыкало на любви к своему дому и к отеческим гробам.

А самое главное - найдутся ли завтра читатели, в чьих сердцах слово поэта отзовется, как родное?

Вопрос, опять же, остается открытым...

По крайней мере, для меня...

У Виктора Вениаминовича каждое слово бьет током. У него даже между строками искрит и знобит - от его духовного напряжения. После прочтения его книги «Вечный костер» у меня у самого душа будто обуглилась, чтобы потом, как я понимаю, из пепла заново возродиться.

Не в этом ли и скрыт тайный смысл поэзии? Не над каждой книгой стихов я испытываю такие чувства, и не каждая поэтическая строка искрит в моей душе и заставляя с переборами биться мое сердце...

Слава Богу, мое сердце пока бьется. Значит, я должен сделать что-то важное, сделать то, что не успел мой дорогой учитель...

МИХАИЛ СОПИН: «ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ...»

Поэт Михаил Сопин родом из курских земель, но главные свои книги написал на земле вологодской.

Я помню, как Михаил Николаевич Сопин последний раз участвовал в областном литературном вечере в большом зале филармонии. На вечер привезли его из больницы. Он выступил первым и сразу же уехал обратно. Может быть, в этом поступке и весь его характер - волевой и болевой.

Таким он был в жизни, которую знал не понаслышке: в 1938-м потерял отца. Ему было десять лет, когда началась война. В самом начале ее он потерял двоих братьев и деда. Был в оккупации в Харькове, а после освобождения города продвигался с нашими войсками в сторону германской столицы. В четырнадцать лет он встретил в Берлине День Победы.

Прошагал я с войной полстраны.

Пол-России прошел по этапу...

После войны за все недетские страдания и муки он был отправлен в лагерь.

Я был не по своей вине

Живой мишенью мертвых пашен:

Четыре года на войне

Полвека - без вести пропавшим...

Он мог погибнуть на войне, но «судьба исчезнуть не дала». По жизни он шел «от себя к себе по большим воспоминаниям». Он остро чувствовал, что в них - детях войны - затаилась «минная память» и она «однажды живых подорвет». Подорвет, потому что «былое соткано из боли, и дом стоит на минном поле».

Мой крестный путь -

В пожар из-под огня.

Без этого нельзя понять меня...

Вот его портрет, написанный современниками (из статьи Исаака Подольного):

«...На голове метель седых волос...» На впалых щеках - глубокие морщины. Застуженный хрипловатый голос, и пальцы, похожие на барабанные палочки, - верные признаки застарелого лагерьного бронхита. Синие веточки вен на натруженных руках. Каким только черным трудом не пришлось заниматься в долгие зекские годы! Глаза усталые, но внимательные, настороженные, но добрые, то вспыхивающие в понимающей улыбке, то гаснущие в разговоре о суетных мелочах. Со скепсисом улыбки на губах. Характер - жесткий, но не озлобленный...»

Таким его запомнили мы, когда он появился на вологодской земле.

«Цинготный. Голодраный. Бесспортошный... Клейменный сын казненного народа». «Перекатная голь, беспризорное детство». Его «лучшие сны - суетня привозкальных базаров, его нежная мама - степная, безлюдная даль».

И он не один был такой. Их было много - «кукушат страны, злого века больных побегов», которых «прогнали по земле, как скот, батогами». А сколько их осталось на мертвых обочинах, «неуслышанных, неотпетых», тех его сверстников, «кто не дополз, упал, не додышал».

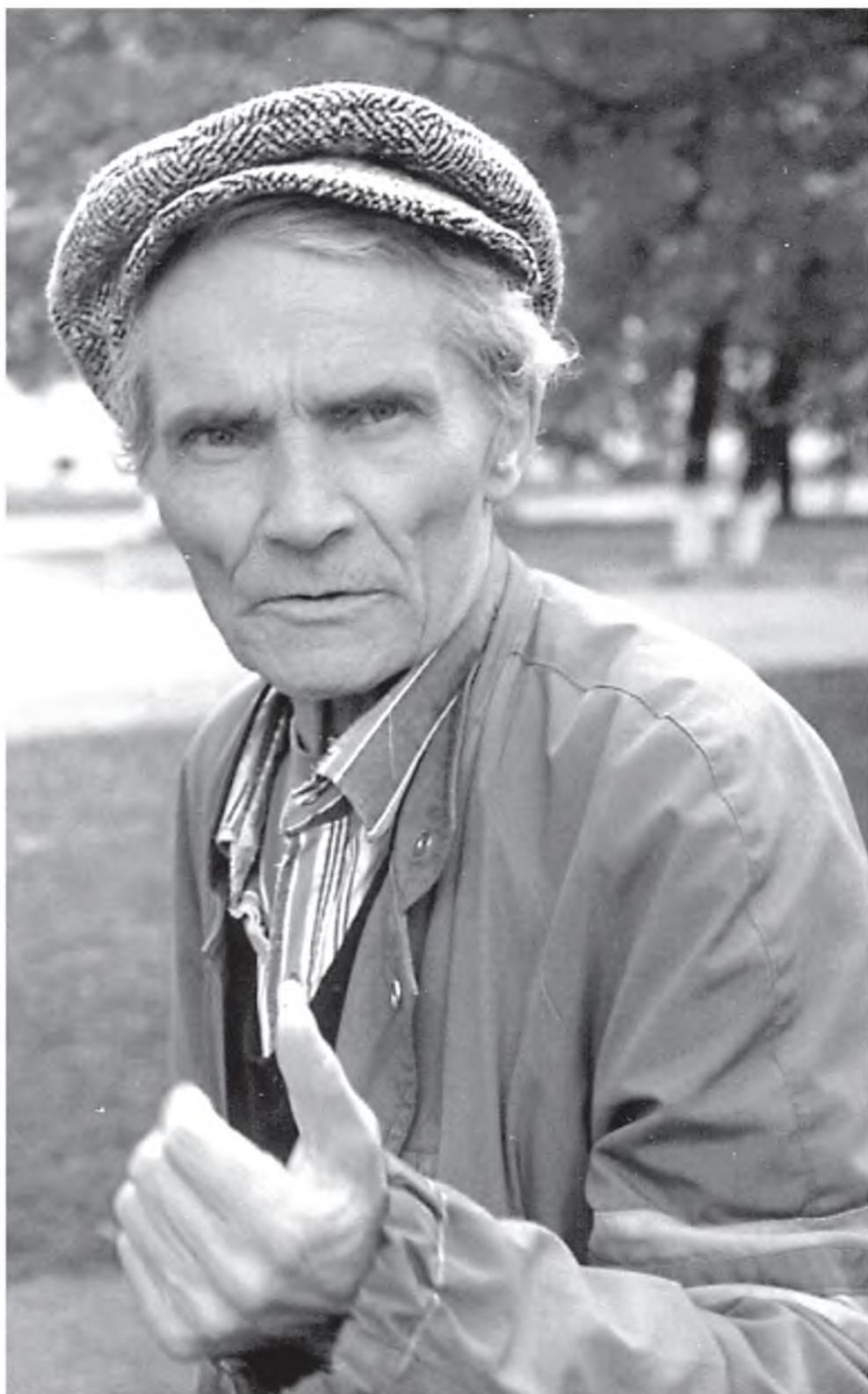
Памятник детству своего поколения Михаилу Сопину виделся только таким - «ладонь пред лезвием штыка».

От имени их, «дорогих-дорогих по несчастью и по судьбе», канувших в бездну, за всех, пусть и «с кляпом в горле», он умолял Россию «послушать исповедь его», хотя уже тогда понимал, что «стране родной» не нужны самобытные и сильные голоса, «стране необходимы подголосья». Он рано понял и то, что «солдат - герой, пока он нужен, а как окончится война - забыть».

Он шел «под таинством неба». Он шел «по таинству поля». Он «столько лет - светло и трудно - нес неизбывную память» о времени, о себе и о жизни, которая «волочила-колотила на изгиб и на излом». Но он любил свою жизнь, которая «пронесла его вольным и битым... по надеждам, годам и обидам».

У него, как ни у кого другого, был свой диалог с Россией, и свои у него были к ней счеты. Он и разговор с ней вел до конца жизни, и счеты ей предъявлял до последнего вздоха, потому что «и у памяти есть свой счет».

«Свои болевые раздумья» поэт писал на страницах ушедшего столетия. Писал не для всех, писал для своей «семьи», в которую он включал «всех изгоев страны,

Михаил СОПИН. Фото Алексея Колосова

всю российскую голь», писал он «для того, кто одинок». А таких «одиноких изгоев» в России миллионы и сегодня. Они-то его голос слышали всегда и через его боль утоляли свои неизбывные боли. Вот одно из таких искренних признаний.

Автор его - Иван Брусенский: «Молитвы времени разлома» помогают мне тянуть нить раздумий так же неравнодушно, как жил и писал сам Михаил Николаевич Сопин - Поэт Земли Русской».

«Поэт Земли Русской» рано понял, что на этой земле он «не лишний» и что «для черного дня Всевышний готовил его в летописцы». И потому, не жалея сердца, он и «голосил от утратного счастья в далеком - в России».

«Пацан-солдат, бездомник, тать. По каторжным и беженским дорогам пройдя, я мог на Родину роптать...».

Нет, стихи его не ропот - это крик души. Души, в которой «солнышка нет». Души, которая «темна, необитаемо пуста, как церковь без креста». Души, которая «болит без слез и воя, доброты в живых не находя», и «живет, но бескрыло». Души, которая «устала, а не отболела от жизни попанной».

Для Михаила Сопина, прошедшего войну, «душа, как почта полевая, и боль к ней идет со всей России».

Ему ли, поэту от Бога («а в душе - у нас каждый пророк»), не знать и не чувствовать, что «душа не запоет, пока не выкричится и не выплечется в горе». Как часто именно она - «душа кричала в нем несогласно и призывала к любви». О ней, «о душе, сорвавшейся с орбиты», он всю свою жизнь «хрипел горлом перебитым», и «на последний поклон» совсем не случайно душа его «возвратилась к ликам храмов бревенчатых».

Душа бессмертна. Потому, как заклинание, читается вот это его пронзительное стихотворение:

«Стой... че-ло-век...»

Застыл я, не дыша:

Ржавь проволоки,

Вышки да березы.

Я камень сдвинул,

А под ним - душа.

Пршльнул к травинкам -

Зазвенели слезы...

Это людей, близких по судьбе, он «не клял и не бранил». «Родной же край» он в стихах даже «предал анафеме», а «за тыл кровавый, за войну» он «родную страну возлюбил, как своего врага».

Россия Михаила Сопина - «ум и нежность, душа».

«Другая Россия - не моя», - заявлял поэт. В другой России он чувствует себя «живым среди убитых и неживым среди живых». В ней он «ищет живых на той войне», поскольку «здесь мир не его, страна другая», здесь он «чужой до содроганья», здесь «через сомкнутые веки он плачет о себе, о человеке».

Другая Россия - это «вечный фронт без тыла». Это «гнев, зависть, злобность человечья». Это «слеза бесправья и бессилья».

А наяву

Любовь - вражда!

Спящиеся деревни.

И манекенов города...

В другой России - «ни мира, ни лада». В ней «кретин исцеляет кретина, дурачит дурак дурака». «В замордованном краю» «бандитствует народ», где «на вечном каторжном снегу» горит России «черная лампада».

Другая Россия - это «страна перемещенных лиц», «страна покорства и тиранства», которая бросается «из рабства в бунт, из бунта в рабство», «казнит и славит на бегу» своих подданных.

Он знает, какая она - другая Россия. Он «знает и чего ему в ней не надо: шизоидов, рвущихся к власти, младенцев с глазами рабов».

Он ненавидит власть не только за свое убогое сиротство. Он предъявляет ей свой счет «за интернат, за скорби дом, за старых и новых вдов, за Артек, за Чернобыль, за тех и нынешних сирот». Ему кажется, что в такой стране, как Россия, нам «не суждено выйти из круга нищих благ и планетарных потерь».

Поэт с ужасом открывает для себя, что «мы за Россию столько уложили, что уж самой Россией не выдать». И что же это за страна, в которой Михаил Сопин «на участь живого отца жалуется убитому сыну». И сколько уже после последней войны таких же, как и он, отцов «встретили сыновей в обугленных веком урнах»?

Для него Россия - это «птица, над землей обильной ослепшая от поиска пути»,

это «страна без смысла и без толка», страна «больная, блатная и ссученная». И этой стране, «в которой жизнь теряет цену, он отдал всё», поняв, что это уже «не беда, а путь страны, когда беда сменяется бедою». В России «одинаково страшно всевластье её и бессилье». В ней человек «к концу пути приходит в никуда, не понимая - кто он и откуда».

Прав, наверно, критик Андрей Смолин, написав о том, что «стихи Сопина нельзя читать помногу, вздохнув, как читаются иной раз другие поэты. Дело не только в том, что его судьба ярко, даже насильно вмещается в них. Михаил Сопин и является примером того, что поэзия и судьба не только неразделимы, но кровно связаны одна с другой. Суть в другом: он не боится взять с собой читателя на вершину бытия, обнажить перед ним сердце, душу...»

«Его стихи опасны, как огонь...» - так точно и ёмко определили суть творчества поэта коллеги-писатели.

Исаак Подольный подчеркивал гражданственность его поэзии: «Жизненный опыт сделал его творчество, я бы не сказал, более публицистичным, но еще более зрелым. На крутом времени разлома автор чувствует самую высокую ответственность не только за личную судьбу, но и за будущее России. И он не хочет, чтобы новая Россия сохранила черты страшного прошлого: невежество, жестокость, раболепство перед сильными мира сего...»

Да, такую Россию поэт проклинает. Такую Россию он ненавидит. В такой России и народ для него чужой - не свой по духу.

Он с болью, «закусив удила», спрашивает у себя и у других: каким «надо быть народу самому, чтобы назвать свободою тюрьму»? Народ живет, как «раскрепощенный раб, тоскуя об ушедшем», и в любую минуту он может «отдать, предать, отступиться». «Ленина продали нынче, Господа Бога - вчера». И сам поэт не раз предан «в будущем, в прошлом и тут...».

Народ «живет - не живя». Он и «умирает, не пожив и не дожив», «сын идет на отца, отец - на сына», «глухое безразличье у сестры к сестре», «воюет брат с братом, семья с семьёй враждует». И никуда и никогда «не исчезает русский враг - услужливый дурак». «Мы - вороги наши. Мы сами себя прокосили!...».

Всё в нас самих.

Россия -

Это мы...

Поэту «тяжко жить среди толпы, чтоб не сказать - невыносимо». Он не говорит, он кричит:

Ты, ты, народ, для самого себя -

Безжалостный,

Безумный враг народа...

А сам он «живя в народе - народом не был», потому что в «мир этот прекрасный и позорный» он «один пришел и отойдет один», каждодневно живя «на взрыве двух больных энергий - своих страданий и чужих обид».

Поэт понимал, что «и беда, и вина, и паденье, и святость - мы сами». И как бы он ни клял страну свою, как бы ни отрекался от «рабского» народа, но именно в этой стране и с этим народом «прошел он по тревожным тропам в мечтах о великом «счастье». На этой земле, чтобы «не сбиться» с пути, шли они вместе, как слепые, «друг другу ладонь на плечо положив».

С ним, русским человеком, «избитый судьбой» и, «как собака, избитая жизнью», «переломанный, разбитый, перелатанный», он не раз на коммунальных кухнях зализывал раны и набирался от него живительных сил. Здесь, на этой горестной земле, а не на какой-то другой, «манили его небо, воля, крылья и ветры». В этой стране и на этой земле он «боялся жизни, но любил её» и «на ощупь - с младенческим сердцем шел по свету».

Так связано кровно,

Отчизна, так скованы жестко:

Трагедия века,

Победа, сиротство, тюрьма.

Избы не найдешь,

Нет семьи на родных перекрестках,

Где б женское сердце

За всех не сходило с ума...

Поэт всегда «ощущал себя единым со всем, что кругом», и понимал, что «порвать эту связь не сумеют ни время, ни враг». Он чувствовал, как «и прошедшего тьма, и грядущего свет меж собою ведут разговор».

И тут я не могу не согласиться с Александром Романовым, который, осмысли-

вая творчество Михаила Сопина, пишет: «А в поэзии мог бы он развернуться значительно как трагик человеческого бытия (вообще человеческого, а не только подконвойного, советского). Но для такой судьбы необходима мудрость, а не только злость-обида...»

Да, если в жизни он и «был счастлив, то без массового счастья». Его не покидало чувство, что он «умирает дольше, чем живет», а «в светлое завтра» везет себя в инвалидной коляске.

Он с болью осознавал, что для России он «не свой - чужой». И в ней он «защищает от себя других - каждый день, каждый миг». Он рано прозрел, что «нас ведь нет для страны», что «мы для общества - прах, горстка стылой золы». Нас «не враги, так свои зашибут самосудом», а «свобода добьет безразличием злым: не забвеньем глухим, так горячкою белой».

Заглянув «за край и дальше края», поэт прокричал своему народу, что уже «с гармонией идет плечом к плечу жестокость мировая». И грядут времена, когда «любовь навечно отомрет и предрассудком станет жалость», когда изживут себя и такие слова, как «надежда, счастье, дым печали», потому что мы уже давно «смертельно больны тяжелейшей формой безлюбья».

Потому с криком в душе, с болью в сердце и уже из последних сил он пишет:

*Я на последнем перекрестке
Встаю сегодня в полный рост:
Солдатом, ээком и поэтом...*

И в который раз он задает уже ставший риторическим вопрос: «Так что ж, страна, все эти годы было?..» Он не без слез на глазах и не без обиды в сердце допытывался у Родины: «Сколько нас в рабы отдано? Сколько нас в бегах брошено, в месиво войны, в крошево?»

В ответ - «молчанье душ, запекшихся от боли». И озноб по коже, когда подумаешь: «Так много крови пролилось, чтоб ничего не изменилось».

*Ожегся на милом.
Сошелся на стылом
Душою земною.
А что это было?
А с кем это было?
Со мною. Со мною...*

И вот такую «чужую, родимую землю за всё до удушья, до спазм он, любя, ненавидел» всю свою жизнь. И в конце пути, осмысливая его, он напишет, что «впитал, вдыхал ужас малых родин, чтоб навсегда одной большой страдать». В том-то и заключается его жизненная трагедия, что

*Поэт - глашатай высшей воли,
Всё, что вверялось лично мне,
Я говорил по Божьей воле
Глухой бесчувственной стране...*

Он, «гонимый и клятый, с судьбой беглеца» через «облавы, расправы и потери по дальней дороге», нес в себе «людскую неволю и волю господнюю». Он нес «в груди свой век - его радость нес, его гадость, его нежность, горячность и сладость». Считал по наивности, что вот уже стоит «у достигнутой цели», а оказалось, застыл «у бездны». Оказалось, что в «двадцатом веке он идет по нравственному запустению».

Он рано устал «от притворной общественной спячки, от пророчащих в белой горячке», «от мерзости, что жрет народный хлеб». Он и сам был «болен невежеством века и был здоров вечной его глупостью», потому что

*Одна эпоха. И судьба одна.
Ты болен тем же самым,
Чем страна...*

Уж если кого и жаль было ему в этой жизни, то не человечество, а исключительно человека: «Народ опасен. Человек прекрасен...».

*Разор, разбой, усталость.
Взглянул в себя,
Там больше нет раба.
Но Человека
Тоже не осталось...
И дальше:
«Куда мы шли,
Куда нас завели?!» -
Заплакала. Жива душа-калека...
Шаг первый мой -*

*Земного Человека.
Последний шаг -
Ничтожества земли...*

Поэт, помня о том, что, «творя историю свою, ему правда разрывала вены», просит своих современников «однобоко его не судить», хотя бы потому, что к концу пути от него «не море лжи» осталось, а «две капли боли праведной».

В стихах Михаила Сопина обостренно пульсировала его личная жизнь и также болезненно и напряженно жизнь его современников во всех её самых светлых и трагических проявлениях.

Он был из плеяды тех русских поэтов, которые «не боялись взять с собой читателя на вершины бытия, обнажить перед ним сердце и душу».

О себе и о таких людях, как он сам, Михаил Сопин в предисловии к своей последней книге «Молитвы времени разлома» написал так: «Мы входили в мир без идеологических шор и уходим из жизни без политических иллюзий... рано или поздно, при мне это произойдет или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретет человеческий облик. Так думаю. Над этим работаю».

Так он думал и так работал.

Это правда. Как правда и всё то, что выражено в изданных им книгах: «Предвостный свет», «Судьбы моей поле», «Смещение», «Обугленные веком», «Свобода - тягостная ноша».

Он и на литературном вечере в филармонии, словно предчувствуя свою кончину, обращался к читателям страстно и взывал к ним молитвенно, своим примером поддерживал тех из них, кто готов вместе с ним с чистой совестью предъявлять счета не только себе, но от имени поколения и эпохе.

Теперь уже строки, прочитанные им со сцены, звучат как завещание всем нам - его друзьям-единомышленникам и его верным читателям:

*Нету на земле таких идей,
Чтобы ради них губить людей.
Помни, твое имя - человек.
Не ссылайся на жестокий век...
Признался он и в любви к земле:
Всё ж выпало мне
Вселенское счастье -
Родиться
В такой величайшей стране!..*

Михаил Сопин, пройдя через все испытания времени, остался верен себе и ни одной поэтической строчкой не покривил душой перед Богом и перед людьми...

ВЯЧЕСЛАВ ХЛЕБОВ:

«А Я - БОЛЬШОЙ РЕКИ НАЧАЛО...»

Вячеслав Хлебов старше меня на четырнадцать лет. Он родился накануне войны, а я через восемь лет после Победы. Но так случилось, что наши творческие судьбы однажды пересеклись в издательстве «Вестник» под надежным и сильным крылом прекрасного русского поэта Виктора Кортаева.

Потому я считаю его человеком из моего поколения. Да и сам он одну из своих книг подписал мне так: «Для воспоминаний о нашем творческом пути». Не часто, но мы с ним встречались и, как правило, в обществе нашего учителя и покровителя.

Вячеслав был мне понятен и близок еще и потому, что родом он из шекснинской деревни. Его жизненный путь типичен для людей нашего поколения. Вот скудные строки из его биографии: трудиться начал в колхозе, после армии работал электромонтёром по электрификации сельского хозяйства, а потом на Череповецком металлургическом комбинате - огнеупорщиком, монтажником-высотником и председателем профсоюзного комитета треста «Череповецстальконструкция».

Слава Хлебов был человеком добрым. Имел зоркий взгляд, беспокойную душу и мудрое сердце. Мы с ним познакомились еще на областных семинарах литераторов, а ближе сошлись тогда, когда Виктор Вениаминович готовил к изданию наши первые книги - мои «Венцы» (1992 г.) и его «Собрание ослов» (1992 г.).

К каждой из них он написал предисловие-напутствие.

Представляя творения Хлебова, он отмечал: «Басни его, как и подобает этому классическому жанру, всегда живописны, остры и целенаправленны. В них бичуются как извечные человеческие пороки, так и социальные безобразия и уродства общества в целом. На фоне современного живейшего и острейшего движения мысли работа Хлебова выглядит, к счастью, не запоздалой или утратившей злободневность, а как раз наоборот - попадающей, что называется, в струю, в слой».

Эта традиция идет от Крылова. Не побоюсь сказать, что у Хлебова такая же «крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум». Да он именно таким и запомнился мне по жизни - основательным и мудрым.

Лопух и Укроп

Лопух, к Укропу наклонясь, спросил:

- За что ты так хозяйке мил?

Всегда содержишься в порядке,

Удобен и растешь на грядке.

Тебе вниманье каждый день,

А я, как видишь, врос в плетень.

Мне от хозяйки ласки нет

С тех пор, как я увидел свет.

А проходя недавно рядом,

Меня сверлила жутким взглядом

И вместо имени со вздохом

Обозвала чертополохом.

- Да, нелегко тебе, сосед,

Сказал ему Укроп в ответ.

И, помолчав, изрек любезно:

- Жизнь ценит то, что ей полезно.

В моей библиотеке четыре его сборника, а всего их при жизни он успел выпустить пять.

Волею судьбы его творческая активность пришлась на годы очередной российской смуты - безумные 90-е годы, когда все мы жили с ощущением большой беды. И каждый из нас, по-своему переживая нагрянувшие перемены, с тревогой, а порой и с ужасом всматривался в грядущие времена, окрашенные в тягостные мистические тона и отмеченные знаменами от пророчеств Иоанна Богослова.

Одни, отказавшись от ценностей духовных, слепо уверовали в силу денег и с головой ушли в торговый бизнес. Другие, потеряв в жизни привычную стабильность и нравственную опору, тихо и шумно в печальных и разгульных застольях оплакивали гибель великой державы, крушение социалистических идеалов, а с ними и своих собственных судеб. Третьи будто оцепенели от вздыбленной эпохи, готовой гибельно разрешиться «слепым и беспощадным русским бунтом», и ждали конца света, не теряя при этом, как и всегда, надежды на лучшее и по возможности приспособляваясь к жестоким порядкам бездушного и дикого рынка.

Вячеслав Хлебов был из тех русских людей, кто и в новой жизни не растерялся и кто не сидел сложа руки, а, как мог, сопротивлялся всему, что подтачивало основы русской жизни и разрушало естественную среду нашего обитания.

Может, поэтому в своих баснях он постоянно и равно обращался к трём болевым темам: взаимоотношениям человека с природой, махровому бюрократизму равнодушной к народу власти и заурядному российскому пьянству.

Теперь, перечитав все его сборники, я вдруг понял, что именно в басне, а ни в каком другом жанре можно было в те «лихие и губительные» для России годы наотмашь хлестать по сытым щекам зажавшихся бюрократов, прицельно разить укоренившиеся в людях пороки, беспощадно вскрывать и безжалостно обнажать язвы современной ему жизни.

Именно через басню, как мне показалось, и могло только происходить тогда горькое отрезвление и своеобразное духовное очищение русских людей, не до конца еще потерявшихся в этом «безумном, безумном, безумном мире»...

Вячеслав Хлебов видел, как человек всё дальше и дальше отдаляется не только от природы, окружающей его, но уже всерьёз изменяет и природе собственной. Впрочем, эти процессы органично связаны между собой: «Природа к тем всегда сурова, кому чужда её основа».

И могло ли быть иначе, если все мы погрязли в грехах и бесконтрольно в погоне за выгодой и внешним благополучием потеряли нравственные ориентиры?

Поглядишь по сторонам и поневоле вспомнишь Николая Васильевича Гоголя, который еще 160 лет назад так написал о прогрессе и состоянии русского духа: «Мы, со всеми нашими огромными средствами и орудиями к совершенствованию, с опытами всех веков - со всеми этими орудиями, умели дойти до какого-то неряшества и неустойчивости как внешнего, так и внутреннего...».

Как будто про наше время написано!

Он же, погруженный в думы о своем веке, пришел однажды к такому неутешительному для себя и для нас выводу: «Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже всё поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости».

И тогда, во времена Гоголя, нужно было иметь мужество, и ныне тоже обладать крепкими нервами, чтобы отважиться показать на фоне современной жизни всю ничтожность человека, опустившегося почти до уровня животного существования.

Вячеслав Хлебов на такой шаг решился.

Ему выпало счастье наблюдать мир и человека в нём «в его минуты роковые». Он нашел в себе силы внимательно и пристрастно взглянуть в «испитое и припухшее» лицо настоящего и опять не без дрожи увидеть, что в нём, как и в прошлые столетия, «иное горестно и грустно, другое просто гадко, или же делается не так, как бы нам хотелось». А ведь если «попристальнее взглянуть в настоящее, будущее вдруг выступит само собою» (Гоголь).

Каким оно «выступит», будущее наших внуков, и каким его сегодня увидит равнодушное сердце современника, сказать не берусь, но думаю, что жить нашим потомкам тоже будет не сладко. Им придется платить по векселям, которые уже и нам всё чаще предъявляет природа, страдающая от технического прогресса и от нашего с вами равнодушия.

Не получается пока у человека равноправного и уважительного диалога с природой, частью которой он является и сам. Но об этом он, к сожалению, уже давно не думает и не вспоминает. Всё норовит богатства у природы взять силой и при этом еще имеет наглость рассчитывать на «милость её».

Вот и «хиреет без навоза» поле, а навоз бесхозно стекает в озеро. И как понять трудолюбивому крестьянину, ещё не потерявшему стыд, что «земли полно, а хлеба нет». Уже и великая река Волга жалуется плывущему по ней теплоходу, что люди «не слышат её стон», потому что «и совесть и закон безмолвствуют».

«Стыд - что стало с природой! - не сдерживает гнева Хлебов, - лес извели, канав нарыли». Уже «тошно стало и чертям» от металлолома, которого так много разбросано вокруг сел, примыкающих к городам. Уже и зной, выжигающий дуга и чащобы, и дожди, заливающие землю, преподносят зверям «недолю» и озлобляют их друг против друга.

Смотришь на все эти безобразия и с болью думаешь, что «беда неминуема там, где разрушается среда», и страшно становится, когда «невежды и глупцы вторгаются в устав природы».

*Понять непросто, чья вина,
Коль заблудилась вся страна...*

Потому-то, может, и персонажи басен Вячеслава Хлебова - свиньи и бараны, зайцы и лисы, медведи и волки, псы и шакалы, вши и блохи, галки и вороны - воспринимаются нами уже воистину как люди, в них превратившиеся. У каждого животного и птицы, гада и насекомого уже не свои, а узнаваемые черты крупных

Вячеслав ХЛЕБОВ

и мелких людских характеров, высоких и низких проявлений нашей человеческой натуры.

Не знаю, хотел ли баснописец «собрать в одну кучу всё дурное в России», но так уж получилось у него. Он не суд над нами вершит, он приглашает нас на его заседание в качестве присяжных для слушания по делу чрезвычайной важности...

Суд над Бараном

*В одном дворе стряслось такое:
Забьли все про жизнь в покое.
А был виною всех страданий
И общим злом разгул бараний.
Чтоб жизнь избавить от изъяна,
Решили все:
- Судить Барана!
И двор, их место заседаний,
Был полон гневоизлияний.
Свинья визжала:
- Изверг он!
- Убить! - неслось со всех сторон.
Петух орал, ругал нахала.
Корова, как всегда, мычала.
Гроза детей Гусак Гусиных
Шипел, как будто Змей Горыныч.
Но был особо гневно-зол
Вонючий дядюшка Козел.
Пёс, взвесив коллектива мненье,
Такое сделал заключение:
- Напрасен суд и ваши речи,
Ведь глупых критика не лечит.
Среди животных в мире данном
Баран обязан быть Бараном.*

И так, что ни басня, то живая картинка из жизни обитателей российских сёл и деревень, больших и маленьких городов.

«Кот немало тварей съел. Жир и лень в Коте сроднились, оттого над ним глумились», «где появляется Козёл, там зелень вскоре исчезает», «живёт неважно Конь-трудяга. Зато Барана зам - Козёл - имеет всё: и власть, и блага».

Вот «Свинья завизжала спросонок», не найдя в доме ни мужа, ни сына, а они, сердешные, с вечера хмельные на пару «в луже лежат». Побывав на юбилее Пса, баснописец лишний раз убедился в том, что «черта такая нам дана - пить до умопомрачения». Потому и «сорняки ликуют и не дремлют» там, «где любят пьянствовать и спать». Потому и «бездействие власти нетрудно понять - непьющим народом сложнее управлять».

Его басни так злободневны и остры, а персонажи так узнаваемы, что и в поступках, и в диалогах, и в сердечных их движениях предстаёт перед нами во всём разнообразии своих характеров правдивый срез большого общества современной России - от президента до бомжа.

Сюжеты для басен Вячеслав Хлебов искусно извлекает из наших скучных будней и праздников по поводу и без.

«Дряхлый Пёс не страшен вору», «Волк видел взятку наяву: Шакалы Псу купюру дали», «Козёл Овечке подмигнул, Баран вскипел, того боднул и обозвал при всех болваном», «для Коз хорощий веник лучше роз», «настроен злобно к Соловью Комар, себя большим певцом считая», «там Баран и Осёл строят Буйволу дом», «Петух хороший ухаждёр, но воспитатель никудышный».

Мы уже узнаём в персонажах басен и самих себя, и соседей по дому, и тех, кого встречаем на улицах и в магазинах, в государственных учреждениях и коридорах «народной» власти. Мы видим их ежедневно на экранах телевизоров и читаем о них в многочисленных газетах и журналах. Узнаем, потому что они «и мыслят, и поступают слишком по-русски». Узнаем и потому, что «кроме верного звериного сходства», они еще отвратительно ярко обнажают через себя и все присущие нам пороки и недостатки, и вообще - нашу противоречивую и переимчивую русскую природу. У него так же, как и в баснях Крылова, «всюду Русь и пахнет Русью» (Гоголь).

Долг и старость

*Покинул Кот родной очаг,
Жену, котят - незрячих крошек.
Ушел на поиск новых благ,
Любить других красивых кошек.
Пока был молод и силен,
Имел в любви успех и славу,
А Кошка, забыв про сон,
Кормила, мучаясь, ораву.
Уча в нужде котят уму,
Трудясь и в праздники, и в будни,
Своим трудом, назло всему,
Сумела вывести их в люди.
А у отца сменился вид,
Отняли блеск и силы годы.
Он был любимыми забыт,
Спал где попаю, ел отходы.
Нуждой и старостью гоним,
Решил к семье вернуться снова.
Принес свои печали к ним
И стал просить куска и крова.
Мяукал:
- Трудно одному.
Согрейте, наделите паем.
Но был один ответ ему:
- Покиньте нас, мы вас не знаем.*

*В любви всегда несчастен тот,
Кто ней относится как кот.*

А разве не нынешние бомжи стали, например, прототипами этих пернатых персонажей: «Ворон и галок много там, где много свалок...». Или вот этот сюжет, взятый из хроник последнего времени, - разве он не напоминает о событиях близкой нам политической истории:

*Кабан ушел с поста до срока,
И без борьбы в один из дней
Глупец-Шакал по воле рока
Стал предводителем зверей...*

А вот еще одна примета трагико-комедийной эпохи: собрался Шарик у столба «облегчить участь живота», да не тут-то было. Сидящий у столба Бульдог строго одернул его и по-хамски напомнил, что на дворе другое время, и теперь он «должен что-то дать за это».

А кого, если не нас с вами, напоминает Медведь времён перестройки. Желая идти «со всеми в ногу», он слепо взялся «перестраивать берлогу», чтобы в конце концов разрушить и потерять её.

Или не знакома нам борьба с разросшимся чиновничьим аппаратом? Время от времени власть объявляет народу о безжалостном его сокращении (как правило, на одну треть). А на поверку через некоторое время снова «возобладала гладь и тишь - в итоге сократили Мышь».

Или не знаем мы такого чиновника, который, как Пёс из басни, «делал всё не так, как надо, а так, как требовала власть».

Прав Виктор Коротаев: у Хлебова что ни басня, то «общезначимая социальная мысль, необходимая сегодня, острая, деловая. Точность наблюдений, продуманность сюжета, краткость в лучших вещах представляют Вячеслава Хлебова самостоятельным мыслящим и достаточно опытным автором».

В своих баснях он оставил нам много строк, которые в будущем вполне могут стать заповедями или заготовками для пословиц и поговорок.

*Тот ума имеет мало,
Кто кричит, что он умён...*

*Краток путь у дурака
От мозгов до языка...*

*Когда законы не в порядке,
Умы рождают мысль о взятке...*

*Боль незначительных укусов
Пугает слабаков и трусов...*

*Добыча часто достаётся
Не тем, кто за неё дерётся...*

*У слухов дивная природа:
Растут в любое время года...*

*Немало доблестных мужчин
Погрязло в дебрях дармовщин...*

*Ёрш видел благо в червячке,
А оказался на крючке...*

*Живется лучше там всегда,
Где власть законна и тверда...*

*Там у людей горька судьба,
Где Бога нет, а власть слаба...*

Да, баснописец - человек уникальный, обладающий редким талантом.

Я счастлив, что рядом со мной такой человек жил и творил. Жаль, что его уже рядом нет, но хорошо, что остались книги, в которых он сумел ярко и самобытно сказать свое слово о времени, о себе и о нас.

Конечно, его надо было беречь и всячески поддерживать и при жизни еще не скупиться на доброе и участливое слово. При жизни я сказать ему свое слово не успел, говорю его теперь и благодарю судьбу за редкие, но радостные и веселые встречи с красивым русским человеком...

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ: «ПОВЕРЬТЕ МНЕ, ЗДЕСЬ НЕТ НИ КАПЛИ ЛЖИ...»

Алексей Васильев появился на вологодской земле, как в своё время «неожиданно и жданно» появились на ней многие ныне известные российские поэты и писатели: Ольга Фокина, Виктор Астафьев, Юрий Леднев, Михаил Сопин, Геннадий Сазонов и другие. Правда, он приехал на Вологодчину уже к концу своей жизни, заявил себя на ней после того, как досыта поскитался по белому свету.

Он родился в Москве, был кадровым военным, а доживать отпущенные Богом дни почему-то приехал в Устюжну, где он, по его словам, «сформировался как личность». Понятно, что просто так не приехал бы - значит, судьба так «поставила».

*Как измученный странник,
К ручью прикипевший губами,
Оторвать не умеет иссушенных жаждою губ,
Так земле своих предков,
Припав к ней, как к старенькой маме,
Я однажды скажу, что уже без неё не могу...*

Мы с ним, слава Богу, успели еще пообщаться при жизни - и в Устюжне, и в Вологде. Хороший и весёлый он был человек, красивый, общительный и щедрый. Издалека он к нам приехал, ох, из какого ещё далёкого далека, многим из нас даже и неведомого:

*Из краев,
Где ветер пахнет хлебом,
С неизбывной жаждою творить,
Я явился под якутским небом
Русскими стихами говорить...*

Мир его души был бесконечным, как Вселенная. Он был и «ростом до звёзд, чтобы вровень быть с веком». Он и считал себя «сыном веков» и представлялся людям «фантазёром и практиком», который и «жил как придётся, и делал, что велят».

Он жил и хорошо чувствовал пространство мира, в котором «хлеб косил, штурмовал и мёрз».

А жил он как поэт в самой гуще мира, потому что он был не на обочине его, а в самом центре, если не сказать, что он и был центром грешного мира. От своего сердца он начинал и счёт верстам поэтической судьбы: «Три тыщи верст - китайская граница, две тыщи верст - великий океан».

Он «молодым вкусил бесконечных просторов», и потому журавли «постоянно трубили ему дорогу».

*Я на плотине,
Легкий синий ветер
Летит с верховьев
На заливках волн...*

Он был человеком «от земли» и понимал, что «за счастье нужно драться», даже если ты хочешь совсем «простого счастья». Он был русским человеком, и потому вопрос: «Что делать?» - не давал ему покоя ни на час. Он, как никто другой, понимал, что «наша вера стоит нашей жизни».

Он говорил о вере православной.

Он спрашивал у битого-перебитого жизнью пса: «Не надоело жить, скитаясь, в тревоге вечной и борьбе?» Спрашивал и сам же, вслушиваясь в молчание брата меньшего, угадывал в нём честный ответ: «Не надоело». Угадывал ответ и слышал знакомый вопрос, обращенный уже к нему: «А тебе?»

Не знаю, сколько раз Алексей Васильев задавал себе этот вечный для русского скитальца вопрос, но думаю, что часто. Уверен, что отвечал он на него так же, как и верный хозяину пёс: «Не надоело...»

Да и как может она надоесть, жизнь, когда каждый её божественный день в его земной жизни «космато ломился сквозь тайгу и начинал новую поэму».

У Алексея Васильева была одна неизлечимая болезнь «с названием жизнь». Как хорошо, заметьте, и точно сказано.

*Мы - добрые.
Мы искренне простые.
И может, в этом
Наша красота?..*

Потому он и принимал «жизнь такой, какой она дана» была ему Богом. А у него она была такой непредсказуемой, как и у всех нас, однажды имевших счастье родиться в непредсказуемой России. В этой жизни у него, по его же признанию, с самого начала всё вдруг

*...пошло, поехало, помчалось...
Дробил камень, просеки рубил,
Мёрз на снегу,
Но что бы ни случалось,
Я жизнь любил
И Родину любил...*

На извечный шекспировский вопрос: «Быть или не быть?» - он отвечал по-граждански категорично: «Быть!»

Он был сыном отца, победившего в революции 1917 года. И воспитанный им и вдохновленный революционной эпохой, Алексей Васильев даже в «разломную и смутную пору» писал:

*Мы прём,
Передовые всех времён...
С лопатю,
Кувалдою и ломом,
С обрывками
Корчагинских знамён...*

Это его мускулистый характер, неуживчивый и взрывной. Это его характер, которому «покоя нет, покуда в сердце сила». Это в его характере крикнуть во всю ивановскую: «Время, стой! Пересохло в горле». По характеру он мне напоминает неужённого Михаила Сопина. Это было их время. Это был «век ядра и стихов».

Алексей Васильев был из корчагинских рядов, закалённых сталью первых коммунистических субботников и стахановских пятилеток.

«Бритый и лохматый», он даже «на окраине России, в глуши, открытой семи ветрам», погружаясь в полярный день, был не только свидетелем, но и участником самых жестоких и неотвратимых событий, после которых долго в жизни всё приходило в себя и долго всё по местам «укладывалось».

Он чувствовал болевое время двадцатого столетия, и себя тоже он чувствовал в нём болезненно и тревожно.

*Сколько их на России моей
По Шексне, Енисею, по Лене
Позаброшенных Богом людей,
Позабывтых людьми деревенок...*

Он еще в школе, читая Чернышевского, «слышал этапный и гиблый, продутый и замороженный до дна кандалный звон».

Когда «три кита», державшие планету, «ушлыли», и Земля грузно «легла и на его плечи тоже», он без страховки стал погружаться в российскую бездну, «глубина которой раскрывалась» ему уже в нашу безумную эпоху.

Он видел сам, как его страна из «низины ползла на брюхе» на каменистые вершины мирового пространства, пропахшего тленом и деньгами, и как она утверждала перед «загнивающим Западом» свою русскую самобытность и неповторимость.

Он рано начал мыслить категориями российского масштаба.

*Якутия. По ней брести -
на сотню верст не сыщешь станций.
Она одна в себя вместит
Сто Бельгий
Или же шесть Франций...*

Да, он «как художник открывал» для себя и для мира «Якутск, в туманный мех одетую столицу». Он открывал для себя и смысл великой революции, без которой он мог и не вознестись на поэтический олимп.

Россия «была у него в груди». Она - это «всё, что клялось, лгало и отрекалось, всё, что позади и впереди». Такая она у него - Россия. Она и «царская невеста», она и «нищая, оборванная рвань».

Это потом, видя, что происходит в мире с его любимой Россией, он с горечью для себя и своего поколения осознал, что у него вчера была страна, в которой он по-своему был счастлив. У него была страна, которой уже никогда на Земле не будет. У него была страна, которую уже не знают его внуки и даже не понимают, как он в ней жил и существовал.

А им, внукам и правнукам, действительно уже не понять их деда, «старого, бородатого и доброго грешника», который в жизни был «автором многих чудес», и как он был счастлив от того, что ему в жизни было всегда «трудно», когда

*Скалой и солнцем всё во мне пропахло...
Забыл перо.
Осваиваю лом.
И за день
Солью ставшая рубаха
Стоит у койки
Высохшим колом...*

Он тоже был в великой стране «подопытным» из отряда «первопроходцев», но видел, как следом за ними шли еще и «первопроходимцы». И, похоже, в жизни нашей их осталось больше. Они по-прежнему на виду и открыто правят балом на просторах земли российской. Он много чего видел и много чего понял, прежде чем написать и вот эти проникновенные строки:

*Ужели же отсюда-то извне
Нам вышел знак,
Погибельный и странный, -
Гореть в самоубийственном огне,
Являя опыт временам и странам?..*

Ему жизнь на Руси «дала всё полной мерой». На просторах сибирских он понял, что всё в жизни «идёт по высокому плану и по божественной тайне». И каждый шаг его в жизни отмерен Богом, и каждый дождь, пролившийся над землей, Богом благословлен, и каждое слово, написанное им, Богом освящено.

Он понял, как важно, чтобы в жизни у него всегда были «надежда, солнце, мама». И чтобы обязательно - любимая женщина.

Он не мог оставаться равнодушным, когда в начале девяностых «выводили на расстрел - время».

Он, зная «в слове толк и в деле прок», истоптал по земле российской не одну пару сапог, прежде чем понял, что он уже никогда не сможет на земле «жить спокойнее других», потому что ему на ней «разрешают жить только тяжелее». А и можно ли было ему жить легко и спокойно, если он постоянно в себя, «как в рюкзак, грузил чью-то чужую боль»?

А мало ли её на Руси было и есть, неизбывной человеческой боли?!

Его друзьями были «небо, крутые дороги и люди России». Он знал, в каком «котловане» рождалась советская «двенадцатая фабрика». Его современники знают, о какой такой фабрике он говорил. Но знают только его современники, потому что это было и роковое время.

Алексей Васильев создал свой образ России, «жить в которой было здорово!» не только ему, но и всем нам, родившимся после войны. Для него Россия - это «небо синее, как косынка, и утро звонкое, словно сосны». Это «дым над трубой и сугробы у забора».

И тишина. И глаза любимой женщины, в которых «две весёлые звезды» и «две слезинки, словно два огромных солнца».

Потому и в морозной России ему всегда было тепло. И сам он в ней был похож на «большую птицу», которая никогда «не отряхивала с крыльев синеву» вселенского неба.

Он до конца дней своих был молод, потому что всегда видел, как у девчонок «под кофточкой трепещут, бьются голуби», когда их «голые руки взлетают над ситцами» в рассрочку купленных платьев...

*Когда рассвет глубокой синевой
Твои глаза для счастья прополощет,
Сирень нахлынет тучей грозовой,
А тополя захлопают в ладоши,
Я радостно и громко закричу:
«Плати мне тем, чем я тебе плачу...»*

У него с жизнью любовь всегда была взаимной.

Жаль, очень жаль, что он - «большое солнце маленькой Земли» - так рано осиротил нашу русскую землю, трагически богатую на звёздные поэтические судьбы.

Ведь и сам он писал, что «через годы русский народ стихи его вознесёт до неба» и «заставит нас вслушиваться в Вечность». Сам он с детства слышал «голос из галактик», когда «касался уха матери-земли». Его слово тоже «пахнет росой и сеном».

У поэта и душа была космическая, потому что она «живёт на белом свете не короткий век, а все века».

*И вдруг по ним,
По этой млечной карте,
Высоким светом
Озарив тайгу,
Промчался спутник,
Как торпедный катер,
Расплёскивая
Звёздную шугу...*

Я благодарен поэту за то, что он «не лгал», когда в краях, где «без конца и края тайга», «сочинял стихи кувалдой и песни ломом сочинял».

И за то я благодарен ему, что не без его, поэта, участия «на дедине и отчине его» и сегодня идёт на земле «бессонная работа трав, деревьев, солнца и цветов» и каждый год «осень колдует листьями».

А я вижу, как «с приполярной земли поднимается к звёздам самолёт...»

А я верю, что он обязательно донесёт его в недосыгаемые для земного грешника райские кущи, еще при жизни созданные им в своих стихах...

О поэтах он написал так:

*Они уходят от людей
и оставляют сердце людям...*

Он именно из этих поэтов, которые, уходя, «оставляют сердце людям...»

Я верю, что слово, ответственно сказанное поэтом Алексеем Васильевым от имени устюженской земли, время сохранит «в камне, в песнях и в строчке из газет...»

Пусть и моё слово о нём тоже будет камешком в основание его небесного памятника...

СЕРГЕЙ ЧУХИН: «Я ВОЗВРАЩАЮСЬ НА КРУГИ СВОЯ...»

1. «Под рубцовской звездой полевою...»

Он жил открыто, «с ощущением жизни на краю» и без страха, жил взахлёб, «настроив душу на добро», не оглядываясь по сторонам и не думая об опасностях, которые могли подстергать его и в центре жизни, и на её обочинах. Он спешил жить в полный рост и с радостью отдавался жизни во всех её проявлениях, понимая, что «вечности у него в запасе нет».

Общаясь с ним и читая его стихи, меня не покидало тревожное чувство, как будто не сегодня-завтра с ним должно было случиться что-то непоправимое. Такое же чувство я испытывал при встречах с поэтом Николаем Фокиным.

Сергей Чухин по-детски радовался жизни и каждому новому дню, но даже в солнечную погоду его незримо накрывала трагическая тень, но он не замечал её, продолжал жить нараспашку и каждым прожитым днем приближал час неизбежной роковой развязки. И она в «неприбранной его судьбе» наступила...

Сегодня 12 октября 2008 года. Уже двадцать три года, как его нет рядом с нами. Сколько он мог бы за это время написать!

Сергей Чухин погиб тогда, когда, по мнению Василия Оботурова, уже «намечался его естественный выход из-под влияния Николая Рубцова» и когда он постепенно, «преодолевая его», стал «возвращается к себе настоящему».

Пишу об этом, потому что дружба с Николаем Рубцовым была для Сергея Чухина не только божественным даром, но и большим испытанием. По душе и по мироощущению они были «родственны и близки» (оказалось, что и по судьбе похожи).

Попасть под влияние старшего товарища было легко и вполне естественно. Тогда-то он, может быть, и ощутил на себе и понял, как не только в жизни, но и в делах поэтических «непросто быть самим собой» и как мучительно трудно на пути к себе именно «искать себя, искать себя».

*Наша юность росла
Под рубцовской звездой полевою,
Что светила призывно
Для вечно блуждающих нас...*

Кто из нас в поисках своего голоса не попадал под влияние того или иного поэта, близкого по духу, и сколько нас, к сожалению, так и не сумели от него навсегда освободиться?

Сергей Чухин преодолеть его смог, хотя и ему, наверное, сделать это было непросто. Он со свойственной ему искренностью признавался, что работа над стихами - это только «порой сладкий труд», а чаще - пожизненная «каторга» в поисках того, «чего никто не знает».

Но, повторяю, он смог. Он сумел, как отметил Виктор Коротаев в предисловии к книге «Придорожные камни», «вовремя и благополучно обрести собственный голос». А смог он потому, что от природы имел «серьезный творческий потенциал, без которого вряд ли могла состояться самобытная поэтическая личность...».

Не это ли рубевское для себя состояние он и хотел передать вот в этих весьма символических строках:

*И не схожу я, как думают, с круга,
А возвращаюсь на круги своя...*

Позже, опираясь на свой собственный поэтический опыт, Сергей Чухин в обзорах стихов молодых авторов, которые он готовил для газеты «Вологодский комсомолец», писал: «Глубокая поэтическая мысль должна предшествовать воплощению её в образах. Когда она будет нова сама по себе, найдутся и новые образы, и даже старые поэтические метафоры приобретут первоначальный блеск. Такова одна из основных заповедей творческого процесса».

А еще он напутствовал начинающих литераторов такими словами:

*Но и при шуме ветра злого,
Когда и тяжело, и темно,
Пиши, мой друг, как будто слово
Тебе
Последнее
Дано...*

2. «Пускай со мной душа моя умрёт...»

В стихах самого Сергея Чухина я чувствую живую и нежную душу, на которую по-родственному - с радостью и грустью - откликаются души его современников, в том числе и моя душа.

«Поэзия Сергея Чухина, - отмечает критик Виктор Бараков, - это прежде всего прекрасные пейзажи, бытовые сценки. Его стихи отличаются строгостью композиционного построения, умелым использованием разговорного языка, тщательной отделкой строки. Голос его - чистый и свежий - поражает своей душевной открытостью, отзывчивостью, незащищенностью...»

Во всем согласен с Виктором Николаевичем, кроме одного: стихи Сергея Чухина не «только прекрасные пейзажи и бытовые сценки», они еще и проникновенная лирико-философская исповедь человека второй половины двадцатого века.

Для меня он поэт русской души - «открытой, отзывчивой, незащищенной». После шумного и бесполового дня его «бедная совесть сжималась в комочек», а душа требовала обманчивой тишины. В такие минуты он хотел остаться наедине с «чистой страницей», чтобы «поймать мгновение в сети строчек».

*Приду домой, присяду у дверей,
Возьму перо и книжку записную...*

Только наедине с собой и с листом бумаги он мог не спеша «вглядеться в жизнь», а он всегда «глядел ей в лицо открыто». Той «жизни, которой был болен». Той «живой жизни», что была «вольна, как заовинный ветер», и которую он бесконечно любил («Жить охота, и петь охота!»).

Он даже был благодарен ей за то, что она «не лила за воротник елею», заставляла «взрослеть на собственных ошибках» и извлекать из них уроки, помня о том, что «в мире все живут своей бедой». А ошибок он совершал много, досадных, глупых, чаще по неразумению. Он честно признавался, что «польжизни прожил, не умея жить». Может, к концу жизни он только и почувствовал, как «жизни тающая река открывает подводные камни». Пожалуй, так оно и было.

Его «душа старалась навек запечатлеть» всё - и в жизни, и в природе.

Он понимал, что «жизнь, не наполненная новью, для души опасна», особенно, если она замыкается «в склеповой тиши».

Он переживал за человека, продолжающего «покорять дикую природу» («как бы нам самим не одичать»). Он, посвятивший природе столько поэтических гимнов, с болью замечал:

*Застойные реки не льются,
Болотам и клюкве конец.
И ласточки что-то не вьются
У наших богатых крылец...*

Сергей ЧУХИН

Он помнит, когда «реки были рыбными, леса - грибными, птицы - певчими». Ему становилось страшно и за людей, и за себя, когда он видел «на месте быстрой речки - гниль и сырость, на месте пахоты - ольховый черный лес».

*Всё та река стоит перед глазами,
Как в страшной сказке, с мертвою водой...*

Он помнит, когда был «на побегушках у розовых волнушек». Поэт не мог забыть, как ему «вослед голубыми глазами младенца глядели незабудки». Ему становилось страшно за душу человеческую, когда от неё веяло на него холодом, когда он видел, что из общего колодца «каждый дом достает воду своим ведром». Уж сколько всего святого, чем дорожили наши предки, мы «слепо и устало ногами втоптали в грязь». А ведь только человек с чистой и доброй душой может быть «в ответе не только за будущий день, но и за прошлое тоже».

В жизни он следовал заветам Александра Яшина и «спешил делать добрые дела». К чему ненавязчиво и без морализаторства подвигал и своих читателей:

*Подумай о своей судьбе...
Не для анкет, а всё ж
Себе ответь,
Ответь себе,
Зачем и как живешь.
И знай, что не обманешь смерть -
Она тебя сильнее, -
Коль не сумеешь разглядеть
Цветок среди полей...*

Но с каждым годом он все острее и острее чувствовал, «что с реками вместе мелеют и души, и мысли» людей. Он приходит на погост и понимает, что опять же «не могилы зарастают, зарастает память и душа». С такой душой вряд ли мы, думая о жизни, сможем «её уготовить детям лучше, чем она была уготована нам». Ему и самому уже было «стыдно» перед природой за дела рук человеческих. Поэт сравнивает душу с рекой, которая, «зарастая камышом, обнажает донные камни», а по весне её «запущенное русло заливают поляя вода».

Видя всё это, он живет, «волнуясь и спеша», и чувствует, как его «постарелая душа» уже «не рада порой и солнышку».

*Может, в лесу испоганили
Светлый родник,
Или же в душах
Свои родники мы закрыли?..*

Вопрос, согласитесь, для нашего времени совсем не риторический. Это, если хотите, вопрос нашей жизни и смерти. Как, впрочем, и этот вопрос тоже:

*Кому они нужны, стихи,
Когда душа души боится?..*

Поэт уверен, душам нашим нужны и «полезны сквозняки, чтобы не заткали их (души - **В.К.**) сытого довольства пауки». Стихи, конечно же, тоже нужны. Они «живут глубинно, как грехи, живут извечно, словно совесть», но всё равно среди людей у поэта «тревожно на душе, как будто рядом рыщут волки». Жульё пыталось и его душу «взломать, подбирая к ней разные отмычки». Вопросов у поэта и к себе, и к современникам становилось всё больше. Вот еще один - болевой: «По мирным ли орбитам летит зеленая земля?» Земля, на которой «жил бы вечно, всему удивляясь» и к которой «привязан, как птица к небу и как пахарь к полю». Он так «её любит, что даже жутко». Только любящее и тревожное сердце могло надиктовать поэту эти пронзительные строки:

*И всему земному мирозданью,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»*

В своих стихах поэт пишет о том, что ему самому по душе и по мысли и что с детства кажется истинным и очевидным: «живя на белом свете, излучай добро и свет», и тогда будет «всё ладно, всё как надо, всё хорошо». Ведь «не хлебом единым жива и душа, и земля». Поэт уверен, что в делах и поступках тоже никто нас так пристрастно и строго не судит, как «мы сами судим о себе». Только в этом случае может «душа остаться чистой».

Когда у него залегала «на душе стужа и непогода», он «морозом выжатую душу оттаивал меж друзей» или уезжал в деревню, где «избы смолистые стены и живое тепло печки» ставили душу на место, и поэт снова оживал, начиная понимать,

что «на свете не все с непогодой прошло». Душа его снова взмывала «с новой силой и разрывала печальный круг».

И уж если «душа заходилась в крике», то он на время «откладывал перо». Успокоить душу могла только милосердная и животворящая природа. Только «птицам, солнечному лучу» поэт мог «доверить исцеление» своей души. Душа природы пока еще не помнила зла и откликнулась на «крик души» человеческой. Потому, «кочуя по родной земле», он, по его словам, «не зря в лесу и дневал, и ночевал».

Поэт «кланяется светлому снегу», потому что «снег - чистая душа небес». Он «благодарен» ему за то, что он «в январские морозы спасает собою поля, засеянные будущим хлебом». Кстати, «этим же снегом хранима от холода» и душа самого поэта. Для него и «снегирь на ветке - зимы румяная душа», и «жаворонок над равнинами» - душа полей.

Для него и «деревня - не лицо России, а душа».

3. «И жить с ноля часов...»

Для меня он был и поэтом тревожной ночи. Он и погиб около полуночи. Ночь была его любимым временем суток.

Дневная перевернута страница.

Мрак законный исчерна-лилов.

Давно все спят, и только мне не спится.

Мне дальше жить - и жить с ноля часов...

В это время и начиналась жизнь его уставшей за день души, «что тайно и трудно живет». Но не покоя она искала в тишине рабочего кабинета, нет, потому что «среди тишины и покоя как раз покоя-то и нет», как «не бывает покоя и на земле», на которой «дел не переделать».

«Душа поэта, которая всем видна», ждала своего часа, чтобы исповедоваться «перед черновиками среди недописанных строчек» и, «не зажигая огня», «переводить «все шорохи темноты на человечье косное наречье».

Душа поэта! Ей бы в скит,

Подальше от людских обид.

Но мне рассудок говорит:

Она б и там все тоже пела,

Она б и там за всех болела,

Как на небе за всех болит...

Нет, раньше ему «ночами спалось сладко». Ночные бденья у поэта начались «с ноля часов» после того, как он «через годы» узнал, что его мать в военное лихолетье «украдкой проплакала все ночи». С тех пор ему и «не спится». Ему так хотелось, чтобы теперь его бессонные ночи были ночами «сладкого сна» для его любимой матери: «Как-то, милая, спишься тебе?». Даже когда матери не спалось, он желал, чтобы только не снился ей «покойный отец» и не снились бы «беспутные дети». Он не спал сам и, когда ночь подходила к концу, сыновним сердцем чувствовал, что даже в «дождь полуночный, как колыбельный», всё равно «маме его не спится».

Его уже давно «не страшило безмолвие ночи». Ночью ему «работалось и легко, и споро» и всё радовало:

...живой огонь свечи,

И мягкое дыхание печи,

И даже то, что ночь пройдет нескоро...

Ночью, когда «вокруг рабочего стола смыкалась предательская мгла», он пытался заглянуть «в её ниши из тупиков и сутолоки дня». У него не было «полуночных страхов». Он не верил «предрассудкам и обманам» и в то, «что ночи суть угрюма и черна». Наоборот, для него «ночная тишина была целительна» и в ней было «так привольно его воображенью». Он любил слушать «бессонной ночи жалобный язык». Он хотел понять, «о чем в ночи бормочет старый сад». Он наблюдал за таинством перехода «в ночь длинного зимнего вечера». Он знал, что рано или поздно «короткая, как поцелуй, ночь с её рассветной мукой отступит от окон и растает, словно дым». И потому он сам, и всё, что было вокруг него, «спешило, пока не рассветло, пожить жизнью тайной».

По ночам, когда он не спал, то «начинал мечтать». Уж не знаю, о чем он мечтал, «имея до рассвета час в запасе», но, думаю, мечтал он о том, чтоб «хватило души согреть целый мир». А еще я думаю, он мечтал о том, чтоб «душа его - не вечная, спокойная, простая - умерла вместе с ним, но не раньше».

Он «любил ночной порой не зажигать огня», чтобы почувствовать, как «ветер незримо вдыхает свою душу в людей», вдыхает точно так, «как в дерева, как в

облака». Так же, «как облако в облако входит», так и людские «души сливаются». Ему не было одиноко среди пустынной ночи.

Он сидел у «распахнутого окна», и на «полночный огонёк его свечи» время от времени заглядывали «человек или мотылёк». Он «успевал ночами курить махорку, что злее полыни», но курил, потому что на «огонь сигаретки слетались вечерние мысли» и ночные.

С поздним гостем поэт ждал, пока «ночь не выпустит луну над гололедной стороною», чтобы свет её «окатил путь, уводящий от крыльца», а с мотыльком, прилетевшим на свет в распахнутом окошке, следил «воспаленными от бессонницы глазами», как над землей «понемногу светлеют чистые небеса».

Да, удивительный жил на земле нашей и рядом с нами человек и поэт! Самому себе он виделся примерно таким: «Какой я хмурый и большой, с какой доброю душой». Таким он в жизни и был - скромным, бесхитростным, с душой нараспашку. Он не терпел лжи и не прощал предательства. Он любил жизнь и писал о ней с искренней любовью и неподдельной тревогой.

И прав Василий Оботуров, когда в статье о творчестве Сергея Чухина написал, что поэт «жил в стихе разнообразием настроений, вызванных самыми обычными событиями и явлениями жизни, - какой-то исключительный повод, чтоб начались стихи, ему был не нужен. Женщины беседуют у колодца, костерок в лесу на поляне, муравей с былинкой тащится, или запутался в луговой отаве кузнечик с покалеченной ногой, мудрая старая книга, неожиданное письмо друга или нежное чувство к девушке, - всё вызывало искренний лирический отклик поэта».

Он писал так, как чувствовал, писал честно и совестливо. Так завещал писать и поэтам, идущим вослед:

*Работай, друг мой,
Душою чист,
Один проходи
Науку.
По правую руку -
Бумаги лист,
И сердце -
По левую руку...*

Сергей БАГРОВ

Писатели, друзья мой..

ВЫСШЕЕ СОСТОЯНИЕ

Слово о Сергее Чухине

Мир к Сергею Чухину был во многом несправедлив. Отпуская от всех щедрот своих самую малую долю, он его отталкивал от людей, которые жили благополучно. Но поэт ни на что на свете не обижался. В его характере переплелись безалаберность чудака, покладистость доброго семьянина и одержимая страстность творца, смело взявшегося сказать о многом несколькими словами. Сказать от имени тех, кого он любил. Любил же Сергей Валентинович многих. Сколько житейских историй я от него услышал, когда он рассказывал о своем крутонравом отце, о Николае Рубцове, о машинистах, с которыми каждую осень ездил куда-то под Коношу на болото за клюквой, о коммунисте Горынцеве, скульпторе Брагине и других многочисленных земляках, с кем

встречался поэт на улицах Вологды, в деревнях и райцентрах, в автобусах и вагонах. Каждый рассказ его был по-особому интересен. Десятки готовых портретов! Их бы Чухину записать. Однако до прозы Сергей Валентинович был не охоч. Хотя, разбирая его стихотворный архив, я встретил в нем несколько очерков и рассказов.

Поэт был участливым человеком. Если бы позволяли ему обстоятельства и набитый деньгами карман, то, наверное, помогал бы он каждому, кто страдает. Правда, помощь эта нет-нет да и подводила.

На «Заре», которая мчалась по Сухоне к Вологде, он однажды столкнулся с почти умирающим пассажиром. Было видно, что пил человек не день и не два, и что к жизни его вернуть могла только водка. Чухин, имея в портфеле бутылку, распечатал ее и налил в стакан. И понес стакан через весь пассажирский салон. После выпитой водки страдалец приободрился. Сергей же смешался, ибо «Заря» в этот миг причалила к пристани Тотьмы, и речники, взяв поэта за локти, не церемонясь, спустили его с теплохода.

Такие конфузы его огорчали и выбивали из колеи. Чувствовал он себя виноватым. Пытался исправиться. И исправлялся. Но ненадолго.

Опять повторялся подобный случай, когда предстояло кого-нибудь «выручать». Вроде хотел и хорошее сделать, а получалось наоборот. И виновата была здесь скорее не жалость, а бескорыстность. Бескорыстность была для поэта естественной частью его состояния. Она перешла к нему по наследству. Мать поэта, Нина Васильевна, женщина редкой душевной мягкости, никогда не ругала Сережу за шалости и причуды, благо знала - это не главное в нем. Главное - нежность. Неси ее, сын! И Сергей ее нес. Не кричал о ней, часто даже скрывал, чтоб над ним не смеялись. Нежность к матери и семье, к речке Ёме, к цветам и березам, к людям, особенно к тем, которые в нем разглядели не только безвредного чудака, рыболова, работника, но и поэта. Поэта, который в долгу перед всеми и, сознавая себя многоопытным мастером слова, долг этот он с радостью отдавал. Да и сейчас отдает, ибо стихи его стали собственностью народа.

Поэт - это Бог красоты, самое высшее состояние. Кто-кто, а Сергей Валентинович был в таком состоянии многократно. Но бывал он и в низком, когда предстояло думать о хлебе насущном. Под брови ложилась морщинка решимости человека, которому надо каким-нибудь образом выправить жизнь. Найти где-то денег. Купить для дочурки подарок. А Тоне, жене, непременно сказать, что его собираются напечатать. Однако такое он Тоне не говорил. Свои талантливые стихи он не умел устраивать ни в издательствах, ни в журналах. Разве только в газетах. И то далеко не в каждой и далеко не всегда. Потому и жил по пословице, как, впрочем, и все поэты в России: в одном кармане пусто, в другом - ничего. Однако от бедности хуже стихи не писал. Напротив. От книги к книге все мужественнее и четче звучал его поэтический голос. Пожалуй, самым священным и вещим образом был для поэта образ России. Россия для Чухина - это дорога. Дорогу эту видать и сейчас. Там, в божьих даях, искрится золотом света обломный край облака над закатом. Под облаком - сжатое поле, река с сенокосным сараем, налитые теменью ели и пышная, вся из усыпавших листьев, дорога, которой, мерцая очками, ступает в своей желтошлей, не знающей старости куртке Сергей Валентинович Чухин. Ступает, чтоб вновь навестить свою мать. Сколько раз приезжал он в свое Погорелово! Приезжал по весне и лету, но чаще - по осени. Чтобы убрать в огороде картошку. Наносить из лесу грибов. Сбегать с удочкой на пруды за ленивыми карасями. И еще посмотреть на гонимых ветрами северных птиц, как они пролетают стаями над деревней. Посмотреть - это значит почувствовать связь с миром тех, кто высок, благороден и смел.

Родился Сергей Валентинович в октябре 1945 года. Сорок лет понадобилось ему, чтоб явить себя миру. Нелепая смерть, как нарочно, выбрала тот подлый вечер, когда поэт возвращался домой из гостей, и последняя улица, на которую он ступил, пытаясь ее пересечь, несла на него резкий ветер и снег, и он не увидел мчащуюся машину...

ИДЕЯ НЕОБХОДИМОСТИ

Слово об Александре Романове

Сколько потребовалось поколений, чтобы однажды на белый свет явился тот, кто сконцентрировал в себе лучшие черты своей нации, представ перед миром величественным творцом? Никто не считал. Одно очевидно - что время рождения мастера надо отсчитывать не от года его рождения, а от многих дней рождения тех, кто шел к нему из трехсотлетней, пятисотлетней, а может, и тысячелетней давности, собирая на этом гигантском пути золотые перлы человеческого таланта. Для чего? Для того, чтобы их передать самому яркому представителю рода.

Рассуждая подобным образом о фамильной преемственности, я вижу, прежде всего, своих современников, которые еще при рождении имели подготовленный для будущей жизни дар. Поэтому и в жизнь пошли они, имея прародительский опыт, который не только не растеряли, но и умножили, обогатив его, и стали, в конце концов, теми, кого знаем мы как конкретных людей.

Таким конкретным для меня является Александр Александрович Романов. Кто он? Поэт, который всегда стоял и стоит рядом с Николаем Рубцовым как открыватель многочисленных человеческих настроений, как мыслитель, чей ум выходит за рамки государственного мышления, как духовный пастырь, пропускающий через душу свою страдания, радости, беды, страсти и ликования обычных людей. И еще он - живой человек, темпераментный, грешный, богобоязненный, кающийся, бесстрашный.

Романова всегда представляю в единой связи с Россией. Как всякий глубоко мыслящий человек, он брал в себя и оставлял в себе все несуразности, печали, безумства и трагедии родного Отечества. Всегда думал о том, какая сила способна спасти страну от ее внутреннего и внешнего разрушения. И сила эта, в понимании поэта, была в самой сущности русского человека, главные качества которого - работоспособность, доброжелательность, простодушие, терпеливость, жертвенность, жалость - и могут стать спасательными кругами среди волн бушующего содома.

Русское в русском. Без этого не было бы Александра Романова. Он немислим без любопытства к тому, чем это «русское» пустило свои естественные корни и даже переплелось ими настолько, что стало узнаваемым на расстоянии.

Однажды на одном из поэтических вечеров я высказался о Сереже Чухине, сказав, что Сережа очень безалаберен и очень талантлив. Никогда не умел зарабатывать деньги, потому что это чуждо его натуре. Зато близко - делиться с товарищем тем, что есть у него. Но так как у него обычно ничего не было, особенно денег, то и делился он своим основным богатством - душевностью. Душевность же истекала через щемящее слово. А слово - предтеча взволнованной лиры. Собираются осенью в стаи тревожные птицы. Собираются и слова, из которых складываются шедевры. А они, как раньше, так и теперь востребованы, потому что питают дух, насыщая его энергией, при которой душа молодеет, сердце бьется взволнованно и за спиной вырастают крылья. Смелые крылья.

Не думал Сережа о завтрашнем дне как о черном и безнадежном. Напротив, воспринимал будущее светло и ясно, потому что оно обещало жизнь, когда можно будет написать еще одно стихотворение. Когда можно сесть на поезд и уехать на речку Лежу, чтобы там посидеть с удочкой на лесном берегу. Когда можно сбегать в лес за грибами. Когда можно встретиться с другом и выговориться ему. И вообще когда можно дышать воздухом родины и осязать свою связь с землей и рекой, с солнцем, луной и небом.

Александр Александрович улыбнулся, вздохнул и сказал:

- Судьба Сережи Чухина - это судьба русского поэта, кто не умеет устраивать жизнь. Живет как придется. Такие ошеломительные стихи - и такая зависимость от всего. И все это от нашего русского неумения нравиться тем, кто отпускает благополучие...

Как ни досадно, но говорить в прошедшем времени приходится и об Александре Романове, удивительном оптимисте, неунывающем человеке, умевшем радоваться чужим успехам и нести в груди восхищение перед тем, что могла ему дать и давала родная земля.

Александр Романов в родном доме в деревне Петряево

Россия - это самое болевое для души поэта. Не случайно вся поэтика Александра Романова пронизана чувством причастности к ее судьбе, ее дороге в будущее, вере в то, что быть ей, в конце концов, как в лучшие исторические времена, державной и сильной. Зная не понаслышке, а по собственному опыту, опыту многочисленной родни и, прежде всего, своей матери о раскулачивании русской деревни, бесовстве руководителей, в чьих руках оказалась власть, понимая роль политических вождей Советского государства, и в первую очередь Владимира Ильича Ленина, как истинных врагов собственного народа, поэт надеялся, что русский народ однажды осознает себя созидательной нацией, которая способна обрести не только благополучие, но и уверенность в будущих днях.

Александр Романов оставил в отечественной культуре отчетливые следы своего пребывания. Оставил как поэт, как публицист, как очеркист, как, наконец, пропагандист красоты и духовности, с которыми люди должны жить везде и всегда. Поэт оставил для будущего читателя книги раздумий, рассказы о самых даровитых людях страны. Об Александре Яшине, Сергее Орлове, Федоре Абрамове, Николае Ключеве, Николае Рубцове (всех не перечислишь) он говорит так, словно эти мастера слова никогда и не умирали и не умрут, потому что их дело востребовано временем и теми, кто в нем живет.

А как тепло, задушевно и энергично рассказывает он о своих многочисленных встречах на дорогах страны с людьми, которые его восхитили и изумили тем, что в своих делах и поступках они проявили себя как самобытные, талантливые, неповторимые оригиналы!

Или родня поэта. И предшественники по роду, и брат его Павел, и жена Анастасия, и сыновья Сергей и Александр, и близкие по душе ему земляки, кого воспринимаешь тоже как кровных родственников поэта - читаешь про них и ощущаешь, как, окружив тебя, расположился огромный стан родного тебе русского населения, и впереди у всех, несмотря на утраты, печали и скорби, жизнь, захватывающая все твое существо очищающей верой в разум и справедливость.

Читать портреты, дневниковые записи, этюды и обнаженные мысли Александра Романова - все равно что окунуться в реку мудрости. Окунуться и выйти из нее осветленным и умудренным теми уроками, которые может тебе преподать только жизнь, подсмотренная провидческими глазами. Одно романовское выражение «Русь уходит в нас» наполняет глубокой мыслью о зоркости человека, разглядевшего все наши отеческие пенаты для того, чтобы это видение навсегда и для всех оставалось в сердце.

Могу представить Александра Романова не только в дружественных компани-

ях с Николаем Рубцовым, Валерием Дементьевым, Александром Яшиным, Юрием Арбатом, Сергеем Викуловым, Федором Абрамовым, Василием Беловым, Николаем Тряпкиным, но и в тиши комнаты писательского союза в Вологде, на улице Ленина, 15, где он долгие годы работал ответственным секретарем областной писательской организации. Телефонные звонки. Посетители. Рукописи. Семинары. Встречи с молодыми поэтами. Диспуты. Вызовы в обком партии. Поэтические вечера. И, конечно, собственные творения. И все это проходит через одно сердце, такое распахнутое, такое большое, как и сама жизнь.

Как-то за пару месяцев до смерти Александра Александровича я встретил его случайно на одной из улиц Вологды и спросил:

- Как здоровье-то, Саша?

На мой банальный вопрос ответил он добродушно и просто:

- Для моего возраста вполне сносно. Главное - я хочу и могу работать. А тебе, - лицо Романова так и высветилось открытой улыбкой, - спасибо!

- Да за что? - удивился я.

- За то, что несколькими словами сумел сказать о сути нашего ненормального времени. - И он прочел:

«- Где сегодня честные?

- Неизвестно.

- Где сегодня смелые?

- В коммерсантах.

- Ну, а эти, светлые?

- Светлые в народе светятся печалью...»

Это была последняя встреча с Александром Романовым. Вспоминая ее, я думал и думаю: обыкновенный, кажется, человек. Ничем внешне не отличим от других. А вот ведь: весь в исканиях живого русского слова. Всю жизнь в исканиях. И нашедший целую галерею бесценных россыпей русской речи, через которую постигаешь не только смысл нашего бытия, но и саму идею необходимости жизни, на которой держалась и держится Русь.

ПОДАРОК

Слово о Юрии Ледневе

Откуда черпал свою энергию добродушный, улыбающийся в усы, не умеющий обижаться и обижать Юрий Макарович Леднев? Полагаю, что поведением его руководило засевавшее где-то в глубинах его организма расторопное, ко всему имевшее интерес, неутолимое любопытство. Не случайно среди сотрудников ТАСС он был самым добычливым. Умел добывать информацию из всех сфер хозяйственной, политической и культурной жизни страны. В более позднем возрасте, когда главным делом жизни его стала литература, очень хотелось ему постичь пределы своих возможностей в области художественных откровений. Где и в чем он крупнее проявит себя? Отсюда и многие опыты. То мы читаем Юрия Макаровича как публициста и очеркиста, то как лирика, то как сказочника и фантаста.

Юрий Макарович любил аудиторию, проявляя себя перед ней одновременно поэтом, артистом и публицистом. С поэтическими выступлениями он изъездил всю Вологодскую область. На поэтических вечерах выделялся не только тем, что мастерски читал свои стихотворения, но и рассказывал к случаю о том, что хотела бы от него услышать аудитория. При этом Юрий Макарович перевоплощался в того, о ком вел рассказ. А рассказывал он в первую очередь о своих друзьях и товарищах, о вологодских прозаиках и поэтах. Ему внимали и потому, что у него был хорошо поставленный баритоновый голос. И потому, что был за спиной богатейший житейский опыт, тысячи встреч с людьми незаурядными, будь то писатель с мировым именем, популярный композитор, милиционер-сысковик и тот бесстрашный его знакомец, в жизни которого было нечто такое, о чем вслух обычно не говорят. Он всегда умел угадывать общее настроение и, поддавшись ему, уводить людей в ту атмосферу, к которой они только-только еще прикоснулись, а он уже в ней побывал и вот ее с большим удовольствием раскрывает.

Писать стихи Юрий Макарович начал будучи учащимся Макарьевского педагогического училища. Первыми его читателями стали жители его родного города Макарьево-на-Унже. После службы в армии он стал учиться в Литинституте. Здесь на его стихи обратил внимание писатель-вологжанин Валерий Дементьев. Он, можно

сказать, и благословил Юрия Леднева на большую поэтическую дорогу. Поверил в Юрия Леднева и широко известный в стране поэт Сергей Городецкий, рекомендовав дипломную работу выпускника Литинститута для коллективного сборника. Опубликованные в сборнике стихи стали вскоре первой самостоятельной книжкой поэта.

Юрий Леднев - поэт широкомасштабный. Во многих его стихотворениях звучит тема ответственности человека, обитающего на земле. Достоин ли быть ты сыном родного Отечества?

Россия!

*Ты прощала тех,
кто в трудный час с тобой расстался,
кто возвращался,
кто метался,*

*и тех, кто за морем остался,
не отыскав возвратных вех.*

Россия!

Человек любой

Перед тобой снять должен шляпу.

Навеки прощены тобой

Алехин, Бунин и Шаяпшин.

Но можно ли простить тому,

*кто, спекулируя талантом,
всю жизнь провел в родном дому,*

а был душою эмигрантом?

Даже лирика может ставить вопросы, направляя их прямо к сердцу читающего стихи. Поэт на них может и не ответить, но тех, кто читает его, вдохновит на мужественный ответ сквозь раздумья о совести, Родине и запомнившемся попусту.

По натуре своей был Юрий Леднев романтиком. Купленный им в деревне Мартыновской двухэтажный красивый дом стал для него орлиным гнездом, откуда он мог, как высокая птица, лететь туда, куда позовет, волнуясь, душа.

Знаю не понаслышке: многие из поэтов, живущие летами в понравившихся им деревнях, далеко не всегда умеют засесть за творческий стол. Мешает природа с ее деревьями, огородом, травой, птицами, дождиками, ветрами. А вот Ледневу она не мешала. Он писал. И стихи. И прозу. Принимал и гостей. И с Иваном Дмитриевичем Полуяновым, классиком русской литературы, жившим тоже в Мартыновской, часто общался, постоянно играя с ним если не в шахматы, то в карточки. Природа Леднева возбуждала.

Живя у себя в деревне, в часе ходьбы от Мартыновской, я иногда навещал знакомый мне пятистенки. Просто так навещал. Или с тем, чтоб сходить вместе с Ледневым за морошкой, благо ягодный лес с болотом был от дома его в каких-нибудь пяти километрах.

Чаще всего хозяйва были не в доме, а в огороде. Огород небольшой, но красиво ухоженный, с морем цветов, урожайными овощами. Надежду Сергеевну Ледневу заставлял все время где-нибудь в борозде, воюющей с сорняками. И Юрий Макарович был где-то около, но в тени, с блокнотом и авторучкой и с белой кепкой на голове.

- На ком держится огород? - спрашиваю обоих.

Надежда Сергеевна машет на мужа ладошкой:

- У Юры сегодня лирическая разминка!

- А у Нади, - Леднев спускает с усов на бороду медленную улыбку, - автоматическая прополка!..

Так, подтрунивая, любя друг друга, каждый зная свое привычное дело, и жили они летами в расположенной на холме красивой русской деревне.

Деревенские мужики были к Ледневу благосклонны в то же время знали предел, за какой заходить даже поэту не позволяли. Юрий Макарович свои чувства, какие охватывали его в минуты подъема души и духа, не прятал, считая, что лучше их проявлять не словами, а делом. Недалеко от Мартыновской, там, где плескался листвою березник, он однажды и сделал супруге подарок. Обнаружил поляну. И на эту поляну стал носить тяжелые камни, складывая из них два дорогих ему слова. Камни были не близко и не везде. Поэтому он носил их за несколько сотен метров. Трудился ни много ни мало четыре дня. В конце концов состоялась укладка из метровой величины каменных букв: «Надина поляна».

Такая подпись кое-кого из местных жителей возмутила. Поэт, мол, захапал

Юрий ЛЕДНЕВ

себе поляну. Да как он так мог? Еще и кличку ей дал! Поляна должна оставаться поляной! Ничья была, так ничьей и будь! Камни были разбросаны.

Юрий Макарович, хоть и расстроился, но не сдался. Снова вывел каменные слова: «Надина поляна».

Раза четыре перекладывал Юрий Макарович камни. Мужики, наконец, смекнули, что Леднев из тех, кто не бросит свою затею. Махнули рукой и не стали больше тревожить надпись. Так и остались два этих слова среди поляны. И сейчас они там. Два слова, в которых верность мужчины к женщине выложена камнями.

Верность к жене, нежные чувства к детям и внукам - все это было с Ледневым постоянно.

Старшая внучка Катя однажды на уроке пения в школе, когда разучивали песню про хоровод и елочку, вдруг встала с места и на весь класс:

- А эту песню написал мой дедушка!

Учительница не поверила. Сказала девочке очень строго:

- Катя, ты вруша! Эту песню поют на весь Советский Союз! Поют по радио! На концертах! Даже возле Кремлевской елки поют! Не может такого быть, что написал ее твой дед!

Катя пришла домой со слезами. Пожаловалась дедушке на то, что учительница обозвала ее врушей.

Юрий Макарович успокоил внучку, вздохнув:

- Я, кажется, Катя, не бюрократ. Но если иначе нельзя? Что ж. Позову на помощь перо и бумагу.

Сел за стол и написал справку на имя учительницы пения в Катину школу, сообщив в ней о том, что он, Юрий Макарович Леднев, действительно является автором новогодней песни. Если учительница сомневается в этом, то пусть позвонит в Союз советских композиторов.

Катя унесла эту справку в школу. Передала учительнице. Та, прочитав ее, удивилась настолько сильно, что попросила у Кати дневник и тут же красными чернилами вывела в нем по пению красивую и жирную отметку «5».

Юрий Макарович многого не успел написать. И сохранить не успел. Целый сборник подготовленных к изданию новых стихотворений, а вместе с ним богатейшую библиотеку, переписку с друзьями, имущество, мебель, весь двухэтажный дом однажды в осеннюю пору опрыло огнем. Сидел бы Юрий Макарович дома, пожара, наверно бы, не случилось. Но он истопил в доме печь, закрыл ее и ушел через дом к соседу сыграть с ним в шахматы и картишки. От печки ли загорелся дом? От короткого ли замыкания? Сейчас не узнать. Да и зачем узнавать?

Юрий Макарович виду не подавал, что он в горьком трансе. Держался. Приехав с пожара в Вологду, по-прежнему посещал городские школы, куда его приглашали. Пригласили однажды и в школу № 15. Читал свои замечательные стихи. О Вологде. О Петре Великом. О звонаре. О надежном и верном ему человеке, зовут которого Надя.

Читал. И вдруг перестал читать. Почувствовал сердце. Оно от него отлетало, как птица, оставив его среди онемевшего зала. Он думал, что это секундная слабость. Секунда пройдет. И оно к нему возвратится.

Не возвратилось. Юрий Макарович умер стоя.

ЖИЛ КОГДА-ТО ПАРЕНЬ НА РУСИ

Слово о Коле Дружининском

И в жизни, и в поэзии Коля Дружининский постоянно пересекался с двумя мирами. Земная обитель была для него квартирой, в которой готовятся к пребыванию в многовечном. Многовечное для поэта - та же самая жизнь со всеми земными думами и страстями, только она помечена тайной незнания, которую хочется разгадать.

Чувство потери близкого человека проходит сквозь многие строки его стихов. Поэт скорбит, что нет у него больше бабушки, не успевшей доткать послед-

ний свой половик. Нет и Апполинарии Федоровны, его мамы, отчего в стенах дома стало не по-земному холодно и безмолвно.

Уходят из жизни люди. Уход их отзывается в сердце поэта глубоким переживанием. «А морозные окна светят мне из далёкого мира». В том «далеком» не только те, кого Дружининский знал, но и те, с кем ему свидеться не пришлось, потому что жили они еще до того, как родиться поэту. «Жил когда-то парень на Руси великой - воин и работник, мой веселый дед».

Говоря о деду, говорит Дружининский и о себе. Писатели-вологоджане помнят Колю как человека артельного, быстрого на подъем, готового собраться в путь-дорогу без подготовки, чтоб переехать из Вологды в Череповец, Грязовец, Тотьму - куда угодно, где он сегодня нужен и где его ждут. А ждали его и школьники, и студенты, и служащие контор, и рабочие леспромхозов, и жители деревень. И все они воспринимали его выступления не столько умом, сколько сердцем. Держался Коля перед народом просто и скромно, застенчивая улыбка обнимала его лицо. И брал не силой голоса своего, а щемящей душевностью, смыслом, скрывающимся в стихах, верой в жизнь, которая побеждает. Слушали его по-домашнему, словно и не поэт возвышался на сцене, а кто-то свой в доску, привычный, кого можно даже взять и похлопать дружески по плечу.

Иногда выступал он с гармошкой или баяном. Пел песни на собственные стихи. Пел и народные. И на стихи Есенина, Кванина, Чухина и Рубцова. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оставлял о себе поэт, когда поэтический вечер переходил из зала на вольный воздух. Здесь, в кругу молодежи, на берегу ли реки, на деревенской ли улице, на лесной ли поляне, он был воистину первым весельчаком, душой острословов и вольнолюбцев.

Однажды, навекая Тотьму, от племянника своего Игоря Баранова я услышал: - У нас тут Коля Дружининский был. С баяном. Нас было много. Мы все его полюбили. Такая распахнутость! Такая русская неудержность! Наверно, таких людей нам больше уже и не встретить...

И у Коли осталась память о Тотье. Не случайно сказал он о ней, как может сказать сын своей родины своему народу:

*Город Тотьма. Тополя, угоры
Да церквушки крестик вдалеке.
Я приеду, может, очень скоро...
На «Заре» по Сухоне-реке.
Разбредутся тучи на рассвете
И растают на исходе дня.
Здесь меня по-доброму приветят.
Встретят здесь по-доброму меня.
Мы уедем с песнями, с баяном
К речке Еденьге, на бережок,
Где над бором в мареве туманном
Ястреб что-то молча стережет.
Он кружит пообочь, не над нами.
Он молчит, он что-то бережет...
И под звуки вальса «Над волнами»
Сядем мы в траву, на бережок.
И пойдут старинные рассказы
Про поездки тотемских купцов.
А потом мы все замолкнем разом,
Не найдя каких-то верных слов.
Может быть, единственного слова,
Чтоб душа вдруг вслыхнула - чиста!
Тотьма - это молодость Рубцова,
Больше, чем понятие «места»...
Мы опять поднимемся с баяном,
Всколыхнем ромашковый лужок.
Может, ястреб в мареве туманном
Что-то счастье молча стережет?..*

Коля Дружининский... Коренаст и порывист. Постоянно готов к чему-нибудь и куда-нибудь. Помочь, выручить, стать для кого-то опорой - это наследственное, это в крови. Для всех доступен. В общении прост. Ничего в нем та-

Николай ДРУЖИНИНСКИЙ

кого, что бы могло его ярко выделить из других. Но наступает особенный день. Незаметное вдруг проявляется очень заметно. К людям приходит Поэт!

Вологодская земля, как никакая другая, богата на мастеров вдохновенного слова. Один из них - Коля Дружининский. Надо бы называть его Николаем. Но язык противится этому. Коля - помягче, чем Николай, помоложе и потеплее.

До того как стать лириком, Коля прошел богатейшую школу жизни. Деревенское детство, где он пасет колхозных коров, и рыбу на удочку ловит, и бедокурит с такими же, как и он, шнырливыми удалцами. Учеба в школе и институте. Служба в Морфлоте. Работа учителем, строителем, юрисконсульт, корреспондентом... Много было дорог. Много и встреч. Много недобрых и добрых сюрпризов. Много препятствий.

Одно из препятствий связано было с выходом первой книжки. Выйдет в печать она? Или не выйдет? Я был свидетелем, как заведующий Вологодским отделением Северо-Западного книжного издательства, потрясая рукописью стихотворений молодого, еще никому не известного Коли Дружининского, говорил с нескрываемым пренебрежением:

- И этот поэтишко хочет, чтобы из этогохлама мы ему сделали книжку?

Казалось бы, свой, знакомый-перезнакомый, еще далеко не старый издатель - и вдруг закрывает дорогу таланту? Как это мелко и как ничтожно! Однако не только циники управляют литературой. Разглядели особинку поэтического дарования Коли и наши истинные поэты - и Александр Романов, и Ольга Фокина, и Сережа Чухин, и Боря Чулков, и Олег Кванин, и Леня Беляев, и Юрий Леднев. Коля Дружининский, как и должно было стать, оказался в круговороте событий русской литературы.

Материально жил Коля трудно. Все же семья. Чтоб заработать на жизнь, необходимо было устраиваться на службу. К счастью, при писательской организации стало функционировать Бюро пропаганды художественной литературы. Дружининский стал востребован всюду, где проходили литературные вечера, встречи с читателями, поэтические диспуты и концерты.

Стихи Дружининского привлекали к себе своей самобытностью. Николай никому из известных поэтов не подражал. Лексику для своего письма он брал из стихии народных речений. Ему доподлинно был известен говор крестьян деревни Неклюдово, где он родился, где прошло его детство и куда он все время ездил, когда повзрослел. Да и другие места Вологодчины были ему близки как свои своему, прежде всего потому, что Коля любил не столько сам о себе рассказывать, сколько слушать других. Было ему из чего выбирать золотые россыпи слов, складывая их в поэтическую копилку. Отсюда, от русского диалекта, и родилось его авторское письмо, где было самое главное - интонация, ритмика, живописание и берущее за душу настроение.

Образы у поэта конкретны. В них нет общих мест, примелькавшихся слов и строчек. Потому что они из самой природы, не той, какую мы знаем по Пушкину, Есенину и Рубцову. А той, которую разглядел своими глазами Дружининский Коля.

Над синей поляной висят провода.

Идут провода во все города.

Но в тех городах нет выгороды,

Но в тех городах нет перегороды.

Написано для детей. Но читается всеми. Здесь не только образы города и деревни, но и великое чувство любви ко всему, откуда ты вышел на белый свет. Славит поэт безвестную маленькую поляну. А вместе с ней славит и всю Россию, у которой есть будущее, потому что она опирается на таких как Дружининский и его простодушный, веселый, высоко нравственный пастушок.

Дружининского воспринимаю только живым. Листаю его небольшие книжки. Их мало, но все они драгоценны. Читаю, как пью живительное лекарство. И возношусь вместе с ним в то божественное пространство, где сейчас обитает поэт, постигая душой загадки нашего мироздания.

Собственный гроб для поэта был невозможен. Он думал, что его поэтическая дорога будет долга, что он на ней никогда не споткнется. Споткнулся, как спотыкается тот, кто берется за рюмку, в которой сидит не вино, а смерть. Не пей эту рюмку, поэт! Только бы крикнуть ему. Но не крикнул никто.

Уверен: как брата бы встретил Дружининского Рубцов. Пожал бы руку ему и сказал:

- Сыграй-ко, Коля, что-нибудь русское на баяне! И спой ту самую песню, которая понравится всем!..

Продолжение темы в следующих номерах.

ДЕТИ ВОЙНЫ - ДЕТИ ДВОРОВ

Те, кого сейчас называют «дети войны», чаще всего вспоминают нелегкое, полное нужды детство, хлебные карточки и длинные очереди у магазина с раннего утра, потери не вернувшихся с войны близких. Всё это было, и поэтому гораздо реже вспоминаются детские радости, какие тоже были у всех, чьё детство пришлось на военные годы.

В первую очередь это относится к нашим играм. Девочки в те годы играли в обычные девчоночьи игры - «дочки-матери», «магазин», «классики», война добавила игру в «санитарки». Я же вспоминаю мальчишечьи дворовые игры тех лет.

Мои осознанные воспоминания о детстве начинаются с приезда в город в самом начале войны. Война застала меня в деревне Мольбище, где я жил с бабушкой в доме её сестры. На то время мне исполнилось четыре года. Начавшаяся война для меня, как и для других детей того же возраста, мало что изменила: была корова - значит, было и молоко, цвели луга и летали над рекой стрекозы, хотя уже забирали на войну мужчин.

За мной пришли родители и увезли в город, за двенадцать километров от деревни. Потом мы этот путь не раз преодолевали с бабушкой, шли неспешно, с несколькими остановками, и дорога не казалась слишком длинной.

Наша городская квартира в двухэтажном доме на углу улиц Ворошилова (ныне Галкинская) и Железнодорожной (Ветошкина) оказалась полутёмной, с окнами, которые во всех направлениях пересекали нарезанные из газет узкие полоски. Как потом объяснили взрослые, это для того, чтобы во время бомбёжки стёкла не вылетели. Со стороны комнаты, как только зажигали свет, опускались шторы из плотной зелёной бумаги, и если свет был виден с улицы, то при-

ходил милиционер и строго указывал на это.

Налёты немецкой авиации начались позже. Были они нечастыми, происходили ночью, о них извещал вой сирены. Все одевались, одевали и нас, ребятишек, закутывая в куртки, женские шерстяные платки, и выходили во двор, рассаживались на крыльце нашего и соседнего дома. Бабушка всегда брала с собой еду - хлеб, мочёную бруснику, ещё что-то, и нам было весело: по небу гулял свет прожекторов, иногда бухали зенитки, а на следующий день мальчишки постарше иногда находили осколки от снарядов, и мы завидовали тем, кто их находил. И хотя в соседнем дворе были вырыты землянки, но их никто не занимал, кроме нас, мальчишек, когда мы играли в войну. Наш город, видимо, был хорошо защищен от налетов авиации, и ни одна вражеская бомба на него не упала. Позже, когда нам дали гряды под картошку вблизи города у реки Содемы, мы видели в отдалении зенитки, их охраняли красноармейцы и близко к ним не подпускали.

Из событий раннего военного детства еще запомнились танки, проходившие с грохотом по нашей улице. Они шли к вокзалу, где их погружали на открытые платформы и отправляли на фронт. Другим большим событием военного времени стала демонстрация сбитого немецкого самолета, который был выставлен на площади. Посмотреть на самолет с черными

крестами на боках шли со всего города.

Война резко изменила жизнь и взрослых, и детей. Отец находился без выходных на работе (он работал на паровозоремонтном заводе и как железнодорожник имел бронь от призыва на фронт), мать была занята поисками съестного, а мы с утра до вечера были предоставлены во власть двора. Здесь, в играх и дворовых забавах, и проходила наша жизнь. Подвижные игры в то военное время заменяли многое из того, что так привычно современным детям, включая посещение детского сада и спортивных секций. Те, кто ещё не ходил в школу, могли играть с утра до вечера, а школьники - лишь в свободное от школы время, впрочем, не слишком большим грехом считалось и прогулять уроки.

Любимой в наших дворах и едва ли не единственной в начале настоящей войны была игра «в войну». Позже, в конце войны и первые послевоенные годы, стали играть и в другие игры: казаки-разбойники, городки, лапту. Лапта с мячом в нашем дворе, правда, не прижилась, и мяч заменил более привычный «чижик» - специально обструганный кусочек дерева, который подбрасывали и ударяли по нему палкой-битой. Но чаще всего играли в «догонялки», когда одни убегают, другие догоняют и берут в плен до тех пор, пока кто-то не выручит пленённых, дотронувшись до кого-то из них, и тогда все снова разбегаются. Убегать было куда, благо между домами оставались большие пустыри, особенно после того как убирали урожай с гряд, а автостоянок не существовало. Раздолье для ребятшек, не то что сейчас! Зачастую играли до темна, пока родители не загоняли домой, иногда с ремнем.

Еще гоняли наперегонки колёса, которыми могли быть и обручи от кадки. Их находили в сараях среди мусора. Чтобы катить колесо, необходима «каталка» из толстой проволоки длиной с метр. Один её конец загибается так, чтобы удобно было держать его в руке. Другой конец проволоки

выгибается в виде повернутой в сторону буквы «П». Особым шиком считалось прокатить колесо по лежащей доске, пересекая мелкие препятствия, когда оно, подпрыгивая, звенит. Когда одновременно гоняли несколько колёс, звон стоял такой, что вызывал негодование взрослых.

Куда спокойнее были игры «в ножички», но в них играли только те, у кого были перочинные ножи. Одна из таких игр называлась «занять город». Эта игра, видимо, была связана с тем, что наши города в начале войны захватывались немцами один за другим, а позже освобождались. Перочинным ножиком обозначался круг, который в зависимости от числа играющих (обычно двое-трое) делился на равные доли - «города». Нужно было стоя, взяв ножик за носок, бросить его так, чтобы тот воткнулся в землю чужого «города». По этой линии ножом проводилась черта и таким образом захватывалась часть города противника. Так продолжалось до тех пор, пока у противника не оставалось места даже для одной ступни в своем «городе». Но можно было свой город отвоевать и даже захватить город противника, если тот ошибался.

Еще одна игра «в ножички» заключалась в том, чтобы раскрытый нож, острием поставленный последовательно на колено, локоть, плечо, голову, воткнуть в землю. Если это удавалось, то же самое повторялось при полуоткрытом ноже. В случае ошибки ход переходил к противнику. Побеждал тот, кто раньше заканчивал игру.

Чаще всего под осень, после того как убирали на пустырях урожай с грядок, запускали «змейки». Змея клеили из бумаги, каркас изготовлялся из шпона от фанеры, из ниток делалась узда, за которую и привязывалась нитка с клубка или катушки. Хвост обычно изготовляли из мочала. После того как змей был готов, его испытывали, а затем, в ветреную погоду, запускали, иногда на всю катушку - так, что в небе его едва было видно. Иногда змей при резком порыве ветра мог круто изменить направле-

ние и зацепиться за дерево или электрические провода, и снять его не всегда было возможно.

Те, кто постарше, играли и на деньги. Одну из таких игр - «в пристенок» - описал Валентин Распутин в рассказе «Уроки французского». Первый играющий ударяет монетой о стенку, второй играющий вслед за ним старается ударить так, чтобы его монета легла как можно ближе к первой монете. Если удастся дотянуться вытянутыми большим и средним пальцами до обеих монет, то монета противника считается выигранной.

Подростки играли «в битую». Битой служили сохранившиеся в некоторых семьях большие медные монеты царского времени, но чаще отлитые из свинца. Играли сразу несколько человек. Каждый ставил на кон орлом вниз ту монету (или монеты), на которые шла игра, так что, в зависимости от числа играющих и суммы, кон мог быть выше или ниже. Битую бросали с расстояния в несколько шагов, стараясь попасть в кон. И если тот рассыпался, надо было крикнуть: «Сара бита состав!» («сарой» называли деньги). Перевернувшаяся монета забиралась, остальные монеты ставились обратно на кон, и по краю верхней монеты играющие по очереди ударяли битой. Перевернувшиеся монеты забирались, и так последовательно можно было забрать весь кон. Но это удавалось немногим. Были крупные специалисты, которые, прогуливая уроки, зарабатывали деньги игрой, обыгрывая тех, кто помладше, и менее умелых. Мне же впервые пришлось играть «в битую» лет в десять в детском парке, куда наш класс учительница привела для празднования «дня птиц». У меня была какая-то мелочь, которую сэкономил от завтрака и проиграл.

Позже, уже в школьные годы, двор захватила, в подражание более взрослым, игра в городки. Чертили город, в нём ставили фигуры из напиленных деревянных чушечек - городков, побывавших отходов заготовки дров, и разбивали их битами с расстояния пять-десять шагов. Были стоячие фигуры

(«пушка», «бабушка в окошке»), лежащие («змейка» и «серп») и другие, всего вроде бы десять фигур. Одна беда - биты иногда попадали по ногам проходившим по узкому двору взрослым, что, мягко говоря, им не очень нравилось. Увлечение игрой в городки закончилось после того, как наш сосед из «флигеля», которому невзначай битой попало по ноге, топором порубил наши городки. Разумеется, когда появился первый кирзовый мяч, то играли и в футбол, играли азартно, двор на двор, и здесь тоже были свои умельцы.

Характер игр, даже таких как «в войну», изменился в конце войны и в первые послевоенные годы. К тому времени стали возвращаться с войны те, кто был комиссован после госпиталей. За железной дорогой появилась большая свалка металлолома, куда привозили многое, ставшее ненужным на полях сражений, в том числе и такое желанное для нас, мальчишек, - искореженные, но настоящие танки, всякое оружие, наши и немецкие каски. Со свалки нас гоняли, иногда кидая вслед убегающим разные железки, но пока прогоняли с одной стороны, с другой успевали что-то прихватить. В войну теперь играли, напялив на голову каску и держа в руках автомат, а кое-кто и пулемёт. Немецкие каски были с кожаными подшлемниками, и если кто-то ударял по ней, то было не так больно. Нашей с братом гордостью стал крупнокалиберный пулемёт без приклада. Он хранился в сарае, и поскольку был большой и тяжёлый, то таскать его было нелегко.

Случалось, находили гранаты, запалы к ним, патроны. Прикрепив запал к дереву или столбу, дергали за верёвку, привязанную к кольцу, и пугали тем самым по вечерам прохожих. Или же бросали боеприпасы в костёр. Но это были забавы более старших подростков. Игры эти иногда заканчивались травмами, а кое у кого и оторванными пальцами.

Это были летние игры. С началом зимы становились на коньки, прикручивая их к валенкам веревками с по-

мощью палочки. Верёвки приходилось периодически менять, найти хорошую верёвку не всегда представлялось возможным. И тогда срезалась бельевая верёвка во дворе, что, конечно, вызывало негодование хозяев. На коньках нередко ездили даже в школу, на время уроков пряча их в сумку или в парту. Иногда на последнем уроке не терпелось прикрутить коньки, и однажды я попал в неловкое положение: коньки уже были прикручены к валенкам, а за пять минут до звонка учительница вызвала к доске. Краснея, встаю, топаю в коньках между партами... Класс хохочет, учительница забирает сумку и посылает за матерью. Получив от матери своё, больше уже никогда не надевал коньков до окончания уроков.

Те, кто были постарше, а затем и мы, младшие школьники, подражая им, цеплялись за борт проходящего грузовика (обычно - «полуторки»), и тот иногда вёз один-два квартала. У старших ребят были специальные крючки из проволоки, наподобие кочergi, которыми и цеплялись за борт; за зацепившегося первого хватался второй, третий... Таким образом грузовик вёз наш «состав», пока не выскакивал из кабины расерженный шофёр и не разгонял ненужный балласт. Бывало, что отцеплялся первый в «составе». Такое сейчас даже представить сложно, слишком много стало машин, да и улицы чистят от снега. Тогда же приходилось выжидать, пока редкая машина проедет по улице. Ездили и без коньков, на валенках, но тогда рисковали остаться без столь необходимой зимой обуви.

Строили сообща снежные горки и крепости, сделав большую кучу из снега, «брали высоту», хватая за одежду и стараясь стащить вниз или вытолкнуть с горы тех, кто был наверху. Построенные горки и крепости иногда ломали противники из соседних дворов, и в отместку на следующий вечер мы разрушали соседские горки и крепости.

Все наши игры в основном прохо-

дили во дворах, здесь были свои неписанные законы. «Свои» во дворе дрались редко, разве что братья, а драки между «дворовскими» начались тогда, когда появились чужаки, прибывшие из захваченных немцами областей и городов. Но даже при этом соблюдалось правило биться один на один: «двое дерутся, третий не приставай». «Своими» у нас были два соседних двора, а дальше уже были «чужие». Случалось, проходя по «чужим» дворам, можно было и получить как следует, поэтому их старались избегать. Вообще-то драки между дворами и даже улицами не были в редкость. Особенно знамениты были драки между двумя весьма отдаленными улицами - Завокзальной и Товарной (об этих сражениях улиц я узнал от их участников значительно позже, спустя несколько лет после войны). И на той, и на другой жили в основном железнодорожники, но одни из паровозного депо, другие - с паровозоремонтного завода. Вражда существовала между подростками, а мальшей вовлекали в них скорее так, для потехи. Младшие также собирали и орудия для битв - камни.

Во дворах прошло всё наше детство, здесь играли, дружили. Городские дворы учили многому - быть стойкими, не ныть, не жаловаться, уметь ценить дружбу, память о которой осталась на многие годы и десятилетия. И сейчас могу вспомнить едва ли не всех своих товарищей детства, поэтому, спустя много-много лет, в год моего семидесятилетия, сами собой сложились в строчки слова, которые были где-то внутри.

*Друзья босоногого детства,
Полуголодной поры,
Не славословию - действую
Нас научали дворы,
Жить, никому не завидуя,
Соизмеряя желания,
Не думая о провидении
И не прося подаяния.*

Мы теперь с грустью и благодарностью вспоминаем наше дворовое детство. А ведь могло обернуться и по-

иному, будь нам в годы войны и в первые послевоенные годы не по пятьдесят лет, а хотя бы четырнадцать-шестнадцать, как тем, кто нами верховодил. Безнадзорность, голод, дворовая стайность для некоторых из них обернулась тюрьмой, чаще всего за воровство. Тем более удивительно, что из тех же дворовых мальчишек, в том числе и моих товарищей, вышли крупные ученые, дипломаты, инженеры, врачи и учителя.

Война кончилась майским ранним утром, когда мы еще спали. Разбуди-

ли радостные крики с улицы, взрослые, обнимаясь, поздравляли друг друга, многие женщины плакали, одни от счастья, что войне конец, другие, кто потерял на войне близких, от горя по невозвратной потере. Мне в этом месяце исполнилось восемь лет, и осенью предстояло идти в школу.

**Герман Алексеевич
ВОРОБЬЕВ,
профессор кафедры географии
Вологодского государственного
педагогического университета**

Мемориал в центре Вологды напоминает современникам о всех павших в годы Великой Отечественной войны. Примерно здесь был установлен немецкий самолёт, сбитый под Вологдой советскими лётчиками, и все ребята бежали смотреть на него

ОТ УКРАИНЫ ДО РУССКОГО СЕВЕРА

Творческий мир художника Николая Мишусты

Николай Иванович Мишуста - известный мастер цветной графики, заслуженный художник Российской Федерации, председатель Вологодского отделения Союза художников России. Родился Николай Мишуста 13 мая 1953 года в живописном украинском селе Николаевка Петропавловского района Днепропетровской области.

Его родители были далеки от изобразительного искусства: мама, Вера Денисовна, - домохозяйка (у Николая есть еще два брата и сестра), отец, Иван Афанасьевич, участник Великой Отечественной войны, работал бригадиром садоводческого звена. Художник до сих пор хранит в душе счастье и восторг, которые испытывал мальчиком, проводя весенние и летние дни в окружении цветущих плодовых садов, радость от участия в сборе урожая созревших фруктов. Вот тогда, верит он, и проснулось в его юной душе особое чувство, которое рождало трепет от соприкосновения с прекрасным миром природы. Мама, к сожалению, рано ушедшая из жизни, первой поняла сына. Она уверяла всех, что ее Коля непременно станет художником, и настаивала, чтобы сын обязательно получил профессиональное образование.

Николай МИШУСТА в своей мастерской. 2008 год.

ЕВАНГЕЛИСТ. 2008. Картон, масло, монотипия

После окончания средней школы в 1970 году Николай поступил в Одесское художественное училище имени М.Б. Грекова. Учился он легко и радостно, потому что верил в свою судьбу и знал, чего хочет от жизни. Здесь, в Одессе, он встретил свою будущую жену Людмилу, уроженку далекой и тогда абсолютно неизвестной ему Вологды. В 1976 году, получив диплом живописца, Николай попытался найти работу в Одессе, но без протекции молодому художнику это было сделать сложно, вот тогда и встал вопрос о переезде на родину жены, в Вологду.

В северный город Николай Мишуста приехал в 1978 году. За год до этого он стал студентом заочного отделения Украинского полиграфического института имени Ивана Федорова во Львове. Ехал с волнением, но, оказавшись на земле Русского Севера, как вспоминает сам художник, вдруг почувствовал себя комфортно и

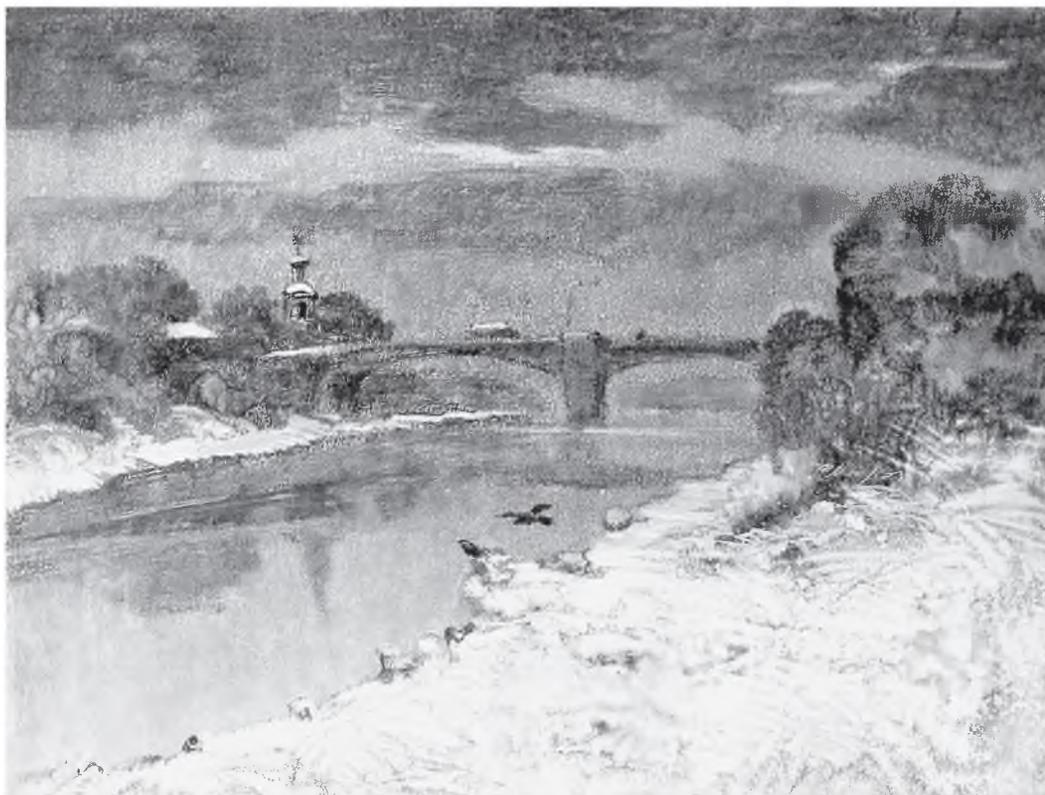
уверенно. И всплыли в памяти рассказы отца о том, что дед его, Афанасий Андреевич, полный Георгиевский кавалер, участник русско-японской и Первой мировой войн, еще в молодости приехал на Украину из России. И дед, и отец художника были Мишустинскими, а Николай (как его братья и сестры) по воле чиновников почему-то стал носить фамилию Мишуста.

В первые годы Николай трудился художником-оформителем. Сначала это был Вологодский вагоноремонтный завод, где в его художественно-производственной мастерской появился настоящий офортный станок, гордость и неременный атрибут всякого профессионального гравера. Свою трудовую биографию он продолжил в издательском отделе областной типографии, где более 10 лет занимался оформлением печатной продукции. Одновременно с этим окончил институт и получил диплом профессионального художника-полиграфиста.

Первым, кто встретил Николая в стенах Вологодской организации Союза художников в январе 1978 года, был Владимир Николаевич Корбаков. После дружеской беседы с ним и товарищеской поддержки Николай Мишуста уже в первый год пребывания в Вологде стал экспонентом област-

У ДЕРЕВНИ АРГУНОВО. 2005. Картон, масло, монотипия

ПЕРВЫЙ СНЕГ В ВОЛОГДЕ. 2004. Картон, масло, монотипия

ной художественной выставки, и с этого времени он - активный участник всех мероприятий в жизни творческой организации вологодских художников.

Первые десять лет в Вологде у Николая Мишусты проходят в доскональном изучении, освоении и смелых экспериментах в технике гравюры на металле. Мы привыкли связывать вологодскую графику исключительно с гравюрой на дереве, наивысшие достижения которой проявились в 1960-1970-е годы в творчестве Генриетты и Николая Бурмагиных, Владислава Сергеева, Анатолия Наговицына. Следует отметить, что в 1980-е годы вологодские графики начинают увлеченно работать и в офорте. Стоит вспомнить очень удачные опыты в этой технике ксилографа Валентина Едемского, в технике офорта успешно работает приехавший в Вологду из Днепропетровска чуть раньше Мишусты Владимир Егоров, глубокой печатью занимаются вологодские рисовальщики

Евгений Шевченко и Николай Журавлев, эта техника традиционно была на первом месте у графиков Череповца и Великого Устюга Анатолия Наговицына, Юрия Карцева и Евгения Мартышева, Евстафия Шильниковского и Евгения Шатохина.

Николай Мишуста как человек целеустремленный и привыкший доводить начатое дело до конца, исследует все технические разновидности черно-белого и цветного офорта, воплощая свои находки в станковую гравюру, экслибрис, книжную иллюстрацию. Он вырабатывает новый собственный способ печати, назвав его меццография. Если в классической технике меццо-тинто доминируют два глубоких цвета - черный и белый, то Николаю экспериментальным путем удалось получить более широкий спектр полутонов - от серого до серебристо-пепельного. График стремился добиться в оттиске цветовой звучности и одновременно мягкости тоновых переходов, богатой и красивой

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ. УКРОЩЕНИЕ БУРИ. 2005. Картон, масло, монотипия

поверхностной фактуры эстампа. Как оказалось, всеми этими качествами сполна обладает техника монотипии, которую закономерно открывает для себя Николай Мишустин в начале 1990-х годов. Она сразу покорила его своими возможностями, в ней он ра-

ботает до сегодняшнего дня, совершенствуя и обновляя ее.

Монотипия в отличие от других видов гравюры не может быть тиражирована. В процессе работы художник получает единственный, эксклюзивный оттиск. И потому, фактичес-

ки относясь к печатной технике, монотипия вобрала в себя достоинства оригинальной графики, а кроме того, и живописи. Уникальный метод создания многослойной монотипии, выработанный вологодским автором, сродни методологии живописцев классической школы, создававших свои произведения поэтапно, от эскиза через подмалёвок к лессировкам. Отсюда та глубина живописного тона, то внутреннее свечение, что поражает нас в работах Николая Мишусты.

Здесь, в Вологде, в путешествиях по Русскому Северу, в постижении его культурного наследия определились и тематические пристрастия Николая Мишусты. Он с энтузиазмом ездит по Вологодской области, чаще в пленэрных творческих группах, а порою и один, открывая для себя легендарную красоту Великого Устюга, Кириллова, Феропонтова, да и окрестности самой Вологды. На первом этапе в эмоциональных, эффектных по колориту работах он создает некий обобщенный символический образ северной природы, словно рассматривает окружающий его мир сквозь призму времени. И мы вместе с автором как бы мысленно путешествуем вглубь вековой истории. Капризно изогнутый мостик над водой, деревья с тяжелыми кронами, обрамляющие пруд, невольно отсылают нас к мотивам усадебной парковой культуры XVIII столетия. А дремлющий на берегу дуб, лодка с рыбаками на глади воды и утренний туман, поднимающийся над озером, заставляют вспомнить молчаливые видовые пейзажи художников начала XIX века.

Постепенно к Мишусте приходит понимание особой красоты северного пейзажа, суть которой в его глубокой духовности. Наверное, потому в работах, посвященных вологодской земле, неким символом чистоты появляется изображение белого храма, то едва видимого на горизонте, то неожиданно открывающегося, словно выходящего навстречу путнику из глуши вологодских лесов.

Как натура творческая, передавая свои ощущения от природы, Николай не ограничивается лишь языком

изобразительного искусства. Неизменно взволнованные чувства вызывает у Николая Мишусты вологодская поэзия. Художнику близок светлый поэтический мир Николая Рубцова, особое отношение у него к личности и творчеству Александра Яшина. Чтобы глубже понять природу их поэтического вдохновения, художник не единожды побывал в родных местах Рубцова и Яшина. Неудивительно, что тема вологодской поэзии нашла свое органичное воплощение в пейзажных работах Николая Мишусты. Его произведения - не иллюстрации к стихам в прямом смысле этого слова, хотя многие из них создавались как эмоциональный отклик на то или иное поэтическое произведение. Мне думается, что в своих пейзажах художник попытался взглянуть на родину наших поэтов так, как они сами в недавнем прошлом смотрели на нее.

Особенно наглядно этот принцип прочитывается в пейзажном цикле, посвященном творчеству Яшина. Кажется, будто это не просто изображение конкретных видов, а воспоминания, всплывающие в памяти самого художника - а может быть, поэта, чей неясный силуэт читается на фоне отдельных пейзажных мотивов. Легкость и артистичность живописного языка пейзажных монотипий Николая Мишусты сродни творческим приемам импрессионистов, в работах которых главным решающим фактором в построении композиции и формы являлся цвет, создававший воздушное пространство, формировавший предметы, и, конечно, шедшей от натуральных впечатлений. В планах художника продолжить работу над этой серией и показать ее в 2013 году на областной выставке, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Яшина.

Художник мечтает, чтобы 2013 год на Вологодчине был объявлен годом Александра Яшина. Хочется верить, что эта мечта будет воплощена в жизнь.

Тот же цветовой, эмоциональный принцип передачи природы использует Мишуста и в натюрморте - жанре,

ВЕЧЕР НА БОРОДАЕВСКОМ ОЗЕРЕ. 2008. Картон, масло, монотипия.

который он искренне любит и в рамках которого много и плодотворно экспериментирует. Чаще всего в работах этого жанра художник обращается к простым мотивам садовых и полевых цветов, фруктов и ягод. И, кажется, что в подобные моменты творчества Мишуста вспоминает те чудесные сады Николаевки, что окружали его в детские годы.

Одновременно с этим Николай Мишуста постепенно расширяет жанровый диапазон своего творчества, разрабатывает литературную и историко-бытовую тематику, его интересуют религиозные и мифологические сюжеты. Заметим, что в последние десятилетия историко-религиозная тема нашла свое глубокое отражение в творчестве многих вологодских художников. Интересную образную трактовку этой проблемы мы видим

в станковой живописи Михаила Копьева, Виктора Седова и Владимира Егорова. Николай Мишуста и здесь идет своим путем. Так, решая сюжетно-композиционные задачи своих библейских и евангельских серий, художник внутренне ориентируется на образцы классического европейского искусства XVII столетия, стремясь создать такое же образное эмоциональное напряжение в современном произведении, которое до сих пор поражает нас в работах великих классиков. Его монотипии, такие как «Поцелуй Иуды», «Тайная вечеря», отличаются продуманностью и серьезностью «картинного» подхода к решению каждой отдельно взятой темы.

Но как бы глубоко художник ни заглядывал в историю, в его работах всё равно присутствует ощущение сегодняшнего дня. Изображая собы-

тия, описанные в Евангелии, он находит в их сюжетах своеобразную перекличку с духовными исканиями нашего современного общества.

Историко-мифологическая тема - сегодня одна из ведущих в творчестве Николая Мишусты. Без сомнения, много интересных образных находок и стилистических новшеств обретает он для себя в этой области.

Мы видим это в работах, где Мишуста использует элементы декоративной стилистики искусства Ближнего Востока. В живописной трактовке отдельных библейских сцен или исторических композиций, таких как «Пир Ирода» и «Царская колесница», мы находим образы-типы, заставляющие вспомнить искусство полихромных майолик и мозаик дворцов древнего Вавилона. Столь же многообещающа в творчестве Мишусты стилистическая интерпретация любимых им сюжетов эпохи Раннего Возрождения: «Благовещение», «Поклонение волхвов» или «Подвиг Святого Георгия».

Вглядываясь в работы Николая Мишусты, чувствуешь, с каким увлечением художник разрабатывает фантазийные композиции, насыщенные историческими бытовыми деталями, будь то изображение дам-соперниц в пышных кринолинах XVIII столетия или обобщенные женские портретные типажи в нарядных костюмах и шляпах с перьями и цветами XIX века, романтические конные прогулки влюбленных или свидания в садах. Погружение в культурное наследие разных эпох позволило Николаю Мишусте

по-новому взглянуть на арсенал используемых им средств и раздвинуть их привычные рамки. Как правило, художнику, постоянно находящемуся в творческом поиске и развитии, сопутствуют и вдохновение, и радость новых открытий.

Сегодня Николай Мишуста находится в расцвете творческих сил. Его энергия и работоспособность позволяют успешно справляться с задачами не только творческого, но и общественно-организационного характера, которых хватает председателю Вологодской организации Союза художников России. Но, приходя к себе в мастерскую, к печатному станку, мольберту, краскам, кистям и карандашам он с головой погружается в таинство творчества.

Любовь СОСНИНА, искусствовед

ХРИСТОС И САМАРИТЯНКА. 2006. Картон, масло, монотипия

СЛОВО О ВОЛОГДЕ И ВОЛОГЖАНАХ

Новая книга Вадима Дементьева называется «Вологда и вологжане». Что-то напоминает, правда? Однако это совсем не парафраз названия знаменитой книги Гиляровского, это, скорее, спор с «королем репортёров». Гиляровский, считает Вадим Дементьев, воспел «её (Москвы) дно, человеческие пороки, миазмы», он «собрал всю грязь, всех омерзительных по своей наружности типов». Книга Вадима Дементьева - о другом. Различие не только в темах, но и - главное - в подходе: Гиляровский писал о тяжком прошлом, чтобы показать превосходство новой жизни, не та задача у Дементьева: «...Запомнившиеся бытовые картины, природные пейзажи, старые кварталы, городские персонажи моей Вологды совсем другие. Мне их нет нужды противопоставлять иным временам».

Не стоит думать, что «Вологда и вологжане» - книга, обращенная в прошлое, что автор только и вздыхает о прекрасном минувшем, с ужасом глядя на нынешние изменения... Вадим Дементьев вспоминает, конечно, о прошлом - но не ради упоения воспоминаниями, а ради нашего будущего. Автор не только перебирает разноцветные камушки детских воспоминаний, он вместе с читателями размышляет о разных сторонах вологодской жизни, прошлой и сегодняшней. Делает это то с тёплой иронией, то с лёгкой слезинкой - но всегда и во всем с любовью. Книга рассказывает о Вологде театральной и торговой, литературной и чиновничьей, музейной, трудовой, даже разгульной... Город, конечно, - это прежде всего горожане, в книге много портретов и зарисовок; автор представляет читателям не только знаменитых писателей и художников, не только исторических деятелей, но и тех, кто строит Вологду сегодняшнюю.

Очень ценно, что автор «Вологды и вологжан» не считает свой взгляд на родной город единственно верным; его любовь к Вологде не ревнива, он признателен всем, кто сказал добрые и точные слова о Вологодчине, и признательностью этой спешит поделиться с читателями. Свидетельство тому - перечень лучших изданий о нашем крае, которым Вадим Валерьевич снабдил свою книгу, и сделал это с гордостью. «Писать о Вологде - одно удовольствие: мыслям и чувствам просторно, а душе без неё тесно», - признается Дементьев. А раз написано с удовольствием - то и читается с восторгом, захлёб. Вот еще одна цитата: «Вологда не моногород, она - многий город, где всего понемногу, всё домашнему обжито, человечески обихожено и где каждый может найти себе интересное».

Можно цитировать еще и еще, но - хватит, читателя рецензиями не кормят. Приглашаем в Вологду хлебосольную!

Андрей САЛЬНИКОВ

ВАДИМ ДЕМЕНТЬЕВ

ХЛЕБОСОЛЬНЫЙ ГРАД

(главы из книги «Вологда и вологжане»)

Иду с бабушкой в гости. Бабушка время от времени напоминает:

- Веди себя там прилично.

Мне от этих наказов скучно. Пытаюсь проскакать на одной ноге по доске на мостках. Доска отрывается с другого конца, и я чуть не падаю.

- Вот видишь, - бабушка хватается меня за руку, - так и ногу сломаешь. Сиди у тети Саши тихо. А не то она скажет, что ты невоспитанный.

Я воспитанный, точно об этом знаю.

Вот и двухэтажный деревянный дом тети Саши. Ее квартира наверху, мы взбираемся по деревянной лестнице, где уже пахнет пирогами.

Тетя Саша, сухонькая старушка, тискает меня такими же твердыми, будто из одних костей, ладонями:

- Вырос-то как! Давно не видела, какой стал большой.

В квартире тети Саши меня всегда удивляет пол. Он посередине стоит ребром. Фундамент с краев осел, бревенчатый дом скособочился на стороны, и связь его держит только пятая внутренняя стена да еще печка.

Тетя Саша с тарелками пирогов взбирается на «вершину», и быстро сбегает вниз к накрытому столу.

Я смеюсь, за что получаю тычок от бабушки.

- Садитесь, садитесь, родные, удобнее, - призывает тетя Саша, и мы с бабушкой устраиваемся рядом на венских стульях.

Только сели, как начинается привычное угощение.

Тетя Маруся, к которой мы тоже часто ходим в гости, та - поспокойнее. Может, и потому, что вокруг неё большая семья. А тетя Саша живет одна, вся ее хлебосольная энергия в эти минуты просыпается.

Но и мы с бабушкой не промах, сдаваться сразу не собираемся.

- Что ты, Саша, да мы сытые, - бабушка косится в мою сторону.

- Как я вас ждала, соскучилась! - будто не слыша, хлопчет наша родственница. - Если всё не попробуете, то обижусь, не отпущу.

Я молча оглядываю круглый стол под белой скатертью.

Он весь в пирогах, некоторые кусочки даже свешиваются, готовые от тяжести упасть на пол, но почему-то не падают. Посредине - большой рыбный пирог. Он еще не разрезан на части, чтобы горячее нутро не выстудилось. А может, и потому, что для хозяйки он - особая гордость. Им нужно для начала полюбоваться. Какой пышный! Как коричнево блестит от коровьего масла его крышка, мелко зачипанная по краям! Она не гладкая, а в буграх, под которыми прячутся кусочки рыбы и кости, особо лакомые, их можно вкусно обсасывать.

- Рыбный-то пирог с палтусом, Шура, - поясняет тетя Саша. - Выкинули у нас в магазине палтус, я и успела сбегать купить.

Мы зачарованно молчим.

- Резать? - выждав паузу, сама залюбовавшись пирогом, тетя Саша втыкает нож в мягкую середину, проломив тонкую корочку.

Бабушка пробует возразить, но напрасно. Она знает: рыбный пирог в гостях нужно обязательно попробовать.

Я же тупо смотрю прямо перед собой. За моей пустой тарелкой высится горка плюшек. Моих любимых, с вареньем. Так прихотливо завиты из теста их верхушки, такие они аппетитные, с темнеющими внутри красновато-малиновой и чернильно-смоудиновой начинками. Некоторые плюшки пустили сок еще в печке, и сбоку прилипли обгоревшие ягодки.

Кто из вологодских детей не любит плюшки?! С начинкой, а иногда и просто посыпанные сахарным песком?.. Когда раскрываешь их хрусткие плети, постепенно обламывая и набивая ими рот, то в середине открываешь

маленький клад - или сладкое варенье, или сытное нутро мягкого теста. С чаем и с молоком можно умять не одну плюшку.

Рука сама тянется вперед, но я тут же ее отдергиваю, получив легкий пинок бабушки под столом.

Тетя Саша уже отгружает в наши тарелки ломти разрезанного рыбного пирога. Мне попался край, куда всегда собираются нежные косточки, которые торчат из куска, а сама корка пропитана рыбным духом.

Что я не голодный, вмиг забываю. Есть захотелось так, что потекли слюнки. Ну-ка, посиди за столом, от которого исходят такие запахи!.. И препирательства из-за угощения, видимо, служат тому, чтобы еще сильнее нагулять аппетит, накалить его до точки кипения.

А тетя Саша не перестает угощать:

- И лепешка, мои дорогие, удалась. Только чуть пригорели рогульки, не знаю и почему. Видно, тесто перетончила, вовремя не достала.

Сама она к пирогам не притрагивается, только налила из самовара себе чаю в чашку, отхлебывает по глоточку.

Тетя Саша, Александра Анатольевна, сестра моего прадеда Анатолия Дмитриевича Кирьянова из деревни Хрипелево, что недалеко от Кубенского, живет одна. С 1935 года в Вологде с двумя сыновьями. Муж ее... исчез. Был он хорошим учителем, известным в городе. Его даже на фронт не взяли, оставили в школе, чтобы учил детей. Но пил, и много, пока совсем не спился. Из дома постоянно уходил, где-то скитался. За прогулы с работы его отчислили. Запил еще сильнее... Мучился совестью, а сделать с собой ничего не мог. Заявился как-то в году сорок третьем, совсем дикий, к знакомым, горько и страшно покаялся, попросил налить стопку, выпил и ушел навсегда. Куда? Никто с тех пор его не видел. Может, в лес ушел, а может, и утопился.

Тетя Саша, седая и худая от переживаний, встретила с фронта героя-сына, выучила его в пединституте, проводила на работу в Москву. И всей

исстрадавшейся заботой и лаской окружила нас, своих родственников.

Болтая под столом ногами, которые не доставали до кривого пола, улетающая рыбный пирог, я, понятное дело, всего этого не знал. Мне нравился и разговор бабушки с тетей Сашей, радовали сгущающиеся сумерки, и то, что лампу в абажуре над столом забыли зажечь. Волновала и незнакомая квартира, где, наверно, было столько секретов и неизвестных мне вещей.

...Нет уже давно того горбатого деревянного дома, давно закончила свой земной путь тетя Саша, умерла и моя бабушка.

Только пироги помню, угощение и доброту вологодской женщины, ее радость, что гости пришли, что она не одинока на этом свете.

ГОСТЕВОЙ ЭТИКЕТ

О вологодском гостеприимстве мало написано. Я имею в виду - о городском. Больше о деревенском. Читайте здесь «Лад» Василия Ивановича Белова, к примеру, главу «О чем звенит самовар».

Городское гощенье же имело отличия, свои привычки, традиции. Скажем, гости всегда уходили от хозяев с гостинцами. Те завертывали на дорогу самые вкусные, оставшиеся куски пирогов, конфеты, иногда и банку с вареньем.

Гостили семьями с детьми порой целый день. Приходили с утра, сидели до вечера. Не обязательно за столом. Пили почти по-семейному общий чай, затем накрывали стол к обеду и т.д.

Мой отец рассказывал, что, прожив уже достаточное время в Москве, подзабыв вологодские привычки, он как-то приехал в Вологду и зашел к Викулову. У него гостили Фроловы (семья Леонида Анатольевича Фролова, тогдашнего главного редактора «Вологодского комсомольца»). «Сидим на кухне с Сергеем, выпиваем, закусьваем, обсуждаем новости, - с улыбкой рассказывал отец. - Проходит час,

другой... А на табуретке тут же сидит молча Леня Фролов, не пьёт и мало ест, а слушает. Слушает час, другой... В комнатах разговаривают женщины, играют дети. К вечеру я не выдержал и тихо спросил Викулова: «А Леня-то чего тут делает?» - «Как чего?! - удивился Сергей. - Гостит!»

Такое гощенье являлось вологодской городской традицией. Именно неспешное, обстоятельное гощенье. Телефонов у большинства жителей и родственников не было, дачами еще не обзавелись, а сколько новостей за тот срок, пока не виделись, накапливалось, как их хотелось обсудить с близкими людьми! Добродушному настроению соответствовала взаимная радость встречи, ну, и конечно, застолье, хотя иной раз обходились и без него.

Атмосфера этих встреч была чистая и домашняя, без лицемерия и ханжества. Нравы были строгими и целомудренными. После войны люди словно заново учились жить и старались проявить все свои лучшие качества.

В вологодском городском застолье всегда соблюдались свои неписанные правила, свой этикет. Садись обычно семейными парами, если приходили с детьми, то дети также приглашались за общий стол рядом с матерью. Мужчины надевали выходные костюмы и редко снимали пиджаки, женщины не щеголяли какими-то экстравагантными нарядами, их и в помине ни у кого не было, а одевались скромно, но со вкусом: в праздничные платья с подкладными на вате плечиками, иногда с кружевными воротничками или с накинутыми на плечи тонкими пуховыми платками. В прихожей боты (тогда их носили) снимали, передевались в туфли. Мужчины так же поступали с галошами.

Никакого тамады-распорядителя, записного балагура-остряка, не требовалось. Верховодили сами хозяева, обычно глава семьи, а хозяйка в это время усиленно потчевала, как уж могла. Иной раз и чрезмерно, как моя тетя Саша. В этом случае отпор гостей лишь усиливался. Никто не

хотел показаться голодным, жадным до еды, это считалось неприличным. Не хватало, торопясь, горячие пироги, не наваливали в тарелки студня, не наливали всклень рюмки вином (водка в Вологде называлась «белым вином», а портвейн и кагор - женским «красным» вином).

Вели себя скромно, голос не повышали, постоянно хвалили хозяев (и было за что!), закусывали аккуратно. Но и не жеманничали. Скажем, пили столько, сколько хотелось. А хотелось тогда чаще немного. Мой дедушка имел любимую стопочку с великоустюжской чернью, внутри и не видно - сколько в ней. Но не для «маскировки» он ею пользовался, просто одной такой стопочки ему хватало на всё застолье. Также не пополнялся до конца обеда и его стеклянный графинчик с водкой, настоящей на апельсиновых корках. Даже дядя Саша Иванов, наш родственник, любивший приложиться, особо не злоупотреблял. Выпьет, крикнет, плотно закусит. Только нос его к концу застолья краснел, как первая июньская клубника.

А вот дядя Костя Молотов выпивал по-другому. Опрокинет стопку и занюхивает смачно хлебом, его житным духом. Позднее мы с его младшим сыном, моим племянником Борисом, который учился в московской Строгановке на художника, пытались поступать, как дядя Костя. Не получалось. Видно, хлеб был уже не тот, а может, тетя Маруся Молотова сама его пекла в русской печке.

Водку любили, особенно домашние настойки, но женщины стеснялись ее пить, из маленьких рюмочек употребляли «церковное винцо» кагор. Уже потом появились суррогаты - тотемские вермуты, кадуйское вино, разные рябины на коньяке, даже самодельные виски. Ликеро-водочные заводы области всегда работали на полную мощность и перевыполняли планы. Хотя вологжане в массе своей не были пьяницами и забудыгами. Загулы и прогулы тогда не практиковались, тем более пьяные оргии. Вологда после войны с энтузиазмом трудилась, скромно отдыхала, рожала детей и не банкетни-

рвала по любому поводу, как сегодня.

В нашем обширном семейном клане с дядюшками и тетушками, с массой ребятни, с молодыми семейными парами попить любил лишь дядя Саша Иванов, бабушкин родственник, внешне похожий на какого-то старинного купца. Ходил он в сапогах, от которых приятно пахло гуталином, в картузе и чуть ли не в поддевке. Он иногда забредал к нам на Клары Цеткин. Бабушка наливала ему стопочку на кухне, резала на закуску в тарелке соленый огурец. И никогда ему не отказывала в угощении, хотя была строга к особо «невоздержанным». Дядя Саша вытирал большим платком испарину с лысины и опрокидывал стопку без лишних слов.

Я любил доброго дядю Сашу. Однажды он в буквальном смысле крупно вляпался: пришел к себе в деревянный домишко крепко выпившим и перед крыльцом упал, заснув мертвецким сном. Проснулся от вон: как-то вологодские озорники окатили его нечистотами из уборной.

Из всей нашей улицы напивался прилюдно Миша Кокуров. Смешил нас, детвору, топая с гармошкой босой по лужам, распевая матерные частушки. Глядя на такую картину, улыбались и взрослые. Юродивых и скоморохов в Вологде всегда почитали, им всё прощали.

Георгий Михайлович Серебряков, друг детства Гога, мне рассказывал, что и его отца, дядю Мишу, классного городошника, случалось, приносили домой товарищи после соревнования в парке ВПВРЗ, где он праздновал свои победы. Этого я не видел или не помню, но всегда почитал художого, ходившего по утрам на завод в промасленной робе дядю Мишу, фронтовика, за примерного семьянина: все-таки трое детей, хотя в городе это и не считалось за подвиг. Мы с детства ни презрения, ни злости к выпившим не имели и даже радовались такому нежданному общему веселью.

А в гости вологодские ходили традиционно на дни рождения, на свадьбы, поздравить с прибавлением семейства (в двух оставшихся вологодских

церквях городские семьи, как правило, детей уже не крестили), на другие праздники, в том числе и на новые, революционные, а больше - просто так, по выходным (тогда нерабочим днем было только воскресенье). Ходили принаряженные, с детьми, с нехитрыми подарками, а с конца лета с цветами, завернутыми в газету, - помнятся лохматые красные и белые шапки георгинов. Важно шествовали пешком, испуская вокруг себя (женщины) аромат духов «Красная Москва». Автобусы, если и ходили, то редко, их не ждали, чтобы не нервничать.

Иногда поводами для встреч становились приезды из других городов, чаще Ленинграда или Москвы, родственников, и тут центром столов, кроме самих приехавших, становилась необычная еда - душистая колбаса, столичный сыр, красная рыба, шпроты, диковинные фрукты. Мой дедушка любил маринованные болгарские красные перцы, поэтому отец всегда привозил тестю банку-другую.

Экзотическая же еда, типа бананов, консервативным вологжанам не нравилась. Помню, моя бабушка как-то вынесла на помойку целую гроздь: «Чего в них хорошего, сладкая манная каша!».

А еще позже в четвертом магазине выбросили бумажные стаканчики и пакетики из Чехословакии с супами быстрого приготовления. Случился ажиотаж, все местные хозяйки накупили их полными сумками. Распробовав, с таким же единодушием отнесли на помойку. Разве могла сравниться эта иностранная новинка с наваристыми вологодскими щами?!

Особо мне запомнились приезды на родину молотовских братьев - Владимира и Георгия, служивших офицерами-летчиками в Германии. Как они были красивы в высоких фуражках и в синей, «небесной» форме! Неземные боги! Я, насидевшись за столом, будучи с разрешения хозяйки тети Маруси отпущенным, с интересом перебирал в сторонке немецкие открытки с уютными сказочными домиками, запорошенными снегом да еще посыпанными чем-то вроде бле-

стящего нафталина, с красивыми, упитанными детьми, с томными фрау, держащими на поводках не виданных мной собак. Это был совершенно другой мир, он даже пахнул иностранному.

Наш семейный клан считался в Вологде интеллигентным, поэтому я не помню, чтобы кто-то играл в гостях на гармошке, пел частушки или плясал. Заводили пластинки на патефонах, особенно в этом старались помочь дети, больше мешая, а позднее ставили пластинки на огромных, в тесных домах и в скромных квартирах было танцевать?! Под музыку молодежь танцевала, да и взрослые слушали с удовольствием. Мой отец привез из Германии в качестве трофея аккордеон, научился играть вальсы, но где их в тесных домах и в скромных квартирах было танцевать?!

Эти запомнившиеся детали лишь дополняют общую атмосферу праздников, когда мы ходили в гости и у нас гостили. В их проведении никогда не было шаблона, хотя имелись общие правила городской культуры, выработанные непростым временем.

ПИРОГИ

Вологжанкам, которые пекут и сегодня пироги

Городская кухня всегда и везде была чуть изысканнее, оригинальнее, как сегодня говорят, навороченнее, чем деревенская. Скажем, сельский пирог ягодник... Он представлял собой открытую лепешку с малиной или с голубикой. А городской ягодный пирог еще перекрывался крест накрест полосками из теста, да еще в форме еловых веточек. Для красоты.

Хотя, по мне, что тот, что другой, - одинаково вкусные. «Грубый» рыбник у старушки Любавы из кубеноозерской деревни из ржаной муки, полученной на трудодни, с целиком запеченной рыбиной, без единого кружка или перышка лучка, мне помнится до сих пор, вкус его по сей день на языке, хотя прошло уже пятьдесят лет. Также не забыть и большой кусок

рыбного пирога, испеченный горожанкой Августой Васильевной, матушкой художника Юрия Воронова, из голов палтуса. А жена моя так и не поняла: зачем одни кости в пироге?! Не кости это, а нежные хрящики, которые можно при желании и схрумкать, заедая мягким просоленным тестом.

Вологодские пироги, конечно, чудо русской кулинарии! Песнь песней, гимн гимнов!.. Перепробовав многие блюда других национальных кухонь, где немало и чудес, не от квасного патриотизма это я вам официально заявляю!

Помню, я посмеивался над писателем Виктором Лихоносовым, живущим в южном Краснодаре, когда он красочно описывал свой приезд к Виктору Астафьеву в Вологду, где тот, показывая ему в зимний день город, угощал в «пирожковых» горячими рогульками и лепешками. На что они, краснодарско-таманские, привыкли к разносолам, а вот вологодские пироги Виктора Ивановича просто сразили, о чем он и поведал в предисловии к одной из книг Астафьева.

Но Лихоносов - родом сибиряк, нашенский по корням. Как, кстати, и Астафьев. Не взыграли ли у них тогда северные гены? Нет же: в Интернете, если поищите на запрос «Вологодские пироги», то найдете немало подобных восторженных отзывов туристов и путешественников. Вот, к примеру, только один: «В Вологде никогда, вероятно, не будет успешных фастфудов вроде «Макдоналдса». Потому что пироги! Еще в советское время не избалованный качественной выпечкой москвич в первый же день до желудочных колик наедался вологодскими пирогами, пирожками, кулебяками и ватрушками. С настоящими лесными ягодами в обильной, «не жадной» начинке (черника, брусника и даже морошка), а также с печенкой и луком и, конечно, с капустой».

В том же Интернете нам приписывают подчас и незаслуженную кулинарную славу, вывешивая рецепты некоего «Пирога вологодского» (в единственном числе): «Томить и промы-

вать рис... (конечно, «чисто вологодский» продукт! - **В.Д.**). В соленой воде отварить крепенькие боровики, нарезанные аккуратными дольками (получилась бы жидкая каша. - **В.Д.**). Всё это, и рис, и грибы, смешать с поджаренным до светло-коричневого хруста луком, солью и черным перцем. Из муки, яиц, сметаны творить тесто, тонко раскатать его и разложить в форму, смазанную жиром. Положить туда начинку, плотно сверху закрыть тестом. Сверху полить густым чаем (обычно смазывали топленным маслом, макая в него метелочкой из птичьих перьев. - **В.Д.**) и поставить в печь. Подавать на стол со сметаной». Понятно, что такой пирог будет такой же грубой подделкой, как молоко «Вологодские кружева», продающееся в Москве.

И все-таки, что же за страна такая - Вологодская Пироговия?

Где и с чем ее едят?

Был такой писатель - Федор Панфёров, забытый сегодня, а в 50-е годы гремевший на всю страну. Орденоносец. Депутат. Главный редактор «толстого» литературного журнала «Октябрь». Мой отец работал тогда с ним в редакции и уговорил его поехать поохотиться на уток на Кубенское озеро. Дружной компанией, где был еще и Сергей Викулов, тогда вологжанин, несколько дней хорошо постреляли, порыбачили и вернулись в областной центр. До поезда на Москву еще оставалось время, поэтому отец заранее предусмотрел визит к теще на пироги.

Для моей бабушки это был звездный час ее кулинарного мастерства. Придет сам Панфёров!.. Собеседник Горького и Фадеева, Алексея Толстого и Шолохова... Живой классик, романы которого она, конечно же, читала.

Бабушка моя была тоже классиком... по выпечке пирогов. Так что предполагалась встреча двух мастеров.

Как могла и умела, она потчевала в тот вечер гостей на Клары Цеткин. Набравшись за эти дни новых впечатлений, продукты холодными ветрами, накопившись у рыбацких костров, москвичи, да и Сергей Васильевич Викулов, откровенно благодушество-

вали. Под прекрасное настроение пили и ели, подметая с тарелок весь классический ассортимент вологодской кухни.

Но пора уже было на поезд. И тогда, грузно встав из-за стола, растроганный Федор Иванович Панфёров вышел на крохотную кухоньку, где гремела ухватами моя бабушка, что-то допаривая и дожаривая, взял в свои руки ее руку и поцеловал, низко поклонившись: «Спасибо вам за пироги, вкуснее не едал!»

Никто и никогда ни до, ни после бабушкину руку не целовал. Этот момент она помнила всю оставшуюся жизнь. Гордилась им, как орденом.

Чему же так поразился автор когда-то знаменитого романа «Бруски»?

С моим двоюродным братом Михаилом Кирьяновым мы составили пироговый репертуар нашей вологодской родни. Будь моя воля, я бы читал эти кулинарные воспоминания с эстрады.

С чего начнем?

Конечно, с больших пирогов.

Пироги с палтусом свежемороженым, с Мурманска привезенным. Нина Александровна Силина, бабушка Миши по материнской линии, укладывала на тесто сразу две рыбины, целиковые, потрошенные, без голов, хвостами в разные стороны. Посыпала их луком, подсаливала, закрывала крышечкой из теста, прищипывая по краям, и в печь. Моя бабушка любила по-другому: рыбу, тот же жирный палтус или более сухую соленую треску с Архангельска, разделявала на части, часть косточек и хребтину укладывала в памятный ей угол пирога, и далее - по тому же пути в печь.

Пироги со щукой. Эту рыбу не нужно было завозить в наш город издаleка. Своей, из местных озер и рек, хватало. Только в данном рецепте обязательна одна частность. У щучины вырезались кости, у свежевывловленной это сделать сравнительно нетрудно. Щучьи кости острые, не такие, как у морских рыб, в пироге они мешали, да и во рту могли больно уколоть.

Пироги со снетком белозерским. Этой чудесной маленькой рыбки, которая сама таяла во рту, раньше в

Вологде было завались. Вozами, грузовиками доставляли на базары и в магазины. И куда всё это делось?! Снеток промывали в холодной воде, не пороли, естественно, рядками укладывали в пироге, солили, добавляли лук. И снова - в печь.

Пироги с треской. Чуть выше я о них сказал. Соленую треску вымачивали в воде. Мне почему-то казалось, что в молоке. Но такое излишество скромные вологжане себе не позволяли. Да и вода хорошо вытягивала из рыбы соль. В пирог закладывали разрезанные рыбы пластины.

Пироги с судаком. Их любил печь мой дядя Рудольф Николаевич Кирьянов. Пироги закладывались величинной с рыбину. Достанет дядя Рудик почти дошедший пирог из духовки, помажет маслом топленным крышку и доведет в печке до кондиции. Вот она на столе, на деревянной доске - чудо-закуска.

Пироги с рыбной головизной. Мои любимые. Для вологодских бабушек они - изрядная экономия. Сегодня палтус превратился по ценам в настоящую деликатес. Поэтому и продают в вологодских магазинах рыбные головы, из них самые вкусные, жирные и сочные - это палтусовые. По цене в три раза дешевле самих рыб. А пироги из них вкуснейшие! Есть в них что-то от неторопливой вологодской жизни. Сидишь за столом, разгребашь в тарелке пирог, обгладываешь, высасывая, косточки, жабры, челюсти, рассуждаешь с другом, а если один, то неспешно думаешь... Кстати, лучший способ помириться с женой - съесть с ней не пуд соли, а пирог с головой палтуса. Под него невозможно сердиться или ругаться. Самый породистый вологодский рыбный пирог.

Пироги с камбалой. Ничем особым не отличаются от других морских начинок, только очень жирные. На любителя.

В вологодской деревне эти перечисленные мной пироги называли для краткости «рыбниками». Так же как лепешки - «сметанниками», с грибами - «губниками», с творогом - «тво-

рожниками» и т.д. В городе, насколько я помню, рыбниками их не величали, а говорили развернуто - рыбный пирог: «Съешь-ка рыбного-то пирожка кусочек».

Деревенская речь быстрая, успеть бы за день тысячу дел сделать, а в городе - певучая, неспешная, незачем говорить обрубками слов, частить скороговоркой. К еде в городе особое уважение, такт. Мы, мол, не чета простоте деревенской: «Хотите ли пирога с палтусом, вязигой, с налимьей печенкой, отпробуете ли расстегай?» Хотя расстегай - московская новинка.

Название «вологодский рыбник» впечаталось в Интернет и в кулинарные книги навечно, как «вологодское масло». Чем уж он таким знаменит, в чем его отличие от архангельского или от карельского рыбников, я не знаю. А всё равно приятно.

Я собрал рецепты десятка вологодских рыбников. Есть среди них и гламурные, как я их называю, - совершенно без костей, из филе чуть ли не осетрины, которая и у нас завозная, дорогущая. Они не для нашего брюха. В приложении к этой книге даю стандартный рецепт, а всякие новации - на усмотрение хозяек.

Есть в этих пирогах и некая тайна. Как и в вологодском масле. Кто-то ведь первым додумался испечь рыбный пирог (секрет масла, как известно, открыл Н.В. Верещагин). Только ли этот анонимный повар думал о том, чтобы насытиться? Вот якуты не пекут рыбные пироги, а едят рыбу, даже сырую, строганину, и счастливы. А мы придумали другое.

В рыбнике уживаются две природные стихии - земли и воды. По отдельности они тоже могут существовать. Земля родит зерно, зерно родит хлеб, пищу. Вода родит рыбу, рыбу ловит человек и также употребляет ее в пищу. Хлеб - это тепло, жар солнца. Кисловатый вкус хлеба, если он ржаной, никогда не приедается. А рыба - это стужа глубин, холодная кровь, запах сырости.

Соединим хлад и пламень. Тогда и получим... вологодский рыбник.

Когда он печется, тесто пропиты-

вается свежестью рыбы, ее сырым запахом, острым ароматом. Вода отдает солнцу холод, тушит его. Он испаряется и растворяется в хлебе. В свою очередь, и рыба пропитывается запахом хлеба, тяжестью зерна, лучами солнца. В рыбнике встречаются две силы природы, которые созданы Боготворением в постоянном единстве противоположностей. Человек повторяет их соединение, добавляя лишь чуточку творческой фантазии и художественного вкуса.

Итак, рыбные пироги попробовали. Продолжу путешествие по Вологодской Пироговии.

Пекли ли вологодские хозяйки мясные пироги? Василий Иванович Белов рассказывает о пирогах с бараниной, опять-таки деревенских. В городе мясо, если оно и покупалось, то больше для щей. Но с наступлением эры мясорубок вологжанки стали прокручивать часть сваренного в бульоне мяса для пирогов и маленьких пирожков. В последние добавляли еще растолченное яйцо и пассированный лук. И всё равно они выходили суховатыми, мясо крошилось, выпадая из пирогов. В деревне же рубили баранину сечкой в деревянных корытцах, та не теряла сок, а уж тем более предвременно не варилась.

Так что больших мясных пирогов мы с Михаилом не помним. Зато любим чудо-лепешки.

Лепешки с яйцом и сметаной. Типичный вологодский пирог. Тесто белое, пористое, поджаристое со всех сторон, а поверх аппетитного кругляша намазана жирная сметана, впитавшаяся в тесто, и верхушка посыпана толченым яйцом. Всё вроде бы просто, а вкусно и сытно, особенно когда ешь лепешку с молоком. Мне кажется, секрет рецепта этой лепешки в сметане - она должна быть вологодской густоты от высокой жирности, чтобы ложкой ее, как масло, намазывать на тесто. Тогда в печи или в духовке она насквозь пропитывает тесто, придаст ему удивительно тонкий вкус и аромат.

Пирог с творогом. Можно условно его назвать лепешкой, он средний

между ней и ягодниками. Но это и не большая ватрушка, которую знают в России. Это - именно открытый пирог-творожник, он может быть и не круглым, а под противень. Поливоха - так его называли в вологодских деревнях. Для него также нужны классные молочные продукты, иначе «это тлен - стихи и проза, всё это так - из головы». Правильно ли я процитировал по памяти поэта, и правильно ли я сейчас описываю пирог с творогом? Начинку в этот пирог жалеть нельзя. Она составляет больше трети, а может, и половину массы самого пирога. Да еще сверху помазать сметаной. Тогда он получится на славу.

Среди больших пирогов назову еще пироги с грибами, обычно с солеными - с губиной. Их также предварительно нужно было вымочить, чтобы слить с грибов лишнюю соль. В начинку добавляли репчатый лук и яйцо.

Теперь перейдем к следующей группе больших пирогов - к ягодникам. Съели рыбник, да не один, закусили лепешкой, а теперь - ближе к десерту пошли знаменитые вологодские ягодные пироги.

Хозяйки их пекли по сезону: поспеет голубика - ягода нежная, годится только в пирог; собирают чернику - и её в дело; осенью пойдут брусника и клюква - царь-ягоды, и они толкутся и загружаются в тесто. Говорят, очень вкусна морошка в пироге, не пробовал, врать не хочу. Пекли еще калинники и даже барбарисники.

В ягодниках, как в творожнике, важна пропорция начинки. Сейчас магазинные пироги чуть помажут, и готово. Экономят на вкусе. Вологодский ягодник обязан быть заполнен ягодой до краев, в блюде из теста должно быть просторно и голубике, и чернике, и бруснике. Не забыть посыпать сверху в меру и сахарным песком. Я этот большой пирог могу съесть с чаем за один присест.

А всё почему? Потому как другие пироги - с рыбой, с бараниной, сметанные лепешки, рогульки - можно печь и зимой. Объединение от них тяжело для живота, летом они быстро

насыщают. Бытовая ритмичность вологодской жизни родила и здесь разрядку - ягодные «легкие» пироги. Именно летом, именно в сезон, быстро усвояемые, свежие, как малосольные огурцы.

К концу июля грядут пироги с малиной. Парящие сладким ароматом, эффектные даже внешне - праздничные, красные, жаркие. Уписываешь за обе щеки, забывая обо всем на свете. С тем же парным молоком, купленным на базаре.

Я уже писал, что в городе пироги-ягодники украшались витыми или разрезанными по обе стороны полосками теста, будто елочными веточками. Кто-то ведь их придумал. А кто, спрошу по аналогии, придумал шемодскую резьбу на бересте с такими же узорами? Кто придумал льняные кружева с таким же орнаментом? Как всегда, прав В.И. Белов: «...Понятие «национальная кухня», несомненно, имеет и эстетическую сторону».

Вологодский пирог, если прежде дегустации посмотреть на него, очень красив. Он не груб и не примитивен, в нем ничего нет лишнего и витиеватого. Всего в меру, как душа хозяйки скажет. Они, наши вологжанки, всегда считались отменными мастерицами - и в кружевоплетении, и в вышивке, и в другом терпеливом и прекрасном женском рукоделии. Тонкость и невесомость кружевной пелеринки приучала к тонкости раскатанного листа теста, мелко порезанная начинка напоминала аккуратные стежки вышивки. Женские пальчики, а не мужские лапищи могли творить такую красоту. Кстати, русский язык всё объясняет: тесто ведь творят, отсюда и возвышенное понятие - творчество.

Пироги без вдохновения не испечь. Пироги не любят выпренности, чрезмерности, аффекта. В них всё просто и мудро. Состав известный, а результат сложный. Как реализм.

Поэтому дар настоящего художества присущ всем вологодским бабушкам, которые балуют внучат пирогами. И этот дар, я уверен, передается по наследству. Откуда, в таком слу-

чае, на холстах моего друга, художника Юрия Воронова, графическая тонкость пейзажа, размашистая легкость летнего неба? Не от мастерства ли его мамы Августы Васильевны, умелицы печь изысканные пироги?..

Они всегда были, как картины, многоцветными. Белые, снеговые творожники и густо-синие ягодники с голубикой, красные малинники и коричневые пироги с яблоками, будто написанные густыми, пастозными мазками. На столе они лежат в рамках из теста. Каждый в своей раме.

Но я опять отвлекся от нашей экскурсии. Вернусь в областную картинную галерею пирогового искусства.

Ягодники можно печь из любой ягоды. Если она кисла, то можно подсыпать сахарка. Если сладка, то ничего не надо. В большинстве своем вологодские ягодники кисло-сладкие. В этом их вкусовое своеобразие. И наша северная жизнь такая. В ней много полутонов и тонких душевных переживаний. В пирогах-ягодниках сохраняются запах сухого леса и грохот летних гроз, вкус полуденной жары и песенные переливы птиц, которые также любят лакомиться зрелыми ягодками.

Еще моя бабушка любила печь пироги с яблоками. У нас яблоки тоже кисловатые и жесткие. Не хватает им до сахарной спелости солнца и тепла. Лето уходит, улетают птицы, на зеленой еще траве серебрятся прядки инея... И вот из жаркой печки бабушка на противне выдвигает яблочный пирог. В тонкой крышке теста винной стопкой нарезаны круглые дырки, сквозь которые золотятся яблочные дольки.

Чем же не прекрасно это сентябрьское вологодское утро?..

Но переходим в следующий зал. Он называется - рогульки.

В Карелии их величают еще калитками, но к нам это словцо не привилось. Максим Сырников, великий энтузиаст русской кухни, в основном, кстати, северной, главный ее сегодня рунетовский блоггер-популяризатор, считает, что название «калитки» произошло от древнерусского слово «ка-

лита» (помните прозвище московского князя Ивана Даниловича Калиты?), что обозначало в отечественной древности кошелек, денежную суму. В пирогах «кошелек» теста «запирает» начинку. Он такой же небольшой - с ладошку, защищенный со всех сторон, как прошитый сыромятной лентой. Единственная дошедшая до нас калита хранится в основной экспозиции Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Она принадлежала преподобному Кириллу Белозерскому.

Остроумно заметил насчет калиты Максим Сырников, но все-таки финны считают калитки своим изобретением. Ушлые европейцы, они даже рецепт их выпечки запатентовали. А вместе с ними рецепты и на рыбники, лопарскую картошку и даже на брагу - домашнее пиво. Теперь только в приюте, то есть в харчевне, убогого чухонца можно всё это на законных основаниях попробовать. Надо и нам поспешать заполучить патент хотя бы на вологодский овсяный кисель.

Таким же манером тихие соседи финны «увели» у нас и баню, назвав ее сауной, поменяв в духе времени каменку с сырым паром на сухой электрический, поставив на промышленный поток и внедрив по всему миру, в том числе и в матушке России. Но за наши рыбники, рогульки и брагу мы еще с наследниками маршала Маннергейма покваитаемся. Хватит с них одной лопарской картошки.

Главным нашим доказательством в их вологодском происхождении будет то, что наши рогульки пеклись на сороковой день после Пасхи и число защипов теста вокруг начинки составляло ровно сорок, что соответствовало количеству ступеней, по которым Христос поднимался на небеса. А чухонцы, как известно, в старину поклонялись камням и медведям, были язычниками до XX века, таковыми, по сути, остались и до сегодняшнего дня.

В Вологде рогульки пекут с картофельным пюре, с пшенной кашей, с черникой и голубикой (таких я, правда, ни разу не пробовал), с капустой и с творогом. Раскатывают тонкие соч-

ни, не жалеют начинки, быстро защипывая «рогами» края круглой тарелочки из теста. Рогульки - это вид открытого пирога.

Работая в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, я предлагал поварам местного комбината питания освоить выпечку рогулек. Раз в год я заполнял анкету в столовой, где можно было высказывать свои пожелания, и всегда писал про рогульки, предлагал их рецепт выпечки. Два или три года ответа не было. Наконец, пригласили к шеф-повару:

- Мы заинтересовались вашим предложением, но вы здесь не специалист. Для начала испеките их дома и принесите нам.

Так я и не собрался сделать настоящую рогульку, да и, честно говоря, разве вышла бы она у меня такой, какие печет моя тетушка в деревне Коробово Екатерина Александровна Красикова?

Между тем рогульки - это простые и дешевые пироги. К тому же сытные и вкусные. В них, как в квасе, только живые компоненты: вода, мука, мятая картошка, сметана и любовь от Бога. Мне рогульки напоминают наше северное солнце, белеющее из-за туч.

Ничем рогульки не хуже своих восточных братьев чебурексов или самсы, заселивших всю Россию. Их пекут на каждом углу, хотя и по вкусу, и по начинке, и по технологии выпечки в них немного осталось от кавказских или азиатских пирогов-прародителей. Сотни тысяч, если не миллионы русских людей покупают и на ходу и на бегу их жадно глотают. Вот уж, действительно, Иваны, не помнящие своего кулинарного родства!.. А свои прекрасные рогульки, как бедные пасынки, продаются лишь в пяти-шести вологодских пирожковых и кулинариях.

Мы одновременно ленивы и любознательны. Я отваживаюсь перефразировать «самого» Пушкина. Ленивы в том, что нужно продвигать свои лучшие достижения на рынке, в том числе и кулинарные, а нам всё недосуг, никак не соберемся, не договоримся, с печки не слезем.

Любознательны же также чрезмерно - хотим всё и вся попробовать. В Вологде сегодня два итальянских ресторана, три японских (восточная кухня), по одному венгерскому, французскому, есть даже вьетнамский, остальные - космополитические, в том числе и «Макдак» - кафе зловещего фастфуда с «говорящим», извините, названием. Рядом с рогульками в немногих вологодских кулинариях давно уже соседствуют маленькие пиццы-модницы. Вологжане их приняли на ура, мол, тоже пироги, хотя и итальянские. В вологодском исполнении пиццы напоминают наши лепешки и ничего общего не имеют со своими южными образцами.

В городе нет ни одного чисто вологодского ресторана, на худой конец, трактирчика или кафеюшки, где можно досыта поесть вологодских пирогов, кроме знаменитой пирожковой в башне у Каменного моста, где ассортимент весьма скуден, да кафе «Парижанка» (бывшая кулинария от ресторана «Север»). Характерно уже само название этого, кстати, отличного по выпечке заведения. А где же все-таки кафе «Вологжанка»?

Говоря о развитии пирогового промысла, я имею в виду прекрасно организованную, и не только в Москве, торгово-ресторанную сеть выпечки «Осетинские пироги», которая теснит своих конкурентов из «Пиццы-хат» и других многочисленных поставщиков итальянских пирогов. Думаю, со временем название «осетинские пироги» станет всероссийским брендом, и над этим кавказцы активно и целеустремленно работают.

Осетины присвоили себе пироги всех народов Северного Кавказа (как они красиво пишут: «Осетинская кухня неразрывно связана с кулинарией всех соседних народов»). Уже сегодня в любую квартиру в Москве можно заказать большой пирог с сыром уалибах и пирог с рубленным мясом фыджин. И, не сомневайтесь, довольно быстро доставят их еще теплыми, несмотря на автомобильные пробки. К тому же эти вкуснейшие закрытые круглые пироги с начинкой, на кото-

рую, как и у нас, щедрые на хлебосольство осетины не скупятся, по цене дешевле, чем пицца, которая лишь слегка поверху посыпана скудной начинкой. Пицца - это бедность для итальянских макаронников (действительно так), а фыджин - это достаток в кавказском доме и в семье, символ доброго гостеприимства, которое, как и форма у круглого пирога - аналога бескрайней земли, бесконечно и традиционно.

Кавказцы гордятся, что выпечка их знаменитых уалибахов насчитывает тысячу лет беспрерывной традиции. А знаем ли мы, вологжане, сколько веков нашему родному пирогу? Неутомимый Максим Сырников и здесь подсказывает: «Впервые упоминаются русские пироги в «Уставе Студийском церковном и монастырском» в 1193 году: «...Даются пирозы». Это упоминание, добавлю, почти совпадает со временем создания бессмертного памятника нашей литературы «Слово о полку Игореве» (1185 год), что символично. Значит, князь Игорь в стольном граде Киеве и в Путивле к тому времени уже вкушал многие «пирозы» и нам завещал. А в северной провинции Киевской Руси в Белоозере хозяйки, наверное, уже пекли рыбники со сметком.

Максим Сырников указывал и на «невероятное количество вариантов русских пирогов». Но он же их впервые систематизировал, разобрал «по косточкам», составил кулинарное описание. Душеполезное чтение, советую вам самим с ним ознакомиться, его легко найти в Интернете.

Всё, о чем я пишу, - это высокая кулинария, доступная сегодня лишь одним нашим вологодским искусникам, которые, в свою очередь, закончили кулинарные университеты у своих бабушек.

Большие пироги соседствуют на вологодских столах с пирожками. Их тоже изобилие. Лучшими считаю пирожки с зеленым луком и яйцом. Затем с капустой (свежей). С солёными грибами и луком. С рисом и яйцом. С морковью (чуть сладковатые). С изюмом.

Горожане, имею в виду москвичей, так истосковались по родной пище, что иной раз готовы в застолье вкушать одно блюдо, но настоящее, и более никаких. Всякий раз я в этой связи вспоминаю удивительные вечера после концертов народного артиста страны, баса всея Руси Александра Филипповича Ведерникова в его квартире на улице Нежданова в столице. Это в двух шагах от консерватории. Приходили возбужденные, счастливые, легкие, голодные. И кто? Все - Владимир, богатыри: дирижер Владимир Федосеев, писатели Владимир Крушин и Владимир Солоухин, руководитель хора Владимир Минин. Теща Александра Филипповича накрывала стол блюдами с одними и теми же пирожками с солеными премиум-грибами - рыжиками, белыми груздями, волнушками. Больше ничего не пекла, зато пирожков этих (они были обжарены в сливочном масле, как пончики) наготовлявала десятками. Все подъедались.

Что еще в нашем с Михаилом печенье мы не назвали? Рулеты.

Хорош был рулет с маком, где и мака в качестве начинки не жалели. Не уступал ему и рулет с изюмом, естественно, без косточек - с медовым кишмишем.

Других рулетов мы не вспомнили и сразу перешли к плюшкам.

- Городская затея, - рассудительно сказал Михаил. Но и сам ведь затейник, правда, по дереву. Он вырезал пряничные доски, лучшие из которых - в экспозиции Вологодского музея-заповедника, одна у меня хранится на квартире в Вологде - в форме рыбы. Затеял печь и пряники по древнерусским рецептам, надо бы ему о них напомнить, может, еще удастся попробовать.

Знаменитые вологодские плюшки к чаю пеклись с вареньями и с сахаром. Пеклись из остатков теста от больших пирогов. Воистину, остатки - сладки. Отсюда, наверно, и пошел этот русский фразеологизм.

Ну, вот и закончился наш список вологодских пирогов, которые твори-

лись только одним городским родом Кирьяновых - Силиных. Более тридцати видов. А сколько в Вологде таких семей?.. Считайте сами, помня о приятном аппетите.

ВОЛОГОДСКАЯ КУХНЯ

Вологодская кухня, имею в виду кулинарное искусство, пережила три трансформации, как и русское общество в XX веке. Какая-то здесь имеется все-таки связь. Первая бытовая революция состояла в отказе от печек и переходу к газовым духовкам. Не надо было заготавливать дрова, вставать ни свет ни заря, топить русские печи... Хозяйственных хлопот у вологжан намного поубавилось. Но жизнь у нас такая, что не знаешь, где потеряешь, а где найдешь.

Хлеб, к примеру, слава Богу, свободно продают несколько десятилетий в магазинах. Кто его печет нынче сам? Что-то не слышал о таких.

Василий Иванович Белов, будучи как-то в Англии, познакомился с профессором университета, который у себя дома сам пёк хлеб. Восторгу нашего классика не было предела, будто он вдруг оказался в родной Тимонихе у матушки Анфисы Ивановны, которая по утрам так же, как и английский профессор, доставала из печи с пода ржаной каравай.

Прошло всего лишь два десятилетия - и, пожалуйста, в вологодских магазинах бытовой электроники можно подобрать на любой вкус хлебопечку по цене от 2 до 7 тысяч рублей. Есть и такие хитроумные, что автоматически сами пекут хлеб к звонку утреннего будильника. Просыпаетесь, как в вологодской избе, а по городской квартире разносится аромат свежее испеченного хлеба. Такая хлебопечка, вероятно, была и у профессора с туманного Альбиона, выпускается она с 1980 года. А как готовить тесто, можно прочитать на сайте в Рунете «Хлебопечка. ру». Всё идёт легко нынче в руки, даже хлеб. Только вот жить стали «тоще», как бы сказала моя бабушка, не от этой ли повседневной праздности?

И все-таки такая быстрая готовка, как и вся вологодская кухня, в этих компьютеризированных условиях не совсем прежняя, традиционная. Что-то главное, несмотря на очевидные удобства, она потеряла.

Очень многое в приготовлении блюд в русской печи зависело от... томления. Пища постепенно доходила до кондиции как бы сама, не теряя своих кулинарных свойств, а наоборот, их прибавляя. Печные кирпичи постепенно остывали, теряли жар и отдавали тепло чугунок, в котором томились каша или щи. Томление почти всех готовящихся блюд - это основа основ нашей национальной кухни. Никакие хлебопечки и духовки русскую печь в этом смысле не заменят. Выключишь электричество или газ, и наша (увы, сейчас почти вся иноземная) бытовая техника тут же остынет.

Максим Сырников придумал-таки замену: обложите духовку кирпичами - вот вам и эффект русской печи. Можно и так. Узбеки же пекут хлеб и пироги в тандыре - в большом глиняном кувшине с широким горлом, который греется снизу электричеством или газом. Ему и места-то немного надо. Я наблюдаю такой у московской станции метро «Кузнецкий мост». Сидят двое хлебопёков в конуре на четыре квадратных метра, а их горячие пирожки улетают, что называется, влёт. И очень даже вкусные пирожки, особенно с мятой картошкой.

В одной из своих книг я описал, как мой родственник Михаил Кирьянов готовил в духовке необычное, забытое блюдо - няню. Потом меня читатели спрашивали подробности. Я бы не стал возвращаться, если бы не сырниковский рецепт, так сказать, полной няни, которую Михаил Рудольфович исполнил тогда в сокращенном варианте, недоложив в неё некоторые ингредиенты. Он, как художник, всегда творчески подходит к делу.

Итак, классическая няня по Сырникову. Ищите и читайте его книгу «Настоящая русская еда» (Москва, издательство «Эксмо», 2010 г.). Цитирую:

«Бараний желудок,
мясо с бараньих ножек,
одна средняя баранья печенка,
две луковицы,
два вареных яйца,
сто грамм сливочного масла,
один стакан бульона для каши,
один стакан гречневой крупы,
два стакана воды».

Это полный перечень того, что нужно для няни. Далее Сырников разъясняет: «У шотландцев есть одно национальное блюдо, особый предмет их национальной гордости, как килт или волынка, - это хаггис, фаршированный бараний желудок. У русских тоже есть похожее блюдо. Жаль, что оно не только не является предметом нашей гордости, но и хорошенько нами позабыто.

Для начала надо вырезать и почистить бараний желудок. Как следует скоблим его с обеих сторон, лучше всего для этих манипуляций подойдет старый затупившийся нож.

Затем берем свежую баранью печенку и рубим ее ножом. После печенки снимем мясо с бараньих ножек и тоже его порубим. Сливочное масло, рубленные яйца, жареный лук, измельченное мясо с печенкой перемешаем с гречневой кашей.

Посолим. Поперчим. Добавим немного бульона из бараньих костей. Для сочности. На глазок. И выложим всё это в желудок. А потом подравняем края и зашьем его нитками. Положим аккуратно желудок в керамическую посудину, закроем крышкой и отправим в духовку. На 2-2,5 часа, при температуре около 150 градусов С. Готовую няню выкладываем аккуратно на тарелку, режем ломтями и едим.

Со щами.

С рюмкой водки.

И с превеликим удовольствием.

Потому что это не просто вкусно.

Это чудесно».

Дело ведь не в том, что где-то и что-то повторяется. А в том, что если даже такую кулинарную роскошь, как няня, можно приготовить в современной духовке, то и другие блюда, отнюдь не из субпродуктов (в этом смысле няня - самое что ни на есть демок-

ратическое блюдо, её поедали в плотничьих артелях), стоит восстановить в наши дни.

Вологодские обеды моего детства мало чем отличались от современных. Если было хорошее мясо, да с сахарной косточкой, то бабушка варила щи. Дедушка доставал его из чугуна в общую тарелку, оно остывало, и мясо ели, макая в крупную соль, в качестве второго блюда. Я любил выколачивать из косточек костный мозг, он был нежный и вкусный.

Все овощи и соленья были с нашего огорода. Дубовая бочка с солеными огурцами стояла в сенах. Варенья из ягод тоже были с наших кустов.

Студень в Вологде считался праздничным блюдом. Я его и сам до сих пор хорошо готовлю. Уху, правильнее назвать - рыбный суп, варили постоянно. Но особенно мне нравился суп с белыми сушеными грибами и с перловкой. Туда и мяса не добавляли - такой он получался душистый, густой и сытный. Жаркое, то есть куски мяса с крупно нарезанной картошкой, все любил. Кисели из ягод бабушка делала постоянно.

Но чисто деревенских блюд типа редьки с квасом (хрен по вкусу) или овсяного киселя не ели. Видимо, имелось какое-то, немного высокомерное, отторжение от своего деревенского детства, вообще от деревни, стоявшей по культурному и бытовому уровню ниже, чем город. Вроде бы частность, но за этим виделась и большая психологическая проблема для всей Вологодчины. И в культурном плане. Незримый антагонизм был. Хотя сегодня, забыв эти распри, я с удовольствием жарким летом хлебаю редьку с квасом, эту самую что ни на есть по городским вологодским меркам «низкую» еду.

Специфика кухни Вологды, которая стала складываться во второй половине XIX века, постоянно отталкивалась от своей деревенской прародительницы, оставаясь в своих главных чертах

чисто русской. Преподобный Пимен Угрешский (Мясников), урожденный вологжанин (1810 - 1870), в своих «Воспоминаниях» рассказывал о тех вологодских разносолах: «Яств не разнообразили, и во всех домах подавали одно и то же. Вот что составляло праздничный стол: 1. Рыбник, т.е. пирог (не из сдобного теста), в который запекалась рыба, преимущественно семга, без фарша; рыбу едят с хреном, а корки делят по числу присутствующих лиц. В Великий пост рыбник заменялся пирогом с губиной, т.е. с грибами, а в именины пироги бывают подовые сладкие. 2. Студень с квасом и хреном, в постные дни щука. 3. Щи с говяжьей или похлебка с курицей, в постный день уха, непременно две, одна окуневая, а другая или язевая, или налимя; уху заправляют обыкновенно маслом с луком, уксусом и мукою.* 4. Жаркое, одно плечо баранье или курица, другое - бок с кашей. 5. Каравай сдобный с курицею, а в пост с рыбным фаршем. 6. Сладкие пироги, круглые, на больших блюдах, один или с малиной, или с черникой, другой с изюмом или с коринкою; ежели обед поминовенный, то прибавляются еще блины и кисель».

После такой вологодской трапезы не скажешь, как советуют французы: «С обеда нужно вставать с легким чувством голода».

Но были ли такие застолья объедениями, как в доме у Собакевича? Напомню: «- Щи, моя душа, сегодня очень хороши! - сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливший себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками... За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом индюк ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем, что всё ложилось комом в желудке».

* Не подумайте, что в юшку сыпят муку. Нет, сначала ее поджаривают на сковородке на медленном огне, чтобы она приобрела слабо коричневый цвет, и лишь потом, помешивая, сыпают в кипящий бульон, отчего он густеет. Так, кстати, варят и борщ. - Прим. автора.

В гоголевской поэме, конечно, много утрировано, но суть схвачена верно: русская кухня поражала своим размахом и высококачественной едой, подаваемой к тому же в неограниченном количестве, будто оправдывая поговорку: «Что есть в печи - на стол мечи». В печи у хорошей хозяйки всегда было много сытных блюд.

Конечно, помещичий стол отличался от крестьянского или мещанского обеда. Отличался не какими-то изысками, а количеством блюд.

Октябрь 1917 года прервал многие сословные традиции в России, в том числе и в кулинарии. Ну, кто из рабфаковцев мог позволить себе какое-либо дворянское кушанье?! Кормились просто, без излишеств. Еда в те десятилетия и не была главным делом.

Большое влияние на вологодскую кухню стал оказывать с тех лет советский общепит. В основу его, как писал Вильям Васильевич Похлебкин, патриарх советской кулинарии, была положена национальная еврейская кухня. Расхожие рецепты еврейской кухни практичны и дешевы - это бульоны, которых никогда не было в русской кухне, рубленые мясо и рыба, из которых жарились котлеты (в провернутое в мясорубке мясо можно было добавлять и пшеничный хлеб для сочности, и лук, и другие наполнители, которые сделали со временем котлеты почти... без мяса). Моя бабушка по отцу Екатерина Александровна любила жарить настоящие мясные котлеты с толстыми вологодскими макаронами, которые вырабатывала местная фабрика, позднее сгоревшая.

В еврейской кухне блюда готовились на гусином жиру. Общепит заменил его комбижиром, испортив желудки не одному поколению советских людей. Никто не собирался, конечно, брать за образцы высокие достижения еврейской кухни типа фаршированной щуки или форшмака. Достаточно было котлет и бульонов.

С конца 30-х годов советский общепит стал постепенно меняться. К тому времени появились в достаточ-

ном количестве дефицитные прежде продукты, «жить стало лучше, жить стало веселее». И совершенно справедливо, что идеологи общепита (нарком пищевой промышленности Анастас Иванович Микоян) начали создавать удивительную по своим калорийным и витаминным показателям, по вкусовым качествам и по разнообразию блюд многонациональную советскую кулинарию, опираясь на традиции наших народов. Рождалась небывалая в истории кухня, лучше которой, как писал В.В. Похлебкин в своей знаменитой книге «Национальные кухни наших народов» (1981 г.), не было в мире.

Спустимся на землю, а в нашем случае - за стол. Что появилось на нем в Вологде в 50-80-е годы XX века? Среднеазиатский плов? Отлично! Зуррахмет! Украинский борщ? Он не хуже щей. Здоровеньки булы! Грузинский шашлык? Спасибо, генацвале! Мы стали богаче и лучше. Впрочем, и во всех других смыслах. Спасибо, Анастас Иванович, за наше счастливое детство, за поваренную книгу «О вкусной и здоровой пище», выпущенную миллионными тиражами, на которой учились готовить наши бабушки, матери, жены! А вот дочери - не знаю.

С этим поколением случился следующий революционный поворот, третий по счету в русско-вологодской кулинарии, и снова он совпал с общественно-политическим и экономическим. Нас буквально захлестнула мировая кулинарная индустрия. И если бы только вкусная и полезная!..

Вам нравится «Доширак»? Мне, к примеру, он совершенно дик и чужд. Это - дешевый фастфуд, который в качестве благотворительной пищи ООН засылает в голодающую Африку. А современные вологжане его заливают кипятком и хлебают. Помните, как я рассказывал в этой главе о чехословацких супах, завезенных каким-то внешторговцем в Вологду в начале 60-х годов? Тогдашний «доширак» был весь выброшен на помойки. А сегодня, что характерно, его едят и нахваливают.

По данным опроса, проведенного в начале 2010 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 51 процент русских свидетельствуют о том, что в их населенном пункте есть заведения быстрого питания - фастфуды. Каждый пятый из опрошенных с той или иной частотой в них питается. Главный аргумент в пользу быстрого питания - нехватка времени на полноценный прием пищи. Однако 26 процентов опрошенных уже сообщают, что им нравится (!) еда, которую готовят в фастфудах, из них - 29 процентов женщин (!!). Интересно, что дешевизна быстрого питания не играет особого значения, на нее указали только 7 процентов граждан.

Значит, привыкли... К чему? К замене животных жиров дешевыми растительными, животного белка - соевым. Далее, как пишет Максим Сырников, «консистенция этих суррогатных продуктов выравнивается модифицированным крахмалом или желатином (в лучшем случае), а цвет и аромат определяются синтетическими веществами, качество которых наводит на мысль, что это лишь побочный продукт в производстве химического оружия... Зато радуется глаз разнообразие ярких этикеток, да и стоимость таких эрзац-блюд несколько ниже, чем у натуральных, что помогает создавать видимость некоторого продуктового благополучия в стране. Официальные отчеты свидетельствуют об увеличении импорта соевого шрота в России с 2000 года в три раза и о том, что до 80 процентов этой сои является генно-модифицированной... Очень уж производители старательно скрывают от потребителей наличие растительного белка в «мясных» и кондитерских изделиях, растительного масла в сгущенном молоке, сои в «натуральном» сыре и так до бесконечности».

Не будут ли вологжане через какое-то время спрашивать друг друга на улицах: «Как тебе сегодня биг-тейсти?» - «Хуже, чем вчера мак-чикен?»

Большинству наших земляков стали неизвестны такие традиционные

русские блюда, как калья, сельдьанка, тавранчук, сальник (не путать с мотором), ксени мневые, пасочки творожные, репница, тыковник, хворост (не в лесу найден), перепечи, кокурки и великое множество других национальных яств - полезных, недорогих, легких в приготовлении, очень вкусных.

Да что там какие-то «кирилки» (не из города Кириллова) или «густухи»!.. Вытесняется даже традиционное слово «студень», когда на вологодском городском рынке продавцы сегодня пишут объявления: «Для холодца». «Русская кулинария», - писал В.В. Похлебкин, - вовсе не проблема желудка, о которой якобы «просвещенному» человеку нечего ломать себе голову, а проблема сердца, проблема разума, проблема восстановления национальной души».

Наевшись до отвала мусорной пищи из фастфудов, нынешний вологжанин и не подозревает, что его родная кухня считалась когда-то кулинарным светочем человечества. Американские повара за 200 лет придумали только два блюда - хот-доги («горячие собаки», они же сосиски в тесте, которые успешно продаются и в вологодских кулинариях) и блинчики с кленовым соусом. И всё! Остальное - пищевой ширпотреб, заимствованный из других кухонь мира.

Нам такое надо?

Когда в феврале 2009 года в Вологду приехал Президент России Дмитрий Медведев, то кормили его чисто вологодской пищей, ну, может быть, чуть более изысканной, не без деликатесов, конечно. Так ведь приехал президент страны, почему бы его не угостить получше! На стол тогда подавали соленые грузди, белые грибы, блины с черной икрой, копченую лосятину, зеркальных карпов, царскую уху, зайчатину с кедровыми орешками, а на десерт - желе из морошки с медом и знаменитое вологодское мороженое, которым еще лакомился В.В. Путин в Кириллове: «У вас тут, говорят, мороженое вкусное? Остановите машину, зайду попробую!»

Не пора ли объявить в Вологде конкурс среди хозяек на лучший пирог,

на лучшую окрошку (в летний День города)? Рассказывать в «Красном Севере» не о том, как готовить модные роллы и пасту, а свои родные и забытые угощения - гурьевскую кашу и рахмановские щи?

Почему бы не пропиарить на всю область и всю Россию не только Деда Мороза, но и лучшего повара, славящегося приготовлением вологодских блюд? Тем более, что область собирается открыть в Москве свой национальный ресторан «Вологда-гда». И кандидатура у меня имеется - это красивая женщина, профессиональный повар Ольга Лихачева, которая успешно работала в кафе «Вологодские кружева» и в блинном баре «Глобус Гурмэ». Ей подвластны любые блюда, но сердце ее идет все-таки на северо-восток - она удивительная мастерица печь блины, в том числе и с припеком. «Они получаются, - рассказывает Ольга, - настолько пористые, что кажутся кружевными салфетками или снежинками. И тают во рту!» Ну, чем не кулинарная кружевница!.. Надо ценить такие таланты, за их искусством - многие поколения вологжанок, наших бабушек и прабабушек.

Взять хотя бы якутов, близких нам северян, таких же скромных и не в меру стеснительных. Но даже они восславили своего национального шеф-повара Иннокентия Тарбахова, открыв в центре Якутска ресторан «Тыгын Дархан», где он развернулся в полную кулинарную силу, да так, что никакие фастфуды якутам стали не нужны. Я там был с Робертом Балакшиным, мед (нет, кумыс) пил... и скажу, что всё виденное и съеденное у Тарбахова - это чудо чудное и диво дивное. Роберт Александрович по своей привычке пробовал вначале записывать, что подавали, но быстро от щедрости стола сомлел.

Хочу быть правильно понятым: не о каких-то излишествах или о кухне для избранных, для «новых вологжан» идет речь. О пище простой и привычной. Которая соответствует нашим традициям и климатическим условиям жизни. В иных краях - иные нра-

вы, в том числе и еда. В том же развлекательном вологодском центре «Глобус», где работала Ольга Лихачева и который закрылся из-за кризиса, в ресторанном меню были перечислены лучшие блюда всех известных мировых кухонь мира. Я просто опешил: «Что, выходит, и французский луковый суп можно у вас попробовать?!» - «Пожалуйста, заказывайте!» Ударными темпами в областном центре создавалась инфраструктура комфорта для местной буржуазии, современному - прослойки успешных предпринимателей. Только почему-то она изначально была не русской, а подражательно иностранной.

Понимаю, что не от скопидомства нынешние вологжане, даже те, кто побогаче, экономят и не могут себе позволить уже ежедневно обедать в местных ресторанах, что привычно для Европы и Америки. У нас такие обеды и не были приняты. Долгое время и подобных заведений в Вологде было всего два - центральный «Север» и вокзальный ресторан. Слыли они у добропорядочных горожан гнездами разврата и пьянства, рудиментами старой жизни. «Прошу тебя об одном, - говорила моя бабушка, - никогда не ходи в ресторан «Север». Самое интересное, что как раз в «Севере» я так ни разу и не бывал.

В моем детстве раблезианские пиры, юбилеи и пышные свадьбы не устраивали. Жили бедно, не совсем сытно, но, по нашей традиции, когда приходили гости, то тогда уж угощали от всей души. И помнится это, как часть нашей прекрасной жизни, северной культуры, как наши добрые обычаи и традиции.

А самое памятное тогда, что мне запомнилось? Мороз и солнце, я забегая с улицы на кухню, бабушка сует мне горячий, поджаренный на настоящем подсолнечном масле кусок ржаного хлеба. Выскакиваю с ним обратно и вместе с морозным паром уплетаю за обе щеки, а запах от хрустящего хлеба стоит на всю округу. И не было и не будет уже ничего вкуснее.

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ, или ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ РЕМЁСЕЛ

Однажды мне попался в руки любопытный документ начала двадцатого века. Это был государственный реестр, который указывал, что в одной из волостей Вологодской губернии на пять тысяч жителей было зарегистрировано три тысячи ремёсел. Скорее всего, в документе была ошибка. Наверное, переписчик должен был написать, что на пять тысяч жителей было зарегистрировано три тысячи ремесленников, занимавшихся тем или иным промыслом.

Но эта цифра или ошибка все-таки меня «зацепила». Я сел за письменный стол и попытался записать известные мне деревенские ремёсла. С первого захода смог вспомнить, несмотря на свое деревенское происхождение и любовь к деревне, не более пятидесяти ремёсел. Многие из перечисленных мною ремесел уже исчезали или исчезли совсем. Поэтому мне захотелось описать их, чтобы сберечь хотя бы в письменном виде.

Я начал сознательно собирать всё, что встречается мне в жизни, в книгах, рассказах стариков о крестьянских ремёслах, делая записи в свой дневник...

Мне открывалась невероятно универсальная русская деревня, создавшая свою удивительную, безотходную, гармонично вписанную в природу цивилизацию. Деревенская жизнь и история стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попала мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной...

Однако некоторые из моих друзей удивлялись:

- Зачем заниматься поисками утраченного? Ведь мы - цивилизованные

люди, живем в век информатизации и компьютеризации... А ты пытаешься вернуть нас в каменный век.

В этой связи вспомнилась мне такая история. Однажды я возвращался с немецким товарищем из Голландии в Германию на его автомобиле. Сказочные дороги, обустроенный мир, ничего не скажешь. Но вот мы увидели среди потока машин человека, который голосовал на обочине. Мой товарищ остановил машину, они стали о чем-то говорить по-немецки. Потом мой товарищ развел руками и поехал дальше.

Я спросил его, что случилось на дороге, почему голосовал этот человек. Оказалось, что у его автомобиля спустило колесо, и он спрашивал у проезжающих отвертку, чтобы поменять колесо. Но ни у кого не было отвертки.

- Так ведь с помощью отвертки нельзя поменять колесо! - возмутился я. - Об этом знает каждый ребенок. Колеса меняют с помощью ключа баллонника.

Увы, немцы этого не знали.

- И что станет делать тот человек на обочине? - спросил я немецкого товарища.

- Ничего. Он вызовет службу спасения.

- Всё правильно, - говорили мне сторонники узкой специализации. - Каждый должен заниматься своим делом.

- Но это ж беда! - не соглашался я. - А если случится что-нибудь серьезное? Что они будут делать в своей обустроенной Германии? А если спасатели не приедут?

Посреди цивилизованной, механизированной, специализированной, автоматизированной, компьютеризированной Европы пропал человек, потому что он передоверился цивилизации и не знает, как менять у автомобиля колесо.

Занимаясь поисками утраченных ремесел, я все чаще стал приходить к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универсальности, которая, несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на ее долю, помогала ей преодолевать самые тяжкие испытания.

Ученые говорят, что мы живем в зоне рискованного земледелия. Западные агрономы красят большинство нашей территории в белый цвет, утверждая, что сельское хозяйство у нас всё-таки практически невозможно, потому что здесь среднегодовая температура отрицательная. Но мы-то живем здесь тысячелетиями, пашем, сеем, растим хлеб и детей...

На востоке Вологодской области, в самом ее медвежьем углу есть небольшое районное село Кичменгский Городок. Село это знаменито тем, что в смутное время остановило продвижение польско-литовских захватчиков, а местные ополченцы разбили один из отрядов «тушинского вора». Бежать обратно в Польшу остаткам отряда было слишком далеко, они каким-то образом договорились с местным населением и осели в этих таежных краях. Поэтому здесь так много польских фамилий и лучшая в стране краковская колбаса. По крайней мере, так было при коммунистах, поскольку всю продукцию местного мясокомбината отправляли в Кремль.

Но в 90-х годах при всеобщем падении производства случилось так, что мясо и колбаса имели спрос, а вот коровьи шкуры крестьянам приходилось закапывать по огородам.

Но тут возглавила мясокомбинат энергичная женщина Нина Степановна Попова, которая сумела заключить договор с одной голландской фирмой на поставку коровьих шкур. Причем голландцы опрометчиво согласились на самовывоз этого ценного сырья.

И вот из Амстердама, с асфальтов, намываемых шампунями, отправилась на огромной фуре водитель в этот самый Кичменгский Городок, не представляя еще, на какие испытания он себя обрекает. До Вологды он добрался благополучно. А дальше... Едет один час, второй, третий. Пейзаж один: елки и снег. Едет полдня - пейзаж не меняется. Елки и снег. И никаких тебе кемпингов, ни заправок, придорожных кафе с телефонами междугородной и международной связи...

Дело уж к ночи. Все те же елки и снег да заледенелая дорога под колёсами. И вот случилось: на одном из увалов машину понесло, и голландский тракер угодил в кювет.

Вылез он в сугроб. Кругом елки и инее, оцепеневшие от мороза, в небе звезды мороженые, колючие... И ни души.

И только где-то далеко в зыбучих снегах горит огонек.

Побрел голландский тракер через сугробы и снег и насилу вышел к скотному двору, где ночевал у водогрейного котла. А наутро пришли деревенские мужики и помогли голландцу выбраться из кювета. Но рассказ не об этом.

Спустя какое-то время поехала Нина Степановна с ответным визитом в Голландию. Встретили ее на роскошной машине, привезли в роскошный зал заседаний, где проходил совет директоров. И вот заходит она в зал, объявляют: «Нина Степановна Попова, Кичменгско-Городецкий мясокомбинат...»

И тут видит она, что встает глава фирмы, идет к ней навстречу и пла-

чет. И слезы - большие, крупные, настоящие - катятся по его лицу.

Испугалась Попова, спрашивает переводчика: «Что случилось? Какая беда приключилась?» А переводчик отвечает: «Глава фирмы говорит, что он всё знает. Ему рассказал тракер. Он сказал, что побывал в аду. А вы там не только живете, но и работаете...»

Действительно, условия, в каких мы живем и работаем, непростые. И труд крестьянский - тяжелый, до кровавых кругов в глазах. Но в том-то и состоит уникальность русского крестьянина, что он сумел опоэтизировать этот труд, превратить его в праздник. Откройте календарь земледельца - и вы увидите, что практически каждый день годового круга окрашен или красивым поэтическим обрядом, или традицией общинного труда, или праздником...

Несколько лет назад при поддержке Правительства Вологодской области я разработал целый цикл деревенских праздников, связанных с трудовым началом. Праздник Топора, праздник Коровы, праздник Коня, праздник Похвалы русской печке, фестиваль зеленых щей, рыбацкий праздник «По щучьему веленью», банную ассамблею, праздник самодельных драндулетов и т.д., где главным достоинством человека провозглашалось его мастерство, владение крестьянскими ремеслами...

Я думаю, что универсальность нашей деревни является бесценным наследием, которое позволило вчерашним полуграмотным крестьянам стать учеными с мировыми именами, гениальными конструкторами, военачальниками, разгромившими самую отлаженную и агрессивную военную машину фашистской Германии.

Сергей Ильюшин, легендарный авиаконструктор, ушел из деревни в лаптях, чтобы копать канавы на строительстве аэродрома под Санкт-Петербургом. У него было всего четыре класса церковноприходской школы. А уже через двадцать лет встал в один ряд с выдающимися авиаконструкторами мира, а скоро и превзошел их...

Думаю, что наследие универсальной, рукодельной русской деревни еще послужит нам.

«ЖЕЛЕЗНОЕ ПОЛЕ»

На реке Мологе есть небольшой старинный город Устюжна, которому почти восемьсот лет. В нем нет больших многоэтажных домов, дымных заводов, шумных, забитых автомобилями улиц и проспектов. Здесь в зелени садов и цветущей сирени дремлют тихие улочки большей частью с деревянными домами, украшенными затейливой резьбой.

Каждое лето в Устюжне на берегу речки Мологи, впадающей в самое крупное рукотворное водохранилище мира - Рыбинское, проходит международный фестиваль кузнечного ремесла. Несколько дней и даже ночей на центральной площади городка звенят молоты и наковальни, кузнецы, приехавшие из разных городов и сел нашей страны и из-за её пределов, соревнуются в этом удивительном огненном ремесле.

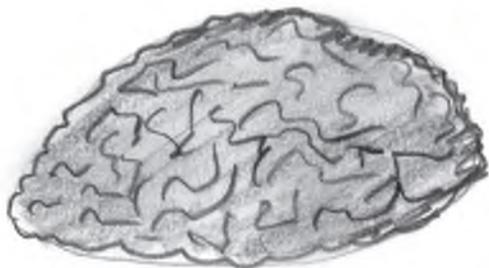
Место для проведения кузнечного фестиваля выбрано не случайно.

Накануне, устав от подготовки к фестивалю, я пошел на реку с моими товарищами на Мологу искупаться и, выплывая на берег, зацепился ногой за какой-то плоский камень. Не поленился и вытащил его на берег. Камень был очень странный. Рыжевато-розового цвета, пористый. По форме он напоминал толстую лепешку. Мы заспорили: что это такое: ни каменное, ни железное? А вдруг это осколок какой-нибудь внеземной цивилизации, прилетевший к нам из космоса?

1. РУДОЗНАТЦЫ И КРИЧНИКИ

Мы отправились за ответом к моему другу, хранителю и собирателю всяческой древности, резчику по дереву Владимиру Жабреву.

В глубине сада у Жабрева был старинный каретник, где когда-то давно стояли кони и экипажи для дальних разездов. Теперь в этом каретнике была собрана всевозможная старина.

Крица - таинственная находка

Поломанная мебель красного дерева из дворянских и купеческих домов, музыкальные инструменты, старинные латунные и медные самовары, колокольцы и бубенцы, хомуты, седла, лампы, светильники, ковши, рукомойники...

Главная гордость Жабрева - коллекция старинных ремесленных инструментов. В каретнике у Владимира мастерская. Больше всего он любит вырезать из дерева всякие диковинные фигурки, которые в День города продает на ярмарке.

...Жабрев был за работой. Он отложил инструменты и взял в руки таинственную находку.

- Так это же крица! - воскликнул он удивленно, разглядывая тяжелую рыжую лепешку.

- Крица!? А что это такое? Она случайно не из космоса прилетела к нам - вон какие края у нее обожженные?

- Эта крица наша, земная, устюженская. Ей, может быть, лет пятьсот, а может быть, и вся тысяча. С крицы, можно сказать, началась история современной цивилизации.

Когда-то давно, может, тысячу лет назад, может, две, в болотистом Устюженском крае было положено, как утверждают историки, начало русскому железоделательному промыслу. Говорят, что и первое русское железное оружие было изготовлено тоже здесь... В здешних краях зарождалась металлургия, которая завершилась созданием металлургического гиганта «Северсталь», о котором знает сегодня весь мир.

Деды-рудознатцы искали болотную или луговую рыжую землицу - железную руду. А потом ставили на болоте небольшой колодезный сруб и

через него черпали эту болотную землицу, сушили ее, загружали в домницу вместе с древесным березовым углем, разжигали ее, нагнетая в домницу мехами воздух. Когда температура в домнице поднималась градусов до 700, руда начиналась спекаться и плавиться, вытекая по желобу в земляную форму - опоку.

Вот так и получалась крица - лепешка весом в четыре-шесть килограммов, из которой потом в кузнях методом обжига делалось железо. За день такая домница могла произвести до пяти-шести плавок. Так что можете себе представить, как в те времена ценился металл!

Но в средние века Устюжна Железопольская столько выплавляла металла, столько ковала оружия, топоров боевых и плотницких, столько клепала котлов, замков, ключей, сковородок, железных доспехов, столько лила пушек и ядер к ним, что за ней закрепилось название «железное поле России». Потому и кузнечный фестиваль решено было проводить в Устюжне.

2. ОРУЖЕЙНИКИ.

Как ремесло город спасло

И вот почти столько же лет назад, сколько славному городу Устюжне, вторглись на русскую землю несметные орды монголов и татар. Мечом и огнем прошли они по нашей земле, сея кровь, горе, страдания на всем пути... Как ни высоки были стены городов, как ни сильны, ни бесстрашны защитники - ничто не могло устоять перед несметной дикой ордой хана Батыя.

Но вот встала на их пути Устюжна и не пустила Батыеву конницу в вологодские пределы... Устоять горстке устюжан перед несметным войском Батыя помогло ремесло. Именно оно спасло город и всю Вологодчину от Батыева нашествия. Особое секретное оружие изготовили ремесленники-устюжане.

Жабрев достал с полки какую-то странную железную штуковину с торчащими во все стороны шипами.

Таким «чесноком» устюжане свалили с ног конницу Батыя

- Вот это секретное оружие. Называется оно «устюженским чесноком». Смотрите, это связанные меж собою четыре гвоздя. Они-то и образуют «чеснок». Как ни кинь, он всё равно встанет шипом вверх.

Наделали устюженские кузнецы такого чеснока видимо-невидимо, рассеяли его по дорогам и по лугам. И свалили с ног Батыеву конницу.

Пришлось завоевателям несолоно хлебавши поворачивать назад.

И еще не раз мастерство устюжан послужило России. В Смутное время, в 1609 году, устюжане не пропустили через свои пределы войско «тушинского вора» под предводительством пана Косоковского. Он шел с Великой Новгородом с ратью, но врага встретили на своих границах устюжане и дали решительный бой. И тогда Косоковский, видя, что хоть и малочисленны устюжане, но бесстрашны в защите своей земли, повернул обратно за подмогой.

Когда он вернулся с новой ратью, то увидел, что город окружен трехкилометровой крепостной стеной с двадцатью боевыми башнями, с глубоким ровом и частоколом. Все эти крепостные сооружения, да еще и с подземным ходом к реке, устюжане построили за три недели.

Устюжане встретили незваных гостей пушечными и пищальными залпами. Это оружие они отлили из

того самого кричного железа, добытого в болотах. Сражение было жесточайшее, враг отступил ни с чем. С тех пор и пошла поговорка: «Устюжна - железная, а люди в ней - каменные».

А в Полтавской битве победу над шведами принесла русским войскам артиллерия. И опять же пушки у Петра I были преимущественно устюженские да белозерские, из деревни Тырпица.

Когда на Урале начали добывать в больших объемах железную руду и плавить железо, упало значение устюженского поля. И тогда по указу Петра I тридцать лучших устюженских мастеров железных дел вместе с семьями перевезли в Тулу, снискавшую вскоре славу города оружейников. А потому знаменитый Левша, сумевший подковать английскую блоху, мог быть происхождением устюженский...

Жабрев снова взял в руки тяжелую крицу.

- А как же попала эта крица в реку? - спросил я.

- Ну, это совсем просто. Крицу, дуваю, уронили, когда грузили железом баржи да в столицу переплавляли. Самые короткие дороги - реки.

2. КУЗНЕЦЫ.

«Всем ремёслам отец»

В кузне пахнет углем, каленым железом и пригоревшим маслом. Большой и сильный кузнец Алексей Землянкин с ленточкой вокруг головы, с молотком в руке, в кожаном фартуке, по-хозяйски ходит по своим владениям, раскладывая по местам инструменты, железные заготовки и поковки.

Сколько всего интересного у него в кузнице! В углу - большой пневматический молот, готовый с нечеловеческой силой обминать, обжимать, плющить, вытягивать раскаленный металл.

В центре кузни - наковальня. Она массивная, тяжелая - целых сто килограммов, стоит на могучем дубовом пеньке диаметром в метр. Рабочий верх у нее плоский, он называется

наличником. С одной стороны наковальни торчит рог. На нем загибают металл и придают ему нужную форму. С другой стороны наковальни - хвост, в котором два отверстия - круглое и квадратное. В них вставляются нужные инструменты, чаще всего зубила, на которых перерубают металл. И вообще, кроме молота, кувалды, клещей, щипцов, зубил, гладилок, правилок у кузнеца множество инструментов...

У стены возвышается горн - сердце кузницы. Горн - это такой металлический шкаф и стол одновременно, к которому снизу подведен воздуховод. Теперь воздух в горн подается электричеством, а раньше для этого служили меха, которые качал подручный кузнеца. На этот стол в железном шкафу насыпается каменный и березовый уголь, который горит и разогревает помещенный в уголь металл под воздействием мощного потока воздуха до белого каления...

Вот тут и выхватывает кузнец клещами раскаленную поковку, кладет её на наковальню, и начинается веселый перестук молотка и молота.

- Чак! - молоток кузнеца ударяет ровно в то место поковки, куда должен быть направлен удар молота.

- Бух! - подручный кузнеца наносит удар по поковке, которая щедро сыплет искры и на глазах меняет свою форму.

- Чак! Бух! Чак! Бух! - переговариваются молоток с кувалдой, а на наковальне рождается нечто похожее на подкову.

Еще несколько минут работы, снова поковка набирает белого каления в горне, и снова звенит на наковальне молоток, потом в дело идет пробой-

ник, которым накальваются в раскаленной мягкой подкове отверстия под будущие гвозди, и вот уже с взрывным шишением и облаком пара подкова окунается в емкость с водой. После купания металл становится твердым и необычайно крепким. Закаленным!

Вот так в прошлые времена выполнялась, наверное, главная кузнечная работа. Лошадей обували в железо, чтобы сберечь конские копыта на каменном пути, чтобы в мороз и гололед лошади крепко стояли на ногах...

А что же наша крица? Кузнец с большим интересом разглядывал нашу находку.

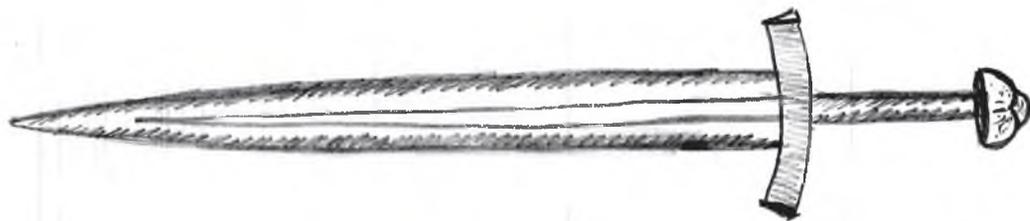
- Знаете, в кричном железе много шлаков и мало углерода. Чтобы крица стала годным для кузнеца металлом, она должна пройти специальную обработку. Сначала надо при большой температуре выжечь шлаки, а потом насытить её углеродом. А углерод как раз и дает металлу ковкость, способность к обработке и закаливанию, которое делает сталь прочной...

- А как насытить её углеродом?

- Раньше железо плавляли без доступа воздуха вместе с костями животных или сургучом. Таким способом можно получить сверхпрочную сталь - булат...

Помните, русские богатыри были вооружены мечами и саблями булатными...

А на Востоке тамошние кузнецы изобрели дамасскую сталь. Секрет её состоит в том, что «женское» железо с низким содержанием углерода сплавляли в горне с «мужским» железом - с богатым содержанием углерода. Потом спаянную из двух начал поковку

Меч - славное оружие русских воинов

расковывали в блин, потом снова сплавляли с «мужским» железом, складывали пополам, снова плющили, и снова спаивали и сворачивали, и так до тех пор, пока в металле не получалось слоев до тысячи... Такой металл имел на срезе удивительный рисунок. И чем богаче был рисунок, тем крепче была сталь. Говорят, что клинком из дамасской стали можно было разорвать в воздухе шелковый платок...

Так что не зря сказано: кузнец - всем ремёслам отец.

Без кузнеца в прежние времена и деревня не стояла, и город не поднимался. В легендах, былинах и преданиях народ наделял кузнецов сверхъестественной силой. Кузнец обладал такой силой, что мог потягаться с самим дьяволом. Английский кузнец Галстен поймал дьявола, привязал его цепями к наковальне и бил молотом до тех пор, пока тот не взмолился. Кузнец отпустил его и наказал, чтобы он не переступал порогов кузниц и тех домов, на дверях которых висит чашей вверх подкова - символ благополучия и достатка.

А кузнец Вакула? Помните «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя? Тот оседлал самого черта и погонял его до самого Петербурга.

Сегодня кузнечный промысел востребован, как и прежде. И вряд ли можно сказать, что современные кузнецы растеряли мастерство. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь приехать на ежегодный международный фестиваль в Устюжне. Каких только диковин не увидишь здесь: давно уже забытое оружие, доспехи, ажурные кованые решетки, скамейки, столы и стулья, вазы, металлические цветы, кажущиеся живыми, и прочие всевозможные декоративные изделия... Кузнецы Митины из города Кириллова не уступят Левше. Они выковали яйцо высотой всего в два сантиметра и разместили на нем восемьдесят подковок. Представляете, какие гвоздики были у этих подков? И какой инструмент для этой работы потребовался кузнецам?

Пока Землянкин с Жабревым рассказывали истории про кузнечное ремесло, руки у них были делом за-

няты... Из кричного железа да разбитых в порошок старых напильников выковали они ловкий аккуратный топорик, кузнец закалил его в масле, наточил на наждачном круте.

- Это тебе память о наших мастеровитых предках, добывших на болоте руду и выплавивших крицу, - сказал он, подавая Жабреву изделие. - Сносу этому топору не будет. Ему любой сучок не помеха. Даже еловый. Настоящий плотницкий топор! Осталось только насадить на топорнице.

3. ПЛОТНИКИ.

«Мужику не в укор,
что за поясом топор...»

Жабрев так обрадовался новому топору, что, не мешкая, отправился делать к нему топорнице. И мы за ним. Интересно было посмотреть, как топорнице мастерят.

- Лучше всего, - рассказывал Володя, - годится на топорнице ясень. Это прочное и упругое дерево. А поскольку ясеня у нас может и не быть, сделаем топорнице вот из этой сухой березовой плашки.

- А как определить длину и форму топорница?

- Длина и форма зависят от назначения топора. А у топора множество специальностей. Топоры бывают боевые и ремесленные: бердыши, протазаны, обоюдоострые, плотницкие, лесорубные, колуны, мясницкие... А теперь вот появились походные - для туристов.

Поднялись на второй этаж каретника, где у Жабрева настоящий музей крестьянского быта и плотницко-

У топора - множество специальностей

го инструмента. Одних топоров там штук сорок...

- Вот этот топор у меня ведущий, - продемонстрировал он сверкнувший сталью первый инструмент из собрания. - Видите - топориче у него длинное и прямое. Это чтобы удар был крепче и чтобы я, не сходя с места, мог дотянуться всюду. А это вот - заместитель ведущего. У него топориче короче. Он служит для более чистой обработки бревна. А это помощник заместителя. А это...

Теперь смотрите сюда: эти топоры с кривым топоричем - для правой и для левой руки. Они служат для отёски бревен внутри дома. Этот топор с кривым лезвием, мне его кузнец специально загибал, - для вырубki чаш. А чаша - это один из способов рубки углов дома. Но об этом, если вам интересно, расскажу позднее. Этот топор с лезвием, развернутым поперек, служит для вырубki пазов в бревнах. Еще его называют теслом.

А вообще-то плотнику много инструмента для того, чтобы построить дом, не требуется... Топор, шнур с угольком, чтобы отбивать линию, металлическая черта, похожая на два разведенных железных пальца (чертой намечают линию вырубki паза в прилегающих друг к другу бревнах), коловорот да двуручный струг для окорки бревен...

Это незаменимый инструмент для хозяйственных работ в деревне. Видите, какие они острые, никоторый не заржавел. Я этот инструмент очень берегу.

А вот знаменитый плотник Нестор, срубивший в Кижах удивительную деревянную церковь Преображения о двадцати двух куполах без единого гвоздя, рассказывают, закинул в Онежское озеро свой топор со словами, что сотворенного этим топором чуда уже никто не повторит...

- Обидно! - сказал я.

- Что? Топора жалко?

- Обидно, что никто повторить не сможет...

Жабрев глубоко вздохнул..

- Ты прав, обидно.

...Топориче вытесали всего за пол-

часа. Жабрев поскреб его кусочком битого стекла, зачистил наждачной бумагой, насадил топор и расклинил его сверху. Топор был готов к работе...

- А ну, отгадай загадку, - Жабрев поиграл в руках топориком.

- Давай!

- Кланяется, кланяется, придет домой - растянется. Что такое?

- Ну, раз топор у нас есть, можно отправляться в лес...

Если вдуматься в смысл, легко догадаться, что слова «здравствуйте», «здоровье», «дерево», «древесина», «деревня», «древний» имеют один корень и один смысл.

Лес для русского человека - дом родной. Это его защита, его место обитания и пропитания. И для древнего нашего предка благополучие, здоровье, долголетие, безопасность, уверенность в будущем связаны были с пребыванием в лесу, под кронами деревьев.

В лесу он прятал разделанные поля с посевами хлеба. В лесу он спасался от набегов кочевников, в лесу он добывал пропитание, охотился, собирал ягоды, грибы... Русский крестьянин, соседствуя с лесом, создал целую цивилизацию, деревянную цивилизацию, в которой главным инструментом был топор, а главным ремеслом было ремесло плотника.

Плотники на Руси работали артелями. Да и вообще на Руси прежде всего ценились артельность, заединщина, соборность... Как говорит поговорка: «Дружно - не грузно, а врозь - хоть брось!».

В прежние-то времена плотничьи артели ходили по всей России. Москва наполовину была деревянной. Плотничьим ремеслом жили владимирцы, рязанцы. Недаром за рязанцами по сей день держится прозвище - «Рязань косопузая». Это потому, что трудно было встретить рязанского мужика без топора за поясом, который перекашивал фигуру плотника.

Петербург же строили северные плотники. Он хоть и каменный, но и там без плотников не обошлось. И флот Петра I тоже строили плотники.

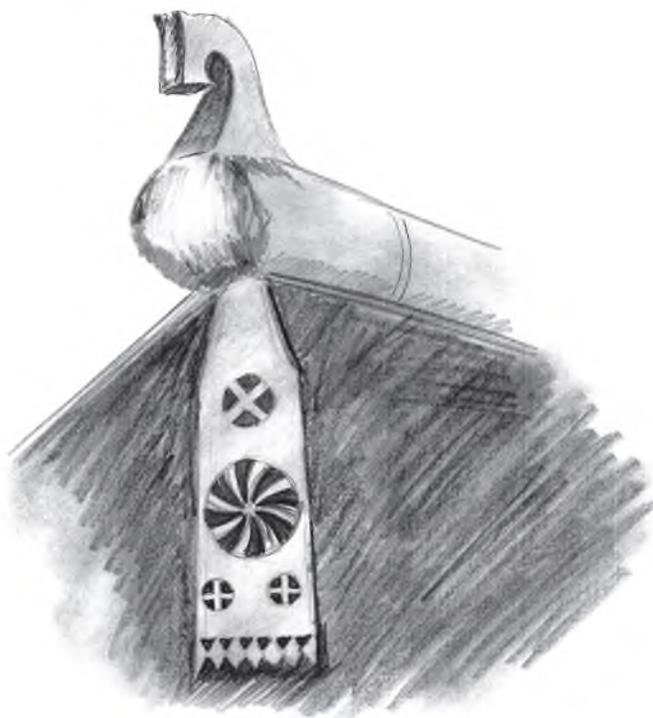
Русский художник, исследователь деревянного зодчества академик

Игорь Грабарь называл Россию страной зодчих.

...Если в деревне звонко переговаривались топоры, то у этой деревни большое будущее. Так было всегда.

Северные плотники, согласно преданиям, когда ледник наступал, ушли в Индию и мастерство свое туда принесли. Индийские храмы сохранили в себе черты нашей северной деревянной архитектуры. Недаром главного индийского бога зовут Кришной. По нашему будет Крыша...

Наверное, каждому уважающему себя мужчине стоит поработать недельку-другую в плотницкой артели, чтобы понять, как надо пазить бревна, рубить чашу, узнать, какие бывают углы у северных домов, что такое «обло», «лапа», «прямая и косая зарубы», что такое «матица», «перевод», «воронец», «стропила», «повальная слега», «обрешетка», «конек», «причелина»...

Конёк венчает избу

4. ВЗДЫМЩИКИ, ДЕГТЯРНИКИ, ГРИБОВАРЫ, БЕРЕСТЯНЩИКИ...

Тайны Барсучьего бора

Полевой дорогой въехали в светлый березняк. Белоствольные березы были как на подбор высоки, полнотелы. Но дальше я заметил, что многие березы грубо ободраны и непривычно чернели стволами. Поначалу я думал, что березы болеют какой-то странной болезнью, однако кроны деревьев были зелены и, казалось, не были угнетены никакой болезнью.

Я спросил про березы у Жабрева.

- Это бересту заготавливали на поделки. Раньше смолокуры обдирали их. Деготь гнали из бересты.

- Но это ж варварство! Сколько лесу погублено.

- Не расстраивайся. Это ремесло урона лесу не наносит. Через год-другой на стволах появится новая береста.

Дорога привела нас в низину. Колеса исчезала в зарослях мха. Скоро мы уже преодолели моховое болото и зашагали бодро по вновь обозначившейся колее. Туман всё ещё не покидал лесных пределов, и от этого лесной мир казался уютным и даже домашним.

Через час мы вышли к берегу лесной речушки, заросшей ивняком. В одном месте на речке был устроен заезок. Речка перегорожена частоколом и еловым лапником, в середине частокола поставлена верша, сплетенная из ивовых виц. В верше трепыхалось несколько рыбешек. По частоколу был проложен переход, и мы довольно легко перешли на ту сторону речки.

Как ни торопились мы поскорее попасть на грибные места Барсучь-

его бора, но, перейдя речку, надолго затормозили.

За прибрежными кустами стояла низенькая избушка, крытая еловым корьём. Рядом с ней было устроено некое подобие печки под открытым небом с топкой, с каменкой, с глиняным котлом, наглухо закрытым, из которого выходили две трубы.

Всё вокруг хрустело углем, рядом с печкой валялись старые сосновые пни, выкорчеванные зачем-то вместе с корневищами. Это был лесной смолокурный заводик. Вот из этих сосновых пней, из спрессованной в пачки бересты выгоняли смолу, дёготь, делали сапожный и корабельный вар, получали скипидар. Вар этот делает обувь недоступной для воды и предотвращает гниение ниток.

Деревянные лодки и корабли тоже смолят перед спуском на воду, чтобы они служили как можно дольше.

Русский крестьянин широко использовал деготь. Он смазывал дёгтем сапоги, чтобы не текли, смазывал оси телеги, чтобы на них легче крутились колеса, столбы, чтобы не гнили, лечил дёгтем всевозможные кожные болезни, даже делал дегтярное мыло, чтобы избавляться от паразитов.

...Дверь избушки была открыта. Мы зашли внутрь. До сих пор в избушке пахло дёгтем и дымом. Обложенная камнями небольшая железная печка, сооруженная из бочки, стол, сколоченный из нестроганных досок, такая же лавка у стены, нары. На столе - фонарь «летучая мышь», большие кривые ножи и металлические воронки. В углу стояла бочка с железными обручами.

Это были инструменты вздымщиков. Этот промысел до сих пор теплится. Вздымщики собирают в сосновых борах смолу, или живицу, которая потом идет на приготовление ценного сырья в радиоэлектронике и химии - канифоли и скипидара.

Острыми косарями на длинных палках вздымщик наносит на кору сосны косые надрезы, по которым стекает смола в воронку и далее в емкость. Вздымщики за сезон собирают

Береста - материал уникальный

тонны смолы и отправляют ее на лесохимические заводы.

Мы вышли на улицу. Туман покидал низины и быстро растворялся в вершинах сосен и берез.

- А вот, обрати внимание, - Жабрев повел к ямам, полным головешек. - Это угольные ямы, в которых готовили березовый уголь для кузнечного промысла. Уголь получали при сжигании березовых дров при малом доступе воздуха... В молодости до армии я на таком лесном заводике работал вздымщиком. Собирал живицу, - сказал с грустью Жабрев.

- Так сколько ты насчитал здесь лесных промыслов? -

- **Дегтярный, смолокурный, живичный, угольный.** Четыре

- Приплюсуй еще один, - сказал Володя. - Поташный. На таких кустарных заводиках получали из древесной золы методом выпаривания щелочь. Теперь в этом нужды нет, химическая промышленность нашла более дешевые способы. А вот **берестяной** промысел и сегодня имеет большой смысл. Смолокуры и углежогги заготавливали еще бересту для поделок. Лапти плести, березовую посуду делать, короба... Береста - материал уникальный.

Тут Жабрев взял с лавки берестяной туес, в котором лежали ровные обгорелые камушки.

- Видел когда-нибудь берестяной самовар?

И бересты не только лапти плели,
но даже и самовары делали

- Самовар?

- Да. Наливаешь в туес воды, нагреваешь на костре камни и вот этими деревянными щипцами бросаешь камни в туес. Вода тут же закипает. Заваривай и пей. Я предлагаю почавничать после дороги.

Мы запалили костерок, напились чаю из берестяного самовара и отправились в лес.

- Лес может дать человеку всё необходимое для жизни. Вон у той огромной березы в метре от земли остался с весны кран, - показал Володя на вставленную в березовый ствол палочку. - А вон еще кран, еще... Кто-то здесь в апреле собирал березовый сок. Очень полезный и вкусный напиток. Я его тоже в больших количествах заготавливаю, разливаю в пластиковые бутылки и закладываю в морозильную камеру. Квас из березового сока - отличнейший!

Белых грибов на Барсучьем бору было столько, что корзины наши заполнились в полчаса.

- Ещё один крестьянский промысел, связанный с лесом, - грибной. Или **грибоваренный**.

Крестьянин обычно ездил по грибы всей семьей на лошади. В телеге стояли пестеры или сенные кузова под

грибы. Маленькие и взрослые наполняли эти емкости легко. Дома грибы солили и сушили. А дети еще носили грибы на грибоварку, зарабатывая копеечку в семейный бюджет.

А в другой раз семья приезжала уже за ягодами. То ли за клюквой, то ли за брусникой. Это уже другой промысел - **клюквенный**.

Зимой приедет крестьянин в город с мороженой клюквой в пестерях и начнет зазывать покупателя: «По ягоду клюкву, подснежную крупну, по свежую, манежную, холодную, студёную, ядрёную, по устюженскую клюкву. Эх-ва, клюква бабашка, брали Наташки, брали-побирали, с кочки на кочку скакали, лапотки потоптали, ушеницы ободрали, в реку покидали... А река не принимает, к берегу прижимает... ко берегу-бережку ко зеленому лужку...»

5. БОРТНИКИ, БОДЦЫ И ОХОТНИКИ.

Ночные гости

К избушке мы вернулись уже к вечеру.

- Будем ночевать, - сказал Жабрев. - Надо грибы прибрать. Тут я видел, у смолокуров сушилка для грибов сделана. Печку натопим, комаров выкурим, свежего лапника наломаем, перекусим и будем спать, как баре.

Мы почистили грибы, разложили их на проволочной сушилке и затопили печь, прибрались в избушке. Володя сходил к верше, принес забежавших в нее плотвиц, окуньков и хариусов, заварил уху.

В деревянном фонаре был огарок свечи, мы зажгли её и поставили на стол. Души наши ликовали - так волнующе пахла хвойная постель, белые грибы, сохнувшие у печки, поспевающая уха с лавровым листом.

- Э-э, да похоже сюда кто-то заглядывает и кроме нас, - сказал Володя, переступая порог. - В сенцах под крышей в мешочке продукты подвешены, чтобы мышки не достали.

Я проснулся от того, что кто-то горячо целовал меня в ухо и нос. Открыл глаза и в полумраке избушки разгля-

дел рядом с собою лохматую собаку, которая, восторженно повизгивая, лизала меня шершавым языком.

Жабрев сидел за столом с двумя мужиками, хлебавшими уху. По разговору я понял, что это вздымщики, которые только что вернулись с делянок.

- У нас несколько участков и несколько избушек. Мы тут не каждую ночь ночуем. У нас гости редки. Медведь вот приходил не раз в прошлом году, - рассказывали мужики. - Оставим радио, уйдем на делянки, а приемник на весь лес вещает. Вечером приходим - окошко разбито, и кто-то приемник со стола сбросил. Да так несколько раз приходил выключать радио. В один день остались, решили проучить нахала. А медведь-то в окошко и лезет, лапой шурудит, радио пытается нащупать. Пришлось шугануть его. Федя вон кочергой по лапе огрел, да как рявкнет! Мишка от испуга чуть избушку не повалил, как бросился когти рвать... Пришлось вот собаку в лес брать.

- С медведем в лесу дружба худая, - сказал второй вздымщик. - Прежде мужики на медведя с рогатиной ходили без всякого оружия. **Бодцами** звали таких промысловиков. Вот это, Иван, охота так охота, а с лабазов завалить медведя невелик подвиг.

- У меня прадед **бортничал**, - подержал его первый вздымщик. - Надевает в деревьях дупел, приманит пчел и собирает в конце лета мёд. Опасный это, надо сказать, промысел. Борти высоко, пчелы злющи, так жиганут, что летишь с дерева и радуешься, что жив пока.

Да и медведи не упустят случая борти разорить. Так прадед наш чего делал. Подвесит на веревке тяжелую чурку вдоль ствола пониже борти, вобьет в нее гвоздей да заточит их. Мишка на дерево полезет, махнет лапой по чурке, чтобы не мешала, поранится, заревет... А мёду всё равно охота, только бы ему дальше лезть, а чурка возвращается и в бок его гвоздями. Он еще пуце бьет, а чурка сильнее раскачивается и всё сильнее ответно бьет медведя. Поревит, поревит

от обиды, да так ни с чем и уйдет ко-солапый.

- Однажды зимой лесорубы тут вот, на Барсучьем бору, - заговорил второй вздымщик, Федя, - потревожили в берлоге огромного медведя. И пошел тот шататься, добывая себе пропитание. Среди бела дня на лесной дороге напал на учительницу и убил её.

- Ох ты, беда какая! - вздохнул дед Маркел.

- Уж куда хуже, - согласился Федя. - В окрестных деревнях началась паника. Послали гонцов к старому охотнику Сивирю. Был у нас тут такой **медвежатник**. Ему уже за семьдесят было. Вот приходят к нему посыльные: спасай! Сивиря не заставил ждать. Скоро собрался в путь, взял с собой из съестных припасов только мешочек присоленных сухарей. От растерзанной учительницы следы уходили в чащобу. И Сивиря встал на след, пошёл распутывать медвежью грамоту. Скоро зверь почувал охотника.

Наверное, понял, что идет его смерть. И стал уходить. Он был в сто раз сильнее и сноровистее старого охотника, но охотник шел за ним, не отступаясь, день и ночь, второй день и вторую ночь, ни на минуту не давая отдыха ни себе, ни зверю. Только сухарик за сухариком бросал в рот. И наконец медведя охватил ужас, начал он метаться, терять силы и к концу третьих суток пал без движения. Сивирю даже стрелять не пришлось.

Тут за окном избушки яркой вспышкой ударила молния, и следом над крышей так грохнуло, что, казалось, мир раскололся пополам. Сверканье молний и грохот слились воедино, но скоро гроза откатилась в дальние пределы леса, а на крышу нашего пристанища обрушился ливень. Под шум его я сладко уснул, согреваемый горячим собачьим телом.

Утром я выскочил на речку умыться. Промытый грозовым ливнем лесной мир сиял мириадами капель, вода в речке вспухла и несла на себе невесть откуда взявшиеся по-осеннему золотые листья берез.

В верше билась какая-то большая рыбина, так что заезок сотрясался.

Пришел Жабрев, поднял вершу и вытряхнул на берег большущую щуку, гневно открывающую зубастую пасть.

Вскоре мы уже сидели за столом вместе со вздымщиками и наслаждались копчёной щукой.

- Ночью про охотников говорили, - спросил я. - Охота теперь ремесло или это забава?

- Да, сейчас охота стала отдыхом, развлечением, - горячо откликнулся Володя. - А еще лет двести назад это был настоящий промысел, сравнить его можно разве что со старательским промыслом, на котором добывали золото.

Наших предков расстояния не страшили. Известно, что еще в XI веке русские проторили дорогу в Сибирь. А скорей всего, и раньше эти пути были изведаны. Главный интерес для европейцев в Сибири представляли меха. Поэтому и промысловик, и купец часто был в одном лице.

На охоту в Сибирь уходили ватагами. В ватаге человек тридцать-сорок. Главная цель - соболь. Местное население било соболей стрелами, русские ловили их в клепи. За сезон можно было добыть 10-20 соболей. И только особенно удачливые добывали до сотни.

Соболь стоил в Москве бешеных денег - от двадцати до двухсот рублей. Промысловик получал полтора-два рубля. Надо учесть, что казак в Сибири получал годовое жалованье из царской казны в пять рублей.

Когда охотник менялся с местными вогулами, то за железный топор ему давали двух-трех соболей. Это был выгодный обмен для обеих сторон. А на Чукотке казаки меняли медный котел на такое количество шкур соболя, какое входило в котел. При этом чукчи смеялись над глупыми русскими, которые совершают такой невыгодный обмен.

Сибирь в XVII-XVIII веках была для России тем же самым богатством, что для Америки Клондайк. Сохранилась государственная статистика: в семнадцатом столетии в Сибири было добыто и вывезено в Европу около 10 миллионов соболей. А по мере оскудения угодий охотник продвигался

всё дальше и дальше, освоил Восточную Сибирь и в восемнадцатом веке уже добрался до Тихого океана, а скоро и переплыл его.

Вот такая краткая история вологодского охотничьего промысла. Именно вологодского, тотемского, устюжского, потому что из наших краёв первыми ушли осваивать Сибирь.

...Вздымщиков ремесленная тема очень заинтересовала. И они наперебой стали вспоминать истории, связанные с лесными промыслами.

6. ЛЕСОРУБЫ.

Какое дерево в сруб положить?

Конечно, главный промысел в лесу определился сразу - это **лесозаготовительный**: его задача - взять строевую древесину.

Выбрать дерево для строительства дома - большое искусство. Тут всё имеет значение: в какое время ты срубил дерево, где оно растёт, сколько лет ему. На строительство дома идет обычно сосна или, за отсутствием последней, - ель. Прежде, бывало, строили дома из лиственницы.

Но лиственницу могли позволить себе только богатые люди, поскольку везти её приходилось далеко, а по рекам лиственницу сплавлять нельзя. У нее удельный вес больше, чем у воды. Зато дом из лиственницы будет стоять века! Он гниению не подвержен. Из лиственницы построено имение Гальских под Череповцом. Там теперь музей и можно увидеть этот дом: брёвна в стенах прямо-таки гигантские, в полметра каждое.

- Мой дом тоже из лиственницы построен, - похвастал Володя. - Когда-то в нем располагалась почтовая ямская станция с постоянным двором. Она тут с гоголевских времен стоит. И еще простоит не один век.

- А мне в жизни приходилось встречать дома, построенные из осины, - подхватил разговор вздымщик Федор. - Этим домам было уже за триста лет, но они не покосились ни в какую сторону, а топор от бревен отскакивал с искрами.

- С искрами? - удивился я.

- Да. С искрами. Такую железную крепость набирает в себя осина, если её правильно заготовить и высушить.

- Тогда надо все дома строить из осины. Вон сколько ее в наших лесах.

- Жить в осиновом доме трудно, - возразил первый вздымщик, Иван. - Дело в том, что сосна, ель поддерживают в человеке его энергию, а осина эту энергию высасывает.

- Дерево-вампир, - сказал Володя. - Об этом свойстве осины люди хорошо знали, поэтому считалось, что в могилу колдуна нужно вбивать осиновый кол, осина лишит колдуна его злой энергии. А знахари больного человека обкладывали осиновыми плашками, тем самым снимали у него жар...

- Поразительно!

- В наших краях самым ходовым деревом для строительства является сосна, - сказал Иван. - Ей должно быть не меньше ста лет. Нужно выбрать сосну, в которой накоплено побольше смолы, - кондовую. Смола защищает дерево от болезней и гниения, поэтому сосновый дом для здоровья полезен.

- А тесаные стены соснового дома благоухают смолой и светятся так, словно в доме поселилось солнце, - добавил Володя. - В наших краях лесорубы называют поверхностную часть ствола - она может быть толщиной до нескольких сантиметров - мяндой. Она непрочна и подвержена гниению. Далее идет конда - смоляная часть. И чем больше её в дереве, тем прочнее оно, тем дольше простоят дом.

- Сейчас лес пилят, но лучше его рубить топором, - сказал Федор.

- Это почему? - удивился я. - Пилой, должно быть, легче. И производительность выше.

- Прежде лесорубы и плотники пилами не пользовались, - отвечал Володя. - Годовые слои дерева при заготовке его и при строительстве топором заминались, закрывались, и влага в дерево не проникала. Поэтому старинные дома, срубленные топором, стояли дольше. Первые пилы

появились на Руси при Петре I. До этого их с успехом заменяли топоры. Бревно раскалывалось клиньями и тесалось. Так получались доски.

- Но это ж утомительно долго! Сколько же времени надо, чтобы построить дом? - посетовал я.

- А вот и неверно, - возразили вздымщики. - Раньше лес для новостройки заготавливали всей деревней в один зимний день. В один день ставили сруб, а уж потом хозяин доводил дом до жилого состояния. Называлась такая дружная общинная работа помочами.

7. СПЛАВЩИКИ.

По большой воде

Как доставляли на большие стройки лес, когда не было ни асфальтовых, ни железных дорог? Это сколько надо леса перевезти, чтобы построить целый город?

Самое быстрое и доступное средство - вода. В прежние годы лес можно было перебросить только по сплавным рекам. Дорог не было. Поэтому был такой промысел - сплав, и было очень интересное ремесло - сплавщики леса.

Малые реки Севера еще хранят следы молевых сплавов. Обрушенные берега, деревянное, выстланное топляками дно. И Молога, и эта лесная речка этой горькой участи не избежали.

Всю зиму лесозаготовители рубили лес, возили его на берега лесных речушек и складывали через слепи ряд за рядом в бунты. Получалась гора леса в несколько тысяч кубометров. Бунтов было много. По всей реке на протяжении двадцати-тридцати километров ее стока ставились бунты.

Как только вешние воды поднимались, начинался весенний сплав. Тысячи и тысячи кубометров древесины опускались в реку, вода несла бревна вниз по течению... Задача сплавщиков и состояла в том, чтобы вовремя спустить огромные склады на воду и провести древесину по реке, устраняя заторы.

Но заторы случались постоянно. Где-нибудь на речной излучине бревно вставали дыбом и тормозили весь сплав. Река шумела, ревела, пытаясь протолкнуть образовавшийся «тромб» дальше, бревна всё глубже зарывались в речное дно, вспарывали речной берег, обрушивая в воду огромные пласты земли вместе с росшими на ней деревьями.

А сверху всё плыли и плыли бревна, создавая жуткие нагромождения. На этот случай выше по течению создавались плотины, через которые пропускали воду. И как только получался затор, сбрасывали накопленную воду, которая поднимала на своих плечах многометровую деревянную пробку.

Нужно было разобрать с помощью одних только багров затор и пропустить древесину дальше, где уже в большой реке на широкой воде отсекалась обновкой часть акватории на несколько километров вдоль берега и создавались запани, в которые ловили плывущий лес. Потом из этого леса будут собирать плоты, или ерши, и отправлять по большой реке буксирами-плотоводами до лесопильных комбинатов...

Такая работа была не только тяжелой, но и крайне опасной. Оступись чуть, сырое бревно повернется под ногой - и ты уже в воде, зажатый со всех сторон бревнами. Если растеряешься, сапоги, намокшая фуфайка, бешеное течение реки затянут под бревна, и найти тебя практически невозможно...

Работа на сплаве требовала не столько силы, сколько сноровки. Я знал сплавщика Митюшку Варфоломеева из лесного поселка Тринадцатый квартал. Несмотря на свою худобу и малый рост, он считался лучшим сплавщиком в районе. Так этот Митюшка вдвоем с подсобником за смену перекачивал до 400 кубометров леса.

Надо знать, с какой стороны к бревну подойти, как вывесить его, передолжить, чтобы оно само, без твоего усилия пошло. А это большое искусство. Не в силае дело, а в сноровке.

Сплава ждали и радовались началу его как празднику. На сплаве за две недели можно было заработать столько, сколько заработаешь потом за весь год.

До организации леспромпхозов крестьяне, заготавливавшие на продажу лес, тоже сплавливали его по малым рекам, но уже не модем, то есть разрозненно, а сформированными заранее плотами. До того как плоты, или ерши, стали таскать специальные буксиры, на водоемах, на которых отсутствовало течение, существовал иной способ доставки плотов к месту назначения. Плотогоня на лодках, заезжая вперед на километр, насколько хватает каната, бросали в воду четырехпалый якорь и возвращались назад на плот. Далее, вращая ворот, наматывали на него канат, подтягивая плот к якорю, потом снова заводили его и снова подтягивали плот, пока течение не подхватывало плот. Дальше нужно было умело управлять им.

Сплав - это сложный и многодельный промысел. Но есть такая поговорка: «В лесу дуб - рубль, а в столице рубль - спица».

8. БЕРЕСТЯНЩИКИ.

Как сделать сколотень?

Наши грибы уже почти подсохли. Мы стали готовиться к выступлению. Однако вздымщики не посоветовали нам возвращаться обратным путем.

- После такого ливня болото, перед которым вы оставили машину, переполнилось. Накупаются досыта, - сказал Иван.

- Идите лучше верхней дорогой. Крюка дадите, но зато без приключений, - предложил Федя.

- Хаживал я в прежние годы этой дорогой, - сказал Володя. - Не заросла, чай?

- Пройдете! - уверенно сказал Иван. - Я тут два года тому назад ходил. Там еще деревня будет - Раменье. Вот вам куда надо зайти в поисках забытых ремесел. Раменье прежде славилось рукодельем. Особенно известны были опойковые сапоги. Раменские сапож-

ники снабжали опойковыми сапогами губернскую полицию...

- А что такое - опойковые сапоги? - спросил Санька.

- Это особой выделки шкуры молочных телят. Сапоги из них получались теплыми, мягкими, легкими...

- Про Раменье я слыхал такое предание, - подхватил Володя. - Будто бы ходил Господь Бог по земле с целым коробом ремесел. И раздавал людям эти ремесла. Где гончарный промысел оставит, где кузнечный, где плотницкий, где кружевной, а в Раменье запнулся и рассыпал короб с ремеслами. И стали раменцы мастерами на все руки.

Вздымщики отправились на делянки. Мы пошли проводить их, но едва поднялись от речки до сосен, как в глазах у нас зарябило от невероятного количества молодых, крепеньких боровиков, густо повывлезавших за ночь в беломошнике.

Оставить их было сродни преступлению. Но и собирать было некуда.

- Что делать, Володя?

- Всех грибов не собрать. Но и бросать жалко. Вот что мы сделаем. Изладим-ка что-то вроде сколотня.

Володя достал острый нож, выстрогал деревянную лопатку, сделал на ближайшей, толщиной в самовар, березе продольный разрез и, помогая лопаткой, снял кору.

- Вот загадка, - сказал он. - в копилку народного ремесла:

«Стоит в поле дерево древанское,

На этом дереве семь угодьев:

Первое угодье - в избе обиходье,

Другое угодье в кругу вертится,

Третье угодье - старому и малому потеха,

Четвертое угодье - на крышу крышка,

Пятое угодье - по дорожке след,

Шестое угодье - всю ночь свет,

Седьмое угодье - всему миру масло».

- Береза?

- Береза и на самом деле. А угодья - голик, которым пол метут, веретено, банный веник, береста, лапоть, лучина и деготь, о котором мы вчера говорили. Теперь вот о бересте. Бере-

ста для наших далеких предков была материалом священным. Через бересту, считали пращурь наши, человек общается с миром ушедших. Береста и в самом деле уникальный материал. Она обладает способностью сохранять свежими продукты, в берестяном сколотне молоко и сметана долго будут свежими.

Скажу сразу, как сколотень сделать. Его снимают с березовой чурки целиком. Потом распаривают низ сколотня в горячей воде и вставляют в дно круглый опилыш чуть большего размера. Всё. Как только береста подсохнет, сколотень готов.

- А у нас береста разрезана. Уже не получится сколотня, - сказал я разочарованно.

- А мы сошьем свои туеса сосновым кореньем. Под берегом вымыло у сосны корни, нарежь нам тоненьких плетешков. Раньше многие корневым промыслом занимались, из соснового корня чего только не плели. И корзины-корневухи, и сундуки, и мелочевку всякую...

Через полчаса наши берестяные короба были готовы. Володя распарил на костре ивовые прутья, скрутил в веревки и изладил из них заплечные ремни.

- Пойдет рыболов на реку, положит пойманную рыбу в пестерь, и не страшна улову жара, береста спасет, - приговаривал удовлетворенно Володя, примеряя заплечные берестяные короба. - Мука в берестяном туесе не прогоркнет, в крупе паутинщик не заведется...

А уж берестяные лапти ноги от стужи и мокроты, от всякого грибка и болезни защитят. Береста и дом, и амбар покроет и не сгниет под дождями. Лодка берестяная легка и поворотлива, на плечах из реки в реку перенесешь. В лесу береста поможет огонь добыть и воду сбересть, и суп сварить, и чаю попить...

- Береста для наших предков была вместо бумаги, - сказал я. - Берестяные грамоты в Великом Новгороде до сих пор археологи в большом количестве поднимают. В них есть и экономика, и политика, и любовь...

А еще береста - это красота в доме. Береста бывает не только белой, но и розовой, и коричневой, и золотистой... В Великом Устюге до сих пор процветает шемогодская резьба по бересте. Работы устюжских резчиков по бересте не раз завоевывали золотые медали на всероссийских и международных выставках.

Вот вам и береста и лапти! Лапотная деревня покорила своим искусством целый мир.

...Брали мы только шляпки белых, но туеса наши наполнились быстро. А грибов еще оставалось видимо-невидимо.

Мы вышли в путь, бодро шагая лесной тропой, увешанные берестяными коробами, полными белых. Через час, когда мы едва волочили ноги, лес распахнулся, и мы увидели крыши домов.

9. ХРАНИТЕЛИ КОЛОДЦЕВ.

Солнечная земля

- Раменье! - сказал Володя, вздохнув. - Сюда бегал я в молодости на беседы. Считайте, что пришли.

Обессиленные, мы присели на опушке и стали разглядывать деревню. Странная, надо сказать, была эта деревня. Видны были только крыши и трубы, всё остальное утонуло в травяных джунглях. Ни собачьего лая, ни коровьего мычания, ни человеческого голоса. Стало как-то не по себе.

- И название у деревни тоже странное, - сказал я. - Раменье в переводе с санскрита означает - «солнечная земля». «Ра» - солнце, «ма» - земля.

День уже клонился к закату, а сил продолжать путь к машине не было.

- Придется еще раз ночевать вне дома, - сказал Володя.

- Может, кто и приютит нас в Раменье-то...

Мы с трудом поднялись и пошли к деревне. Чем ближе подходили мы к ней, тем гуще и выше поднималась дикая трава вперемежку с крапивой, жалившей наши незащищенные руки, словно каленым железом.

Жабрев шел впереди, с хрустом проламываясь сквозь травяные джунгли, которые поднялись уже выше головы.

- Осторожно, - предупредил он. - Справа известняковая яма. Не провалитесь.

Действительно, сквозь траву белела довольно большая и глубокая выработка в земле.

- Возьми на заметку. Здесь крестьяне добывали известняк, обжигали его, гасили и получали известь на хозяйственные нужды. Некоторые деревни, где были месторождения известняка, сделали добычу извести и продажу основным промыслом...

Наконец мы пробрались к крайней избе. Это был двухэтажный, в десять окон по переду, дом с высоким резным крыльцом и большим двором, почти скрытым в зарослях ивы и черемухи. Жабрев повернул кольцо в дверях, они легко открылись вовнутрь, словно приглашая долгожданных гостей.

Мы вошли и стали подниматься по скрипучей, крашенной охрой лестнице с такими же охрянными балясинами.

Всюду, начиная от лестницы, в сенях, в самой избе был полный порядок. Но дом был пуст. Казалось, что хозяева только недавно отъехали на денёк-другой погостить в соседнюю деревню. И только из красного угла внимательно и строго смотрели на нас с икон печальные глаза святых. Да самодельная рамка под стеклом хранила запечатленное деревенским фотографом прошлое своих хозяев.

Кровать была заправлена, и горка подушек дождалась усталых путников. На столе, крытом клеенкой, на медном подносе стоял самовар и заварной чайник. На печке за занавеской торчали голенища валенок, на печном шестке - лучина, приготовленная на растопку, и коробок спичек, в печке за заслонкой клеткой сложены дрова.

- Разгружаемся, - скомандовал Володя. - Тут и заночуем. Затопим печь, высушим грибы, почеевничаем.

- А где же хозяева? - спросил я, пытаюсь не выдать тревоги, которая давно уже поселилась в моей груди.

- Похоже, мой дом этот брошенный, - ответил печально Жабрев. - Впрочем, как и вся деревня. Эта де-

ревня лет тридцать назад была признана неперспективной. Таких деревень были тысячи. Лучшего случая для экспедиционеров, которые ищут исчезающую деревянную цивилизацию, не представится.

Мы сбросили тяжелые пестери с плеч.

- Надо только раздобыть воды... - Володя подал мне ведра. - По линии улицы должен быть колодец. Но такие колодцы со временем, когда срубы сгнивают и рассыпаются, превращаются в опасные ловушки для людей и для скота. Поэтому пойдем вместе.

- Может, здесь вообще нет воды?

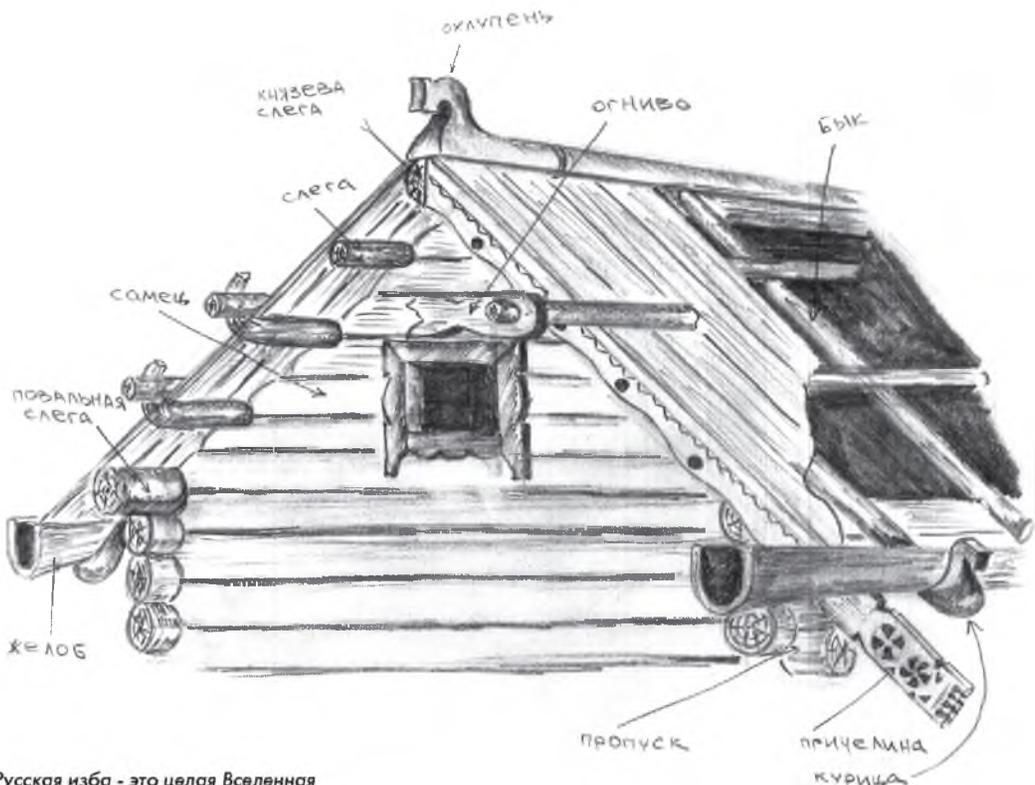
- А вот такого быть не может, потому что любая деревня прививалась к воде. Или к реке, или озеру, а если не было ни того, ни другого, то искали подземные водные жилы и копали колодцы. Было прежде такое ремесло на деревнях - копатели колодцев. Эти мастера без ошибки определяли, где проходили водные жилы.

- Хм, - сказал иронично я. - Как найдешь эти жилы, если они под землей?

- Увидеть их довольно просто, - отвечал Володя. - Часто эти подземные источники имеют выходы на поверхность. В народе их зовут потными местами, родниками, ключиками. Место прохождения жилы можно определить по составу и состоянию растений. Или, проще всего, вечерней порой понаблюдать, как зарождаются в этой местности туманы. Они точно повторяютхождение подземных водных жил, хоть на карту наноси.

Мы спустились с крыльца в травяные джунгли и двинулись вдоль деревни, врубаясь палками в заросли. Насколько видно было, впереди вдоль улицы стояли такие же мощные крестьянские дома с подклетьями, огромными дворами, одичавшими садами, спешно оставленные хозяевами по какой-то неведомой грозной причине.

- Здесь колодец, - окликнул Володя, обминая траву вокруг дряхлого, подернутого зеленью сруба. - Подходите осторожно.

Русская изба - это целая Вселенная

И сруб, и ворот, и цепь с ведром на колодце были целы. Далеко внизу в черном квадрате воды светился кусочек голубого неба.

Мы достали воды, попробовали её на запах и вкус.

- Удивительное дело! - сказал Володя радостно. - Никакой затхлости, хотя колодцем не пользуются. Колодец проточный.

Мы припали к ведру с чистой водой, вкуснейшей водой, слушая, как вливается в тело неведомая благодать, энергия и сила.

- Такое ощущение, что батареи перезарядил, - сказал я.

- Всё правильно, - приговаривал Жабрев, разливая по ведром эту чудесную воду. - Наши древние предки считали, что подземными источниками заведуют наши пращурь, ушедшие в мир иной. Вот они и награждают нас щедро новой энергией. Не зря водные источники на Руси звали родниками...

10. ДЕРЕВЯННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Стоит книга-раздвиг а о четырех листах, а середка пуста.

Полные сил, мы вернулись в дом, поставили самовар, затопили печь и сели за разборку грибов. Теперь их можно было высушить в русской печи быстро и хорошо. Сели пить чай. Огромный крестьянский дом не казался мертвым. Он словно жил собственной жизнью.

- Всё правильно, крестьянский дом - это целая Вселенная, - сказал Володя, прихлебывая чаек. - В нем есть все. Крыша - космос, чердак - небеса. Горница, изба, ещё её называют истопелью, земля - где живут люди - мир живых людей, и подклеть, то есть подвал, - подземное царство. Есть мир животных - сени, двор для скота, повить, сеновал, мир неживой - чулан или несколько чуланов, кладовки...

На Севере часто дома бывают двухэтажные, их называют хороминами. А я видел дома, где к жилой части примыкают хозяйственные помещения с мастерскими, кладовыми, со

скотными хлевами, а за ними еще такой же двухэтажный жилой дом. В таком доме легко может разместиться семья в пятнадцать - двадцать человек. А незнакомому человеку в таком доме заблудиться как дважды два.

В некоторых местностях ради экономии топлива дома делятся на летнюю, обычно просторную неотапливаемую избу, и небольшую зимовку с русской печью, где семья коротает холодное время года. А еще в единый хозяйственный крестьянский двор могут входить отдельно стоящие сараи, амбары, мшаники, колодец с водой, ледник... Весь этот комплекс-двор может быть под единой крышей. И тогда сравнение его с Вселенной оправданно. Крестьянский двор - явление самодостаточное, автономное. Есть такая присказка: «Провались земля и небо - я и на кочке пролежу». Это про крестьянское хозяйство...

«Крестьянское подворье похоже на подводную лодку в автономном плавании», - сказал писатель Василий Белов. И он был прав. Бывало, и цари из палат каменных в деревянные терема ездили отдыхать. В Коломне под Москвой был построен самый знаменитый деревянный царский дворец, крытый золотом и украшенный затейливой резьбой, о 270 палатах, или комнатах. Простоял он 100 лет и развалился от старости, но ремонтировать его не захотели, и теперь можно увидеть только фрагменты этого дворца. Получилось как в той присказке: «Залетела ворона в царские хоромы, почёту много, а полёту нет...»

В деревне каждый хозяин был зодчим и плотником. Руководствовался он тремя правилами: пользой, красотой и традицией.

...Сумерничали мы с керосиновой лампой. Поставили в печь грибы, постелили на печи набитый сеном матрас из толстой холстины. Печь была теплой, пахло грибами, каленой глиной и печеным хлебом. Мир вокруг нас был родным, уютным, отчего на душе было светло и радостно.

Забрались спать на душистую постель.

Русская печь и обогреет, и высушит, и накормит

11. ПЕЧЕКЛАДЫ.

Тайна русской печи

**Дедушка старый, весь белый,
лето придет - не глядят на него,
зима придет - обнимают.**

- Однажды гостил у меня один знаменитый писатель из Москвы, - рассказывал на печке Володя. - Он писал про космос, про науку, но вот потянуло его посмотреть на нашу деревню. Вот я и пригласил писателя познакомиться с деревенской жизнью.

Писатель сгоряча согласился. Дело было осенью, заехали мы в одну заброшенную деревеньку и стали топить в промозглой деревенской избе огромную, схожую с пароходом глинобитную печь. Печь сожрала накладки три дров, напротив её устья невозможно было стоять, а в избе оставался мерзкий холод, да и сама печь была холодной, как могила.

- Ничего, - успокаивал я писателя, когда закрыл трубу и мы забрались

на печь ночевать, - часа два как-нибудь выдержим, а потом здесь будет Африка.

Писатель долго ничего не отвечал, но потом сквозь зубовную дрожь выдавил:

- И это ты говоришь мне, специалисту-теплотехнику? Я у самого Королева в ракетном институте работал и прекрасно знаю, что если источник тепла исыяк, начинается медленное остывание, а отнюдь не нагревание.

Я не возражал. А часа через два, мокрые, мы скатились с печи - жара там стояла чище африканской.

- Фантастика! - только и говорил писатель. - Кто ж думал, что простая глиняная печь преподаст урок научному обозревателю «Комсомолки»...

Печка в доме - солнышко на привязи. Она и накормит, и обогреет, и вылечит, и высушит. На печке, бывало, на свет появлялись, на печке росли, на печке и помирали порой. В тяжёлые времена в печках и мылись, и даже спали...

Однако надо признать, что сама русская печь - сооружение не очень экономное. Перед самой Великой Отечественной войной правительство наше объявило конкурс на лучшую экономную печь. Оно и понятно: почти вся Россия дровами отапливалась, сколько леса в трубы вылетало! В конкурсе том приняли участие самые видные умы России. Лучшие проекты были отобраны и сведены в книжку, но до воплощения их дело не дошло. Помешала война.

В конце сороковых вернулся в родную деревню с войны один старый печник, и решил он переложить старухе печь. Ещё на войне попала ему в руки эта книжечка, руки чесались какой-либо проект осуществить. Выбрал печь академика Грум-Гржимайло, специалиста в области черной металлургии. Уж больно звучная фамилия была у автора. Печь сложил, обсушил, затопил. Старуха в печь чугуны поставила и корову доить пошла. Вернулась, сунулась к печи, а чугунов нет. Поплавились чугуны...

Признаюсь, я этой истории сначала не поверил, пока не встретился сам с этим печником и не увидел его печки. К тому времени у него были уже печи собственной конструкции, в которых, правда, горшки не плавятся, но на следующий день после истопки можно пироги печь.

Настолько удивительная у Спирина печь была, что если бы я её собственными глазами не видел и всю руками не обшупал, то ни в жизнь не поверил бы. Печь та топилась без дыма. Вовсе. И еще многое другое было в ней поразительно.

Несколько лет потратил он, чтобы найти то самое решение, сделавшее простую печь-теплушку настоящим чудом. Печь эта требовала дров в несколько раз меньше, жару давала в несколько раз больше, а дыму не давала вообще. Температура горения была в ней такая, что топливо сгорало без остатка.

У обыкновенной печки температура дыма при выходе из трубы должна быть не менее 150 градусов. Если меньше, то по трубе потечет конден-

сат и печь топиться не будет. У Спирина дым на выходе был не больше пятидесяти градусов.

Печник додумался конструктивно перевернуть печь, и дым первоначально стал уходить вниз, в подвал, а потом, уже остывший, потерявший влагу, поднимался вверх. Из примитивного агрегата печь превратилась в чудо, над которым многие ученые бились и не могли получить ответ.

Мастер умер. И вместе с ним ушел, казалось бы, секрет, удивительных чудо-печей. Но я ошибался. Какова была моя радость, когда встретился с сыном Спирина и узнал, что секрет не утрачен, а конструкция бездымных, экономных печей усовершенствована младшим Спириным и что печки конструкции старого мастера сегодня дарят тепло во многих деревенских домах...

...Ночью я проснулся. В окна уже пробивался робкий рассвет. На печке было жарко. Я вспомнил того писателя, который усомнился в свойствах русской печки, и полез охладиться да испить колодезной водицы.

Я стоял у кухонного окна, пил из ковша воду и тут увидел, как на конце деревни в окнах заросшего травой и кустарником дома появился неясный блуждающий огонек.

Я замер. Да, это не было видением отблесков утренней зари. В доме действительно кто-то был и ходил по нему с огнем. Я хотел было уже будить Володю, но тут огонь угас, и снова окна крайнего на том конце деревни дома слепо смотрели на мир черными глазницами... И я решил, что всё это мне приоблазнилось.

12. СТОЛЯРЫ

...С утра мы принялись обследовать дом. Начали с мебели в избе. Надо сказать, деревенская мебель всюду незатейлива. Вот и здесь. Лавки вдоль стен, стол большой обеденный на всю семью, залавки посудные в запечном закутке. Деревянный ушат для воды, деревянные блюда, деревянные ложки, деревянная квашня, ведро для сбивания масла, деревянная скамейка для самовара...

В самой избе - сундуки, деревянные кровати, полати у печки... В матице железное кольцо - очеп, в кольце - шест - зыбильно, на одном конце которого зыбка - берестяная кроватка для младенца.

Ещё есть посудная горка, наверхнее, слаженая местным стол-ляром, резная пе-

Деревенская мебель незатейлива, но надёжна

регородка, отделяющая печное пространство от жилого, расписанная узорами да львами.

Львы - охранительные обереги. Только вот от кого и что они оберегают? Львы охраняют всё, что связано с печью, а печной угол - это чистой воды язычество, огнепоклонство. Всё, что связано с красным углом, - христианство. Там лампы, там иконы, там духовность... Таким образом, в крестьянской избе сошлись две культуры, два верования, которые уже взаимно проросли друг в друга, что разделить их невозможно. А вот обереги остались.

Сундуки - настоящие произведения искусства. Похожих сундуков нет. У Володи Жабрева в каретнике большая коллекция сундуков. Что ни сундук, то авторская работа... Есть сундуки расписные - со львами, с виноградьем, железом окованные, мехами отделанные, украшенные кружевны-

ми подзорами, сундуки со сложными секретными замками и сундуки музыкальные. Откроешь замок, приподнимешь крышку, а изнутри зазвучит музыка. Такой сундук с приданным переходил из поколения в поколения.

В одном из сундуков на коридоре нашли мы набор столярного инструмента. Здесь были рубанки разных размеров, огромные, почти метровые фуганки, шерхебели, зензубели, коловороты, рашпили, надфили, всевозможные пилы: лучковки, ножовки, двуручные, маховые...

Жабрев даже застонал от восторга...

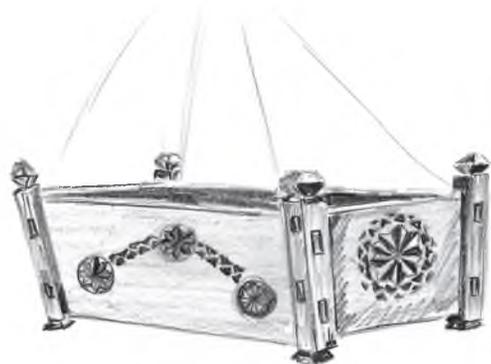
- Представляю, как любил этот мастер свое ремесло, - сказал он с душевным страданием. - И сколько таких вот безвестных мастеров было. С какой любовью крестьяне украшали свои дома пропиленной резьбой! Какие наличники, какое деревянное кружево!

Действительно, деревянное кружево на крестьянских домах встретишь в каждой деревне. И каждое - произведение искусства. Но всё же главное рукотворное чудо - резной иконостас Троице-Гледенского монастыря. Его сотворили в восемнадцатом веке великоустюгские деревенские мастера. Специалисты утверждают, что во всей Европе, со всеми её шедеврами, ничего подобного созданного из дерева не найти.

Столярный промысел распался на три ремесла: столяр-краснодеревщик высшей квалификации, делав-

Хлебница резная

В таких вот зыбках выросло не одно поколение наших предков

ший мебель для дворянских усадеб, столяр белой крестьянской мебели и столяр-чернодеревщик...

13. БОНДАРИ

«Сам дубовый, пояс вязовый, нос липовый...»

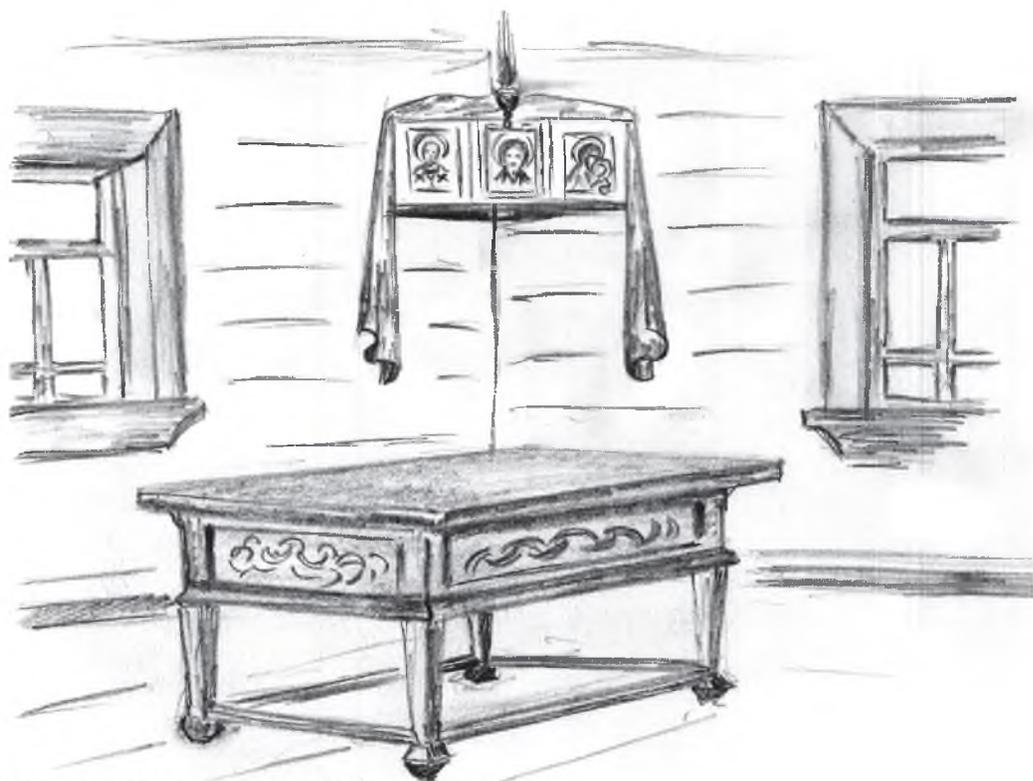
Мы перешли в сени. Центральное место там занимал большой ларь с мукой и крупами, рядом с ним бочка

с солью, бочки для соленых грибов, огурцов, капусты... И вообще по лавкам и полкам сеной были расставлены кадки, кадушки, ушаты, деревянные ведра, лохани, жбаны...

Похоже, в этом доме жил бондарь. Бондарное ремесло - одно из самых почитаемых в деревнях. Без кадушки, бочки, лохани, ушата, деревянных ведер в деревне никуда...

А были еще бочки водовозные, пожарные, морские спасательные. Еще были такие огромные бочки, в которых солили капусту на коллективные нужды. Назывались эти бочки дошниками.

Делали бочки преимущественно из дуба, но в наших краях на бочки шли осина, липа... Дело это непростое - клепки подогнать так, чтобы вода не просачивалась, но врезать донца в уторы и насадить обручи - задача посложнее будет. Прежде обручи были деревянные. «У этого бондаря десятой клепки в голове не хватает», - говорили про мастера, у которого бочки не-

В «красном углу» - самое дорогое в избе: святые иконы

Бондаря в деревне почитали

годными получались. А про мастера, который более хвастлив, чем умел, тоже пословица имела: «Пустая бочка громче гремит...»

Володя достал с полки небольшой бочонок, на котором мы насчитали двадцать деревянных обручей, так плотно подогнанных друг к другу, что трудно было поверить, что бочонок сделан руками. От бочонка исходил тонкий незнакомый аромат.

- Это льняное масло так пахнет, - сказал Володя Жабрев. - Удивительный это продукт - льняное масло. Этим маслом самые грозные болезни излечивают.

14. ЛЬНОВОДЫ

У русского народа на протяжении тысячелетий сохранялась особая любовь ко всему льняному. И одежда была льняная, и скатерть на столе льняная, и простыни на кровати тоже льняные... И не зря.

Лён - здоровье нации. Это растение обладает уникальными бактерицидными свойствами. Известно, что во время первой мировой войны царская армия была одета в льняное нижнее белье, и потому у раненых крайне редко были заражения...

Теперь вот из льна делают и вату и

бинты. И операционные палаты льняной тканью отделяют...

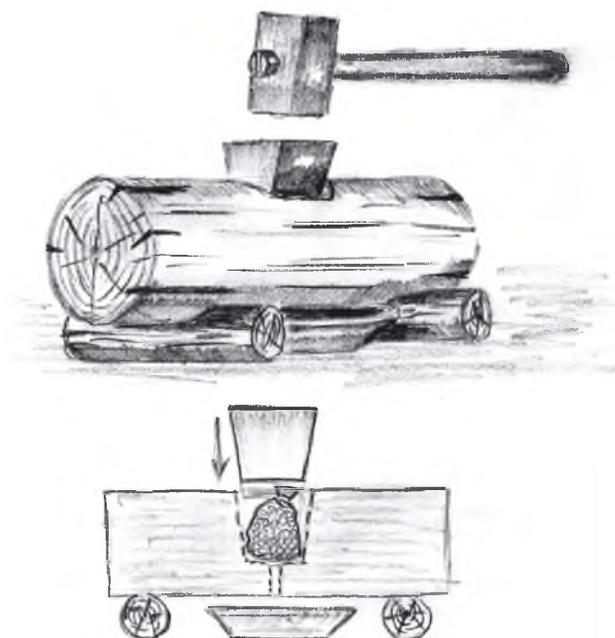
В Большой Советской Энциклопедии в статье «Лён» изложены удивительные факты: «При раскопках свайного поселения на реке Модлоне археологи обнаружили глиняную корчагу с семенами культурного льна. Радиуглеродный анализ семян показал, что возраст их насчитывает более трех тысяч лет». Значит, уже в те времена в наших краях жили люди и возделывали эту замечательную культуру.

Лён в нашем народе - любимая культура, хотя и многодельная. Лён любит поклон. А уж сколько народ придумал вокруг льна обрядов, праздников!

Сеют лён в конце мая, когда хорошо прогреется земля. А сеял крестьянин лён без штанов. Он штаны не надевал, чтобы Господь Бог видел, в какой нужде человек: так обносился, что и надеть ему нечего. Растрогается Бог и пошлет крестьянину хороший урожай на лён. А лён даст крестьянской семье работу на целый год. В августе нужно его вытеревить, свя-

Лён для нашего народа - издавна любимая культура

Маслобойка - простейшая, но очень эффективная

зять в снопы, поставить в суслоны. Потом свезти на гумно, обмолотить, провеять семена, а соломку снова свезти на поле, разостлать под августовские росы, чтобы соломка под их воздействием превратилась в тресту.

Дело в том, что волокно в льняном стебле спаяно с кострою клейким веществом - пектином. Через несколько дней росы разрушат пектин, и тресту снова собирают в снопы, везут в гуменники, где женщины отсортируют лён, льномялкой изомнут, потом очешут остатки костры.

И вот наконец получается пушистое, почти воздушное волокно, из которого долгими зимними вечерами девки и бабы будут прясть нитки, а потом уж из ниток на кроснах станут ткать полотно.

Весной, когда придут мартовские насты, выкладывают холсты на снег и под воздействием солнышка и морозов холсты отбелятся, можно будет уже кроить, шить и вышивать девичье приданое - сарафаны, рубахи, полотенца, скатерти...

А семена, которые не отложены на посев, пойдут на приготовление льняного масла.

...Из сени заброшенного дома прошли мы на повить - верхний этаж двора. Чего тут только не было - наши глаза разбежались. Из каждого угла, из каждой щели, с каждого гвоздя смотрел на нас удивительный загадочный мир крестьянского многоделья.

- А вот она! - обрадованно ахнул Володя, нагибаясь.

В руках его оказалась основательная осиновая чурка, в центре которой было продолблено сквозное сужающееся прямоугольное отверстие.

- Что это? - спросил я в недоумении.

- Маслобойка! Простейшая, но очень эффективная. Вот, видишь, - два плоских клина. Между ними закладывали плотняный мешочек с семенами льна, вставляли в это отверстие, чурбак устанавливали на

деревянные плашки, снизу подставляли плоскую, а сверху ударяли по клиньям кувалдой. И все! Масло готово.

15. ПРЯХИ.

Есть ли душа у прялки?

Я поднял голову, и в глаза мне бросилось яркое многоцветье. Какая красота! Это были прялки. Сколько же их!

- Их ровно столько, сколько в семье было женщин... Считай! - сказал Володя.

Семь прялок висело на переводе, опустив вниз расписные лопатки.

Жабрев улыбнулся.

- Ты чего смеешься? - спросил я.

- Да поговорку вспомнил: «Семь топоров вместе лежат, а две прялки - врозь!»

- Это почему такая дискриминация?

- Все дело в том, что семеро мужиков способны к артельной работе, а женщины - натуры индивидуальные. А раз так, то каждой нужна своя, особая прялка. Потому и повелось, что двух одинаковых прялок у нас на Севере не сыскать.

...Прялка не простой инструмент.

Молодая пряжа у окна сидит...

В этом нехитром приспособлении живет душа, живут легенды и целая народная философия.

Мастер, получивший заказ на прялку, выбирал самую большую, самую лучшую ель, чтобы корни у нее были мощные, широкие. Затем нужно было произнести особое заклинание, подрубая корни, чтобы душа дерева не умерла, а переселилась в будущую прялку. Чтобы в дальнейшем все крестьянские труды были сопряжены с законами и ритмами природы.

Из корня дерева тесалось донце, ствол превращался в лебединую шею с лопастью на конце. А уж потом на лопасть наносил мастер рисунок, резьбу или инкрустацию. Всё зависело от принятых в этой местности традиций. Вихревая розетка обозначала солнце, прямые насечки - гром, косые - дождь, пересекающиеся линии внизу - пашню. А заштрихованные по углам лопасти сегменты - это четыре времени года. Зима, весна, лето, осень... Получается, что на прялке нанесена модель Вселенной. Крестьянин мыслит себя частью этого мира. А отсюда и понимание счастья - ощущать себя частицей вселенской гармонии. Поэтому в народ-

ном понимании из-под пальцев пряжи выходила не просто льняная нить, а нить всей жизни, нить поколений. Ну, а если на лопасти изображено дерево, - это символ плодородия. Змейка с внутренней стороны прялки с насечками - количество детей у её владелицы.

В долгие зимние вечера собирались деревенские девушки с прялками в одной просторной избе, и началось между ними состязание: кто больше напрядет и чья пряжа тоньше. К девицам на огонек приходили парни с гармошками и балалайками, приглядывая самую искусную и работающую, самую пригожую и звонкоголосую.

И под треск березовой лучины сказывались сказки и побасенки, звенели частушки и долгие протяжные песни.

Кстати сказать, в открытом фонде Тотемского музея выставлено сразу более двух тысяч прялок. Вот уж где простор взгляду.

О многом способны рассказать любопытному и знающему глазу старые бабушкины прялки. Так же как и искусно сделанная и украшенная резьбой льномялка на четырех ногах, трепала, похожие на деревянные мечи, большой станок, похожий, как мне показалось, на пароход... Это были кросна, один вид которых воодушевлял.

Инструмент пряжи

16. ТКАЧИ, СКАТЕРНИКИ И ХАМОВНИКИ

Обычно среди зимы с повети приносились в избу стылые деревянные кросна. Начинали звучать новые непонятные слова: нитчанки, пришвица, бердо, притужальник, кобылка...

Вносился в пол избы огромный четырехлопастный ворот, на который сматывались нитки, и начиналась эта самая женская работа, которой предшествовали вечера с бесконечным утомительным прядением льняной нитки.

Каждое уважающее себя ремесло старалось создать вокруг себя некую таинственность, легенду. Вот и ткачи создали свою язык, особую, отличную от остальных систему исчисления - так называемый гайтовый счет.

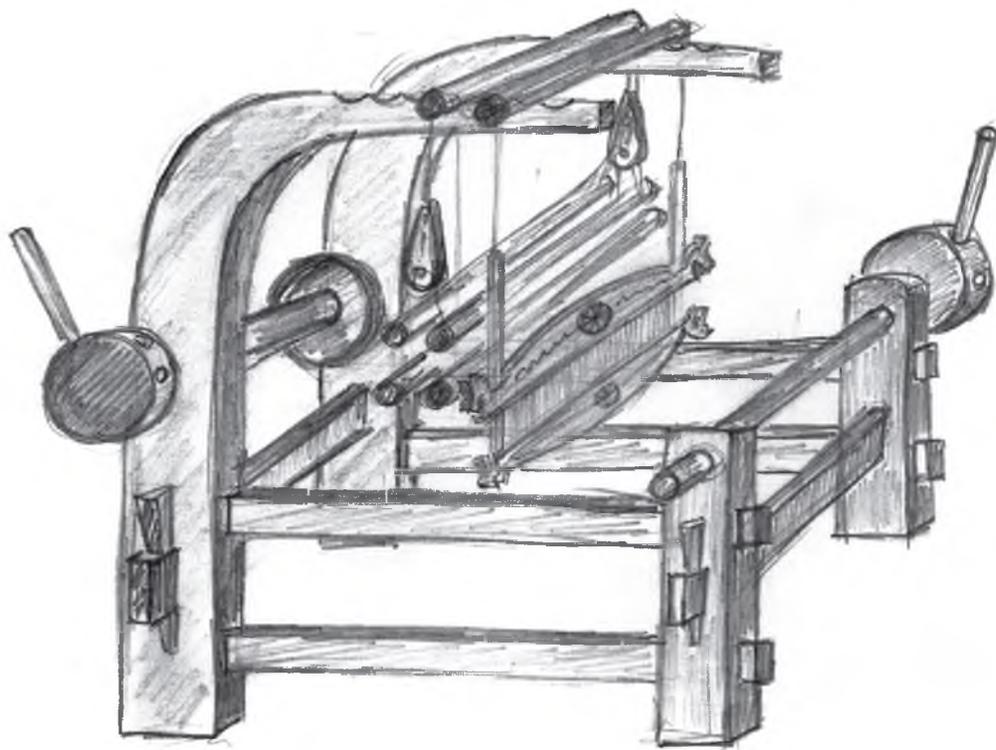
Полотно, как известно, состоит из ниток, одни протянуты вдоль стана - это основа. Вторые, с челнока сматываемые, идут поперек основы. Это уток... Счет ниток идет на чисменки. В каждой чисменке три нитки. Десять

чисменок - будет пасма. Ширина полотна определяет количеством пасм.

...Третий избы занимал ткацкий стан - кросна. Стучало и стучало неустойчивое бердо, скрипели веревочно-деревянные педали-рычаги, росла бабина с готовым полотном.

И так будут стучать деревянные ткацкие станки, наверное, самые сложные машины деревенского русского быта, до самой весны, пока другие неотложные заботы не позовут решительно мастериц. И только еще бабушки, отставленные от забот о печи и хозяйстве, еще засидятся недели две-три за кроснами. А там уже снова разберут их и выставят на повить...

По домам ткали холстину, полотняная пестрядь с крашеными нитками была тоньше холста и шире. Одна из первых полотняных фабрик, подаренная Петром I купцу Затрапезникову, выпускала дешёвое полотно, которое в народе стали звать затрапезным... Ткачей звали еще полотнянщи-

Ткацкий стан - кросна

ками, скатерниками, хамовниками... Отсюда в Москве название района - Хамовники...

Наша бабушка ткала половики. Удивительной гаммы половики, за которыми охотились многие домовладельцы. Но когда я вырос, судьба свела меня с удивительной мастерицей, которую я хотел бы назвать величайшей народной художницей. Звали ее Евдокией Васильевной Пановой. Она свои картины создавала в половиках.

То, что создала Панова, уникально, но творчество её, думаю, до конца еще не оценено. Да и половики с её картинами разбросаны по разным музеям и частным коллекциям.

Началось всё с того, что в тридцатых деревню Нокшино раскулачили. Тринадцать из четырнадцати хозяйств её были разорены, а хозяйева пущены по свету белому. Это от Чёбарских Крестов по старому череповецкому тракту километров семь до отворотки на Любомирово: не доезжая его надо свернуть на Думино и - к самым лесам, из которых вытекает речка Угла. В прежние времена звали это место «золотым дном» и еще Украиной. Потому что урожаи здесь были всегда высокие.

В наши дни почти не осталось и следов от прежних крестьянских поколений. По зарастающей лесом дороге попадешь в такие грибные места, где белые в хорошие годы растут стеной. Благодатна здешняя земля. А судьба крестьян, растивших на ней хлеб, - трагична.

Евдокия Васильевна Панова рассказывала мне, что она после того, как изгнали ее семью из Нокшина, как разорили родное гнездовье, сорок лет не пела. А была прежде знатной певуньей. Сорок лет молчала в душе её музыка. И только в восьмидесятых вновь запела.

А еще открылся в ней великий талант художницы, и с кросен ее стали ходить невиданные половики - картины прежней жизни. То картина сенокосной поры: люди в праздничных нарядах на лугах метают стога, лошаадь, покосный костер и полевой стан. А вот санная дорога и свадеб-

ный поезд, деревенька Нокшино - все четырнадцать домов. А одна изба распахнута, и веселое гулянье идет в избе и на улице. Деревенская беседа, где девушки прядут, парни играют на полу в карты, дети разглядывают с печки участников посиделок.

И половики - картина раскулачивания, где всё до последней детали документально. Вот уводят со двора скотину, и красноармеец тащит из дома хозяина, а вот увозят арестованных крестьян со связанными руками на телеге под конвоем.

Есть у нее половики - семейный портрет Евдокии с мужем, есть Пушкин с Натальей Николаевной, есть деревенские храмы, от которых сегодня остались лишь каменные остовы, поросшие на кровлях березами.

17. КРУЖЕВНИЦЫ

Володя уже тащил из угла повити на свет раздвижные деревянные ножки, какую-то круглую цилиндрическую подушку и берестяную коробку.

Это было оборудование самого знаменитого вологодского промысла - кружевоплетения. Подставка о четырех ногах - кутуз, на котором выплетают кружева, палочки, на которых наматываются нитки, - коклюшки, образцы кружева - сколки, булавки. Есть всё, чтобы сесть да кружева плести. Одного только не хватало - умения. Этому ремеслу нужно учиться основательно. Да и талант нужен.

Ещё лет триста назад вологодское кружево было брянсельским. Эту моду на кружевные воротники и манжеты из золотых и серебряных нитей завезли сюда голландские купцы. Но вологжане, восприняв чужое ремесло, обогатив его, заменив золото и серебро на льняную нить, вложив душу и вологодские мотивы, сделали кружево едва ли не национальным символом. В вологодском кружеве увидите вы и морозный узор на окне, и закуржавивший иней на ветках, и клюквенные плети на болоте, украшенном россыпью багряных ягод...

Вначале кружева плели из золотых и серебряных нитей, и были они бас-

нословно дороги. Но вскоре вологодские кружевницы перешли на льняную нить, сделав кружево доступным не только для дворян, но и для крестьян.

В начале прошлого века в деревнях надомницами работало уже более сорока тысяч кружевниц. Вологодское кружево шло как в пир, так и в мир, так и в добрые люди. Сидят кружевницы за кутузами, напевают тихонько, стучат звонкие коклюшки, словно сотни кукушек с весеннем лесу песни незамысловатые бьют. А гляди ж ты, какие чудеса рождаются из переплетения нитей - дух захватывает. На Всемирных парижских выставках вологодские кружева не раз получали самые высокие награды.

Вологодское кружево - процесс трудоемкий. Иную скатерть или уникальное платье плетёт не одна кружевница, а целый коллектив не меньше полугода. Дорогая получается вещь, но другой такой уже не будет в целом мире... И это дает уверенность, что кружевной промысел не умрет.

А сегодня в Вологде ежегодно проводится Всероссийский конкурс кружевниц и готовится к открытию единственный в мире музей кружева...

18. ПОРТНЫЕ

В углу, между крышей и настилом из досок, стояла маленькая швейная машинка, на корпусе которой было написано наполовину уже стершимися золотыми буквами: «Zinger». Мы поставили ее на столярный верстак, открыли замок и получили возможность заглянуть внутрь этой чудесной машины. Все было в ней до изумления просто, но самое главное было в том, что машинка работала...

Сколько ей пришлось поработать, обшивая деревню! Сто лет назад такая машинка была редкостью на всю округу и стоила не одну корову... И если прядка имела для наших предков такое значение, то уж крестьянский костюм, как и дом, имел значение не меньшее.

Наши предки воспринимали мир в виде некоего мирового древа, где вершина - космос, корни - преисподняя, мир ушедших предков, и срединная

часть - мир живых людей. А потому и одежда, прежде всего женская, имела подобное устройству Вселенной смысловое значение. Одежда по сути своей есть оберег. От холода, влаги, ветра, от палящего солнца, от дурного глаза, наконец. Оберег как модель Вселенной.

Голову женщины венчал кокошник. Кокошник был не чем иным, как символом верхнего космоса, свисающие серьги - это благодатные дожди, которые проливаются на землю. Сарафан, панева, пояс - обереги, хранящие женщину, продолжательницу рода. Женщина, носящая на себе Вселенную, уже сама подобна богине.

Древним названием одежды было у славян слово «портище» - отрез. Отсюда и слово «портной» - человек, шьющий одежду.

Особое значение придавали наши предки окраске тканей. Предпочтение отдавалось красной, зеленой, желтой и черной краске. Вы когда-нибудь видели, как красят на Пасху яйца луковой шелухой и какие красивые оттенки - от светло-коричневого до почти бордового - можно при этом получить? Зеленая краска получалась из пырея, оранжевая - из побегов яблони... А традиционным обережным цветом на Руси был красный - цвет огня, цвет крови.

Сама холстина в рубахах называлась Землей, а вышивка Ярью. Получалось, что Небесный Огонь, покрывая Землю, зачинал и оберегал все живое. Свастика или коловрат - это, как вы помните, древний символ солнца. Дерево - символ Вселенной, кони и птицы - опять же древние символы солнца.

Со временем портняжное ремесло стало распадаться на множество специализаций. Появились кафтанники, армячники, шубники, шапошники...

19. УСМАРИ, КОЖЕМЯКИ, СКОРНЯКИ, ЗАМШЕВИКИ

Усмарь - одно из самых древних ремесел. Так в прежние времена называли тех, кто выделывал кожи, - кожемяк, кожедубов, скорняков...

Это ремесло появилось, как только древний человек примерил на свои плечи звериную шкуру. Ученые называют возраст этого ремесла в 35 тысяч лет. Шкуру нужно было выделывать, чтобы она была мягкой, прочной. Сначала в ход шел каменный скребок, потом люди научились квасить и дубить кожи.

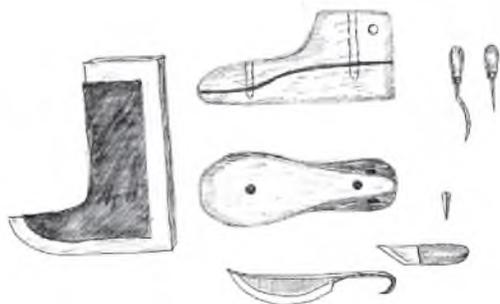
Кожевенные мастерские прежде были едва ли не в каждой деревне. Они селились подальше от жилья, чтобы запахом кислых кож не смущать народ, на берегу ручья или речки. Если была мельница, с помощью которой мляли кожи, то это уже получался маленький заводик.

Скорняжное дело - попроще. Скорняк занимается обработкой шкур животных и мелких домашних животных. Для этого есть специальные составы, но существует несколько способов выделки шкур при помощи овсяных хлопьев, кефира, кислого теста...

Сегодня скорняжный промысел снова возвращается в села. Многие сами выделывают шкурки и шьют себе шапки, меховые жилетки и даже рукавицы-шубницы...

20. САПОЖНИКИ

...А на повити мы нашли в большом количестве колодки для шитья сапог, колодки для валенок, струну для битья шерсти. Видимо, кто-то из этой семьи занимался и скорняжным, и сапожным, и катавальным промыслом. Под верстаком лежала пачка готовых кож. Одни, толстые, - на подметки, другие, тонкие хромовые, - на голенища. И даже готовые сапоги сто-

Сапожный инструмент

Сапоги - не просто обувь, а настоящее произведение искусства!

яли здесь; видимо, заказчику не понадобились по какой-то причине.

Подметки к сапогам были прибиты деревянными гвоздиками - две аккуратные строчки на подошве. Делались они из березовых шпенечков, с одной стороны гвоздики заточены, с другой расширяются. Сапожник накалывает шилом отверстие в подошве и забивает березовый гвоздок в дырку. И так по окружности всей подошвы в два, а то и в три ряда. Потом железной ломовкой острые концы гвоздиков изнутри срезаются. Этот гвоздик уже не оборжавеет, он не боится ни сырости, ни сухости. А если железными гвоздями подошву прихватить, так она через год отвалится, как только гвоздики оборжавеют.

Современные модельеры сапожной обуви удивляются, как умудрялись старинные деревенские сапожники шить обувь всего одним-единственным швом... Искусство!

Валенки обычно катали в бане. Для избы этот промысел слишком грязен. Да и для катаников вода горячая нужна и тепло.

Начинается работа с того, что каталь бьет струной, сделанной из бараньих кишок, разбивая свалывшуюся,

скатавшуюся овечью шерсть. Жарко в бане, паровито и духовито. Горит керосиновый фонарь, тени по стенам мечутся. Катали в кожаном фартуке на голом теле в черных разводах от пыли и грязи... Чистая преисподняя.

В прежние времена и это ремесло в большой цене было. Секреты его мастера-шерстобиты в строгой тайне пытались держать. Шерстобиты и катали даже свой язык изобрели. Например, «руки» у них были «тири», «петух» - «гогус», жеребец - «асгар», ямщик - «кимек», день - «валгаж»...

Вот шерсть стала подобна пушистому облаку. Выкладывает её каталь на холстину, сбрызгивает водой, сминая и вкладывает прокладку уже в виде буквы «Г», соединяя края. А потом варит этот будущий валенок в банном котле, а вынув, бьет его железным прутом, катает и валяет изо всех сил, потом насаживает на колодку, снова варит его, снова бьет, мнет, катает, чистит пемзой.

И вот уже готов валенок. Он мягок, тепел, красив. В такой обутке никакой мороз не страшен. Не зря сказано: «Носи сапоги да лапотки вперед береги...»

21. КОРЗИНЩИКИ

Этот брошенный крестьянский дом, словно обрадовавшись людям после долгого одиночества, открывал

нам с каждым шагом все новые и новые чудеса.

Какого только коробья не нашли мы на повити! Из луба, сосновых корней, сосновой щепы, бересты, ивовых прутьев... Корзины, лукошки, кузова, пестери, кужели, бураки, крошни, набирухи, хапужницы...

Корзинный промысел был на Руси одним из самых распространенных. Пользовались большим спросом корзины для грибов и ягод, бураки для переноски картошки, кузова для сена, кужели для кудели, крошни заплечные для переноски тяжестей на дальние расстояния...

Щепяные корзины, кузова, бураки делались из сосновой щепы. Для этого корзинщик приносил из лесу кусок метра на два тонкослойной сосны, росшей на болоте, и тонко щепал её. Из полученных полос заплеталось дно и выводились стенки корзины. Ручка к корзине делалась из черемухи. Мороженный черемуховый прут в палец толщиной разогревали в печи, а затем вили из него ручку. Таких корзин за день можно было наплести с пяток.

Иное дело - корзина корневуха, сплетенная из сосновых корней. Ей сносу нет. Прочна и на гниль устойчива.

Из корней плели не только корзины, но и дорожные сундуки, оплетали огромные бутылки-халявы с керосином или маслом... Из лозы кроме

Корзинки делали на все случаи деревенской жизни

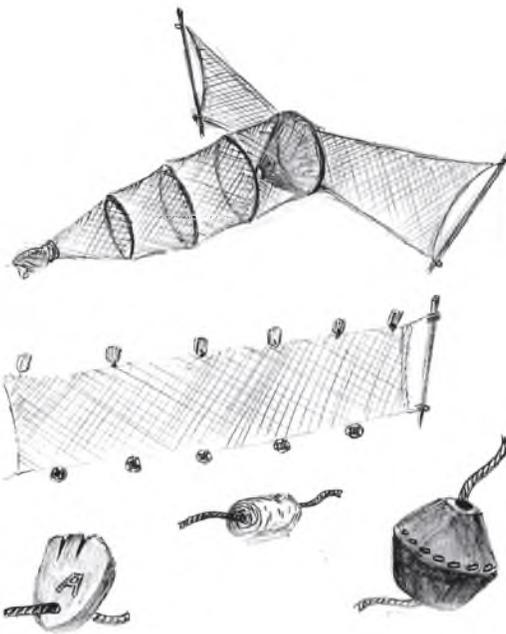
корзин мастера плели удивительной красоты мебель: столы, стулья и кресла-качалки...

21. ВЯЗАЛЬЩИКИ СЕТЕЙ

Села курица на вешала, крылья до земли повешала.

Долгими зимними вечерами, когда деревенское население собиралось сумерничать, то есть почесать языками, в чей-либо намеченный дом, каждый шел с рукодельем. Женщины чаще всего пряли, вязали, плели, а вот мужики могли подшивать валенки или вязать к лету рыболовные сети... Невода, волокуши, бредни, недотки, аханы, сети ставные рамные, наплавные, ботальные, мережи. Иные вязали сети охотничьи, птичеловные... Птичеловный промысел, особенно в селениях рядом с крупными городами, приносил немалый доход.

В нашем доме на одной стене были представлены рыболовные снасти: плетеные из ниток ставные сети, бредни, руси, верши, курицы, зонты, остроги, удочки, кожаные бродовые сапоги...

Рыболовные снасти

22. КОНЕВОДЫ

На третьей стене были сенокосные орудия: косы, грабли, деревянные вилы, большие сенные весы, безмены из капа и безмены железные...

Туда, где прежде хранилось сено, с улицы вел деревянный взвоз. Под крышей на втором этаже могла свободно развернуться лошадь с телегой. Здесь нашли мы расписные санки, легкий летний тарантас, хомуты, висевшие на больших деревянных гвоздях, седла, седелки, сыромятную упряжь с позеленевшими медными бляшками, ременные вожжи, расписные дуги, медные воркунцы на войлочном конском ошейнике, бубенцы, валдайские колокольчики с игривой надписью «Покупай - не жалей, в дороге станет веселей!».

«Семьсот свистит, четыре лоптит, два нюхают, два слушают, два на крайчике сидят, во все стороны глядят...»

Трудно было не узнать в этой загадке крестьянскую надежду и опору - коня. Конь - крестьянское божество. Конь венчает крышу крестьянского дома. Без коня нет и хозяина.

Божество это - первый на селе работник. И в стужу, и в жару, и в снегопад, и в дождь идет себе, покорно голову опустив, упирается, тянет крестьянскую поклажу.

В августе, на Фрола и Лавра, - конский праздник. Коню - честь и уважение. Моем и чистим крестьянин свои лошадиные силы, свое тягло, лучшее угощение подносит. Нельзя в день покровителей лошадей, святых Фрола и Лавра, ни работать на лошадях, ни запрягать их, ни грубым словом обидеть...

А на завтра опять в поле - крестьянское многоделье подпирает. На коне - всё: и лесная работа, и дорога в город, и извоз... На нем и бранное поле, и хлебная нива, и праздничный выезд, и крещение, и сватовство, и последний путь.

И тянет за собой крестьянский конек целую вереницу прикладных крестьянских ремесел: **шорника, мастеровившего упряжь для коня, седельника, хомутника, клещевика, ре-**

менника, оглобелщика, осевика, тележника, колесника, шинника, санника, полозовщика, каретника, пролетчика, конюха, конезаводчика, барышника, гуртогона, бичевника, кнутника, коновала...

Но в особом ряду среди множества ремёсел, которые за конский хвост держатся, будут ремесла, связанные со службой в ямской гоньбе да занятиями легковым и ломовым извозом.

Кроме коня, других средств доставки информации не было. Но, надо сказать, это была довольно оперативная связь. Известно о ней уже с X века. Называлась она повозом, а впоследствии стала ямской гоньбой и была государственной службой.

Все дороги в России были разделены на ямы или ямские станы, которые находились друг от друга верстах в сорока-пятидесяти. Там жили ямщики - или выбранные обществом, или добровольно взявшие нести общественную повинность. Им государство платило деньги, выдавало хлеб на пропитание лошадей и наделяло землей.

В заботы ямщицкой слободы входила помимо извоза и почтовой гоньбы расчистка дорог вместе с сельским миром, ремонт их, содержание ночлега и пропитания для проезжающих. А важные государственные курьеры с почтой мчались на перекладных, не останавливаясь, преодолевая гигантские расстояния в кратчайший срок.

Николай Васильевич Гоголь: «Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал да замахнулся, да затянул песню - кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да

Колокольчик под дугой

вскрикнул в испуге остановившийся пешеход - и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух».

Скольких поэтов, композиторов вдохновила ямщицкая тройка и песня:

*Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика;
То раздолье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...*

В городах были извозчики, кучеры... Их было очень много. Они подразделялись на ломовиков, которые перевозили грузы, на легковых, возивших людей. А легковые, в свою очередь, делились на биржевых, возивших богатых господ, на лихачей, или ухорских... В 1900 году в Санкт-Петербурге было 16 тысяч легковых и 2.5 тысячи ломовых извозчиков. И все они были выходцами из деревни...

Окончание следует.

**Рисунки Михаила Стоярова
(Белозерск)**

ЛИКУЙ, ДУША!

Впечатления от I Международного фестиваля
«Играй, гармонь!» имени Геннадия Заволокина

Получаю приглашение из Новосибирска, из Российского центра «Играй, гармонь!» имени Г. Заволокина. Счастье!

Когда мы с В. В. Двойнишниковым, гармонистом из Тотьмы (*Константин Пирожков проведёт в парке Ветеранов Рубцовское лето, отпразднует свой день рождения и догонит нас*), 6 июля, около двух часов ночи, примчали в Сибирь, наипервейшей встретила нас мошка. Прямо на вокзале, прям в глаза и уши, прям во всеудобные места! Поедом ела, пока не сели в микроавтобус. Спасла «подобравшая» нас глава пермской делегации Галина Дмитриевна Лучникова.

И поехали мы на 95-й километр - мимо красивейших берёзовых рощиц среди зеленеющих бескрайних хлебных полей - к реке Шарап Ордынско-

го района, где из-за пьяницы-шофёра погиб такой человечисце...

...Белоснежная тихая свеча-часовенка далеко видна. Скопление транспорта и людское море - рядом, около заволокинской деревни и в ней, - нарастающее. Присмотрела: машины, едущие по трассе мимо часовни, замедляют ход, их водители - большинство - крестятся.

Поминальный крест на месте трагедии. Прими, дорогой брат, и наш - до земли - вологодский поклон. Знаем, любил Вологду на особинку.

В храме помолилась, с иконкою Богоматери вернулась на Поляну, в деревню. У ворот в неё - палатка, где штаб фестиваля. Регистрация. Поогляделась - чего только нет на этой огромной, покрытой мягкой травой луговине: и широкая ярмарка приклад-

Выступают вологжане: Василий ДВОЙНИШНИКОВ и Татьяна КОРОТКОВА

ного искусства с Богатырской слободой, и казачий майдан с Сибирской окраиной. Палаточный городок. Посиделки у самовара, полевая кухня, Хороводная поляна, луговина с молодежными забавами, Крестьянское подворье, Частушечный пяточок, мостки для плясок, детская площадка. Праздник Топора на ней уже с 1 июля шёл.

На Поляне всего не перечислишь. Вот колокола - мастера звонны сибирские на них вызванивают. На другой площадке в «Копилку фестиваля» можно свои пожелания, советы, стихи и песни для журнала «Играй, гармонь!» опустить, заодно в Книге фестиваля автограф свой оставить. А вон лошадки - чистокровные рысаки - в яркой упряжи гуляют, седоков поджидают, травую подкрепляючись.

Ещё есть стенд с планом Поляны - сегодня и в мечтах. Всё в деревне с восходом солнца и явлением земных солнц - заволокинцев - раскочегарилось, распотешилось! Гуляй, поле! Ликуй, душа!

Погода была что надо: и не пекло, и не проливной дождище. Потому со всем управились во славу Божию, во славу русского духа и гармонии. Фестиваль проходил при участии Новосибирской епархии Русской Православной Церкви и администрации Новосибирской области.

В его программе все дни оглавлены православно. 6 июля - день Владимирской иконы Божией Матери. Погиб Геннадий Заволокин 8 июля - в день памяти св. благоверных Петра и Февронии, в день Семьи, Любви и Верности...

Погиб в полночь, ровно девять лет назад. Так случилось, что в это самое время 2010 года на сцене Поляны его друг играет на гармонии «Реквием». А после него выхожу на сцену я со своей песней «Под берёзой моей». В ней есть слова: «...И братьёв навещу, и дядьёв разыщу, кои в войнах пропали без вести. И к могилкам спущусь. Хоть и поздно, да пусть, - пропою им о родине песню...» И вот оно, заволокинское: подошли ко мне со слезами, с добрыми словами Светлана Дмитриевна, вдова, а с ней сестра Геннадия Дмитриевича, Валентина Дмитриевна Селиванова-Заволокина.

Накануне, после конкурсного прослушивания, было то же тепло - отеческое. И в доме с семьёй, огородом, детоньками поспевай, и тут всё смогай. (Я как-то около берёзки притормозила - поливала-рыхлила - после посадки день выдался без дождя. Увидела Светлана Дмитриевна, что пальцы свои, всегда зябнущие, растираю, взяла и под мышки себе спрятала - нагрела. Вот такие они, За-

волоки. Надо бы в дебрях истории порыться, не с Вологды ли будут Заволоки-то?)

Да, на самой, что ни говори, передовой погиб - в старании за всех нас. Дмитрий Великосвят из Приморского края: «Подвиг, который смог осуществить этот светлый человек в то непредсказуемое время разрухи и вседозволенности, когда в стране было не до искусства в целом, а до народного тем более, - неоценим!.. А вот ведь возникла эта радость - «Играй, гармонь!» Наша великая страна Россия всегда будет великой прежде всего своим искусством от народа. Геннадий Заволокин это знал и об этом пел, плакал, просил, говорил, кричал, убеждал каждым своим творческим порывом. И сегодня забывать это - предательство Родины!..»

Писатель Михаил Шукин, город Новосибирск: «...Он умер с молитвой на устах, а в багажнике покорёженной и разбитой машины уцелела, разделив с ним последние мгновения жизни, любимая гармошка...»

Широко, красиво приехали к Заволокиным гармонисты России - из 60 регионов страны, из ближнего и дальнего зарубежья. Не за дипломами-угощением, а поддержать великое дело единения, стояния нации. Для большинства мною опрошенных Заволокин - это всё.

Светло, чисто начинали с молебна каждое утро. Потому и душа каждого из нас, словно вольная птица, в небе парила, и песни до уха Господня долетали. Знаете, что ещё скажу: и на Поляне, когда ночью затихала, суетного невежества после людей не оставалось - редко где залежится бумажка или бутылка из-под воды. Вы-

пивших - никого. Всё светло, весело, возвышенно.

Вот у таких соборов Русь-то крепнуть и будет! Будет!

Ой, много успели! Спали по 2-3 часа. Бывало, завтракали в 9 утра, а обедали только в 9 утра следующего дня, пропуская обед и ужин в санатории, где проживали. Потому каша полевой кухни и торговые ряды возле часовни помогли выстоять.

А жюри-то фестиваля досталось: столько талантищев - попробуй выбери лучшего. *Самородка Хайдара Як-*

Гармошки в Заволокином доме

шибаева из Башкортостана и без жюри видно - ас асов! Филигрань Александра Устьянцева и Геннадия Калмыкова - они, правда, были вне конкурса, но с Гран-при - потрясение! Каждое выступление - свой изюм. В любую погоду почти сутками высидеть, выслушать всех нас под открытым небом, тысячную-то ораву!.. Тёплых одежонок никто не взял - с жары все: думали, в жару и попадут, дак какие свитера. А туточки ветришшо с дождишпом, а соунышка - в обрез. Но - вокурат!

А чудо фестивальное помогало и помогало: как что грандиозное довершится, только тогда и дождь. Открыли музей - и ливень! Иль перед началом доброго дела возьмёт и освежит.

Вопрос: когда же спала сама-то съёмочная группа?! Съёмки за съёмками тут и там - с разъездами, с концертами на Поляне, по городам и весям. Прослушивание, организация шествий к ДК в селе Верх-Ирмень Ордынского района, в Бердске, по

Константин ПИРОЖКОВ и Геннадий ЗАВОЛОКИН

главной улице Новосибирска - под «Славянку» всех наших до-мажорных гармошек и баянов.

Панихида в часовне, панихида и освящение нового креста на месте погребения Геннадия Заволокина в городе Новосибирске. Вечер памяти Геннадия Заволокина на сцене у часовни, «Заволокинская уха» и «Заволокинский костёр» на берегу Оби, заключительный концерт в Камерном зале Новосибирской консерватории. Столованье-расставанье...

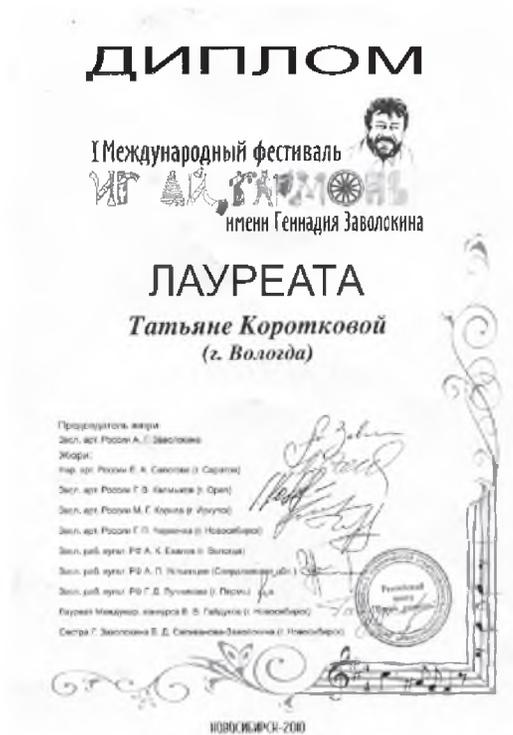
Да ведь и Поляна - цветы песнями и майданом со слободой, кухня - благоухай кашею! Привезти-развести по столовым-спальням, за «Частушечкой» присмотреть, за детоньками их многими - малыми и большими! Берёзу фестивальную - любимое дерево великого деда - в один из дней около колоколов они и посадили.

Открытие памятника главному гармонисту страны, как и Заволокина дома, построенного за девять дней и завершённого на наших глазах, - все, кто мог, принимали в том участие, состоялось 10 июля.

Так получилось, что накануне мне не удалось посетить его избу в селе Красный Яр. Туда мы должны были ехать прямо со съёмок у Обского водохранилища. *(На Оби записана и самобытная игра будущего лауреата этого фестиваля тотмича Василия Двойнишникова. Константин Пирожков тоже стал лауреатом).* Но Настя Заволокина неожиданно бросила клич: «Кто хочет помочь достройке музея, просьба вернуться в деревню».

Я вернулась - на машине ГАИ! Успели до ночи стены извне покрасить пропиткой. Её цветом - горжусь! - можно полюбоваться теперь даже в Вологде: капли, кляксы и разводы на моей одежде буду хранить бережно. Со строительным мусором, что был вокруг дома, не выбросила ни одного изогнутого гвоздя - вместе с оброненным плотницким карандашом, другими подарками фестиваля привезла домой. Будет и у меня свой малосенький музей Заволокина.

До двух ночи убрали из дома после-

дни стружки и опилки, протёрли окна, вставленные днём, и стеллажи, привезённые часов около девяти вечера. Рубашки («...эх, Геннадия Заволокина...», - к рукаву одной из них успела, догадалась прижаться лицом), - а также гармони и другие будущие экспонаты музея ещё висели, стояли и лежали в штабе фестиваля, когда в четвёртом часу ночи нас с Еленой Андреевной Сапоговой (другим помощникам пришлось уехать раньше) автобус увёз на ночлег. Остальные - члены оргкомитета - остались оформлять музей, поджидая съёмочную группу.

Это было уже утро предпоследнего фестивального дня... Съёмки, награждение, гала-концерт 11 июля. Надо обязательно сказать, что зрители, сопереживатели фестиваля, принимали на сцене каждого, словно единокровного.

Чуть вернусь: на кладбище, только панихиду отслужили, - дождь. Встала со мной рядом женщина и начала тихонько читать стихи. Не сразу очухалась - мои! Обнялись. На улице Новосибирска подошла семья: «Вы не из Вологды, не Татьяна Короткова?»

Сколько старых и новых встреч! О Елене Сапоговой, профессоре Саратовской консерватории, народной артистке России, - отдельный сказ: Берегиня народной песни, народного слова, чистоты душевной.

Ну, конечно, были и ямки с канавками - и у организаторов, и у нас, их заединщиков. На то и «Шкатулка фестиваля»: предлагай, мозгуй, товарищ! А какая дорога без ям? Главное - идти. Идти так, чтобы душа за тебя, грешного, радовалась: туда идёшь, и попутчики что надо!

Побыла в широкой шири, у великой радости и печали попила Родникового, услышала Отчее, окрылилась Божьим и затосковала: неужель - точка? Неужель боле не бывать на собо-

ре светоносном, не видать тихой свечки-часовенки, не поклониться скорбному кресту, не спеть тысячеголосым хором нашу (сл. А. Чижова, муз. А. Заволокиной) «Фестивальную»:

*...Ты играй, играй, любимая,
Эх, Геннадия Заволокина!..*

И зашаяло, и загорелось: через два года жива буду - побываю и других позову! Здравствуй, фестиваль! Будем помнить!..

Татьяна КОРОТКОВА,
лауреат
1-го Международного
фестиваля
«Играй, гармонь!»
имени Геннадия Заволокина
Фото автора

Место гибели Заволокина, место скорби, место памяти...

ЭТУ ПЕСНЮ НЕ ЗАДУШИШЬ, НЕ УБЬЁШЬ!

Советская цивилизация просуществовала всего несколько десятилетий, а след в мировой истории оставила неизгладимый.

Я не буду перечислять советские достижения в области фундаментальных и прикладных научных исследований, в создании непревзойдённых образцов техники, как военной, так и гражданской, в построении наиболее совершенных систем образования и здравоохранения. Всё это общеизвестно.

Однако фундаментальные исследования, полёты в космос, разработка уникальных хирургических операций и многое другое стало достоянием других народов: какими-то открытиями мы делились бескорыстно, кому-то продавали лицензии на производство наших образцов техники, что-то было у нас выведено инземными разведчиками, а то и украдено. Системы образования и здравоохранения вообще можно перенять, имелось бы желание.

Но было в советской цивилизации нечто такое, на что нельзя выдать лицензию, чего нельзя ни позаимствовать, ни украсть. Разве возможно позаимствовать народную душу?

Этим нечто была советская массовая песня. Явление поразительное, подобного которому не было в мировой культуре.

Вся жизнь советского человека была пронизана песней. Песня охватывала все стороны его духовного бытия. Были песни о Родине, о партии, о вождях, о труде, о комсомоле, об армии (пехотные, авиационные, морские, танкистские, артиллерийские), песни о труде, о профессиях, о городах. Выделю детские песни, которые воспитывали любовь к Родине уже с детского сада. Были песни о любви к школе, к учителям, в детских песнях много пелось о природе. Были

спортивные песни. И громадный пласт лирических песен о любви. Некоторые песни трудно отнести к какой-то определённой группе, например, «Вернулся я на родину»: тут любовь и к Родине, и к матери, и к женщине.

Говорят, что Советский Союз был страной лагерей, страной принудительного труда и всеобщего страха, страной рабов. Мировой культуре неизвестна ни одна рабская культура, ни времён древних Греции и Рима. Произведения культуры, искусства создавали только свободные люди.

«Страна Советов - родина свободы» была прежде всего поющей страной. Ещё помнятся те годы, когда люди пели на улице, на берегу реки, копая гряды, выезжая в колхоз, в застолье - пели, и никого это не удивляло.

Но почему же оказался возможным этот неслыханный взрыв песенной энергии, породивший явление советской песни?

Одна часть ответа лежит в истории души русского народа, о котором в конце XIX в. писали, что «ни один народ в Европе не имеет такого богатства песен и напевов». Вторую часть ответа находим в первых десятилетиях жития народа советского. Страна Советов переживала тогда своё второе рождение. Позади остались гражданская война, разруха, сумятица идеологических столкновений. Внут-

ренная обстановка стабилизируется, наиболее яростные схватки внутри партии позади, первые пятилетки приносят ощутимые плоды, крепко встаёт на ноги сельское хозяйство, жизнь на глазах изменяется в лучшую сторону. Перед людьми открываются невиданные жизненные перспективы. Сын скорняка может стать полководцем, сын пахаря - гениальным авиаконструктором, сын бурового мастера - всемирно известным оперным певцом... Простой шахтёр, в былые годы обречённый всю жизнь рубить за гроши уголёк, становится всенародным героем.

Душа народная раскрылась навстречу ожидаемой радости и запела. «От избытка сердца глаголют уста», - говорится в Евангелии. (Мф. 12.34).

Советский народ запел от избытка любви. Обновлённой любовью народ любил свою Родину, созидательный труд, своих вождей, армию, свою семью...

В 1934 г. прозвучала крылатая строка: «Нам песня строить и жить помогает». Именно в 30-е годы взвились над страной великие лучезарные песни: «Широка страна моя родная» и «Утро красит нежным светом».

Песня, как и партийная печать, была коллективным организатором народа на трудовые свершения и военные подвиги.

Многие идеи, лозунги, содержащиеся в партийных документах, доносились до людей через песню.

Часто в песни включались слова из выступлений И.В. Сталина.

Приведу ограниченное число примеров. 25 ноября 1936 г. в докладе о проекте Конституции Союза ССР Сталин сказал: «Советская власть уничтожила безработицу, провела в жизнь право на труд, на отдых, право на образование».

В «Песне о Родине» слова переставлены:

*Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут,
Человек всегда имеет право
На учёбу, отдых и на труд*

(Песня о Родине, сл. В. Лебедева-Кумача).

В Кратком курсе истории ВКП(б) читаем: «Труд из подневольной и каторжной повинности, каким он был при капитализме, стал превращаться «в дело чести, дело славы, в дело доблести и героизма».

В «Марше энтузиастов» поём:
*Нам ли стоять на месте,
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.*

(Марш энтузиастов, сл. А. Д. Актиля).

27.06.1930 на XVI съезде ВКП(б) Сталин сказал: «Ни одной пяди чужой земли мы не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли, не отдадим никому».

В 1939 году в фильме «Трактористы» мы слышим почти дословную цитату:

*Пусть помнит враг,
укрывшийся в засаде:
Мы - начеку, мы за врагом следим,
Чужой земли мы не хотим ни пяди
Но и своей - вершка не отдадим!*

(Марш танкистов, сл. Б. Ласкина).

В СССР были три основных источника идеологического воспитания: газета, кино, радио. Газета в основном давала информацию; кино люди посещали достаточно редко, обычно раз в неделю, а то и реже; а радио было доступно всем, оно вещало круглый день. Песнями слова Вождя разлетались по всей стране: от Москвы до Памира, от Риги до Камчатки.

В те довоенные годы была заложена основа для появления потрясающих по силе своего воздействия песен Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия.

В минуту войны с врагом советская песня развернулась во всю мощь и ширь. Слагались торжественные гимны («Священная война», «Святое Ленинское знамя», «Под знамя славы»), строевые для родов войск («Марш артиллеристов», «Пора в путь-дорогу», «Песенка фронтового шофёра»), песни-баллады («Заветный камень», знаменитые «Дрались по-геройски, по-русски», «Два Максима»). Пелись лирические песни, хотя, казалось бы, какая лирика на войне, когда «до смерти четыре шага» и со-

всем рядом кровь и страдания. Но пели и «Землянку», и «Вечер на рейде», и «Соловьи», и «На позицию девушка провожала бойца», и «В лесу прифронтовом», и «Смуглянку».

Русский народ - самый миролюбивый народ на земле, но его история представляет собой бесконечную череду войн за право быть самим собой, говорить на своём языке, петь свои песни. Быть воином, солдатом для русского человека так же естественно (третий раз), как быть тружеником. Поэтому русский человек поэтизировал сам военный быт. Обо всём, что сопутствует солдату в его пути, сложены песни. Первым делом, конечно, об оружии - о винтовке, а потом и о шинели, о махорке, о котелке, о бушлате, о бескозырке, о самоварах-самопалах, о карманном фонарике... Кажется, нет песни только о портянках, а всё прочее воспето.

«Пришёл конец войне, пришёл конец походам». Окончилась самая страшная война. Миллионы погибли на фронте и в оккупации, миллионы остались инвалидами, миллионы женщин овдовели, а миллионы детей стали сиротами, но народ-богатырь пел всем смертям назло.

Да, писались ещё и военные песни, мощным был пласт песен, посвящённых борьбе за мир, но всё же в народе преимущественно пели лирические песни: о любви, о счастье свидания, о том, что

*С неба тихо светит,
Тоже в гости метит
Спутник нашей юности -
Месяц молодой.*

Пели «На крыльчке», «Не забывай», «Сормовскую лирическую», «У нас в общезитий свадьба», «Лучше нету того цвету», «Далеко-далеко», «Над вечерней рекой опустился сиреневый вечер»... Это был золотой век советской лирической песни, а имена В. Соловьёва-Седого и В. Лебедева-Кумача, И. Дунаевского и М. Исаковского, М. Блантера и А. Фатьянова, Б. Мокроусова, Е. Долматовского, Л. Ошанина в душе народа стояли наравне с именами прославленных героев и полководцев, отстоявших Родину от врага.

На 60-е-70-е годы приходится последний мощный всплеск советской песни. Тогда полностью проявился светлый гений А. Пахмутовой.

Новая общность - советский народ - был. «Братский единый союз трудовой» существовал на самом деле, а не был выдумкой политпросвета, как пытаются нас уверить. Одной из скреп, соединявшей народы в единое целое, была советская песня.

Увы, ныне всё это в далёком прошлом. Наш певучий, талантливый народ замолчал. На сценах кривляются, мяукают, скачут, бегают с микрофоном так называемые певцы, а народ молчит. Но с какой радости ему петь?

Сейчас наша Родина тяжко больна, история её оклеветана, многое лучше, чем гордился бы любой народ, засунуто в грязную и пыльную кладовку.

Из умных, светлых и добрых русских детей делают дегенератов. Специально вытраивается всё национальное, мелодичное, и в нашей стране, всегда старавшейся жить наособицу, отдельно от буржуйско-капиталистического стада, пропагандируют, насаждают дикую, звериную рок-музыку. Посмотрите на рок-фестивали (их проводят с господдержкой): толпа начинает звереть и за считанные секунды превращается из юношей и девушек с русскими лицами в стадо, изнывающее от похоти.

Природное многообразие советской песни уничтожено, осталась одна тема. Тема похоти, всё примитивно: я - тебя, ты - меня и т.д. Невозбранно звучит блатная песня. А ведь это вообще ошметки, помои песенной культуры.

Но самое страшное, что молодёжь (значительная её часть) не любит Родину. Советская молодёжь по окончании школы, института выходила «на просторы Родины чудесной», а теперь её выбрасывают на рынок труда. Ни надежды, ни просвета впереди, карабкайся, пробивай себе локтями дорогу к комфорту и благополучию.

Неспроста советскую песню не пускают ни на телевидение, ни на радио.

Сразу становится видно убожество не современной эстрады, а самой жизни. Петь советские песни может человек, у которого в душе есть хотя бы искорка советского мироощущения. Поэтому у современных эстрадных певцов наши песни звучат как глумление, как издёвка, помимо их воли. Люди с извращёнными, уродливыми понятиями о добре и нравственности не способны переживать и, следовательно, передавать те чистые, искренние чувства, которыми напоены советские песни.

Если нашему Отечеству и народу суждено восстать, стать снова хозяином своей истории, в этом возрождении нам (или нашим потомкам) не обойтись без советской песни. Она научит, подскажет, она укажет верные пути. В песне, в звучащем, музыкальном слове заключена вся история народного советского государства.

Песня эта бессмертна, как бессмертна душа советского народа, создавшего её.

Роберт БАЛАКШИН

Плакат художника Е.Соловьёва. 1962 г.

БЛЮДЕЖЛИВЫЙ НАВОЛОК

По прошествии многих лет экспедиционной работы радуюсь тому, что свои поездки планировала достаточно серьёзно, населённые пункты для обследования выбирала тщательно, не боялась забраться «в глубинку». Установившиеся исследовательские да и просто человеческие контакты с информантами продолжались и длительное время спустя после экспедиции. Поэтому могу утверждать, что говоры выбранных для обследования населённых пунктов изучены с точки зрения лексического состава более или менее полно.

Одна из любимых деревень, говор которой подробно обследован моей экспедицией, - это деревня Наволок Кичменгско-Городецкого района. В её окрестностях невесты, собираясь замуж, говорили: *Хоть за бадог, да в Наволок*. Деревня в округе считалась образцом рачительного ведения крестьянского хозяйства: всё там было основательно, рационально, бережно.

Уже будучи в Вологде, я обрадовалась привету, полученному от жителей этой деревни. Мне позвонили и задали вопрос, знаю ли я слово **блюдежливый**. В голове сразу засветился спектр однокорневых образований - блюду, соблюдать, наблюдать, наблюдение... Нет, произнесённого слова я не знала. И тогда меня буквально ошачили примерами. Сразу всё стало на свои места:

*Красивую кофточку купила - как скорлупка на ней. Да и носила долго, блюдежливая дак. Она такая блюдежливая, всё носит блюдежливо. Какая удача! Здесь даже не только прилагательное **блюдежливая**, а ещё и наречие **блюдежливо**. Сформулируем, исходя из контекста, значения этих диалектизмов: блюдежливый - «аккуратный, бережливый», блюдежливо - «аккуратно, бережно». Стоп! Почему-то рука автоматически пишет в одном случае «бережливый», в дру-*

гом случае - «бережно». С этим нужно разобраться.

Словарь современного русского литературного языка (этих-то слов там, конечно, нет: они диалектные, не входят в состав литературного языка) подаёт слова **бережный** и **бережливый** в одной статье. Бережный - это «расчётливый, бережливый, экономный». Бережливый - «экономный, расчётливый». Казалось бы, это одно и то же? Но, судя по приведённым словарём примерам, есть различия в сочетаемости слов: бережным бывает расхождение, отношение, а бережливым - человек, характер. Значит, и в нашем случае всё правильно: если прилагательное - то в значении «бережливый» (о человеке), если наречие - «бережно» (о признаке действия).

Ну что ж, теперь вся надежда на региональные словари. А вот проверка наших слов по диалектным словарям не дала никаких результатов: в Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей этого слова нет; в Словаре говоров Русского Севера - нет; в Словаре русских народных говоров, самом полном из диалектных словарей, - тоже нет. Правда, в последнем словаре приводятся с той же семантикой слова **блюдкий** и **блюдушый**, бытующие соответственно на пензенской и мордовской территориях. Значит, у людей и в других местах есть потребность обозначить такое качество.

Так что же получается? А получается, что нашими информантами очень тонко подмечены два местных слова с предельно узким ареалом бытования. Как широко они употребляются? В одной семье? В одной деревне? В одной местности? Конечно, можно поспрашивать собеседников из соседних районов - Великоустюжского, Никольского, Нюксенского... Можно, конечно, надеяться в этих поисках на успех. Но в территориально близких

вятских говорах, судя по их областному словарю, в архангельских говорах, судя по Архангельскому областному словарю, в пермских говорах, судя по Словарю говора деревни Акчим, таких слов нет. При повторных расспросах наш информант осчастливил ещё од-

ним родственным словом: *Конечно, блюдежливость во всём нужна*. Наверно, она нужна и в словообразовании: прилагательное **блюдежливый**, возможно, образовано от **блости**, **блюду** путём контаминации со словом бережливый.

НИ ДЫМА НИ ОГНЯ! или ВОЛОГОДСКИЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ ПЕЧНИКУ

Профессия печника на деревне являлась одной из самых почётных. Печники ходили по деревням и не только клали печи, но и изготовляли для них кирпичи. Процесс строительства русской печи был делом ответственным. Одному хозяину или печнику с ним справиться было сложно. Поэтому на коллективную работу обычно приглашали помощников - родственников, соседей. Самым серьёзным этапом в строительстве печи было формирование дымохода, так как дым в печи должен идти по сложному лабиринту, направляясь в ту или иную сторону специальными толкунами, поворотами в дымоходе. Людей, владеющих этим строительным ремеслом, ценили и уважали.

Печников старались задобрить. Перед началом работы им предлагали угощение. Сами печники тоже не чурались намёка на его уместность. Вот как стиль их поведения описывает сямженский краевед А. Ф. Лукичев: *Заходит печник-то в избу - и к хозяйке: «Куда дым-то, хозяйшук, пускать будем - в избу али на улицу?» - «На улицу, на улицу, милай!» Бежит к шкафчику да поллитровку ставит на стол. Печник стопочку пропустит, крякнет и за дело возьмётся. Старожители северных деревень считали, что печники, или, по-местному, печёклады, могли и вред причинить не*

уважившим их хозяевам. В их силах было сложить такую печь, которая будет дымить, чадить или плохо сохранять тепло в избе.

При удачном окончании кладки печи хозяева устраивали печнику и его помощникам застолье - так называемое дымовое: *Без дымового не положено. Как дым пойдёт, дак хозяйка дымовое подаёт. Садяцце кушать. Это уж не плата ему, а угоишение. Дымовое должен пецьнику за то, ишо дым пустил. Пойти с дымовым означало «уйти из дома, удачно сложив печь, протопив её в знак исправности и получив угощение в благодарности»: Дым пошёл на улицу, а не в избу - хозяин и говорит: «Пойдём с дымовым» (Гот. Погор.) [СВГ 2, 69]. Так выражалось взаимное удовлетворение хозяев и печника по поводу завершения работы.*

Увидев печника за работой, его уважительно приветствовали. В разных деревнях употреблялись разные трудовые пожелания. В народном сознании существует целый набор связанных лишь с этой ситуацией стереотипных трудовых благопожеланий: *Чтобы дым пошёл! Чтобы печка-матушка и согривала, и готовила, и лечила, и содовала! Тепло в дом! Тепла в избу! Дым в трубу! В двери да в окошко да в трубу немножко! Дым в небо! Дым решетом! Хорошего дыму!*

Лёгкого дыму! Ни дыму ни огня! Глины горсть! Глина в камень! Хороших пирогов! Помолись да делай так, чтобы печка ладом топилась и не дымила! Перейдём к их рассмотрению.

Чтобы дым пошёл! Благопожелание зафиксировано в говорах Белозерского района. Суть его - пожелание самого важного при строительстве печи результата - чтобы дым пошёл. Выражение можно рассматривать как своего рода предостережение печнику: он должен так организовать и проделать работу, чтобы был нужный результат.

Чтобы печка-матушка и согревала, и готовила, и лечила, и радовала! Фраза, обращённая к печнику и произнесённая в присутствии хозяев, записана в Бабушкинском районе Вологодской области. Благопожелание содержит ласкательное наименование печи **матушка** и перечисление важных функций русской печи в крестьянском доме. По структуре пожелание представляет собой придаточное предложение при отсутствующем главном.

Тепло в дом! Тепла в избу! Оба эти выражения зафиксированы в Сямженском районе Вологодской области. Смысл их абсолютно понятен: это пожелания, чтобы тепло от топленной печи сохранялось, как и должно быть, в жилище. Сравним с шутливыми выражениями - *отапливать улицу* - топить печь в плохо утеплённом доме, *наша горница с улицей не спорница* - о жилище, в котором не держится тепло.

Дым в трубу! - Как же, как же! Видела я, как печь кладут. «Дым в трубу!» у нас говорят (Кичм. Навол.). Это трудовое благопожелание довелось услышать от нашего постоянного информанта, талантливого билингва Р. А. Усовой. Её реакция на заданный вопрос была быстрой и определённой: говорят: *Дым в трубу!* В Бабушкинском районе это пожелание зафиксировано в развёрнутом виде: *Чтобы печка хорошо топилась и зрелась и дым в трубу!* По-видимому, здесь имеет место особый вид парцелляции: два придаточных предложения используются при отсутствующем главном. В Тарногском районе записано благопоже-

лание: *В двери да в окошко да в трубу немножко!* В нём речь идёт о дыме (пусть дым идёт...), но само наименование дым не произносится, хотя, по существу, это вариант всё той же формулы: *Дым в трубу!* Обращает на себя внимание шутливая интонация (в двери, в окошко - пожелание от противного) и ритмизованность фразы.

Дым в небо! Данное благопожелание фиксируется в Белозерском районе. Суть фразы заключается в указании на лучший из возможных результатов: пусть дым пойдёт не в жилое помещение, не в окна и двери, а в небо. При этом труба как сооружение, направляющее поток дыма, и не упоминается.

Дым решетом! Благопожелание фиксируется в Вожегодском и Тотемском районах. От жителей деревни Чужга Вожегодского района записана следующая фраза: *Ну и печь склал! Дым будешь решетом выносить?* Решетом часто отмерялось определённое количество чего-либо, ср.: *решето яиц и др.* Если в жилом помещении появляется дым (читаем - возникает пожароопасная ситуация), он застилает всё пространство, справиться с ним, оперируя какой-либо ёмкостью, невозможно. В этом благопожелании заключена шутка, рассчитанная на простаков. Не случайно ситуация вошла в «Анекдоты древних пошехонцев»: *...изба в дыму, а бабы и мужиси - кто с вёдрами, кто с вилами, туда и обратно. - Что хлопочите? - Помози, кормилить, дым носишь. Рассердился воевода за такие слова и приказал пошехонцам носить дым решетом»* (Анекдоты).

Рассмотрим попутно и выражение *дым коромыслом* - «о беспорядке, суматохе, кутерьме» (ССРЛЯ, 3, 1199). Его происхождение также объясняется особенностями народной культуры. В старой России (а на территории Вологодской области кое-где ещё в середине прошлого века) избы отапливали почёрному: дым выходил не через печную трубу (её вообще не было), а через специальное отверстие под потолком. По форме потока дыма, выходящего из избы, предсказывали погоду: если дым

идёт вверх прямо, столбом, - будет ясно; волоком, т.е. пригибаясь к земле, - к туману, дождю; коромыслом, т.е. дугой, - к ветреной погоде.

Хорошего дыму! (Межд. Шуйск.). Здесь представлено конкретное пожелание печнику и хозяевам. Оно означает «пусть дым от построенной печи идёт хорошо, так, как надо». Если дым пойдёт так, как следует, работа будет своевременно завершена и мастеру ничего не придётся переделывать.

Лёгкого дыму! - Лёгкого дыму у нас желали. Нужно ведь не угореть, нужно, чтобы печка хорошо топилась (Выг. Ежез.). Это благопожелание с аналогичным смыслом, однако в нём подчёркивается особенность восприятия дыма человеком: ему важно, комфортно или тяжело будет от протопленной печи.

Как видим, главный результат при строительстве печи - это качество и верное направление выходящего из неё дыма. Вот ещё одно свидетельство, записанное в Бабушкинском районе: *Помолись да делай так, чтобы печка ладом топилась и не дымила.*

Ни дыму ни огня! - Ну, ни дыму ни огня! Какую печь складём, так и жить будём (Жир. Ферап.). В Никольском районе зафиксирован иной грамматический вариант благопожелания - *Ни дыма ни огня!* В этом выражении пожелание высказывается от противного: печнику желают отрицательного результата (если нет дыма и огня, значит, не топится, не функционирует печь). Говорится это для того, чтобы работа, напротив, завершилась успешно (ср. подобное развитие энантиосемии у оборотов *скатертью дорожка* или *ни пуха ни пера*).

Глины горсть! - У мастера дак «Клин да гвоздь!», а печнику - «Глины горсть!» (Сямж. Монаст.). В этих благопожеланиях содержится указание на самые необходимые для осуществления профессиональных действий предметы: плотнику необходимы клин да гвоздь, печнику - глины горсть. Работнику желают минимальное количество чего-то необходимого (названы единичные предметы клин да гвоздь, а также малая единица из-

мерения количества глины - горсть), тогда как мастеру требуется большое количество желаемого. В образной структуре благопожелания прослеживается синекдоха.

Глина в камень! - Глина в камень! скажут, чтобы нигде не треснуло, не расщеляло (Тот. У-Печ.). Суть данного благопожелания такова: глина должна превратиться в монолит, «в камень», чтобы печь впоследствии была прочной, крепкой, не пропускала дым, нигде не давала ни единой щели. Для этой цели печника, никому не раскрывая своих секретов, использовали и особую глину.

Хороших пирогов! - Ну, хороших пирогов тебе, Миколаевна! Ладную печь склали! Когда прийти пробовать? (Выг. Ежез.). Действительно, наивысшая оценка печи заключается в высоком качестве выпекаемых в ней пирогов, поэтому именно такое благопожелание и звучит в этой ситуации.

Анализ семантики благопожеланий показывает, что в описываемой ситуации хозяевам дома, где строится печь, желают тепла в дом и удачно испечённых пирогов, что является наивысшей оценкой качеств печи. Мастеру, возводящему печь, желают глины горсть, т.е. удобства в работе; глины в камень, т.е. превращения построенной печи в монолит; *хорошего дыму* - т.е. удачно-го завершения работы.

Однословных трудовых пожеланий в этом ряду не зафиксировано. Реплики-ответы самого печника не отмечены. В силу каких-то причин они не предусмотрены или пока не зафиксированы. В благопожеланиях в этой жизненно важной для всего народа ситуации местные, диалектные слова не регистрируются.

В Словаре русских народных говоров ни одно из зафиксированных нами выражений не отражено. Однако проведённые опросы свидетельствуют, что эти трудовые благопожелания являются устойчивыми, повторяемыми, стереотипными формулами, т.е. формулами народного речевого этикета. Специфическая особенность данной ситуации заключается в том, что особым образом привет-

ствовать печника приходилось не часто. Многие наши собеседники, отвечая на вопрос об употреблении подобных приветствий, говорили, что они никогда и не видели, как строилась печь. Жилища на Русском Севере возводились основательно, на столетия, печь клали на продолжительный срок. Даже после пожаров и других стихийных бедствий остов печи сохранялся.

Ни одно из приведённых благопожеланий не зафиксировано и в Толковом словаре русского речевого этикета А. Г. Балакая. Подобные обороты речи отражают уже архаический пласт народной культуры. Фиксиро-

вать их удаётся не всем, не везде, не всегда. Однако на территории распространения вологодских говоров эти трудовые благопожелания сохраняются до сего дня. Их использование свидетельствует о реализации в народной речи важного коммуникативного принципа вежливости, этикетности общения.

Людмила ЗОРИНА,

*кандидат филологических наук,
доцент ВГПУ*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда). Грант 08-04-00-268-а «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров».

НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Во время диалектологической практики нам удалось обстоятельно познакомиться с традициями народных гуляний жителей Вологодской области. Нашим информантом стал уроженец Кичменгско-Городецкого района Анатолий Иванович Труфанов, доцент кафедры геоэкологии и инженерной геологии ВоГТУ.

В 20-30-е годы прошедшего столетия административные границы между районами Вологодской области были по преимуществу естественно-историческими. Тогда и существовал Воскресенский район бывшей Северодвинской губернии. Он располагался на территории современной Вологодской области, включал в себя часть Кичменгско-Городецкого района, а также захватывал и территорию Кировской области - часть современного Подосиновского района. Ещё раньше вся эта территория относилась к бывшему Никольскому уезду Вологодской губернии. Столь детальное описание административных границ может показаться излишним формальным. Но именно в деревнях и сёлах

этой компактной территории исторически у населения складывались очень близкие и достаточно своеобразные обычаи и нравы. Именно они и стали предметом нашего изучения.

Гулянья в современном городе заметно отличаются от народных гуляний в селениях начала XX века. И этому есть свои причины. Представим себе деревню этого времени в разгар лета. Перед глазами возникает картина ежедневного тяжёлого крестьянского труда. Каждый труженик тогда понимал, что он работает для себя, для своей семьи. Каждому селянину было необходимо благополучно пережить долгую северную зиму.

Но, несмотря на такую занятость населения деревень в летнюю пору, всякий религиозный праздник отмечался гуляньем, хотя в нём порой было мало религиозного смысла, а больше элементарной возможности для отдыха после тяжёлой работы. Православные праздники не всегда совпадали с воскресеньями, тем более что в сельской местности летом вообще не предполагалось выходных. Оставался толь-

ко один выход - устраивать гулянья в какой-либо день после выполнения всех работ. В этом случае пожилые люди не только не препятствовали участию молодёжи в празднике, но и по возможности помогали ей. Старик могли, например, молодяжку раньше отпустить с каких-то работ.

Обычно гулянье проводилось близ какой-либо деревни. Жители её и считались его организаторами. Именно они выбирали наиболее удобное место для празднования. Это мог быть луг, чаще скошенный, или широкая терраса у речки. Вечером, когда скот был уже на своих местах, здесь собирались организаторы гулянья и молодёжь из всех окрестных деревень. Сразу же начинал образовываться круг, где молодые девушки танцевали традиционного «чижа» (в западных районах области аналогичной пляской молодёжи считался «ланчик»). Но такой «живой круг» формировался только при наличии гармониста, а без него девушки просто сами пели.

«Чиж» танцевался следующим образом. Девушки идут в хороводе парами. Пары выходят на круг с частушками, пляшут. В это время в середине круга находится гармонист, он идёт к ним навстречу, разбивает пару, разворачивается и снова встречает эту пару ближе к середине круга. Во время исполнения танца пара проходит до противоположной стороны и вновь возвращается навстречу гармонисту. Затем девушки встают на своё место в хороводе. При этом частушки исполняются как во время танца, так и в то время, когда девушка стоит в кругу. Если по смыслу частушка адресована гармонисту, он отвечает соответствующей частушкой. Если ему звучит похвала, то он принимает её как должное, с подобающим достоинством. Но обычно частушки адресовались подругам или, что чаще, каким-то условным соперницам.

В это время пожилые люди из ближайших деревень окружали хоровод и становились благодарными слушателями и зрителями, так как девушки исполняли частушки на злободневные темы, а иногда выясняли отношения между собой.

К закату солнца на лугу становилось всё больше молодых людей из других деревень. Иногда парни приезжали на лошадях, чаще верхом, но, бывало, приезжали и на бричках с разукрашенной сбруей на лошади. С прибытием большого количества мужского населения формировался второй круг, за организацию которого отвечали пожилые люди из деревни, устроившей гулянье. Этот круг вызывал особый интерес у юношей и мужчин из всех деревень, так как обычно здесь устраивалась борьба на поясах. Поясами служила часть лошадиной сбруи - чересседельники. Но бывало, что использовалась и простая верёвка. Тогда гости гуляний потешались над незадачливыми организаторами круга борьбы: в их адрес неслись нелестные шутки по поводу их бедности или жадности.

Обычно борьба начиналась между совсем молодыми ребятами из деревни-организатора. Затем на смену побеждённому выходил кто-либо из соседней деревни. Весовые категории в борьбе не учитывались, но возраст и вес борцов всё время нарастал. Особый интерес вызывали поединки, участники которых были из разных деревень или даже сельсоветов. Победивший в таком соревновании пользовался уважением и у мальчишек, и у взрослого населения, причём не только на самом этом гулянье, но и в течение долгого времени после него. Понятия «чемпион» тогда не было, про победителя говорили просто, по-деревенски: «Унёс круг».

По воспоминаниям информанта, долгое время победу в борьбе одерживал некий Витька с Климовщины. Внешне он был, рассказывают, почти квадратным. Его хорошая физическая подготовка давала ему возможность всегда побеждать в этих соревнованиях.

Рядом со вторым кругом всегда присутствовали судьи - наиболее уважаемые жители окрестных деревень. Они не допускали применения опасных приемов, хотя импровизация в исполнении приёмов разрешалась.

Во время борьбы во втором круге

девушки в первом круге по-прежнему плясали и пели частушки. Иногда традиционный хоровод заменялся переплясом. Это происходило во время прибытия гостей из других деревень - ватаги парней во главе с атаманом и гармонистом (атаманом мог быть гармонист или его товарищ). Подходя к месту гулянья, гармонист менял наигрыш на «хулиганский», залихватский, под который пели частушки, показывающие, что эту ватагу лучше мирно пропустить:

*Атаман идёт серёдкой,
Мы - по край дороженьки.
Атамана кто заденет -
Засверкают ножки.*

Так парни заявляли о себе. В переплясе участвовал пришедший молодой человек, который вызывал девушку из уже сформировавшегося круга, а она выходила с частушкой, на которую вызывающий должен был ответить. Такое поведение ватаги объяснял, исполняя другую частушку и пускась в пляс, атаман:

*Если вы меня не знаете,
Скажусь, откуда, чей.
Я из Ёнталы мальчишка,
Резака-соловей.*

Эти частушки были направлены преимущественно на восприятие мужской половины гуляющих.

Бывало, что прибывшая ватага толкнёт или ударит гармониста, уже играющего в хороводе. Это означало не что иное, как вызов к выяснению отношений между жителями разных волостей и, как правило, заканчивалось серьёзной дракой. А когда ватаги были настроены мирно, они подходили к кругу борьбы и включались в происходящее в качестве болельщиков.

Все действо второго круга заканчивалось поздно. В конце лета, когда дни становились короче, борьба могла завершаться уже в сумерках, так как желающих участвовать в ней было много: каждая деревня выдвигала своих претендентов на победу.

По завершении второго круга формировался третий - круг мужского перепляса, где показывали не только силу, но и то, какие колена выполняли плясуны. В этом круге можно

было услышать новые наигрыши, новых исполнителей, прибывших из других волостей, поэтому он привлекал к себе очень большое внимание.

В разговоре наш информант вновь упоминает о Витьке с Климовщины. Он отличался не только в пляске, но и сам хорошо играл на гармонии. Кроме того, Витька мог плясать на руках, не сбиваясь с музыкального ритма.

В послевоенные годы к этим трём кругам прибавился и четвёртый. Он был несколько обособлен от остальных. Предыдущие три круга можно было считать едиными по составу участников. Здесь же участниками являлись представители сельской интеллигенция - учителя, какие-либо приезжие из других областей, где такие гулянья не проводились. В этом круге звучали аккордеон и баян, выводившие томные мелодии, танцующие исполняли фокстроты и вальсы. Вездесущая ребятня успевала посмотреть на всё: и на девушек, поющих частушки, и на борьбу, и на танцующих учителей.

Во время гулянья чуть в стороне обычно прогуливались парочки. Иногда это были две девушки, но чаще - парень и девушка. Когда гулянье заканчивалось, начинались проходы девушек до дома.

Однако не всегда участники гулянья мирно расходились по своим деревням. Случались и драки, но их можно было с позиций сегодняшнего дня назвать гуманными: самым страшным оружием в таком бое считался кол, поножовщину не только запрещали, но и, что важно, презирали.

Такие гулянья - это один из эпизодов жизни бывшего Воскресенского района Северо-Двинской губернии. Гулянья в религиозные праздники происходили во многих районах. Но, как удалось установить, только здесь можно было наблюдать особое разделение гуляющих на несколько кругов.

Екатерина ТРУФАНОВА,
*студентка филологического факультета
ВГПУ.*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 08-04-00-268-а «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров»).

ПЕРНАТЫЕ РЕКОРДЫ

Недавно я познакомилась с весьма необычным спортсменом и тренером. Его воспитанники - не люди, а птицы. Александр Карелин - председатель Федерации спортивного голубеводства Москвы. Известный путешественник Федор Конюхов предложил ему открыть клуб любителей спортивных голубей в Вологодской области при «Школе путешественников». Возможно, этот редкий и увлекательный вид спорта появится в регионе в следующем году. О том, что представляет собой спортивное голубеводство и какие проблемы стоят сегодня перед федерацией, рассказал нашему журналу Александр Алексеевич Карелин.

- Александр Алексеевич, вы занимаетесь голубями почти всю сознательную жизнь. Как возникло это увлечение?

- Наверное, передалось от деда. Он держал голубей. Когда началась Великая Отечественная война, дед был уже старым, и его не пустили на фронт. Он день и ночь работал на оборонке, приходил домой, еле волоча

Александр Алексеевич КАРЕЛИН

ноги. И питался плохо - время было голодное. Но всё равно не оставлял своих любимцев без еды. Возле его дома росла раскидистая груша. Под ней он крошил хлеб, и птицы садились прямо на стол - так он отдыхал от этой гонки. Как-то раз он пришел домой и позвал своих голубей, но они не прилетели. Жена, как обычно, принесла ему поесть. «Надо же, как вкусно, - удивился дед, - где ты мясо-то взяла?» Как оказалось, пожалев мужа, она поймала нескольких голубей и приготовила еду из них. Дед, не задумываясь, снял проволоку и высек жену. Голуби были его любовью. Вот и я занимаюсь голубями с самого детства. Даже в армии ухитрился их держать.

- И как вам это удалось?

- Я служил в Германии. Дисциплина у нас была очень строгой, тем не менее начальник штаба разрешил мне держать голубей на чердаке воинской части. Я наловил их на полигоне, где у нас проходили учения по стрельбе. Они скрасили мою службу. Стоишь на линейке, слушаешь рапорт, а голуби над головой воркуют, хлопают крыльями. Птицы, которых я наловил, были когда-то спортивными, но одичали. Если во время соревнований голуби сбиваются с курса, они пристраиваются на полигонах, в

колхозах или элеваторах. Поэтому чтобы птицы долетели до финиша, они должны любить свой дом и хозяйина. А то увидят по пути голубятню - и останутся там. Они ведь летят через многие населенные пункты, а значит, и соблазнов много.

- Расскажите, пожалуйста, по-подробнее о деятельности вашей федерации.

- Мы занимаемся селекцией и разведением спортивных голубей. Проводим ежегодные соревнования и выставки, принимаем участие в международных олимпиадах спортивных голубей. Устраиваем безвозмездные выпуски птиц в школах, а также во время культурно-спортивных массовых мероприятий в Москве и Московской области. Голуби нашей организации - почетные гости таких праздников, как День города и День Победы. Они принимали непосредственное участие в открытии XXII летних Олимпийских игр в 1980 году, VI и XII Всемирных фестивалей молодежи и студентов в 1957 и 1985 году, Игр доброй воли в 1986 году и Первых всемирных детско-юношеских игр в 1998 году. Каждый год вместе на Благовещение Пресвятой Богородицы со священнослужителями Русской Православной Церкви мы выпускаем голубей. Регулярно проводим благотворительные акции с голубями в московских школах. Поскольку мы являемся членами Международной Тихоокеанской федерации любителей почтовых голубей пяти континентов, за каждый сезон наши голуби должны налетать определенный километраж - выполнить международную норму. Сезон у нас начинается в конце мая и заканчивается 8 августа. Практически каждую субботу мы запускаем голубей, а в воскресенье ждем их обратно. И только на супердалних дистанциях полет длится с четверга по воскресенье.

- А каким образом происходит сам полет? Как голубь осознает свой пункт назначения?

- У голубя врожденный инстинкт возвращаться на место, где он родился. Каждая точка, какая бы малень-

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поддерживает красивую православную традицию выпускать голубей на Благовещение Пресвятой Богородицы

кая она ни была, находится в своей вибрации частоты. Однажды ко мне прилетел чужой голубь и прибил к моим птицам. Я заметил на нем кольцо. Оказалось, что это голубь моего знакомого с Таганки. Я звоню ему и говорю: «Слушай, голубь твой залетел ко мне, номер кольца-то твой. Ты тренировал голубей, так, может, твой с курса сбился, ослаб». А он говорит: «Нет, дорогой. Это ты мне яичко дал, я вывел и надел свое кольцо». Получается, что уже в яйце заложена частота голубятни.

- Значит, на соревнованиях голубя привозят в определенную точку, из которой он должен вернуться домой?

- Да, согласно графику, который мы утверждаем на собрании. Кстати, многие пускают голубей прямо с моря или океана, если у государства маленькая территория. Так делают англичане, бельгийцы, немцы и голландцы. Поэтому у них голуби сильные. Там другие законы: не долетел - упал в океан, вот они и борются до последнего. Когда наши материковые голу-

би участвовали с ними, я говорил ребятам: «Нечего нам рассчитывать на первые места». Впервые мы запускали голубей с Канарских островов. С побережья Марокко птицы должны были лететь в Лас-Пальмас, то есть всю дистанцию над океаном. Хотя наши птицы материковые, мы там неплохо себя показали.

- Получается, за весь маршрут, к примеру, тысячу километров, голубь не должен нигде присесть?

- Самые лучшие голуби - те, которые летят в одно касание, то есть садятся только на финише. Поэтому, выводя голубей, мы преследуем несколько параметров. Это устойчивая генетика, хорошее физическое состояние и воля. Ведь если голубь увидит по дороге совхоз и подумает: «Ладно, сяду-ка я покушать», он сразу расслабится и может не завершить дистанцию.

- А какие породы встречаются у спортивных голубей?

- По породам голуби различаются в декоративном и декоративно-летном направлениях голубеводства. В спортивном их делят по расам. Исходных рас всего восемь - их вывели селекционеры, когда начали спаривать самых умных голубей. Сион, брику, янсэн, арден и другие были названы по фамилиям своих владельцев. Расой может считаться только голуби из одного рода, которые показывали отличные результаты не менее пятидесяти лет. Вот, например, как образовалась такая раса как брикусион? Когда-то дружили голубеводы, которые вывели расу брику и сиона. Они подарили друг другу самых лучших своих голубей и спарили их. Сегодня для того, чтобы подтвердить свой статус и выгодно продать голубей, владельцу необходимо иметь документы, на которых представлены три колена голубя. При оценке птицы учитывается и раса, и талант. Всем известно, что чем больше пробег у машины, тем меньше её цена. У голубя наоборот - чем больше призовых километров он налетал, тем он дороже. Например, голуби расы янсон могут стоить в десять раз больше своих пернатых то-

варищей. Одно из основных её преимуществ в том, что она вяжется с любой расой, при этом усиливая ее.

- Судя по фотографиям, спортивные голуби по внешнему виду очень похожи на своих уличных собратьев. Можно ли поймать голубя в своем дворе и сделать из него спортивного?

- Природное оперение действительно похоже, но между ними пропасть ровно такая, как между современным человеком и неандертальцем. У спортивных голубей осмысленный взгляд, прекрасные аэродинамические данные, не найти даже ни одного торчащего перышка - этих птиц шлифовали веками. Это ведь интеллектуальный вид спорта. К примеру, когда соревнуются лошади в конкуре, человек управляет животным при помощи вожжей. А чтобы управлять голубем, нужно так его научить, чтобы даже вдаль от своего хозяина он летел куда надо.

- Какая страна сегодня является столицей спортивного голубеводства?

- Германия. В этой стране выходит единственный в мире журнал по голубиному спорту. У них свой институт голубеводства, действующий со времен Гитлера, и даже специализированная клиника для пернатых. Именно немцы проводят Всемирную ярмарку спортивных голубей, которая раскидывается на восемь футбольных полей. Я был на ней почетным гостем 12 раз и уверяю, что это чудесное зрелище. У европейских голубеводов свой личный питомник есть практически у каждого члена семьи. Вот они и соревнуются между собой. Немцы рассказывали нам, что в 1991 году у них резко увеличилась преступность, наркомания, вандализм. Они забили тревогу и начали решать этот вопрос на уровне канцлера. Когда ведущие педагоги и психологи начали анализировать ситуацию, установили прямую зависимость - упал приток молодежи в Союз голубиного спорта. После долгих переговоров они разработали государственную программу по привлечению молодежи в этот спорт. Через

Вот так перевозят голубей в Германии...

...а так - в России

два года преступность пошла на спад. Когда я начал это рассказывать по телевидению, надо мной начали смеяться. Все удивлялись: «Прямо из-за голубей экономика у них восстановилась?!» Но факты говорят сами за себя. Сегодня в Германии, да и в других западных странах Союза голубиного спорта борются за каждого ребенка. Пять лет назад их Союз насчитывал 85 тысяч членов. В России сегодня с трудом наберется 1,5 тысячи. К тому же у нас больше половины членов занимаются и спортивным, и декоративным голубеводством. На мой

взгляд, чтобы достигнуть результата, нужно все-таки выбрать одно направление - трудно быть и портнихой, и сапожником.

- Почему, по вашему мнению, мы так отстали от Запада?

- Мы являемся некоммерческой любительской организацией и существуем только за счет членских взносов. А в клубе сегодня занимаются одни ветераны этого спорта, двое из которых - ветераны Великой Отечественной войны. Из 300 членов клуба осталось 43 человека. У молодежи сегодня совсем другие интересы, поэтому фактически этот спорт умирает. Мы не видим помощи ни от спонсоров, ни от власти. В Европе напротив - власти всячески способствуют развитию спортивного голубеводства. Там можно увидеть фееричное зрелище, когда в один момент из клеток выпускают 250 тысяч голубей, которые разлетаются по своим странам. На Западе птиц возят в специальных экспресс-кабинах с автоматической очисткой воздуха и подачей корма. Мы же своих голубей возим на «Газели» в тесных деревянных коробках, которые приходится таскать на себе. А ведь мы представляем единственный клуб в России, от которого ручейками растекается вся методика спортивного голубеводства!

В советское время этот вид спорта поддерживали. Например, к московской Олимпиаде нам подарили машину, которая прослужила 25 лет. В 2011 году исполняется 135 лет голубиному спорту в России. Мы пережили перестройку, пытаемся выжить в пору экономического кризиса, поэтому спонсорская помощь сегодня нам крайне необходима. Только за аренду помещения с нас берут как с представителей среднего бизнеса. Если бы князь Голицыны, которые официально положили начало спортивному голубеводству в России, увидели, как относятся к этому виду спорта сегодня! Когда я обращался за помощью во властные структуры, курирующие спорт, мне предложили встать в один ряд... с тараканьими бегами. Можно представить, каково мне было это слу-

шать, ведь я почти шестьдесят лет жизни отдал этому виду спорта.

- А сегодня у голубей есть какое-то практическое применение?

- Например, во время Олимпиады в Мюнхене с помощью крылатых вестников журналисты обменивались информацией. Тогда еще не было Интернета, факса и сотовой связи, а из-за больших пробок сложно было оперативно передавать свежие новости о распределении мест.

Колумбийские мафиози приспособили голубей для переноски наркотиков, а голландцы - к службе на благо медицины. Голуби переносят из одного медицинского центра в другой чипы с ценной информацией, результаты анализов и даже пробирки с кровью. В Бельгии при помощи голубей передается ценная информация между мощными концернами. Бельгийцы считают, что голуби надежнее Интернета. Голуби являются помощниками тайных спецслужб многих западных стран. В России это пока не распространено - мы всегда отстаем от Запада лет на сто.

- Но ведь голубь может и подвезти - не донести ценную информацию...

- Среди голубей, как и среди людей, встречаются безответственные шалопаи. Каждого голубя во время тренировки ставят на какую-то определенную работу. И если он хорошо себя зарекомендует, уровень доверия возрастает, его переводят на более ответственную работу. В фиритовом кольце, которое надевается на лапку голубя, можно уместить целую Библию. Когда голубь подлетает к пункту назначения, информация, которую он несет, автоматически считывается. А когда он подходит к кормушке, его кольцо уже загружается новыми данными.

- А правда, что почтовых голубей использовали на фронте?

- Да, голубь является символом мира, и ему пришлось побороться за мир. Животные вообще много сделали для победы в Великой Отечественной войне - собаки бросались с гранатами под вражеские танки, на лошадях возили грузы. Но больше всего сделали голуби - именно они доставляли секретные депешы и гильзы. Гитлером даже был издан указ стрелять по голубям, тем не менее за период войны было доставлено более 15

В нашем клубе сегодня занимаются одни ветераны этого спорта, двое из которых - ветераны Великой Отечественной войны

Возможно, когда-нибудь и на Вологодчине мы увидим подобное зрелище, когда тысячи голубей одновременно взмывают в небо...

тысяч голубеграмм. За рубежом в память о животных и птицах устанавливают мемориальные доски и памятники. Некоторые герои даже были награждены боевыми орденами.

- Вы говорили, что у вас живут голуби Федора Конюхова?

- Да. Когда я познакомился с Федором и рассказал ему о спортивных голубях, его это очень заинтересовало. Я подарил ему самца, который занял первое место на наших гонках, а на Олимпиаде во Франции мы купили ему голубку. Сейчас у этой парочки уже есть дети. Он хотел даже организовать голубиную почту по Великому Шелковому пути. Но это пока так и осталось мечтой. Если умело организовать голубятни, то голуби могут без труда пересекать пустыни, но для

осуществления этого грандиозного проекта необходимы огромные средства. Нужно строить голубятни по всей длине маршрута, а к ним жилые постройки, чтобы за птицами ухаживали люди. Но у нас есть более жизнеспособный проект - это развитие спортивного голубеводства на Вологодчине. Поскольку в Тотьме открывается «Школа путешественников Федора Конюхова», мы построим там голубятню и откроем клуб любителей спортивных голубей при школе. Если местные власти поддержат наш проект, обучим ребятшек и сможем проводить соревнования областного масштаба.

**Мария САМОХВАЛОВА,
пресс-секретарь Фёдора Конюхова**

Кшиштоф ЗАНУССИ: «Не надо читать и смотреть то, от чего вы можете стать хуже!»

Одним из членов жюри Международного фестиваля молодого европейского кино «VOICES», включённого в официальную программу Года России во Франции и Года Франции в России, любезно согласился стать актёр, режиссёр, философ Кшиштоф Занусси.

Ни в чём не подчёркивая своей принадлежности к элите мирового кино, Мастер доброжелателен и корректен по отношению к младшим коллегам, ироничен к себе, открыт и терпелив в разговорах с журналистами.

«Польская школа кино - это невыносимая трагичность существования честного человека, который чем честнее, тем ближе к гибели, причем гибели бесславной. Это у Збигнева Цибульского чувствовалось. Вот эта безысходность борьбы против фашизма, когда он коренится внутри человека, это животное начало, которое вспыхивает в человеке... Это была польская школа. И вдруг появляется режиссер тоже польской школы, у которого невероятно светлое сознание - он был физиком...» - так определил явление мирового кино по имени Кшиштоф Занусси критик Лев Анненский.

- Решения жюри даже самых известных и популярных кинофестивалей, не отличающихся элитарной закрытостью, частенько изумляют так называемого массового зрителя. Что Вы можете сказать о критериях, которыми пользуетесь, когда смотрите кино как член жюри, как простой зритель?

- Я всегда смотрю кино для себя. По-другому не могу. И отношу к хорошим фильмам такие, из которых узнаю что-то новое, после которых во мне происходят перемены к лучшему. Если в фильме происходит то, что я уже знаю, - это потеря времени. Это не только к кино имеет отношение. Вот некоторые говорят, что надо много читать. Я так не считаю. Если много читать - испортишь зрение, в конце концов. Читать надо только шедевры!

- Весной этого года Вы поставили в Российском академическом молодёжном театре пьесу «Доказательство». Чем отличается работа с российскими актёрами?

- Американский драматург и сценарист Дэвид Оберн написал пьесу, которую польский режиссёр поставил с российскими актёрами - это уже интересно, по-моему... Несколько лет назад я ставил эту пьесу в Германии - это был совсем другой спектакль.

Мне бывает любопытно узнать, что

Фото автора.

работа над постановкой в каком-либо российском театре может длиться полгода, год - этого больше нет нигде в мире, кроме России. А мы сделали спектакль за три недели репетиций в Варшаве и одну неделю в Москве, уже на сцене театра.

- Говорят, что в Варшаве репетиции шли в Вашем доме?

- Это так, да. Все жили у меня дома. Мы вместе смотрели передачи, обсуждали пьесу, читали, дышали одним воздухом. Это интересно. Мы вместе ездили по делам и просто так в моём автомобиле. Я теперь вообще берусь за постановку только таких пьес, количество героев которых умещается в моём автомобиле - так меньше проблем с транспортом. Четыре героя - это нормально. А вот если пять, шесть - уже возникают проблемы. Я за такие постановки тогда и не берусь. Шутка...

Это третья моя театральная постановка в России, первая была в 1991 году, кажется. С Катей Васильевой, Евгенией Добровольской и Мишей Ефремовым я поставил во МХАТе

«Игры женщин» - собственную пьесу. Потом была работа в Новосибирске...

- Чему должно учить современного зрителя сегодняшнее кино?

- У кино другие функции, я думаю. Учить должны в школе. Если авторы фильма что-то внушают зрителю - это пропаганда. Через кино, с его помощью авторы и актёры приглашают зрителя к размышлениям, к осознанию себя, к духовной работе в себе. Если этого нет - всё напрасно...

- В одном из интервью Вы сказали, что очень спокойно относитесь к современным технологиям в кино, не видите в этом никакой угрозы содержанию...

- Важно, что мне говорят с экрана. Сейчас идёт массовое увлечение форматом 3D - пятьдесят лет назад я уже видел нечто подобное: мальчиком я смотрел некоторые советские фильмы, для просмотра которых тоже были необходимы поляризационные очки для зрителей. Я уже в наши дни видел более новые технологии, где есть движущиеся голограммы. Это, скорее всего, будущее. Конечно, техника определяет язык, а язык ограничивает возможности автора или позволяет сказать нечто. Для меня всегда важно содержание, что можно передать, а не средства. Средства всегда вторичны. Они сами появляться должны по мере необходимости. Из истории искусства очевидно, что специально изобретать средства никому не приходило в голову, они сами появлялись по мере необходимости...

- Формирование новых общественных отношений в европейских странах, изменивших политический курс в восьмидесятые годы прошлого века, происходит непросто. И, кажется, медленнее, чем хотелось бы уставшим от преобразований людям...

- Мы прожили определённое время под знаком коммунистической гуманистики, в которой демагогически упоминается народ и его роль. На самом деле они народ не сильно и уважали. Народ - это нечто аморфное. В любом социальном слое есть более ответственные за происходящее

люди. Вот это и есть элита. Я учусь у своих профессоров-гуманистов, которые важнейшую роль в истории отводят элитам. И здесь не надо никого обижать и ни на кого обижаться. Всегда есть люди, которые взваливают на себя ответственность. Не просто декларируют её, а именно взваливают и несут. Принадлежность к элите - это не богатство, высокий пост или обширные знания, а способность взять на себя ответственность.

- Пан Кшиштоф, Вы не устаёте повторять, что власть существует для народа, а не наоборот. Вам удалось это увидеть хоть где-нибудь на практике?

- О, это не ново. Возьмите всю Скандинавию - там власть служит народу. Да можно и о Польше сказать, что сейчас там далеко не идеальная власть, но в сравнении с тем, что было, - очевидны перемены к лучшему. Мы, граждане, отслеживаем работу власти, и если нам что-то в ней не нравится, мы за это не голосуем в следующей раз. Партии, не приносящие пользу своему народу, не имеют будущего, исчезают. Политики, не сдержавшие своих обещаний, тоже не имеют будущего. Демократия - не лекарство от всех болезней, но ведь нет и ничего лучшего, что позволяло бы гражданам контролировать власть. Значит, надо думать, как сделать лучше демократию.

- Даже во время одного киносеанса в одном небольшом зале находящиеся люди, по-разному воспринимающие то, что происходит на экране в одно и то же время.

- Это так.

- А что же тогда говорить о зрителях разных стран, воспитанных на разных этнических, культурных, религиозных традициях! Как быть художнику, на каком языке говорить, чтобы быть услышанным как можно большим количеством людей?

- Это самая сложная задача. Одна из главных. Возьмите приборы бытовые или научные: один служит только для выполнения специфической узкой задачи, другой - максимально

универсален, а потому и более востребован. Какой из них важнее, Вы можете ответить? И я не могу. Надо искать середину. Эту задачу авторам приходится решать постоянно. И вполне очевидно, что каждый делает это по-своему, если он самостоятелен, если ему есть что сказать.

- Одна из современных опасностей, так говорят люди, озабоченные состоянием дел в разных сферах человеческой деятельности, - большое количество дилетантов в политике, науке, искусстве, здравоохранении, образовании...

- Я вынужден встать на защиту дилетантов. Мне опасность видится от большого количества узких специалистов, не ведающих о том, что происходит за пределами их узких интересов. Дилетанты, не являясь сами высокопрофессиональными специалистами, объединяют различные точки зрения таких специалистов. Возьмите двух римских пап. Мне так кажется, что предыдущий был дилетантом, а нынешний - нет. Но предыдущему было легче обнять всю землю, чем нынешнему, связанному крепко с традициями западной теологии, европейской теологии. Таких примеров много, когда человек хорошо знает производство, экономику, но не знает человеческих душ. Мой любимый пример, если угодно, на эту тему. Я сам бросил врача-стоматолога - перестал пользоваться его услугами, когда узнал, что он не знает, кто такой Достоевский. Ну, он слышал, что есть такой писатель, но ничего не читал. Такой врач, на мой взгляд, лечит орган, а не человека. А я больше доверяю врачу, который лечит человека. Допускаю, что я был слишком категоричным, принимая такое решение, но это был мой выбор.

- Вы рассказывали как-то о неосуществлённой, кажется, попытке снять рекламный ролик...

- Это ещё один пример из моей личной жизни. Мне, как человеку, реклама не нужна, поэтому я её не выношу. И никогда рекламой не занимался. Мало того, если я увидел случайно по телевизору рекламу какого-либо

товара, я это покупать уже точно не буду. Я не верю, что есть необходимость рекламировать хороший товар. Видимо, у меня отсутствуют современные реакции. Может, всё так происходит потому, что я люблю сам совершать открытия, пусть даже на уровне зубной пасты. Мне бывает радостно найти и купить такую зубную пасту, рекламы которой я не видел по телевидению...

Всю жизнь я гордился тем, что не снимал рекламных картин. Даже в те времена, когда я был довольно бедным, а реклама могла бы избавить меня от моей бедности. Я рассуждал, что если у меня есть талант, то его не надо продавать даже за очень большие деньги, чтобы сделать рекламу моющих средств. Шло время, я перестал быть бедным, когда ко мне обратилась крупная зарубежная фирма с заказом на изготовление рекламы. Мои рассуждения и мой ответ казались мне вполне логичными: я не делал рекламу, когда это могло избавить меня от бедности, так зачем я буду делать это теперь? Но мой коллега и заместитель, человек ещё довоенного воспитания, сказал мне, что в любой газете публикуется довольно много объявлений с просьбой о помощи. Кому-то деньги нужны на дорогие лекарства, кому-то - на сложную и дорогую операцию, кто-то не может получить специальность в университете, потому что нечем платить за обучение... Вот он и говорит, что я за две недели собственного времени, сделав рекламу за большие деньги, мог бы помочь большому количеству людей. И я задумался над этим. И рассказал о своих размышлениях своему другу. Он - епископ. Он выслушал меня и посоветовал снять рекламный ролик за большие деньги, но на благотворительность отдать только половину, а на вторую половину гонорара сделать отпуск нам с женой - побаловать себя. Я удивился: почему не все деньги отдать нуждающимся? Он сказал мне, что сделать надо именно так, чтобы избежать гордыни - одного из самых страшных грехов...

- **Вам удалось совершить «гре-**

хопадение» с уровня высокого искусства до производства массового рекламного продукта?

- У этой истории совершенно мистический финал. Человек, который ехал ко мне на новеньком автомобиле из Западной Европы, чтобы оформить этот заказ, так и не доехал. Он погиб на территории Германии... Так что я понял, что это был вопрос, который кто-то поставил передо мной, над которым я думаю и буду думать...

- **Часто ли Вам приходится делать выбор между тем, что надо сделать, но в то же время делать не хочется, и тем, что делается с лёгким сердцем?**

- Да! Может быть, к сожалению. Даже в моём возрасте приходится решать такие задачи, которых, мне казалось, быть уже не должно. Видимо, это тоже необходимо - делать выбор. Каждый человек очень часто делает выбор.

- **Вам есть в чём себя упрекнуть?**

- Да!

- **Вы часто это делаете?**

- Если я начну рассказывать о том, когда, как и в чём я упрекаю себя, это будет похоже на исповедь...

- **Ни в коей мере не претендую на роль исповедника, извините...**

- Уверен, каждому человеку есть в чём себя упрекнуть. И каждый делает это.

- **Вы изучали физику, философию, кино - что интереснее Вам показалось?**

- Когда я изучал физику, один профессор мне сказал: «Мне кажется, что вам интереснее человек, который пользуется этим прибором, чем сам прибор...» Думаю, он был прав.

- **Часто приходится слышать в последнее время о вызовах современности, требующих скоординированного ответа от всего человечества. В качестве одного из таких ответов называют и модернизацию.**

- Людские цивилизации развивались по-разному. Египетская цивилизация, например, на протяжении четырёх тысячелетий не стремилась к

кардинальному изменению в обществе. Многие поколения жили так, как их предки. Это вовсе не значит, что не было открытий и изобретений. Просто они не играли важной роли в обществе, не доминировали над привычным укладом.

В европейской цивилизации с XII века модернизация становится необходимостью, которая приходит на смену дремучести.

Что мы видим сейчас? Мне кажется, человечество увлеклось модернизацией всего и вся до такой степени, что не успевает осмысливать свои достижения, чтобы ими разумно и во благо пользоваться. Сколько замечательных открытий, позволяющих делать жизнь комфортной и достойной разумного человека, остаются вне поля нашего зрения! Есть опасность, что мы, люди, не способны жить в тех условиях, которые мы сами себе создаём. А это - хорошие условия. Мы нехорошие...

Сколько богатств накопилось в наших руках! Я смотрел здесь картину, в которой герои сжигают мебель, которая могла бы ещё долго служить, - я ещё мебель не сжигал ни разу. Люди разучились или так и не научились пользоваться своими же достижениями. Для чего они тогда нужны?

Сколько свободного времени у современных людей! Легко заработать, чтобы не голодать. А желания работать становится всё меньше...

Мы хотели освобождения человека от рабства тяжёлой тупой работы. Во многих развитых странах добились этого. И что же? Нужен огромный духовный подвиг, чтобы этим разумно распорядиться. И жажда, и духовная дисциплина. А когда этого нет, всё свободное время употребляется на другие поиски - лекарств, к примеру, которыми хотят компенсировать недостаток духа. Да ещё гордятся этим. Считают, что найден универсальный ключ, которым можно открыть любую дверь. Нет такого ключа и быть не может. Это путь в никуда.

- Не является ли это следствием неверия?

- Неверующих людей не бывает. Просто одни верят в хорошее, а другие - в плохое...

- Какую роль Вы отводите критикам в Вашем профессиональном становлении, как складывались отношения с ними?

- Эта роль огромна. Не только в моей судьбе, но и в судьбах кинематографистов нескольких поколений. Критики помогли нам понять самих себя. С помощью критики мы создали школу нравственного беспокойства в польском кино. Современная критика переживает упадок, увы. Ставить в газетных рейтингах звёздочки рядом с названиями фильмов - это не критика. Это занятие для дисковеев.

- Вам довелось побывать в разных странах, Вы не редкий гость в России, но в Вологде, кажется, оказались впервые. Могли бы рассказать о своих впечатлениях?

- Вчера побывал в Кириллове и Ферапонтове. Иконы и фрески с обратной перспективой... Только увиденное там уже полностью оправдывает мою поездку сюда. Но ведь были ещё и встречи с разными людьми, общение...

- Можно поинтересоваться Вашим видением перспектив кинофестиваля в Вологде?

- Удачное место для проведения нового фестиваля, на мой взгляд. Всё будет зависеть от зрителя - ведь любой кинофестиваль, в конце концов, для зрителя. А чтобы зритель понял, куда его зовут, он должен получить определённую информацию. Не только просмотры фильмов, но и встречи зрителей с актёрами и режиссёрами - вот что должно быть интересно. Организаторы и принимающая сторона должны делать всё, чтобы это случилось...

**Беседовал
Алексей КОЛОСОВ**

Исаак ПОДОЛЬНЫЙ

ОТКРЫТКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вместо вступления КТО И ЧТО СОБИРАЕТ

Собирательством люди занимаются испокон веков. Одни собирают всё, что попадает под руки. Их принцип: когда-нибудь может пригодиться... Немало людей предпочитает собирать купюры самого высокого достоинства, желательно, - последних лет выпуска... Эти-то уж пригодятся всегда!

Но есть в мире большая группа людей, которыми руководит не чувство стяжательства, а интерес к самим предметам собирательства. Сорок лет назад в книге «Записки собирателя» известный ученый и коллекционер А.А. Сидоров писал:

«Собирательство может быть спортом.

Для того нужны умение и удача.

Собирательство может быть страстью.

Для осуществления ее нужны настойчивость и счастье.

Собирательство может быть искусством.

Для того, чтобы такой стала деятельность коллекционера, нужны все указанные выше качества. И умение находить, и удачливость, и настойчивость поиска, и любовь к предмету, и совершенно неоспоримо - знание его.

Собирательство может быть наукой.

Первое требование здесь - иметь цель. Умение ограничить и свою страсть, и свой спортивный азарт, и самую свою удачу подчинить соображениям нужного...

...Все эти четыре грани собирательства могут быть в самых разных отношениях друг к другу: «спорт» и «страсть» очень родственны. Между «искусством» и «наукой» должна существовать дружба, а не вражда».

Эти мысли очень точно описывают собирательство. Тому, кто захочет

познакомиться с историей собирательства, можно порекомендовать замечательную книгу Якова Бердичевского «Размышления о коллекционировании. Размышления об экслибрисе». Киев-Берлин. 2005. 174 с. Книга эта, редкая в России, имеется в собрании Вологодской областной библиотеки.

Но мне хочется добавить, что очень медленно из простых собирателей люди становятся настоящими коллекционерами. Да и то далеко не все. Коллекционирование, в отличие от простого собирательства, на мой взгляд, начинается тогда, когда мы начинаем видеть в марках, открытках, монетах, банкнотах и других объектах не просто некие новые предметы, экзотические, не просто предметы определенной и, порой, весьма немалой цены, но источники информации о давно прошедших временах или о нынешних быстро текущих событиях. И тогда объекты собирательства в руках человека приобретают новую жизнь. Настоящий коллекционер стремится собрать всю доступную информацию о каждом экспонате.

Вирус собирательства в наш дом внес мой отец. В далеком 1937 году, вернувшись из командировки в столицу, он привез несколько пакетиков с марками, на одном из которых стоял штамп «Особо ценные». К подарку прилагались две тетрадки для расклейки марок. Какой же это был для меня действительно ценный подарок!

Помню, как мы, младшеклассники, стояли на почтамте около окна «Довостребования» и выпрашивали у получателей конверты с марками. Денег на покупку у нас не было, да и приходили новые марки на почтамт редко.

Еще до войны нашлась высланная из Ленинграда старушка, которая вывезла большую коллекцию марок.

Мы помогали ей разделять дрова для печки, а она расплавивалась красивыми заграничными марками, на которых были изображены всякие звери, корабли и важные персоны, о которых мы ничего не знали. От нее в моей коллекции остался один из самых редких экспонатов.

Помню, как отец одноклассника прислал с фронта целый конверт марок, снятых с трофейной корреспонденции. Часть этих марок были испанскими: вероятно, корреспонденция адресовалась солдатам испанской «Голубой дивизии», бесславно погибшей на советском фронте. Соседка-учительница посоветовала: «Не показывай никому эти марки: ведь на них портрет фашиста, генерала Франко!».

Вероятно, нынешний интерес к филателии у молодежи заметно уменьшился потому, что завораживающие цветные изображения незнакомых пейзажей, экзотических животных, цветов, морских парусников, портреты выдающихся людей всех времен и народов мы раньше могли видеть только на марках и открытках. Теперь же всё это доступно и в прекрасных изданиях книг, и на экранах наших телевизоров.

С высоты прожитых лет я могу вспомнить о многих коллекционерах Вологды. Одним из них был Сергей Васильевич Клыпин (1883-1967), обладавший большим собранием книг, открыток, экслибрисов и марок. Он был некоторое время в дружбе с Сергеем Есениным, печатал в Вологде его стихи, присутствовал на его венчании с Зинаидой Райх в церкви Кирика и Улиты, что находилась в пригороде Вологды. Дружил он с советским комиссаром почт и телеграфа Вадимом Подбельским, подарившим ему альбом с редкими разновидностями до-революционных марок России. А в годы нэпа он имел в центре Вологды магазинчик, торговавший предметами коллекционирования: марками, бонами, открытками. На память от него мне досталась открытка с витриной магазина да редкая серия фальшивых одесских марок времен революции, на которых изображено,

как черти бросают Россию в огнедышащий ад. Большую коллекцию художественных ценностей, картин, фарфора, книг собрал в 30-50-х годах вологодский учитель Глеб Васильевич Ларионов. Но многие вологжане осуждали его за не всегда корректные методы приобретения ценных экспонатов. В конце жизни дарить свои сокровища музею владелец отказался. Потому уплыла большая коллекция из нашего города в неизвестном направлении.

Хорошую коллекцию картин вологодских художников и старых книг имел профессор-историк Петр Андреевич Колесников. Профессор-литератор Виктор Гура, доценты Владимир Пудожгорский, Юрий Ломакин, учителя Анатолий Тихонов и Владимир Кузьминский коллекционировали марки. Большую коллекцию экслибрисов имел С.Г. Ивенский, бывший несколько лет директором картинной галереи.

Коллекцию медалей всю жизнь собирал вологжанин Николай Михеев. Теперь она экспонируется в вологодском домике-музее Петра I. Писатель Константин Коничев тоже собирал бронзовые настольные медали. Сохранилась его фотография за любимым занятием с шутливой дарственной подписью: «Виктору Гуре. Почтительно. Старый нумизмат, как стершийся пятак. Дядя Костя. 10.65».

Однако практически ни у кого из них не нашлось в семьях наследников, кто бы продолжил увлечения старших.

Сегодня в Вологде есть прекрасные частные коллекции экслибрисов, нумизматических материалов, собрания картин. Есть собрание документальных материалов, посвященных истории советского кино. Есть даже собрание старинных торговых свинцовых пломб, принадлежавших в разное время торговому вологодскому люду. А неутомимый собиратель древностей Геннадий Белинский представил вологжанам несколько выставок из своих коллекций, в том числе выставку уникальной старинной аптечной посуды.

Обладателями большого собрания

Константин КОНИЧЕВ изучает свою коллекцию

почтовых открыток вологодской тематики являются Олег Хамичев и Леонид Медведев. Знарок и исследователь истории быта земли вологодской и обладатель обширнейших собраний исторических документов и предметов древности - вологжанин Михаил Суров. Его жизненным подвигом является подготовка и издание прекрасно оформленных и богатых по содержанию книг-каталогов своих коллекций «Вологодчина: неизведанная давность», «Вологодчина: невостребованная давность» и «Вологодчина: неиссякаемая дивность», общим объемом более тысячи страниц.

Важно то, что материалы частных собраний многих вологжан не лежат где-то под замками коллекционеров. Они постоянно выставляются на общее обозрение. Так, в операционном зале центрального почтамта Вологды часто выставляет фрагменты своей большой коллекции филателист И. Сээт.

До сих пор я рассказывал о коллекционерах старшего поколения. Но недавно встретился с совсем молодым вологжанином, студентом историчес-

кого факультета МГУ Алексеем Кошелем. Еще со школьной скамьи он стал собирать коллекцию автографов интересных людей. Сегодня картотека этой коллекции содержит больше полутора тысяч автографов. Но он еще изучает жизненные пути этих людей. А для будущего историка такое собрание - сущий клад информации. Нет, дело коллекционирования никогда не умрет!

Особое место в собирательстве занимает частная картинная галерея доктора технических наук, череповецкого профессора Евгения Михайловича Лунина, в которой представлены около 4000 живописных работ и рисунков, принадлежащих в основном вологодским и череповецким мастерам. Второй такой частной галереи нет во всей стране. Совсем недаром ему присвоено звание лучшего мецената России. А в Вологде нужно отметить весьма интересную частную арт-галерею «Красный мост».

В нашем городе живут и трудятся люди, которые не только собирают коллекции, но и сами создают предметы коллекционирования. К приме-

ру, хочется отметить почетного гражданина Вологды, народного художника России, действительного члена Российской Академии художеств, ветерана Великой Отечественной войны Владимира Корбакова. Он подарил городу коллекцию своих картин, состоящую из более двух тысяч полотен. А еще он собрал коллекцию более 500 работ советских, российских и зарубежных художников «Меня рисуют друзья», её он тоже подарил городу. Почетный гражданин Вологды, ветеран-фронтовик, фотограф высшей категории Абрам Наумович Бам подарил музею фотогалерею художественных портретов выдающихся вологжан.

В коллекциях филокартистов России достойное место занимают открытки, с большим мастерством и юмором выполненные заслуженным художником России Михаилом Васильевичем Копьевым. Картины Михаила Копьева можно встретить во многих галереях и частных собраниях. А блестящий мастер экслибриса художник-гравер Л. Щетнев имеет не только собрание экслибрисов многих художников мира, но и коллекцию собственных работ, которую выставлял в Америке, в Англии, в Венгрии и во многих других странах.

Но Вологда богата не только частными коллекциями. Так, многолетними усилиями директора Вологодской областной картинной галереи заслуженного работника культуры В.В. Воропанова собрана огромная коллекция экслибрисов, вероятно, наиболее полная в стране. Только известный московский коллекционер Виталий Бакуменко подарил Вологодской картинной галерее около 6 тысяч экслибрисов. Уже более десяти лет при галерее существует общественная организация любителей искусств, где коллекционеры выступают с сообщениями о своих собраниях и очередных находках.

Прекрасные коллекции предметов быта XIX века выставлены в музее забытых вещей под руководством Татьяны Касьяненко и филиале музея «Вологда на рубеже XIX - XX веков»

под руководством Ольги Колотиловой. А теперь Вологодский историко-архитектурный и художественный музей, руководимый заслуженным работником культуры Людмилой Коротаевой, готовится к открытию нового собрания вологодских кружев.

Но если вспомнить слова физиолога академика И.П. Павлова о том, что коллекционирование отражает естественно присущий человеку инстинкт цели, то можно взглянуть на собирательство и с другой точки зрения.

Не могу однозначно согласиться с определением великого ученого о коллекционировании отражает не просто естественный инстинкт, но и личную культуру собирателей, уважение людей к истории, извечное и естественное стремление человека к познанию прошлого и настоящего окружающего мира. Коллекционирование служит окном в мир прекрасного. Оно учит систематичности мышления, расширяет кругозор, воспитывает умение понимать и ценить не только наследие прошлого, но и достижения современности, наконец, воспитывает любовь к Родине.

Коллекционирование - одна из весьма действенных школ воспитания культуры всего общества. Но я бы хотел подчеркнуть: особую ценность для земляков представляют коллекции, связанные с нашей вологодской тематикой.

Выставкам и публикациям коллекционеров во многом способствуют правительство Вологодской области и администрация города Вологды, Вологодское общество изучения Северного края, областная универсальная научная библиотека, вологодские музеи, областная картинная галерея, клуб любителей искусства. Приобретению музейных экспонатов и организации выставок во многом содействуют вологодские меценаты.

Моя благодарность всем, кто с любовью и вниманием относится к вологодской старине и поддерживает это издание. Особенно благодарю В.М. Бакуменко, много пососуществовавшего подготовке рукописи к печати.

Этюд первый РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТКРЫТКА

Как всегда, юбилейные даты дают повод вспомнить о прошлом, воскресить имена и события давно минувших времен. Вот и мы в начале XXI века отметили два столь разных юбилея: сто лет революционным событиям 1905 года в России и 130-летие выпуска первой российской почтовой открытки. Казалось бы, какая связь между этими событиями?

А связь такая была! И о ней - мой рассказ.

Собиратели открыток всего мира просто охотятся за самыми старыми почтовыми карточками всех стран. Сначала они выпускались в виде простых картонных квадратов с местом для марки и адреса. Служили они скорее визитными карточками, пересылаемыми по почте. Вскоре на оборотах карточек появились рисунки самого разного содержания: от патристических сценок франко-пруссской войны и до видов памятных мест. Появилось множество карточек с поздравительными сюжетами к всякого рода праздникам. Потом стали модными репродукции картин. Долгое время карточки употреблялись в сочинениях эпистолярного жанра. Но много ли напишешь на карточке?

Однако уже через пару лет министр внутренних дел России вынужден был утвердить «Временные постановления по почтовой части», в кото-

Зарисовка событий 1905 года, сделанная художником Евгением Орловским

Автор этой открытки, подписанной «Червь», - московский врач Михаил Чемоданов

рых отмечалось, что «... с самого начала этот род корреспонденции дал повод к злоупотреблению. Начали посылать как к частным, так и к правительственным лицам открытые письма самого оскорбительного и безнравственного содержания, иногда даже с неприличными рисунками». Далее предписывалось такие открытки изымать и пересылать в министерство в пакетах с пометкой «Секретно».

Не прошли мимо этих событий и российские революционные круги. В частных типографиях многих городов России начали печататься открытки пропагандистского характера. Многие открытки-листочки размножались фотоспособом. Кто же был автором этих открыток? На некоторых из них подписи Икс, Червь, И. Грек. За такими псевдонимами стоял московский врач Михайлович Чемоданов. Это были пламенные призывы к восстанию. На открытке «К вопросу о народном представительстве в России без различия пола» - текст: «Если

женщина достойна взойти на эшафот, она достойна войти и в парламент».

Тем же фотоспособом печатались и карточки, рисованные художником Евгением Орловским. Это в большинстве своем были хроникальные зарисовки событий 1905 года.

В то же время появилась и серия открыток «Москва в баррикадах», напечатанных в типографии с подлинных фотографий.

В столице террористы убили санкт-петербургского градоначальника Фон-дер Лауница за то, что он приказал применить к революционерам в тюрьме телесные наказания. Тут же появилась открытка с фотографией, сделанной в морге, с надписью «Заспиртованная голова убийцы». Вероятно, тем же способом печаталась открытка с портретом лейтенанта Петра Петровича Шмидта с указанием даты его расстрела и фотопортреты известных террористов.

Киев и Одесса на революционные события откликнулись изданием целой серии открыток, выполненных в технике модной в начале XX века силуэтной графики художниками, скрывавшимися под псевдонимом «В. Гулак» и «Н.М.».

Открытка, подписанная «В. Гулак», посвящена борьбе за свободу

Так неизвестный художник изобразил цензуру, препятствующую гласности

Той же теме была посвящена выполненная в цвете открытка, на которой чиновник крепко держит за язык писателя или журналиста. Имя автора этого рисунка, как и многих других открыток, до сих пор не установлено.

Очень резкой революционной сатире был подвергнут царский манифест от 17 октября, о котором писали:

«Царь испугался, издал манифест:
Мертвым - свободу,
живых - под арест!»

Некоторые сведения о русских революционных открытках я нашел в трех выпусках альбомов «Революция 1905-1907 годов в изобразительном искусстве» под редакцией В.В. Шлеева и в книге Я.М. Белицкого и Г.Н. Глезера «Рассказы об открытках». ^{1,2}

В 2008 году в Москве в стенах Государственной Думы музей политической истории России показал выставку столетия Российской Думы. Там были представлены и карикатуры на деятелей первой российской Думы, в том числе и на открытках.

Расскажу и я о карточках, которые удалось собрать в небольшую коллекцию. Сам факт, что именно в Вологде удалось найти около сотни карточек периода революции 1905 года, достоин внимания. Политическая жизнь города ярко отражала настроения в государстве. Издатели этих открыток довольно сильно различались по своим политическим симпатиям. Есть карточки, издававшиеся большевиками, эсерами, анархистами, но есть и откры-

венно реакционные и даже провокационные издания, печатавшиеся в типографии непосредственно в здании полицейского управления. Это свидетельствует, что и Вологда начала XX века не была политически «одноцветной». Встречались в нашем городе карточки, издававшиеся польскими ссыльными националистами.

В то же время нам практически не удалось найти аналогичных коллекций в других областных центрах России. Надо полагать, что открытки сохранялись людьми самых разных политических взглядов. Но эти люди должны были обладать большим гражданским мужеством, чтобы в смутное время революции, и в страшные политическим террором годы сталинских репрессий прятать у себя открытки - документы эпохи. (Известны случаи, когда в Вологде репрессированным людям предъявлялись обвинения в монархических настроениях на основе изъятых коллекций марок с портретами русских царей). Во многих домах в ту пору уничтожались альбомы семейных фотографий и все эпистолярное наследие.

Некоторые открытки моей коллекции отражают революционные события и настроения непосредственно в нашем городе.

В разработке коллекции пришлось устанавливать авторов сюжетов и рисунков на карточках. Но в других случаях оказалось затруднительным определить даже партийные симпатии издателей и художников, не говоря уже об их подлинных именах

Большой удачей считаю находку двух карточек, отправленных вологжанином доктором Шадриным с фронта 1-й Мировой войны. Они помогли восстановить доброе имя членов этой замечательной семьи.

Изучение исторического и художественного содержания экспонатов коллекции сильно расширило мои представления об истории и культуре всей России XIX века.

Думаю, что собранные материалы будут полезны не только вологодским историкам и краеведам.

Этюд второй ОТКРЫТКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Не нами первыми сказано: такова, вероятно, планида российской интеллигенции - быть всегда в оппозиции к власти и становиться «властителями дум...». XIX и XX века дали тому массу подтверждений. Грибоедов и Пушкин, Лермонтов и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Лев Толстой и Короленко - это из писательского цеха. Позднее на события первой русской революции откликнулся Д.Д. Шостакович, назвав свою одиннадцатую симфонию «1905 год». Борис Пастернак посвятил этой революции поэму. О художниках на рубеже тех веков - речь впереди.

Далеко не всегда интеллигентская оппозиционность была конструктивной. Порой она носила характер самой резкой политической публицистики и критики, а иногда достигала своих крайних форм, вплоть до терроризма. И как бы мы теперь ни относились к политическим платформам всех смутных времен, о людях, которые их представляли, забывать нельзя. Один из видных отечественных историков и искусствоведов В.В. Шлеев считал 1905-1907 годы особым этапом развития культуры русского общества.¹

В моей коллекции открыток периода первой русской революции 1905-1907 годов есть карточки, издававшиеся разными партиями и в разное время. В большинстве это были нелегальные издания, на которых нет ни выходных данных, ни фамилий авторов сюжетов и текстов. По сути своей эти карточки были революционными прокламациями. Начнем рассказ с открыток, издававшихся РСДРП - партией, позднее назвавшей себя партией большевиков.

Выпуск многих открыток в 1906-1907 годах осуществлял книжный склад «Вперед», созданный при непосредственном участии В.И. Ленина. Там печатались репродукции картин революционной тематики всех времен и народов. Всего было напечатано 85

открыток-репродукций и сорок портретов революционных деятелей.

Видная деятельница большевистской партии Е.Д. Стасова писала: «...Финансовая комиссия пользовалась фотографическими аппаратами для размножения портретов замечательных людей. Так нами были выпущены портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Лассалья, В. Либкнехта, Р. Оуэна и других. Выпускались многочисленные открытки с изображением событий 9 января и другие». Были изданы открытки, на которых воспроизводились картины из мирового художественного наследия, хоть в малой степени отражающие революционную тематику.

В нашей коллекции имеются несколько таких карточек: репродукция картин Э. Делакруа «Свобода ведет народ», В. Маковского «Политики», неизвестного художника «Забастовка».

Кто-то может задать вопрос: а при чем здесь финансовая комиссия? Какой доход может принести издание открыток, да еще и подпольных, не поступающих в открытую продажу и не допущенных к почтовой пересылке? Но у социал-демократов к тому времени была создана из студенческой молодежи и сочувствующих специальная сеть добровольных помощников, разносивших по домам наиболее состоятельных и прогрессивно настроенных горожан конверты с революционными открытками. Получатели за такие послания платили порой весьма приличные суммы, которые поступали в партийную кассу как пожертвования.

Еще раньше появились размножавшиеся фотоспособом открытки-прокламации. Полиция в обеих столицах вынуждена была мобилизовать дворников и приказать им всех таких разносчиков частных писем ловить и доставлять в участки. Так в руки полиции попали открытки, на которых имелись инициалы художников: «Икс», «И. Грек», «Червь», «Эмче», «М. Лилин». Художник с такими псевдонимами давно состоял на учете в полиции. Это был известный москов-

Еще одна открытка М. Чемоданова, направленная против генерала Трепова, в 1905 году бывшего временным генерал-губернатором Санкт-Петербурга

ский зубной врач Михаил Михайлович Чемоданов. Он тут же был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. Расскажем немного подробнее о судьбе художника.

Михаил Чемоданов, еще в бытность студентом медицинского факультета Московского университета, с 80-х годов XIX века стал сотрудничать с редакциями прогрессивных журналов, рисуя карикатуры «на животрепещущие темы». Талант карикатуриста был замечен: о нем тепло вспоминали А.П. Чехов и Влас Дорошевич.

Но заметили его не только издатели и читатели. В 1881 году карикатура Чемоданова в журнале «Свет и тени», напечатанная под заголовком «Наше оружие для разрешения назревших вопросов» и посвященная разгрому «Народной воли», наделала столько шума, что попала в доклад государю. Цензор был уволен, журнал закрыт, а самому автору пришлось срочно уехать «с глаз долой», в Тифлис.

Там Чемоданов стал печататься в журнале «Фаланга», но и это издание

вскоре закрыли из-за того же «противоправительственного» художника. Чемоданов вернулся в Москву. Его сразу признали журналы либерального толка. Печатали карикатуры много и охотно. Цензура же бдительно следила за редакциями, стараясь не пропустить «крамолу».

В самом конце века девятнадцатого М.М. Чемоданов целиком отдался медицинской практике и преподаванию в зубоветеринарных учебных заведениях, на годы отказавшись от сотрудничества в журналах. Но с началом нового революционного подъема он опять взялся за перо и тушь, которыми владел мастерски.

Установив связь с организацией РСДРП, доктор Чемоданов вновь обратился к политической карикатуре. Его рисунки печатались многими журналами. Наиболее острые размножались в виде карточек фотоспособом в фотографии Д.И. Песчанского в Москве на улице Большой Дмитровке (почти напротив Театра оперетты), другие - в виде открыток на официальных почтовых паспарту.

Среди имеющихся в моей коллекции открыток Чемоданова одна посвящена Софии Перовской, казненной за участие в покушении на царя. Черно-белый рисунок кем-то раскрашен красной тушью.

На другой карточке революционный рыцарь поражает черного дракона преступного правительства, прикрывающегося щитом частных уступок 6 августа 1905 года, царского Манифеста 17 октября 1905 года о даровании свобод. На копье - цитата из В.И. Ленина: «Врозь идти, вместе бить». Еще одна карикатура направлена против «диктатора всея России» генерала Трепова - выходца из московских околоточных.

Крестовому походу против интеллигенции посвящена карточка, на которой «современный Петр Амьенский из Московского Чудова монастыря» - епископ Никон едет на осле с лозунгом «Бей интеллигенцию! Бей крамольников!». А у осла - уж очень узнаваемая физиономия.... На ушах осла написано «Грингмут». Небольшой поиск,

и мы находим, что Владимир Андреевич Грингмут преподавал древние языки в лицее цесаревича Николая, публиковался в «Московских ведомостях» под псевдонимом «Spektator», был одним из активных деятелей «Союза русского народа» и «не был чужд погромным затеям...». Так писал о нем «Энциклопедический словарь Гранат» (т.17.с.138). Досталось в этом рисунке и реакционной газете «Московские ведомости», подстеленной под наездника вместо седла.

Но есть в моем собрании открытка, на которой изображены события 9 января 1905 года перед Зимним двором: конные казаки с шашками наголо атакуют мирных демонстрантов. И это уже не шаржированный рисунок, а настоящая картина с мастерски построенным панорамным охватом всей площади. Совсем недавно под большим увеличением в углу карточки удалось увидеть монограмму, весьма похожую на ту, которой пользовался доктор Чемоданов, - «И. Грек». И если это так, то следует признать, что Михаил Михайлович Чемоданов был не только карикатуристом, но и прекрасным художником.

В холодных застенках Бутырской тюрьмы Михаил Михайлович Чемоданов застудил легкие и через короткое время скончался, не дожив до судебного процесса, а девушки - распространители крамольных изданий были отправлены в Сибирь.

Академик Н.М. Дружинин в своих воспоминаниях говорил: «Для Чемоданова карикатура-протест была таким же негодующим криком сердца, каким для Л.Н. Толстого было его «Не могу молчать», а для В.Г. Короленко его «Бытовое явление». Его сочувствие принадлежало полностью и безоговорочно трудящимся массам и их революционным стремлениям».

Авторы книги «Рассказы об открытках»² считают, что на открытках было выпущено всего около тридцати пяти рисунков М.М. Чемоданова.

Профессора-художники В.А. Серов, В.Д. Поленов и студенты из Академии художеств в Петербурге воочию видели всю трагедию расстрела де-

монстрации 9 января 1905 года. Профессора гневно осудили происшедшее и в знак протеста заявили о выходе из состава действительных членов Академии, которую возглавлял, по мнению революционно настроенной интеллигенции, непосредственно причастный к расстрелу великий князь Владимир Романов. Студентов поддержали И.Е. Репин и В.В. Стасов. Такие люди не могли не быть «властителями дум» молодежи.

Но были их коллеги, которые с ними не согласились. Выдающийся художник В.М. Васнецов тоже вышел из академии. Он объяснил свой уход тем, что руководство Академии не предотвратило политических студенческих сходов в её учебных помещениях. Российская интеллигенция всегда была весьма полярна в своих убеждениях и оценках.

В той же фотографии, где печатались карточки-прокламации Чемоданова, размножались открытки с рисунками студентов московского Училища живописи и ваяния Е.В. Орловского, С.Н. и М.Н. Коменко, примыкавших к социал-демократам. Многие карточки были посвящены расстрелу Декабрьского восстания, непосредственными свидетелями которого стали молодые художники. Содержание открыток говорит само за себя и мало нуждается в комментариях. Вооруженному восстанию в Москве позднее была посвящена большая серия открыток «Москва на баррикадах», в основу которых были положены документальные фотографии тех лет.

Царский манифест от 17 октября 1905 года хоть и провозгласил целый ряд свобод, но не смог снизить накал революционного движения в стране. С упразднением строгих цензурных ограничений издание открыток-прокламаций, революционных открыток-карикатур не только не уменьшилось, но, наоборот, возросло.

В моей коллекции есть две открытки, трехцветные рисунки на которых и элементы оформления выполнены в одном стиле. На первой - цитата из обращения Николая II к рабочей депутации: «Теперь вы видите, что сер-

дечные отношения для меня стоят гораздо выше насилия». А на рисунке - император в костюме гвардейского полковника на трибуне перед народом, собравшимся под красными флагами. В руке у Николая весы, на одной чаше - обнаженное сердце, а на другой - большой ружейный патрон, явно перевешивающий противоположную чашу. В правом нижнем углу второй из этих открыток - еле заметная монограмма в виде буквы «Р», весьма похожая на монограмму рисовальщика Станислава Ридигера, печатавшегося в то время во многих петербургских журналах. На этой открытке героем карикатуры рядом с императором выступает С. Ю. Витте - председатель Кабинета, а затем Совета министров России с 1903 по 1906 год. Витте, с одной стороны, был довольно либеральным политиком, сторонником некоторых уступок революционно настроенным массам, но, с другой стороны, его ненавидели в народе за то, что он послал войска для подавления московского вооруженного восстания и революционных выступлений в Польше, в Прибалтике, в Сибири.

Третью карточку из этой серии можно видеть в одном из наборов репродукций революционных открыток, изданном издательством «Изобразительное искусство» в 1974 году. На ней - та же монограмма «Р», а текст указывает на принадлежность этой серии к изданиям РСДРП.

После разгона первой Думы некоторые депутаты, опасаясь арестов, выехали в Выборг и опубликовали воззвание, названное «Выборгским». И тут же в ответ «Союз русского народа» выпустил карточку с карикатурным изображением в шутовском наряде председателя Думы от партии кадетов С.А. Муромцева, подписавшего это воззвание. Против 169 депутатов, подписавших воззвание, было возбуждено уголовное дело, и суд приговорил их к трем месяцам тюрьмы каждого. Это лишило их права быть избранными во вторую Думу.

Нам не удалось установить ни автора, ни партийную принадлежность

Изображение этой медали говорит о том, что, по мнению художника, власти поддерживали антиинтеллигентские и погромные настроения

многих открыток революционного содержания. На одной из таких открыток на кроваво-красном фоне изображена медаль, по периметру которой надпись: «За усмирение антелегентского бунта. 1905 г.». На самой медали - черный двуглавый орел: одна голова с надписью «Трепов», другая - «Витте». Вместо лап - руки с нагайкой и штыком и подписью «Игнатъев». Вместо сердца - медальон «Победоносцев». На крыльях - восемь маленьких медальонов с изображением ножа, виселиц, кандалов и т.д. На правом поле карточки - текст: «Доблестнымъ черносотенцамъ медаль за участие в славномъ походѣ противъ емназистовъ, жидовъ и воопче антелегентовъ». Никаких данных, по которым можно было бы судить об авторе и его партийной принадлежности, на карточке не обнаруживается.

На другой цветной открытке изображены витрины магазина с вывеской «ТРЕПОВЪ и К^о». В окнах магазина - реклама об окончательной распродаже на основании манифеста 17 октября всех пуль, нагаек, кандалов, виселиц и т.д. Внизу - текст: «Управляющий фирмы г. Витте убедительно

просит верить, что распродажа окончательная. - Кто верует - блажен...». Авторство этой листовки нами пока тоже не установлено, хотя в левом нижнем углу рисунка с определенным трудом просматривается плохо читаемая монограмма неустановленного художника.

Известно, что А.М. Горький в то время и материально, и идейно поддерживал РСДРП. И этот факт нашел отражение на листовках-прокламациях

периода первой русской революции. Сторонниками черносотенных идей от имени не существовавшей никогда Российской социал-демократической республики были выпущены карточки-деньги «достоинством» 3, 5 и 10 рублей с явно антисемитскими рисунками. На лицевой стороне напечатан текст: «Предъявителю сего не советую соваться с этим «знаком» ни в какую разменную кассу и остерегаться царской полиции. Принимается в оплату при всех разгромах и грабежах». И, как было положено в те времена, на таких «ассигнациях» стоят подписи:

«Президент республики - М. Горький.
Директор с.-д. банка - А. Гурьев.
Гл. контролер - Матюшенский.
Кассир - П. Гапон».

Очередная открытка против Трепова и представляемой им власти

Максимъ Горькій.

В.Г.Короленко.

Мало известные подробности о событиях 9 января 1905 года и отношениях Горького с П. Гапоном можно найти в очерке Горького «Камо».⁴ Из очерка становится ясно, что эти два имени оказались в одном списке не случайно: после расстрела демонстрации 9 января Горький и Савва Морозов укрыли Гапона на своей квартире, а позднее вывезли за границу. Если верить воспоминаниям С.Ю. Витте⁵, он лично дал деньги на отправку Гапона в Финляндию с условием, что он никогда больше в Россию не возвратится.

С.Ю. Витте в тех же записках вспоминает о журналисте Матюшенском, как о человеке, пытавшемся похитить довольно большие деньги, выделенные для рабочих библиотек.

Еще пара деталей на этих листовках требуют дальнейшего уточнения. Так, перед цифрой, обозначающей достоинство купюры, стоят три буквы: «С.Ю.В.» . Полагаем, что это инициалы Сергея Юльевича Витте, у которого было много врагов и среди «правых», и среди «левых» представителей политического спектра России.

Неясен смысл цифр, стоящих на карточке справа от обозначения номинала. Может быть, это номера думских документов, наиболее ненавистных представителям черносотенной реакции?

На обороте листовок - большой

текст «Извлечения из Манифеста Союза Союзов». Не часто теперь вспоминают, что в период Первой русской революции была предпринята попытка объединения российских революционных партий в некий Союз Союзов. Но «лебедь, рак и щука» в этом Союзе Союзов так и не смогли найти единую линию в политике. Потому Союз быстро и бесславно распался. Как документ времени остались карточки-прокламации. Наверное, с той самой поры осталось в наследство российским оппозиционным партиям неумение договариваться между собой.

В традиционных российских политических дискуссиях стороны нередко ссылаются на незыблемость политических убеждений, а на деле эти убеждения оказываются заблуждениями. Как всегда, кому-то присущ известный политический максимализм, кому-то мешает неумение вести политический диалог, а кому-то и просто межличностные симпатии и антипатии. В итоге дискуссии ни к чему положительному не приводят из-за непримиримости сторон.

Существуют открытки, отражающие пребывание в вологодской ссылке Марии Ульяновой, И. Джугашвили, В. Молотова, но они были изданы в СССР позднее и массовыми тиражами.

Исторический интерес представляет карточка, на которой фотография похорон политического ссыльного

Иосифа Хайзанашвили (его правильное имя - Хизанишвили) в Вологде в 1906 году. Вологодский историк-краевед доцент Владимир Пачкория разыскал и подробно описал историю Иосифа Хизанишвили и его семьи в Грузии. Похоже на то, что этот ссыльный не был функционером какой-либо из партий. Он просто выступил против местных властей в Грузии, пытавшихся несправедливо решить земельные вопросы в их районе. Крестьяне избрали его командиром местной дружины. Большого и немощного крестьянина-бунтаря этапом отправили в Вологду, где он вскоре и скончался. Похороны Хизанишвили вылились в массовую демонстрацию и свидетельствовали о симпатиях горожан к политическим ссыльным. Вологжане организовали сбор средств в пользу семьи покойного. Одна из женщин пожертвовала свое золотое кольцо. Семья Хизанишвили кольцо это сохранила и позднее передала его в исторический музей Грузии.

Интересно отметить и такой факт: ни на одной из контрреволюционных почтовых карточек ни в моей коллекции, ни в других известных мне собраниях не удалось найти ни одного намека на авторство или на названия печатавших их издательств. Зато в книге М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»⁶ мы находим имя того, кто руководил печатанием черносотенных прокламаций непосредственно в типографии своего министерства: это жандармский генерал Комиссаров.

Известно, что и европейские социал-демократы тоже выпускали открытки революционного содержания. Они попадали в Россию, как правило, нелегальными путями. Но большинство таких посылок попадало в руки таможенникам. На одной из открыток из моей коллекции изображена карикатурная фигура царя, сидя-

Эта антицарская открытка пришла в Россию из Швейцарии

щего на троне и попирающего ногами людские фигуры. А рядом, над ним возвышается символизирующая свободу большая женская фигура с мечом. И надпись по-французски: «LACHE!!». В нижнем углу слева «A. Schmidt», а справа - «Serie 25». Аналога такой открытки в свое время нам не удалось обнаружить в обширном собрании, каким была ленинградская коллекция Николая Спиридоновича Тагрина, и в собрании открыток Библиотеки имени Ленина в Москве. На память об этом поиске у меня осталась открытка с автографом знаменитого коллекционера. В литературе нам встретилось сообщение, что таможенникам и жандармскому управлению благодаря сообщениям русской зарубежной охраны удалось перехватить практически все посылки с революционными карточками из Европы. Вероятно, потому и наша открытка мало известна в России.

Хочу выразить благодарность заслуженному врачу, почетному гражданину Вологды, писателю-краеведу Николаю Леонидовичу Турупанову, подарившему мне часть из перечисленных в очерке открыток.

Продолжение следует

1. «Революция 1905 - 1907 годов и изобразительное искусство». Серия альбомов под редакцией В.В. Шлеева. Выпуск 1-3. М.: Изобр. искусство. 1978-1981.

2. Я. М. Белицкий, Г.Н. Глезер. Рассказы об открытках. М.: Радио и связь. 1986.

3. «Последний царь. Конец Романовых. История революционного движения в России по неопубликованным немецким источникам». Петроград: Единение. 1918. с. 192.

4. А.М. Горький. с/с. М. 1963. т.18. с. 349-356.

5. С.Ю. Витте. «Воспоминания». Гл.57.

6. М.К. Касвинов. «Двадцать три ступени вниз». М.: Мысль. 1978. с. 213.

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

Заметки об Иване Константиновиче Айвазовском

Время моей работы над материалом о великом маринисте И.К. Айвазовском, к сожалению, совпало с кровавой бойней в Южной Осетии, что и заставило меня по-новому взглянуть на свой труд и высказать свою гражданскую позицию на происходящее.

Считаю, что наша бывшая родина, СССР, стала жертвой большой, суперхитрой дипломатии представителей НАТО. Но, как показала жизнь, распада Советского Союза для них было недостаточно, и теперь НАТО делает всё, чтобы народы бывшей огромной братской страны стали врагами. Эта политика привела к тому, что на постсоветском пространстве полностью разрушены дружеские отношения между братскими народами, которые веками жили вместе и победили фашизм. Что получилось? Грузия совершила вооруженное нападение на Южную Осетию. Русские миротворческие войска, исполнив свой интернациональный долг, остановили военную агрессию. Результат получился трагическим: погибли мирные люди, российские миротворцы и грузинские солдаты. Зачем?

Дело дошло даже до того, что некоторые представители бывших братских республик сожалеют о том, что советский народ с честью вышел победителем в борьбе с фашизмом.

Хочу напомнить таким «демократам»: историю не изменить, фашизм, который осужден всем миром, побежден советским народом и его союзниками.

* * *

Россия - исторически многонациональная, великая страна, родина многих великих людей. По террито-

И.К. АЙВАЗОВСКИЙ. АВТОПОРТРЕТ. 1892. Холст, масло. Феодосийская национальная картинная галерея имени И.К. Айвазовского, Украина

рии наша страна немного меньше, чем все европейские страны и США вместе взятые. Подумать только, в России около 120 тысяч рек, их общая протяженность более 2,3 миллиона километров. Еще более удивительная цифра - в России около двух миллионов озер. И, наконец, наша страна - великая морская держава, ее берега омывают воды Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Море для жителей России всегда было и остается синонимом свободы, олицетворяло силу и мужество, звало к противоборству, рождало жажду

борьбы. Именно таким воплотил образ моря в своем богатом творчестве легендарный русский художник-маринист с мировой славой Иван Константинович Айвазовский (1817-1900). Да, Айвазовский - настоящий и великий певец российских морей, озер, рек - всего, что связано с водой. Именно он нашел естественную поэтику живой воды в живописи. Творчество художника - подлинно народное, составляет часть русской культуры и тесно связано с героической историей царской России.

Айвазовский в эпоху Николая I был главным художником русского военно-морского штаба. Он написал летопись Российского военно-морского флота от Петра I до 1900 года. Он создал много исторических картин, таких как «Петр I на Красной Горке, зажигающий костер для подачи сигнала гибнущим судам своим», ее сюжет полностью соответствует историческому эпизоду, происшедшему в Финском заливе.

Айвазовский в своих полотнах описал события Крымской войны, описал десятки горячих батальных сцен, которые сегодня дают нам представление о том, как героически сражались русские моряки XIX века с врагами.

Синопское сражение - одна из важнейших морских битв Крымской войны (1853-1856), в котором русский флот одержал триумфальную победу над неприятелем, очистив на время Черное море от кораблей турецкого флота. На эту тему художник написал несколько картин, главная из них, наверное, - «Синопский бой», огромное полотно в девять квадратных метров. Известный русский адмирал, герой Синопа П.С. Нахимов очень долго смотрел на эту картину и с восторгом сказал: «Картина сделана чрезвычайно верно и точно». Эти слова написал своим родным участник этого героического сражения - мичман Иванов.

Любовь и уважение к маринисту у русских моряков сохраняется и в наши дни. Более чем через 100 лет после смерти художника моряки Тихоокеанского флота поставили ему памятник на берегу моря.

Айвазовский - автор более шести тысяч прекрасных полотен.

Картины Айвазовского украшают не только российские музеи, но и многие музеи мира, они имеются в собраниях частных коллекционеров по всему миру.

Айвазовский больше чем маринист - он океанист, великий художник неба, земли и воды. Об этом громко говорят его картины «Сотворение мира», «Всемирный потоп», «Сошествие Ноя с Арарата», «Волна», «Буря», «Среди волн», «Радуга», «Девятый вал», «Затмение солнца», «Океан» и множество других.

Айвазовский был избран членом пяти академий художеств: Петербургской, Римской, Флорентийской, Штутгартской, Амстердамской. Многие европейские художники, его современники, подражали русскому маринисту, потому что в этом жанре ему не было равных.

Английский маринист Д. Тёрнер от картины молодого Айвазовского «Неаполитанский залив в лунную ночь» пришел в такой восторг, что по этому поводу сочинил стихотворение русскому собрату: «На картине этой вижу луну с золотом и серебром, стоящую над морем и в нем отражающуюся... Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагнетает трепетную зыбь, кажется полем искорок или множества металлических блесков... Прости меня, великий художник, если я ошибся, приняв картину за действительность, но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною, искусство твое могущественно, потому что тебя вдохновляет гений».

В 1843 году 25-летний Айвазовский в Париже на выставке в Лувре получил большую золотую медаль, его поздравили известнейшие французские художники.

Айвазовский участвовал более чем в 130 выставках, у него было только 55 прижизненных персональных выставок, и всегда с новыми картинами. С выставок за границей не вернулось домой ни одно полотно художника, все они были приобретены знатоками живописи и поклонниками ху-

дожника. В 1841 году папа римский Григорий XVI познакомился с русским художником и за большие деньги купил у него картину «Хаос», наградив художника золотой медалью.

На 50-летний юбилей творчества художника, который очень торжественно отмечался в Санкт-Петербурге 26 сентября 1867 года, в адрес Айвазовского поступило около 600 поздравлений из-за рубежа, а царская Россия наградила своего мариниста золотой медалью с выбитым на ней портретом художника. С портретом художника были выпущены золотая и несколько десятков серебряных и медных медалей. Он также получил орден Святого Владимира II степени. Великий Федор Достоевский, который имел у себя портрет мариниста, назвал этого художника «мастером без соперников».

Почему-то в советское время об Айвазовском было не очень-то много публикаций, однако картины художника имелись в музеях многих больших и малых городов СССР.

Скажу, что в музеях нашей Вологодчины тоже есть полотна Айвазовского. Пока я видел три его морских

пейзажа в Вологодской картинной галерее и одно из редких, необычных для мариниста, довольно большое полотно «Овцы» - в музее Великого Устюга.

* * *

Сегодня мало кто знает, что у великого мариниста в детстве не было ни карандаша, ни бумаги: бедный мальчик рисовал древесным углем на заборах и стенах, хотя ему за это доставалось немало.

Иван (Ованес) Константинович Айвазовский родился 17 (29) июля 1817 года в Феодосии, на берегу Черного моря. Он был третьим, младшим сыном в бедной армянской семье. С возвышенности, на которой стоял дом Айвазовских, открывалась широкая панорама моря. Ощущение безбрежных просторов моря, степного раздолья и яркого южного неба над ними с детских лет навсегда запечатлелось в памяти будущего мариниста.

В 9 лет он еще не ходил в школу, а работал помощником у местного буфетчика. Бродячий музыкант Айдар научил его играть на скрипке в восточном стиле, держа инструмент на

МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ НАВАРИНЕ 8 ОКТЯБРЯ 1827 ГОДА. 1848. Холст, масло. Высшее военно-морское инженерное училище, Санкт-Петербург

колене, чтобы одновременно играть и петь. И однажды маленький скрипач в буфете так замечательно играл и пел разные народные мелодии и песни, что капитан греческого торгового корабля подарил мальчику свою скрипку, с которой Айвазовский не расставался всю свою жизнь. Игрой именно на этой скрипке он поразил композитора М. Глинку.

Талант юного Айвазовского первым заметил градоначальник Феодосии А.К. Казначеев, участник войны с Наполеоном, большой любитель искусства. Он вызвал к себе мальчика с отцом. Тот испугался, что сына накажут за рисунки на стенах и заборах, но градоначальник подарил мальчику всё необходимое для рисования и помог отцу устроить сына в школу, потом в Симферопольскую гимназию. После этого, благодаря именно Казначееву и архитектору Таничу, в 1833 году Айвазовский был принят в Петербургскую Академию художеств с государственной пенсией. Айвазовский называл Казначеева «мой благодетель», в его честь в Феодосии построил родник, который сохранился и до наших дней.

До Айвазовского в русской живописи маринистов не было. Заметив несомненные способности Айвазовского, президент Академии художеств А.Н.Оленин помогал талантливому ученику развиваться в этом направлении. В 1835 году в Санкт-Петербург приезжает французский маринист Филипп Таннер, характером высокомерный и грубоватый. Он за большие деньги принял множество заказов, в том числе и от царя. И именно по просьбе Николая I Таннер взял себе в помощники академика Айвазовского, обещая царю сделать из него классного мариниста.

Итак, Айвазовский из Академии художеств временно перешел в мастерскую Ф. Таннера. Однажды президент Академии А. Оленин на Троицком мосту случайно встретился с Айвазовским, который признался, что француз при нем не хочет рисовать. Иван только готовит краски для нового учителя, а Таннер на весь день

выгоняет его на этюды для своих заказов. Тогда А. Оленин предложил Айвазовскому написать картину для ближайшей выставки, сказав: «Ты и без француза обойдешься, нам надо своего, русского мариниста».

Так академист на втором курсе пишет свою первую самостоятельную картину «Вид на взморье в окрестностях С.-Петербурга» (этюд «Воздух над морем»). На академической выставке он получил серебряную медаль. Публика стремилась на выставку, несколько дней невозможно было свободно подойти к картине Айвазовского. Царь тоже собирался посетить выставку, но раздраженный Филипп Таннер доложил ему, что его ученик своеволен, плохо воспитан и несколько дней притворялся больным, а за это время без ведома учителя написал картину на выставку. Император приказал немедленно снять работу молодого художника с выставки. Можно понять, что значило для Айвазовского это решение царя. В эти трудные времена Айвазовского поддержал великий русский баснописец, друг А.Н. Оленина Иван Крылов. Об этом художник не раз вспоминал: «Не знаю, что было бы со мной, если бы не моральная и душевная поддержка Ивана Крылова. Он в кабинете Оленина меня обнял, посадил рядом и сказал: «Не бойся, сынок, потерпи. Я видел твою картину, твои морские волны вошли в мою душу и привели к тебе».

Благодаря заступничеству И.А. Крылова и В.А. Жуковского царь узнал о невиновности академика и возвратил свою милость к Айвазовскому. А Таннер вынужден был покинуть Россию. Когда царь сам увидел нашумевшую картину молодого художника, то сказал: «Это морская прелесть». И после этого он дал Айвазовскому «добро» на участие в походе на военном корабле по Балтийскому морю с великим князем Константином Николаевичем. В путешествии Айвазовский детально изучил конструкцию российских судов, что было очень важно для будущего известного мариниста.

В 1836 году Айвазовский на академической выставке получил свою пер-

вую золотую медаль. Он вспоминает об этом времени: «В сентябре на нашу выставку приехал А.С. Пушкин с женой. Мы, ученики и молодые художники, побежали к ним, помню даже, как одета была прелестная Наталья Николаевна. Наш инспектор Куратов, который сопровождал их, увидел меня, взял за руку и представил супругам. Пушкин очень радостно и ласково встретил меня и спросил, где мои картины. Я от этой встречи с великим поэтом немного растерялся. Пушкину из моих картин очень понравились «Облака с ораниенбаумского берега моря» и «Группа чухонцев на берегу Финского залива». Пушкин удивился, что я так быстро и точно освоил особенности цветовой среды северных морей. Кстати, он первым меня назвал «русский маринист». Он со мной долго беседовал. Встреча с Пушкиным мне очень много дала».

Последний раз Айвазовский с Пушкиным и Жуковским встречался буквально за несколько дней до трагической дуэли поэта. Пушкин интересовался, как он переносит холодную зиму. «Меня греют ваши стихи», - ответил художник. Пушкин пригласил Айвазовского к себе в гости, пообещав дать ему свои новые стихи. Художник тоже хотел показать поэту свои новые картины, но, к сожалению, этому помешала смерть поэта.

Любовь и уважение к поэту у Айвазовского сохранились до конца его жизни. Семь картин он посвятил великому поэту, а последнюю из них написал уже в преклонном возрасте в соавторстве с И.Е. Репиным.

Последним учителем в академии у Айвазовского был Карл Брюллов, который возвратился из Италии. Многим было интересно, как оценит его этот знаменитый художник, которого знала вся Европа. На вопрос корреспондента «Художественной газеты» Брюллов ответил: «Айвазовский - художник от Бога, у него исключительная зрительная память и воображение, он так хорошо пишет воду, что даже соленость на губах чувствуется. Я уверен, что через несколько лет он оставит позади всех маринистов мира».

Брюллов к своему ученику относился как к другу, он познакомил его со многими выдающимися людьми, в том числе и с композитором М. Глинкой, который Айвазовского уважал не только как художника, но и как музыканта. Об этом композитор говорил: «Айвазовский на скрипке сообщил мне три напева, впоследствии два из них я употребил для лезгинки, а третий для сцены Ратмира в третьем акте оперы «Руслан и Людмила».

Осенью 1837 года на академической выставке Айвазовский получил большую золотую медаль, также он за два года досрочно закончил с золотой медалью Академию художеств, что дало ему право на заграничную командировку для совершенствования. Но совет академии решил, что молодому выпускнику еще рано ехать за границу, и послал его на два года в Крым.

По приглашению командующего войсками кавказской прибрежной линии генерала Н. Раевского Айвазовский стал участником морского десанта. Он был принят на легендарном русском военном корабле «Силистра» командующим Черноморским флотом М. Лазаревым, где офицерами служили будущие близкие друзья художника П. Нахимов, В. Корнилов, В. Истомин и другие известные моряки.

На родине молодой художник еще более усовершенствовал свое мастерство, он писал с природы виды Феодосии, Ялты, Керчи, Севастополя, создал несколько батальных картин и ряд романтических полотен. А «Лунная ночь в Гурзуфе» стала вехой на пути создания им ночных морских пейзажей.

Летом 1840 года Айвазовский возвратился в Петербург и снова принял участие в академической выставке, получив золотую медаль. Три больших картины художника: «Десант в Субаши», «Вид Севастопольского рейда с военными судами» и «Кронштадтский рейд» - приобрел император Николай I, а шесть картин купила Академия художеств.

В том же году в конце лета Айвазовский отправился в заграничную командировку в Италию, где познакомился с Н.В. Гоголем и А.А. Ивановым.

За границей художник оставался 4 года, за это время он побывал в 135 европейских городах, написал более 80 чудесных картин.

Из Европы Айвазовский писал А. Оленину: «Я очень рад и счастлив, что смог оправдать Вашу надежду и доверие. Мой успех - это заслуга и победа нашей академии». Из другого письма художника - к А.Р. Томилову: «Теперь в Европе гадают, где я буду жить: в Италии, во Франции или вернусь в Россию? Дорогой мой Аркадий Романович, я русский художник, воспитанник русской культуры и интеллигенции, и мои картины принадлежат только России».

В 1844 году Айвазовский вернулся в Россию прославленным на весь мир маринистом. Его картины были приобретены во многих странах мира. Царское правительство наградило его орденом Святой Анны третьей степени. Академия художеств присвоила ему звание академика, а император Николай I назвал живописцем Главного морского штаба с правом ношения адмиральской формы.

Тогда Айвазовскому было всего 26 лет. Он вернулся в родную Феодосию,

где жил в течение многих лет. Айвазовский превратил этот город в культурный центр. Средоточием и душой этого центра был сам художник - человек широкой натуры, открытый для общения, готовый поддержать и вывести в люди молодые таланты. Он открыл в Феодосии картинную галерею, археологический музей, художественную школу, библиотеку, концертный зал, принимал участие в строительстве нового порта, железной дороги. В 1891-1892 годах, в тяжелое для страны время, он жертвовал большие суммы голодающей России, ученикам Академии художеств, где в 1900 году была учреждена премия имени Айвазовского. Он также помогал армянским беженцам из Турции.

Писать об Айвазовском можно очень долго и интересно.

Я верю, что Крым, родина великого мариниста, как и в прежние времена, останется мостом дружбы двух братских народов - русского и украинского.

**Меружан ОГАНЕСЯН,
село Кичменгский Городок**

ТОНУЩИЙ КОРАБЛЬ. 1854. Папье пелле, графитный карандаш, цветной карандаш, процарапка. Государственный Русский музей, Санкт Петербург.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОТОРЕПОРТАЖ

Юбилей древней обитатели ..... **2 стр. обл., цв. вкл.**
И НЫНЕ, И ПРИСНО

Просить у Бога - естественно. *Священник Александр ЛЕБЕДЕВ отвечает на вопросы о Боге, вере и Церкви* **2**
ПРОЗА

Александр ГРЯЗЕВ. Чтобы свеча не угасла. *Историческая повесть* **18**
Александр ЛОМКОВСКИЙ. Реки. *Повесть* **42**

ПОЭЗИЯ

Александр ДУБНИН. Полюби сначала ветер... ..... **71**
Вера КОРИЧЕВА. Зову к себе пространство тишины **73**
Галина ШВЕЦОВА. Тем светлее подбираю краски... ..... **77**

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Вячеслав СЕЛИВАНОВ. Асеиха - это от Афонихи через Козлиху **79**
Михаил ДЕМАШЕВ. Одним теплом душа согрета **80**

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Полвека в русской литературе **84**
Валентина СТАРКОВА. «Мы для скучной жизни непригодны...» **85**
Владимир КУДРЯВЦЕВ. Слово о современниках (старшее поколение). *Главы из книги*

Александр Яшин:
«Я обречен на подвиг...» **87**

Мой Рубцов **91**
Виктор Коротаев:

«Я вас давно люблю, Россия...» **95**

Михаил Сопин:
«Вызываю огонь на себя...» **102**

Вячеслав Хлебов:
«А я - большой реки начало...» ... **107**

Алексей Васильев: «Поверьте мне, здесь нет ни капли лжи...» **112**

Сергей Чухин: «Я возвращаюсь на круги своя...» **116**

Сергей БАГРОВ. Писатели, друзья мои...
Высшее состояние.

Слово о Сергее Чухине **120**
Идея необходимости.

Слово об Александре Романове ... **122**

Подарок.

Слово о Юрии Ледневе **124**
Жил когда-то парень на Руси.

Слово о Коле Дружининском **127**
ГОД 65-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Герман ВОРОБЬЁВ. Дети войны - дети дворов **130**
ИСКУССТВО

Любовь СОСНИНА. От Украины до Русского Севера. *Творческий мир художника Николая Мишусты* **135**
Николай МИШУСТА.

Работы разных лет ..... **цв. вкл.**
РОДИНОВЕДЕНИЕ

Андрей САЛЬНИКОВ.
Слово о Вологде и вологжане **142**

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ. Хлебосольный град.
Главы из книги «Вологда и вологжане» **143**

Анатолий ЕХАЛОВ. Универсальная деревня, или Энциклопедия забытых ремёсел **160**

ПУБЛИЦИСТИКА

Татьяна КОРОТКОВА. Ликуй, душа! *Впечатления от I Международного фестиваля «Играй, гармонь!» имени Геннадия Заволокина* **193**

Роберт БАЛАКШИН. Эту песню не задушишь, не убьёшь! **199**

ЯЗЫК МОЙ

Людмила ЗОРИНА.
Блюдежливый Наволок **203**

Ни дыма, ни огня! или Вологодские благопожелания печнику **204**

Екатерина ТРУФАНОВА. Народные гулянья в Вологодской области **207**

ГЕОГРАФИЯ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Мария САМОХВАЛОВА.
Пернатые рекорды **210**

ВСТРЕЧИ

Алексей КОЛОСОВ. Кшиштоф Занусси: «Не надо читать и смотреть то, от чего вы можете стать хуже!» **216**

ЗАПИСКИ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Исаак ПОДОЛЬНЫЙ. Открытки русской революции **221**

ИЗ ПОЧТЫ РЕДАКЦИИ

Меружан ОГАНЕСЯН. Великий художник великой страны ..... **234, цв. вкл.**

На 1-й - 4-й страницах обложки - фотография архиепископа МАКСИМИЛИАНА «Спасо-Каменный монастырь»

ЛАД

Литературно-художественный журнал

ВОЛОГОДСКИЙ 2010, № 3 (19)

Учредитель - ИПП «ФЕСТ»
Главный редактор - А.К. Сальников

В 1991-1995 годах выходил под названием «Лад. Журнал для семейного чтения». С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия по Архангельской области и Ненецкому автономному округу ПИ № ФС 3-0731 от 25.01.2008 г.

Адрес издателя: ИПП «ФЕСТ», 160009, Вологда, Мальцева, 52.

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Адрес редакции: 160009, Вологда, Мальцева, 52. Телефон: 8(172)72-55-70, e-mail: salnikov@krassever.ru

Тираж 1500. Объем 15 п.л. Формат 70x108/16. Печать офсетная. Подписано в печать 14.10.2010 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 9 час. Дата выхода номера - 28 октября 2010 г. Заказ № 7093. Свободная цена.

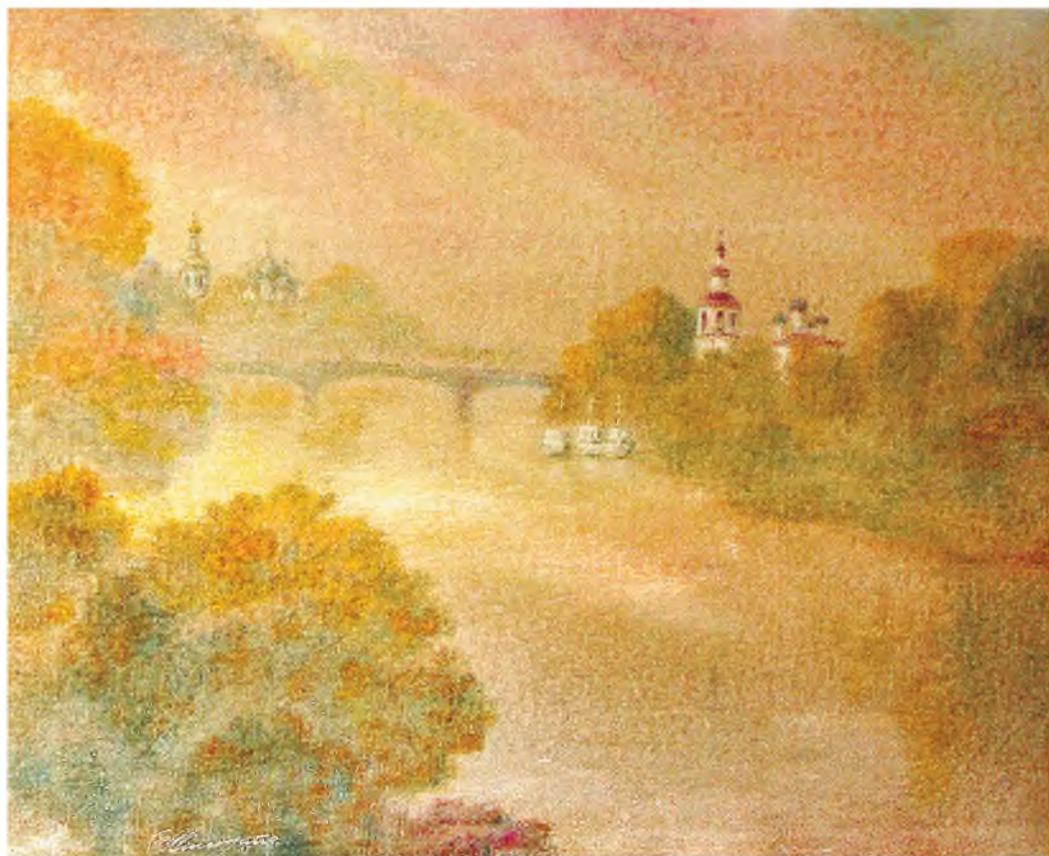
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Николай МИШУСТА

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Иллюстрации
к статье
Любови Сосниной
«От Украины
до Русского Севера»
(начало
на странице 135)

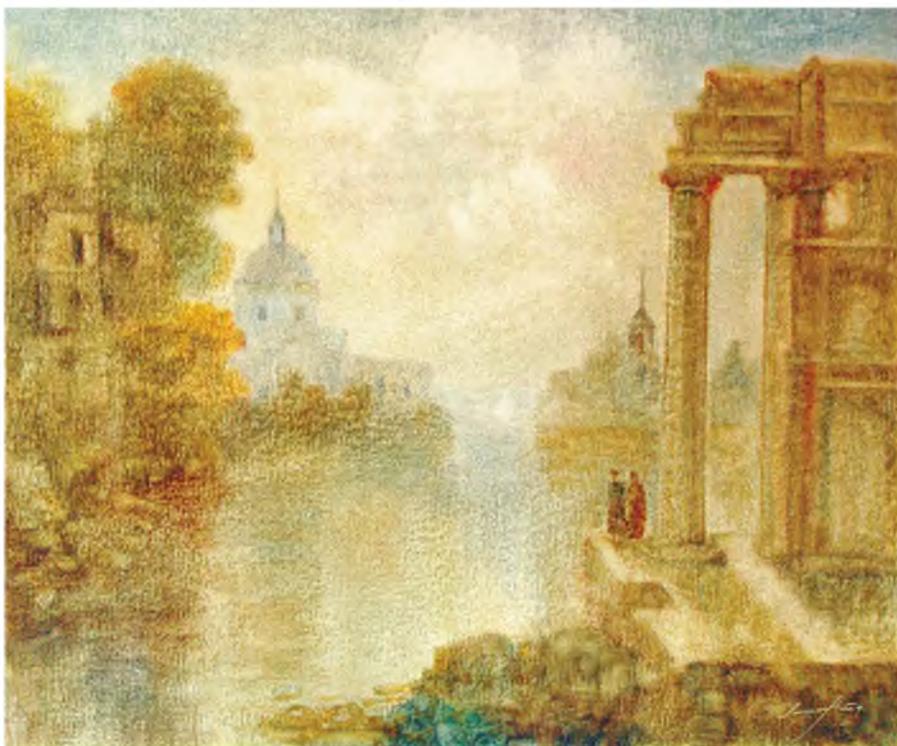
УТРЕННИЙ ТУМАН. 2008. Картон, масло, монотипия

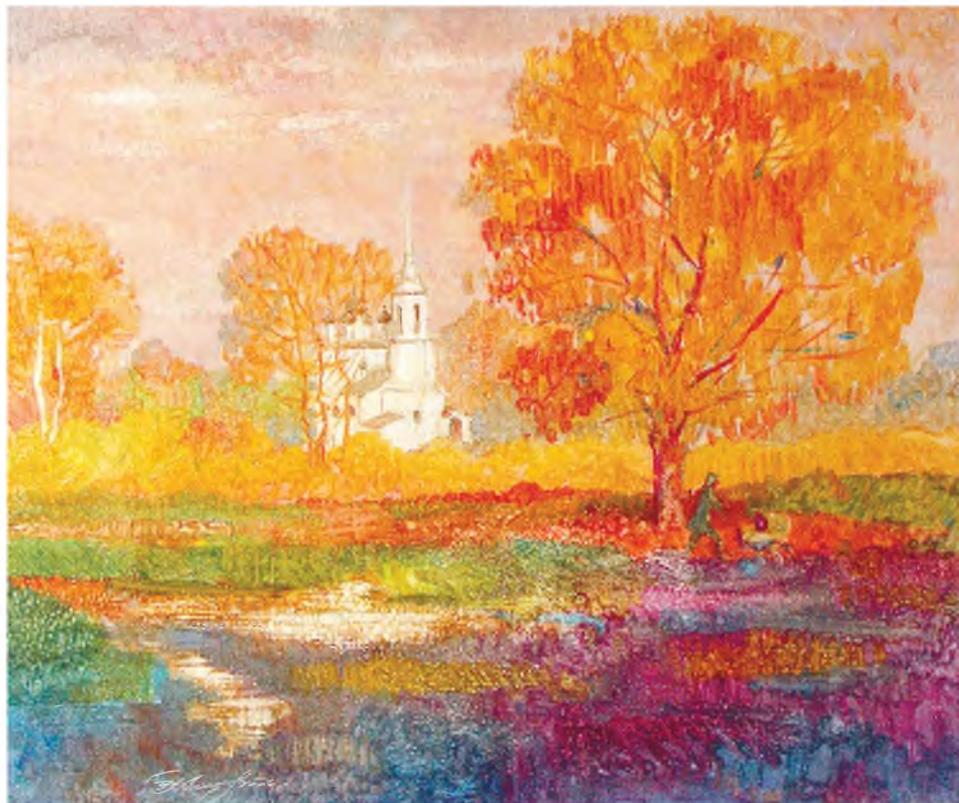
ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ. 2008. Картон, масло, монотипия

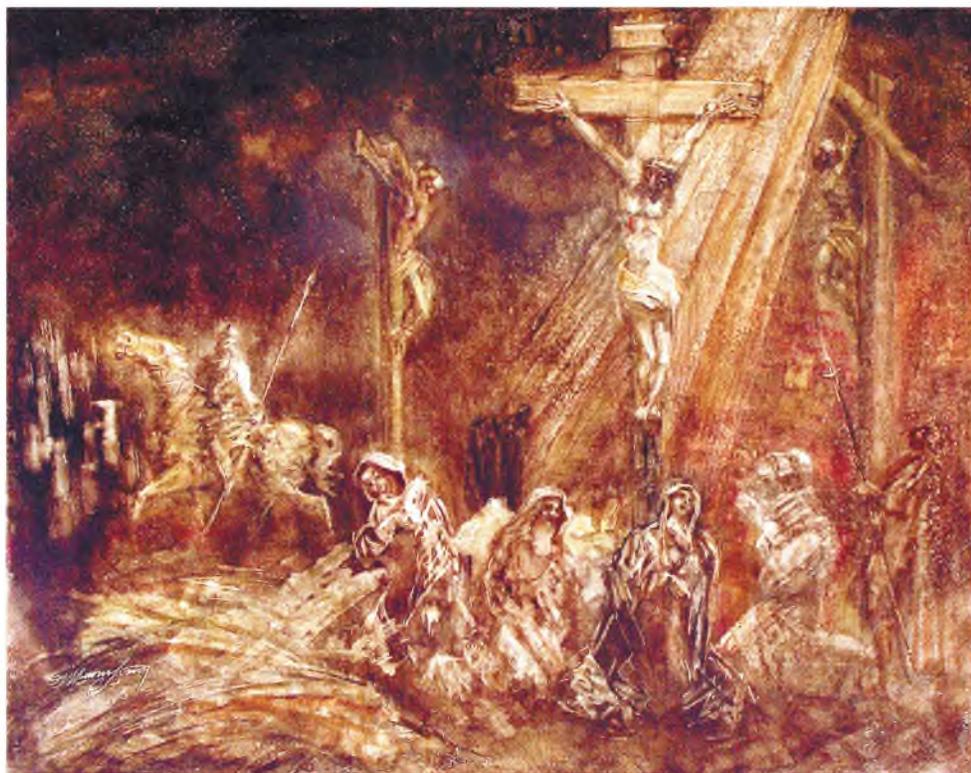
ОСЕННИЙ СНЕГ. 2004. Картон, масло, монотипия

ПЕЙЗАЖ С ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРОЙ. 2005. Картон, масло, монотипия

ВОЛОГОДСКАЯ ОСЕНЬ. 2006. Картон, масло, монотипия

И НА ГОЛГОФУ ПАЛА ТЪМА. 2006. Картон, масло, монотипия

ВОДОВОЗ В ДЕРЕВНЕ НИКОЛА. 2005. Картон, масло, монотипия

БЛАГОВЕЩЕНИЕ. 2008. Картон, масло, монотипия

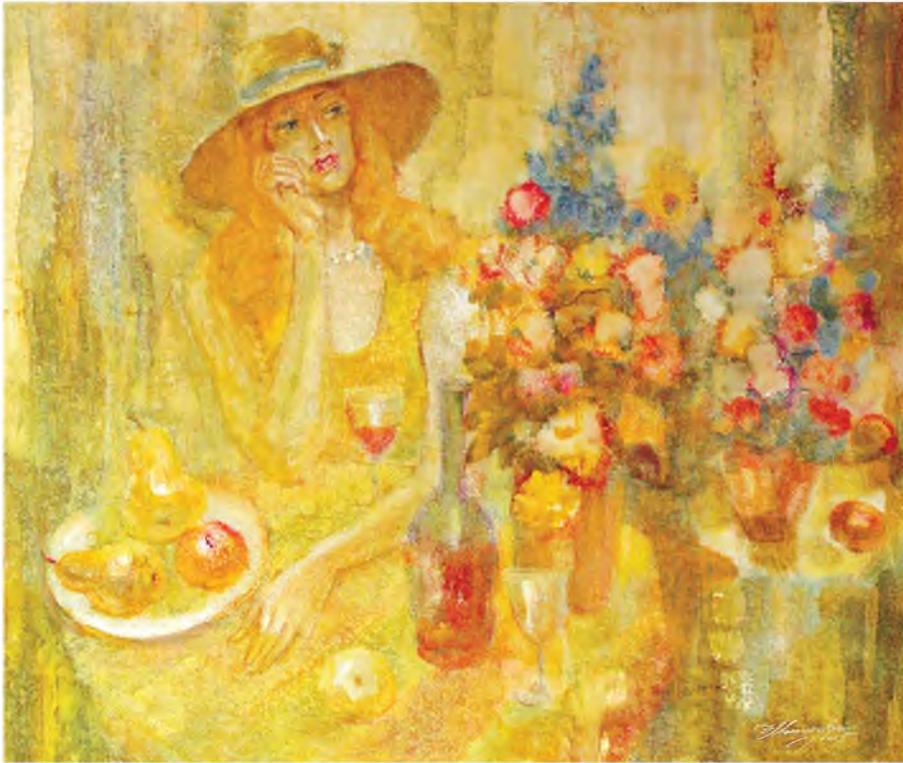
ТОРЖЕСТВО ЗИМЫ. 2005. Картон, масло, монотипия

НАТЮРМОРТ ВЕЧЕРНИЙ. 2007. Картон, масло, монотипия

ПРАЗДНИЧНЫЙ НАТЮРМОРТ. 2005. Картон, масло, монотипия

ДЕВУШКА И ЦВЕТЫ. 2005. Картон, масло, монотипия

ОЖИДАНИЯ. 2005. Картон, масло, монотипия

Иван АЙВАЗОВСКИЙ

ЖИВОПИСЬ

Иллюстрации к статье Меружана Оганесяна
«Великий художник великой страны» (стр. 234)

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЗАЛИВ. 1840. Государственный музей-заповедник «Петергоф». Санкт-Петербург

ЧУМАКИ НА ОТДЫХЕ. 1885. Холст, масло. Государственный художественный музей Республики Беларусь, Минск

МАНЕВРЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА. 1850 ГОД. 1886. Холст, масло. Центральный военно-морской музей, Санкт-Петербург

БУРЯ. 1872. Холст, масло. Киевский музей русского искусства, Украина

ПОРТРЕТ БРАТА ХУДОЖНИКА АРХИЕПИСКОПА ГАВРИИЛА (ГАБРИЭЛА) АЙВАЗЯНА. 1883. Холст, масло. Феодосийская национальная картинная галерея имени И.К. Айвазовского, Украина

НИАГАРСКИЙ ВОДОПАД. 1899. Холст, масло. Вологодская областная картинная галерея

РАДУГА. 1873. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея, Москва

ГОЛУБОЙ ГРОТ НА ОСТРОВЕ КАПРИ. 1841. Холст, масло. Донецкий областной художественный музей, Украина

ВОЛГА У ЖИГУЛЕВСКИХ ГОР. 1887. Холст, масло. Киевский музей русского искусства, Украина

